Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

4

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1967

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

ТОМ
4

1898 ~ апрель 1901

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1967

ЗК2

$$\frac{1-1-2}{67}$$

ПРЕДИСЛОВИЕ

В четвертый том полного собрания Сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные им с начала 1898 по апрель 1901 года. Большинство их было написано в сибирской ссылке, остальные в Пскове и за границей в период организации газеты «Искра». Эти годы характеризуются напряженной деятельностью В. И. Ленина по созданию пролетарской партии нового типа, разработкой основ партийной программы, его борьбой против российского и международного ревизионизма.

Продолжая работу над главным трудом этого периода — книгой «Развитие капитализма в России», Ленин выступает в легальных прогрессивных журналах «Научное Обозрение» и «Жизнь» со статьями против легальных марксистов П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского, С. Н. Булгакова, П. Нежданова по вопросам, связанным с темой своей работы о путях развития экономики России. Эта полемика ведется по теоретическим вопросам политической экономии и является продолжением борьбы против ревизионизма, которую Ленин начал в петербургский период своей деятельности.

В «Заметке к вопросу о теории рынков», в статьях «Еще к вопросу о теории реализации» и «Ответ г. П. Нежданову» Ленин защищает марксистскую политическую экономию от искажений ее П. Б. Струве, М. И. Туган-

Барановским и другими апологетами капитализма, восстанавливает марксово понимание реализации, которое «неизбежно ведет к признанию исторической прогрессивности капитализма... не только не затушевывая этим, а, напротив, выясняя исторически преходящий характер капитализма» (настоящий том, стр. 81). Ленин показывает, что революционный марксизм является сильнейшим оружием борьбы против апологетики капитализма, на позиции которой стоят «легальные марксисты».

Две статьи под заголовком «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)» являются первой работой Ленина, направленной против «критиков Маркса» в аграрном вопросе. В этих статьях Ленин разоблачает «легального марксиста» С. Н. Булгакова, выступившего под видом критики аграрной работы Каутского с ревизией основных положений К. Маркса по аграрному вопросу.

Ленин показывает несостоятельность утверждений Булгакова о «жизнеспособности» мелкого крестьянского хозяйства при капитализме, подчеркивает превосходство крупного производства в земледелии над мелким, усиливающееся разорение крестьян — мелких производителей, безвыходность положения трудящихся крестьян при капитализме.

Позднее, в труде «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (1901 и 1907), Ленин подверг уничтожающей критике ревизионистские взгляды С. Булгакова, В. Чернова, Э. Давида и Ф. Герца, открыто выступивших с защитой и восхвалением капиталистических аграрных порядков.

Одновременно с борьбой против «легальных марксистов» Ленин разоблачает новую фальсификацию либеральными народниками данных о промышленном развитии России, предпринятую ими в целях обоснования концепции о некапиталистическом пути развития российской экономики. В статье «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Новые статистические подвиги проф. Карышева», мастерски приме-

няя марксистский метод при исследовании экономики России, Ленин доказывает, что вывод народника Н. А. Карышева об уменьшении числа фабрик и заводов, о сокращении численности рабочих на них есть результат грубейших методологических ошибок. Анализируя статистический материал, которым оперировал Н. А. Карышев, Ленин с неотразимой убедительностью показывает закономерный рост промышленности, а с нею и рост численности рабочего класса в России.

Со второй половины 1899 года борьба против ревизионизма расширяется и приобретает особую остроту. Статьи Э. Бернштейна, появившиеся в германской социал-демократической печати, в которых он выступил с ревизией коренных положений марксизма, становятся знаменем для ревизионистов во всех партиях II Интернационала.

Российская социал-демократия переживает период разброда, распадения, шатаний. Первый съезд РСДРП (март 1898) провозгласил создание партии, однако партия, как единое, централизованное целое, создана не была.

Сложившаяся внутри русской социал-демократии оппортунистическая, ревизионистская группа «экономистов» выступала с поддержкой идей бернштейнианства, призывала ограничиться только экономической борьбой, отвергала необходимость создания в России марксистской революционной пролетарской партии. В этих условиях Ленин выдвигает перед русскими революционными марксистами задачу — дать решительный отпор ревизионизму в рабочем движении вообще и «экономизму», как русской разновидности международного оппортунизма, в особенности.

В середине июня 1899 года, находясь в Шушенском, Ленин узнает о «начавшейся в Питере реакции против марксизма»; через месяц он получает «Манифест» «экономистов» — «Credo», а затем книгу Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», в которой Бернштейн ревизовал теорию Маркса и заявлял, что значительная, если не бòльшая, часть

действующих в России социал-демократов якобы решительно присоединилась к его точке зрения; в сентябре выходит «Отдельное приложение» к № 7 «Рабочей Мысли», в котором задачи русского рабочего движения сводятся к стачкам и легальным обществам, и, наконец, Ленину присылают появившееся весной 1899 года «Profession de foi» Киевского комитета РСДРП, документ, представлявший собой откровенную пропаганду «экономизма».

Все эти ревизионистские, оппортунистические документы Ленин подверг резкой критике. Большую роль в борьбе против оппортунизма сыграл написанный Лениным «Протест российских социал-демократов» — первый коллективный документ революционных марксистов против ревизионизма, нанесший удар не только российским «экономистам», но и западноевропейским бернштейнианцам. В «Протесте» Ленин призывал русских социал-демократов объявить решительную войну всему кругу идей, нашедших свое выражение в «Credo», и встать на защиту революционного марксизма.

Ленин показал, что бернштейнианство «означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую» (стр. 170), и призывал решительно выступить против перенесения этих оппортунистических идей в Россию. Ленин раскрыл лживый характер утверждений «экономистов» о «кризисе марксизма» и о необходимости коренного изменения практической деятельности рабочих партий Запада. Стремление «Credo» отделить экономическую и политическую формы борьбы рабочего класса Ленин характеризовал как явное отступление от марксизма; он указал, что единая классовая борьба пролетариата необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу. Ленин подчеркнул важность стоящей перед пролетариатом всех стран задачи создания самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых является завоевание политической власти пролетариатом и построение социалистического общества.

Ленин показал, что «выводы» авторов «Credo» для России не выдерживают никакой критики, что отрицание ими политических задач русского рабочего класса, необходимости создания самостоятельной рабочей политической партии свидетельствует о непонимании исторической роли русского рабочего класса и насущных задач русской социал-демократии. Осуществление программы «Credo», сводившейся к тому, чтобы рабочий класс России ограничился экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии» марксистов за «правовые формы», было бы, писал Ленин, равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению задач русского рабочего движения.

В «Протесте» ясно формулировались задачи русской социал-демократии. Указывая, что ближайшей задачей рабочего класса России является свержение абсолютизма, Ленин писал, что социал-демократия должна стать передовым борцом за демократию, сплотить вокруг себя все демократические элементы страны для натиска против общего врага. Ленин считал разгром «экономизма» необходимым условием создания и укрепления революционной социал-демократической партии в России.

В статье «Попятное направление в русской социал-демократии» Ленин показал, что «экономисты» в лице редакции газеты «Рабочая Мысль» сделали шаг назад против той ступени теоретического и политического развития, которой уже достигла русская социал-демократия. Игнорируя тот факт, что рабочие России уже вступили на путь политической борьбы, положили основание социал-демократической партии, что в России уже начало осуществляться соединение социализма с рабочим движением, «экономисты» требовали отступления рабочего движения на позиции тред-юнионизма, отвергали первоочередную задачу борьбы пролетариата под руководством революционной рабочей партии за ниспровержение самодержавия.

Редакция «Рабочей Мысли» искажала марксистское понимание классовой борьбы, отвергала революционную борьбу за социализм, провозглашая достижение социализма только мирным путем, и тем самым сводила социализм к буржуазному либерализму. «Рабочий класс, — писал Ленин, — предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть, ... но *отказываться* от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практической-политической точки зрения, *безрассудством* и означало бы лишь позорную уступку пред буржуазией» (стр. 264). С негодованием отвергал Ленин равнение «Рабочей Мысли» не на передовых, а на отсталых, несознательных рабочих. «Говорите только за себя... не смейте говорить за передовых русских рабочих!», — гневно бичевал он «экономистов» (стр. 249).

Не к буржуазному «обществу» (либералам), как призывали «экономисты», а к передовым рабочим обращали свои взоры революционные марксисты России с Лениным во главе. «В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию»», —писал Ленин в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (стр. 269). В лице этих передовых рабочих воспитывал Ленин будущих руководителей партии, которой предстояло вести народные массы на штурм самодержавия и капитализма.

Таким же гневным протестом против «экономизма» проникнута статья Ленина «По поводу «Profession de foi»». В этой статье Ленин подверг резкой критике заявление российских оппортунистов о том, будто русский рабочий в массе не созрел для политической

борьбы. Ленин подчеркивает руководящую роль революционной социал-демократии, задача которой — развивать политическое сознание рабочих, организовывать пролетариат, призывать его к политическим действиям и политической борьбе.

Работы Ленина второй половины 1899 — начала 1900 года, направленные против попыток извратить и сузить марксизм до дюжинного реформаторства, дали в руки революционных марксистов России теоретическое оружие в их непримиримой борьбе против бернштейнианства и «экономизма» как его разновидности.

Эта борьба была необходимым условием решения исторической задачи, поставленной Лениным, — задачи создания в России революционной марксистской партии, непримиримой к любым проявлениям оппортунизма, ревизионизма, соглашательства, — пролетарской партии нового типа, отличной от социал-демократических партий II Интернационала, терпевших в своих рядах оппортунистов и реформистов. Партия, к созданию которой готовил революционных марксистов Ленин, должна была стать и стала образцом для всего международного рабочего социалистического движения.

В четвертый том входят произведения В. И. Ленина, в которых он продолжает разрабатывать программу партии. К этим произведениям относятся прежде всего статьи «Наша программа» и «Проект программы нашей партии». Ленин указывает в них на необходимость для каждого социал-демократа определить, к какому лагерю он принадлежит: революционных последователей учения К. Маркса или новейших «критиков» марксизма. «Мы стоим всецело на почве теории Маркса», — пишет он в статье «Наша программа». «Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии... *организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества»* (стр. 182, 183). Ленин указывает на священный долг марксистов

защищать марксистскую теорию от попыток исказить и ухудшить ее. «Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности» (стр. 183). Ленин решительно отвергает демагогические обвинения в догматизме, которые раздавались из лагеря «критиков Маркса» по адресу революционных марксистов, и подчеркивает необходимость творческого подхода к марксизму. «Мы, — писал Ленин, — вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях» (стр. 184).

Разработка партийной программы обязывала русских марксистов к критическому освоению программных документов, принятых ранее русскими и западноевропейскими социал-демократами, в первую очередь, программы группы «Освобождение труда» и Эрфуртской программы германской социал-демократии.

Высоко оценив программу группы «Освобождение труда», Ленин указывает, однако, что она являлась программой группы заграничных революционеров, которые не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России. Необходимо было сделать следующий шаг, выработать программу рабочей партии, основанной целым рядом русских организаций, за которыми стоял поднимавшийся на революционную борьбу рабочий класс России.

Изучение Эрфуртской программы приводит Ленина к выводу, что использование ее вполне закономерно, поскольку в России наблюдаются те же основные процессы развития капитализма, те же основные задачи социалистов и рабочего класса, но это использование «ни в каком случав не должно быть простым списыванием» (стр. 219—220). Предостерегая от забвения осо-

бенностей исторического развития России, которые должны были найти полное выражение в программе, Ленин указывал, во-первых, на обязательное определение в ней политических задач рабочего класса, которому предстояло свергнуть самодержавие и завоевать политическую свободу для дальнейшей борьбы за социализм, во-вторых, на необходимость особой постановки крестьянского вопроса.

Проект программы, написанный Лениным в ссылке и обоснованный в ряде статей, впоследствии был использован им при дальнейшей разработке программы редакцией «Искры». В программу 1899 года было включено важнейшее указание на конечные цели социал-демократического рабочего движения, на его стремление завоевать для осуществления этих целей политическую власть, на международный характер движения.

Особенно обстоятельно разработал Ленин вопрос об отношении социал-демократии к крестьянскому движению, выдвинув требование поддержки революционных элементов крестьянства в их борьбе за уничтожение остатков крепостнических отношений, а также поддержки нарождающегося сельского пролетариата в его борьбе против сельской буржуазии. Эти ленинские требования явились дальнейшим развитием идей союза рабочего класса с крестьянством, гегемонии пролетариата в революции.

В конце 1899 года Ленин работает над статьями, предназначенными для массового рабочего читателя: «О промышленных судах», в связи с присвоением фабричной инспекции полицейских функций, «О стачках».

В том включены работы, в которых Ленин сформулировал свой гениальный план создания марксистской партии — централизованной, сильной своим единством, сплоченностью и дисциплиной. Ближайшей и самой насущной задачей русских социал-демократов Ленин считал преодоление разобщенности, кустарничества в работе партийных организаций. Важнейшим орудием идейного и организационного сплочения партийных сил

должна была явиться, по мысли Ленина, общерусская нелегальная марксистская газета.

В статьях «Наша ближайшая задача», «Насущный вопрос» Ленин призывал революционных марксистов немедленно взяться за основание и прочную постановку органа партии, а следовательно, и самой партии. «Построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя, в современной России, крупнейшую политическую силу!» — писал Ленин (стр. 198).

Проект заявления редакций «Искры» и «Зари» был написан в Пскове, когда вопрос об издании двух органов: научно-политического журнала и общерусской политической газеты — был решен и получил одобрение российских марксистов. В течение первой половины 1900 года Ленин предпринимает практические шаги к обеспечению этих органов материальными средствами, литературным материалом, ведет переговоры с представителями российских организаций о присылке корреспонденций, установлении связей, явок, налажении транспорта и т. п.

Для выполнения плана издания нелегальной политической газеты в июле 1900 года Ленин выехал в Швейцарию. В этот организационный период по созданию «Искры» за границей Ленин встретился с огромными трудностями.

Запись «Как чуть не потухла «Искра»?» отражает острое столкновение с Г. В. Плехановым при переговорах о формах сотрудничества в «Искре» и «Заре». Плеханов претендовал на господствующее положение в редакции, что исключало нормальную коллективную работу. Созданная им «атмосфера ультиматумов» угрожала срывом издания «Искры» и, следовательно, собирания сил партии вокруг газеты. Только благодаря настойчивости и принципиальности Ленина конфликт с Плехановым разрешился, и издание «Искры» осуществилось в соответствии с планом, намеченным Лениным. Его энергия, опыт конспиратора обеспечили выход первых номеров «Искры» в конце 1900 — начале

1901 года, успешное распространение их в России, обильный приток корреспонденций.

В передовой статье № 1 «Искры» «Насущные задачи нашего движения» Ленин определил задачи партии, организационный план ее создания. В том же номере была напечатана статья «Китайская война», в которой Ленин призывал всех сознательных рабочих России восстать против авантюристической политики грабежа и насилия в Китае, проводимой буржуазными правительствами Европы и самодержавным правительством России. Важнейшему вопросу — разработке аграрной программы РСДРП посвящена напечатанная в № 3 «Искры» статья «Рабочая партия и крестьянство». В ней Ленин предсказал гигантское ускорение развития революции, при условии слияния в один поток борьбы городских рабочих и революционного крестьянства.

В том включены «Запись 29 декабря 1900 года» и «К проекту соглашения со Струве» (печатается впервые) — документы, связанные с переговорами редакции «Искры» и группы «демократической оппозиции» (П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский). Эти переговоры велись в декабре 1900 — январе 1901 года. Располагая некоторым литературным материалом, П. Б. Струве предлагал его для использования в «Искре» и «Заре» на условиях полной равноправности в редакции: Он настаивал также на издании общеполитического приложения к «Заре» под названием «Современное Обозрение», выходящего параллельно с «Искрой» и «Зарей», но открыто не связанного с социал-демократией. Ленин категорически отверг эти предложения как попытку использовать органы революционной социал-демократии в интересах либеральной буржуазии. Дальнейшие переговоры о создании общего органа велись по настоянию Г. В. Плеханова, однако издание «Современного Обозрения» не осуществилось.

Ряд статей, включенных в том, является образцом обличительной публицистики Ленина, которой он придавал огромное значение в борьбе за пробуждение

сознания широких народных масс. Таковы напечатанные в «Заре» статьи «Бей, но не до смерти», «Зачем ускорять превратность времен?» и «Объективная статистика», объединенные общим заголовком «Случайные заметки», а также опубликованная в «Искре» статья «Отдача в солдаты 183-х студентов», и предисловие к брошюре «Майские дни в Харькове».

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН
1897

К ВОПРОСУ О НАШЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ СТАТИСТИКЕ

НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОДВИГИ ПРОФ. КАРЫШЕВА[1]

Русская читающая публика довольно живо интересуется вопросом о нашей фабрично-заводской статистике и о главнейших выводах из нее. Этот интерес вполне понятен ввиду связи этого вопроса с более широким вопросом о «судьбах капитализма в России». К сожалению, однако, разработанность нашей фабрично-заводской статистики не находится ни в каком соответствии с общим интересом к ее данным. Поистине плачевно то состояние, в котором обретается у нас эта отрасль экономической статистики, и еще, пожалуй, плачевнее тот факт, что люди, пишущие о ней, проявляют зачастую удивительное непонимание характера обрабатываемых ими цифр, их достоверности и пригодности для тех или других выводов. Именно такой отзыв приходится сделать о новейшей работе г-на Карышева, напечатанной сначала в «Известиях Московского Сельскохозяйственного Института» (год IV, кн. 1), а затем вышедшей и отдельной брошюрой под громким заглавием: «Материалы по русскому народному хозяйству. I. Наша фабрично-заводская промышленность в половине 90-х годов» (Москва, 1898). Г-н Карышев пытается в этой работе сделать выводы из новейшего издания департамента торговли и мануфактур о нашей фабрично-заводской промышленности[*]. Мы намерены подвергнуть подробному разбору как выводы г. Карышева, так и особенно

[*] «Министерство финансов. Д-т торговли и мануфактур. Фабрично-заводская промышленность России. *Перечень фабрик и заводов»,* СПБ. 1897, стр. 63 + VI + 1047.

его приемы. Нам кажется, что такой разбор будет иметь значение не только для определения того, как обрабатывает материал г. профессор такой-то (об этом достаточно бы сказать в нескольких строках рецензии); но и для определения того, насколько достоверны данные нашей фабрично-заводской статистики, к каким выводам они пригодны и к каким непригодны, каковы главнейшие нужды нашей фабрично-заводской статистики и задачи лиц, изучающих ее.

Источник, которым пользовался г. Карышев, содержит, как видно и из названия, перечень фабрик и заводов в империи за 1894/95 год. Издание полного списка всех фабрик и заводов (т. е. *сравнительно* более крупных промышленных заведений, — с различным пониманием того, какие заведения считать крупными) не составляет новости в нашей литературе. Гг. Орлов и Будагов составляли уже с 1881 года «Указатель фабрик и заводов», последнее (3-ье) издание которого вышло в 1894 году. Гораздо раньше, еще в 1869 г., в 1-м выпуске «Ежегодника м-ва финансов» был напечатан список фабрик в примечаниях к статистическим ведомостям о промышленности. Материалом для всех этих изданий служили те ведомости, которые фабриканты и заводчики обязаны, по закону, ежегодно доставлять в министерство. Новое издание д-та торговли и мануфактур, отличаясь от прежних изданий этого рода несколько большим количеством сведений, имеет в то же время и громадные недостатки, которых не было в прежних изданиях и которые до последней степени затрудняют пользование им, как материалом по фабрично-заводской статистике. В введении к «Перечню» указывается именно на неудовлетворительное состояние этой статистики в прежнее время, и таким образом ясно определяется цель издания — служить не справочной только книгой, а именно материалом для статистики. Но, как статистическое издание, «Перечень» поражает абсолютным отсутствием каких бы то ни было сводных, итоговых цифр. Позволительно надеяться, что подобное издание, будучи первым в своем роде, будет и последним статистическим изданием без итогов. А для справочной

книги является лишним балластом громадная масса сырого материала в виде груды цифр. Введение к «Перечню» резко критикует прежние ведомости, доставлявшиеся фабрикантами в м-во, говоря, что они «заключали в себе все одни и те же, из года в год повторявшиеся, сбивчивые сведения, не позволявшие определить точно даже количество выработанных товаров. Между тем, возможно полные и достоверные данные о производствах настоятельно необходимы» (стр. 1). Уж, конечно, мы не скажем ни одного слова в защиту совершенно устарелой, чисто дореформенной и по устройству, и по качеству, прежней системы нашей фабрично-заводской статистики. Но, к сожалению, улучшения в ее состоянии *почти незаметно* и поныне. Только что изданный громадный «Перечень» не даст еще права говорить о каких бы то ни было серьезных переменах в этой старой, всеми признанной за негодную, системе. Ведомости «не позволяли определить точно даже количество выработанных товаров»... Да, а вот в новейшем «Перечне» так и совсем никаких нет сведений о количестве товаров, хотя, напр., «Указатель» г. Орлова давал эти сведения по весьма многим фабрикам, по некоторым производствам даже о всех почти фабриках, так что и в итоговой табличке есть сведения о количестве продукта (производства кожевенное, винокуренное, кирпичное, крупяное, мукомольное, восковое, салотопенное, льнотрепальное, пивоваренное). А материал «Указателя» состоял именно из этих старых ведомостей. В «Перечне» нет никаких сведений об исполнительных механизмах, хотя «Указатель» давал для некоторых производств эти сведения. «Введение» так описывает происшедшую перемену в нашей фабрично-заводской статистике: прежде фабриканты доставляли сведения «по краткой и недостаточно ясной программе» через полицию, и никто этих сведений не проверял. «Получался материал, на котором нельзя было основать никаких более или менее точных выводов» (стр. 1). Теперь программа составлена новая, гораздо более подробная, а собирание и проверка статистических сведений о фабриках и заводах возложены на фабричных инспекторов.

С первого взгляда можно бы подумать, что мы вправе ожидать теперь действительно сносных данных, ибо правильная программа и обеспечение проверки данных, это — два важнейшие условия успешной статистики. На самом же деле оба эти условия и по сю пору находятся в том же первобытно-хаотическом виде, в каком они были и раньше. Подробная программа с ее разъяснениями не напечатана во «введении» к «Перечню», хотя статистическая методология требует опубликования той программы, по которой собраны сведения. Из последующего разбора материала «Перечня» мы увидим, что *основные* программные вопросы фабрично-заводской статистики остаются совершенно невыясненными. Что касается до проверки данных, то вот отзыв лица, практически применявшего эту проверку, именно старшего фабричного инспектора Херсонской губ., г. Микулина, издавшего книгу, которая содержит обработку статистических данных, собранных по новой системе в Херсонской губернии.

«Проверить фактически все цифровые данные, сообщенные владельцами промышленных заведений в доставленных ведомостях, не представлялось возможным, а потому ведомости были отсылаемы обратно для исправления лишь в тех случаях, когда в них оказывалась явная несообразность в ответах, по сравнению с данными других подобных заведений или же со сведениями, полученными при осмотрах заведений. *Во всяком случае ответственность за правильность цифровых данных, приведенных в списках для каждого заведения, лежит на лицах, их сообщавших»* («Фабрично-заводская и ремесленная промышленность Херсонской губ.». Одесса, 1897, предисловие. Курсив наш). Итак, ответственность за точность данных лежит по-старому на самих фабрикантах. Представители фабричной инспекции не только не могли проверить всех данных, но и не обеспечили даже (как увидим ниже) их однородности и сравнимости.

Все недостатки «Перечня» и его материала мы перечислим подробно ниже. Основной же недостаток его, как мы уже сказали, — полное отсутствие итогов (частные лица, составлявшие «Указатель», приводили итоги и

с каждым изданием расширяли их). Г-н Карышев, пользовавшийся сотрудничеством еще двух лиц, возымел благую мысль пополнить хоть отчасти этот пробел и подсчитать итоги нашей фабрично-заводской промышленности по «Перечню». Предприятие это очень полезное, и за осуществление его все были бы благодарны, если бы... если бы г. Карышев, во-первых, привел хоть некоторые полученные им итоги в полном виде, и, во-вторых, если бы он не проявил в обращении с материалом отсутствия критики, граничащего с бесцеремонностью. Невнимательно отнесшись к материалу и не обработав его статистически сколько-нибудь «обстоятельно»*, г. Карышев поспешил делать «выводы», причем и впал, естественно, в целый ряд самых курьезных ошибок.

Начнем с первого, основного вопроса промышленной статистики: какие заведения следует относить к «фабрикам и заводам»? Г-н Карышев даже и не ставит этого вопроса; он полагает, должно быть, что «фабрика и завод», это — нечто вполне определенное. Относительно «Перечня» он, со смелостью, достойной лучшего применения, утверждает, что это издание, в отличие от прежних, регистрирует не одни только *крупные,* а *все* фабрики. Утверждение это, повторенное автором дважды (стр. 23 и 34), *прямо неверно.* На самом деле, как раз наоборот, «Перечень» регистрирует лишь *более крупные* заведения сравнительно с прежними изданиями по фабрично-заводской статистике. Мы сейчас объясним, как мог г. Карышев «не заметить» подобной «мелочи», но сначала приведем одну историческую справку. До половины 80-х годов в нашей фабрично-заводской статистике не было *никаких* определений и правил, ограничивающих понятие фабрики более крупными промышленными заведениями. В статистику «фабрик и заводов» попадали все и всякие промышленные (и ремесленные) заведения, производя, разумеется, превеликий хаос в данных, так как полная регистрация всех подобных заведений абсолютно немыслима при наличных силах и

* В противность мнению рецензента «Русских Ведомостей»[2] (1898 г., № 144), который, видимо, столь же мало способен был критически отнестись к выводам г-на Карышева, как г. Карышев — к цифрам «Перечня».

средствах (т. е. без правильной промышленной переписи), и в одних губерниях или производствах считали сотни и тысячи самых мелких заведений, а в других — лишь более крупные «фабрики». Естественно поэтому, что лица, впервые попытавшиеся научно разработать данные нашей фабрично-заводской статистики (в 60-х годах), обратили все внимание на этот вопрос и направили все усилия на то, чтобы выделить производства с более или менее достоверными данными от производств с абсолютно недостоверными данными, чтобы выделить заведения, настолько крупные, что об них возможно получить удовлетворительные данные, от заведений, настолько мелких, что об них невозможно получить удовлетворительных данных. Бушен*, Бок** и Тимирязев*** дали такие ценные указания по всем этим вопросам, что если бы эти указания были тщательно соблюдены и развиты составителями нашей фабрично-заводской статистики, то мы имели бы теперь, вероятно, очень сносные данные. На деле же все эти указания остались, как водится, гласом вопиющего в пустыне, и фабрично-заводская статистика осталась в прежнем хаотическом виде. С 1889 года департамент торговли и мануфактур начал издавать «Своды данных о фабрично-заводской промышленности в России» (за 1885 и следующие годы). В этом издании был сделан маленький шаг вперед: были выбрасываемы мелкие заведения, т. е. имеющие сумму производства менее 1000 рублей. Само собою разумеется, что эта норма была слишком низка и слишком груба: *о полной* регистрации *всех* промышленных заведений с производством выше этой суммы смешно было бы и думать при собирании сведений через полицию. По-прежнему одни губернии и одни производства включали массы мелких заведений с 2—5 тыс. рублей производства, а другие губернии и другие произ-

* «Ежегодник министерства финансов». Вып. I. СПБ. 1869.

** «Статистический временник Российской империи». Серия II, вып. 6. СПБ. 1872. Материалы для статистики фабрично-заводской промышленности в Европейской России, разработанные под ред. *И. Бока*.

*** «Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов». 3 выпуска. СПБ. 1869, 1870 и 1873.

водства — опускали их. Примеры мы увидим ниже. Наконец, новейшая система нашей фабрично-заводской статистики ввела совершенно иной признак для определения понятия «фабрики и завода». Признаны были подлежащими регистрации «все промышленные заведения» (из *«находящихся в заведовании» фабричной инспекции),* «имеющие не менее 15 рабочих, а равно и те, которые, при числе рабочих менее 15, имеют паровой котел, паровую машину *или другие механические двигатели и машины или заводские и фабричные устройства»**. Мы должны подробно остановиться на этом определении (особенно неясные пункты его нами подчеркнуты), но сначала отметим, что устанавливаемое здесь понятие «фабрики и завода» является совершенной новостью в нашей фабрично-заводской статистике: до сих пор никогда не делалось попыток ограничить понятие «фабрики» заведениями с определенным числом рабочих или с паровым двигателем и т. п. Вообще говоря, строго ограничить понятие «фабрики и завода» безусловно необходимо, но приведенное сейчас определение страдает, к сожалению, крайней неточностью, неясностью и расплывчатостью. В нем указаны следующие признаки заведений, подлежащих регистрации в «фабрично-заводской» статистике: 1) Нахождение заведения в заведовании фабричной инспекции. Этим исключаются, повидимому, заведения, принадлежащие казне и пр., заводы горные и т. д. Но в «Перечень» вошло много казенных и правительственных фабрик (см. Алфавитный список, стр. 1—2), и мы не знаем, во всех ли губерниях они регистрировались, подлежали ли данные об них проверке фабричной инспекции, и т. д. Вообще необходимо заметить, что пока наша фабрично-заводская статистика не высвободится из паутины различных «ведомств», к которым принадлежат различные промышленные заведения, — до тех пор она *не может быть* удовлетворительной: границы ведомств

* Циркуляр от 7 июня 1895 г. у Кобеляцкого («Справочная книга для чинов фабричной инспекции и т. д.». 4-е изд. СПБ. 1897, стр. 35. Курсив наш). В «введении» к «Перечню» этот циркуляр не перепечатан, и г. Карышев, обрабатывая материал «Перечня», не позаботился разузнать, что разумеет «Перечень» под «фабриками и заводами»!!

часто сливаются, подвергаются изменениям; применение даже одинаковых программ разными ведомствами никогда не будет одинаково. Рациональная постановка дела необходимо требует сосредоточения всех сведений о всех промышленных заведениях в одном чисто статистическом учреждении, тщательно наблюдающем за одинаковостью приемов собирания и обработки данных. Пока этого нет, необходимо с крайней осторожностью относиться к данным фабрично-заводской статистики, то включающим, то выключающим (в разное время и в разных губерниях) заведения «другого ведомства». Напр., горные заводы давно уже исключаются из нашей фабрично-заводской статистики, но тем не менее «Указатель» Орлова считал и в последнем издании немало горных заводов (почти все рельсовое производство, заводы Ижевский и Боткинский Вятской губ. и пр.), которых не считает «Перечень», регистрирующий, однако, в некоторых других губерниях горные заводы, которые раньше не считались в «фабрично-заводской» статистике (напр., медноплавильный завод Сименса в Елисаветпольской губ., стр. 330). В «введении» к «Перечню» указаны в отделе VIII производства железоделательное, чугуноплавильное, чугуно- и меднолитейное и пр. (стр. III), но не указано совершенно, как отделялись заводы горные от заводов, «подведомственных» департаменту торговли и мануфактур. 2) Регистрации подлежат лишь *промышленные* заведения. Этот признак вовсе не так ясен, как кажется с первого взгляда: выделение ремесленных и сельскохозяйственных заведений требует подробных и тщательных правил, составленных применительно к каждому производству. Примеры путаницы, порождаемой их отсутствием, мы увидим в изобилии ниже. 3) Число рабочих в заведении должно быть не менее 15-ти. Неясно, считаются ли лишь рабочие в заведении или также и рабочие на стороне; не разъяснено, как выделять тех и других (это тоже нелегкий вопрос), считать ли рабочих вспомогательных и т. д. Г-н Микулин в своей вышецитированной книге приводит примеры проистекающей из этой неясности путаницы. «Перечень» приводит не мало заведений, имеющих

рабочих *только* на стороне, вне заведения. Само собою разумеется, что попытка обнять *все* заведения этого рода (т. е. все магазины, раздающие работы, всех давальцев работы в так называемых кустарных промыслах и т. д.) при современной системе собирания сведений может вызвать лишь улыбку, а отрывочные данные по некоторым губерниям и некоторым производствам лишены значения и вносят только путаницу. 4) К «фабрикам и заводам» относятся все заведения, имеющие паровой котел или паровую машину. Признак наиболее точный и наиболее удачно выбранный, так как применение пара действительно характерно для развития крупной машинной индустрии. 5) К «фабрикам и заводам» относятся заведения, имеющие «другие» (не паровые) «механические двигатели». Признак очень неточный и непомерно широкий: на основании этого признака можно отнести к числу фабрик заведения с водяным, конным, ветряным, даже топчаковым двигателем[3]. Так как о полной регистрации всех подобных заведений не может быть и речи, то неизбежно должна произойти путаница, примеры которой мы сейчас увидим. 6) К «фабрикам и заводам» отнесены заведения, имеющие «заводские и фабричные устройства». Этот последний, абсолютно неопределенный и расплывчатый признак уничтожает значение всех предыдущих и делает неизбежными хаотичность и несравнимость данных. В различных губерниях это определение неизбежно будут понимать различно, да и какое же это определение? Фабрикой или заводом называется заведение, имеющее фабричные или заводские устройства... Таково последнее слово новейшей системы нашей фабрично-заводской статистики. Неудивительно, что эта статистика так неудовлетворительна. Приведем примеры из *всех* отделов «Перечня», чтобы показать, как в отдельных губерниях и в отдельных производствах регистрируются самые мелкие заведения, вносящие путаницу в фабрично-заводскую статистику, так как о перечислении всех подобных заведений не может быть и речи. Вот отдел I: «обработка хлопка». На стр. 10—11 встречаем пять «фабрик», находящихся в селах Владимирской губернии

и окрашивающих за плату чужую пряжу и холст (sic!*). Вместо суммы производства указана плата за окраску от 10 руб. (?) до 600 р., при числе рабочих от 0 (значит ли это, что нет сведений о числе рабочих или что нет *наемных* рабочих, неизвестно) до 3-х. Двигателей никаких нет. Это — крестьянские красильни, т. е. самые примитивные ремесленные заведения, случайно зарегистрированные в одной губернии и опущенные, разумеется, в других. В отделе II (обработка шерсти) находим в той же Владимирской губернии ручные «фабрики», перебивающие чужую шерсть за плату 12—48 руб. в год, при 0—1 рабочих. Вот шелковая фабрика (отд. III, № 2517) в деревне, с 3 рабочими, с производством на 660 руб., ручная. Вот опять деревенские красильни в той же Владимирской губ., с 0—3 рабочими, ручные, с платой за обработку холста в 150— 550 руб. (отд. IV, обработка льна, стр. 141). Вот рогожная «фабрика» (отд. V) с 6-ю рабочими, с производством на 921 руб., ручная (№ 3936), в Пермской губ. В других губерниях (напр., Костромской) подобных заведений тоже, разумеется, не мало, но они не считались фабриками. Типография (отд. VI) с 1 рабочим, с производством на 300 руб. (№ 4167): в других губерниях считали только крупные типографии, в третьих — вовсе не считали типографий. Лесопильный «завод» с 3 рабочими, с платой 100 руб. за выделку клепок (отд. VII, № 6274). Вот завод по обработке металлов (VIII отд.) с 3 рабоч., ручной, с производством на 575 руб. (№ 8962). В IX отделе (обработка минеральных продуктов) очень много самых мелких заведений, особенно кирпичных заводов, напр., с 1 рабочим, с производством на 48—50 руб. и т. п. В X отделе (обработка животных продуктов) — мелкие свечносальные, овчинные, кожевенные и т. д. заведения, ручные, с 0—1—2 рабоч., с производством в несколько сот рублей (стр. 489, 507 и др.). Но всего больше мелких заведений чисто ремесленного типа в отд. XI (обработка питательных веществ), в производстве маслобойном и особенно муко-

* — так! *Ред.*

мольном. Именно в этом последнем производстве всего важнее строгое разграничение «заводов» от мелких заведений, но до сих пор этого не сделано, и во всех изданиях по нашей фабрично-заводской статистике царит полный хаос. Попытка упорядочить статистику мукомольной промышленности фабрично-заводского типа, сделанная первым съездом секретарей губернских статистических комитетов (в мае 1870 г.)*, так и осталась втуне, и с тех пор составители нашей фабрично-заводской статистики как бы и не думают вовсе о полной негодности печатаемых ими данных. В число «фабрик и заводов» «Перечень» включил, напр., ветряные мельницы с 1 рабоч., с платой за работу от 0 до 52 руб. и т. д. (стр. 587, 589 и мн. др.), водяные мельницы с одним колесом, с 1 рабоч., с платой за работу 34—80 руб. и т. д. (стр. 589 и мн. др.) и т. п. Разумеется, такая «статистика» просто смешна, ибо перечнем подобных мельниц можно бы наполнить еще один и даже несколько томов и все же не дать полного перечня. Даже в отделе химических производств (XII) попали мелкие заведения, напр., деревенские смолокурни с 1—3 рабоч., с производством на 15—300 руб. (стр. 995 и др.). При таких приемах можно бы дойти и до той «статистики», которую дал в 1860-х годах известный «Военно-статистический сборник», насчитавший в Европейской России 3086 смоляных и дегтярных «заводов», в том числе 1450 в Архангельской губернии (с 4202 рабоч. и с производством в 156 274 руб., т. е. в среднем на «завод» меньше 3-х рабочих и немного более 100 руб.). Как нарочно, именно Архангельской губернии и нет вовсе в «Перечне» по этому отделу: должно быть, крестьяне не гонят там теперь смолы и не изготовляют дегтя! Заметим, что во всех указанных нами примерах зарегистрированы заведения, не подходящие под определения циркуляра от 7 июня 1895 г. Поэтому регистрация их *чисто случайна:* в одних губерниях (может быть даже уездах) они

* По составленному съездом проекту правил о собирании сведений о промышленности — из числа фабрик исключались все мельницы, имеющие менее 10 поставов[4], но не крупчатки. «Стат. врем.». Серия II, вып. 6, введение, стр. XIII.

считались, в большинстве опускались. По статистике прежней (с 1885 года) подобные заведения исключались, как имеющие менее 1000 руб. производства.

Не разобравшись совершенно в этом основном вопросе фабрично-заводской статистики, г. Карышев не постеснялся однако делать «выводы» из полученных им при подсчете цифр. Первый из этих выводов гласит, что число фабрик в России уменьшается (стр. 4 и др.). Для получения этого вывода г. Карышев поступил очень просто: взял число фабрик за 1885 год по данным департамента торговли и мануфактур (17 014) и вычел из него число фабрик в Европ. России по «Перечню» (14 578). Оказывается уменьшение на 14,3% — г. профессор подсчитывает даже величину процента, не смущаясь тем, что данные 1885 года не включают акцизных заводов; он ограничивается замечанием, что прибавление акцизных заведений усилило бы «сокращение» числа фабрик. И автор принимается рассматривать, в какой части России этот «процесс сокращения числа заведений» (стр. 5) происходит «быстрее». На самом деле *никакого процесса сокращения не происходит, число фабрик в России не уменьшается, а увеличивается,* а сочиненный г-ном Карышевым вывод получился оттого, что ученый профессор сравнивает совершенно несравнимые данные*. И несравнимость эта происходит вовсе не оттого, что за 1885 г. отсутствуют данные об акцизных заводах. Г-н Карышев мог бы взять и такие цифры, которые включают акцизные заводы (из цитированного уже «Указателя» Орлова, составленного по тем же ведомостям департамента торг. и мануф.), мог бы таким образом определить число «фабрик» в Европ. России в *27 986* для 1879 г., в *27 235* для 1884 г., в *21 124* для 1890 г., и «уменьшение» к 1894/95 г. (14 578) оказалось бы несравненно более сильным. Беда только в том, что

* В 1889 г. г-н Карышев брал («Юридический Вестник»[5] № 9) за 1885 г. данные, извлеченные из всеподданнейших отчетов гг. губернаторов, данные, включающие тысячи самых мелких мельниц, маслобоек, кирпичных, гончарных, кожевенных, овчинных и прочих кустарных заведений, и определял число «фабрик» в Европ. России в *62 801!* Удивляемся, отчего это он не вычислил процента «сокращения» числа фабрик в настоящее время по сравнению с этим числом.

все эти числа непригодны для сравнения потому, во-1-х, что понятие «фабрика» неодинаково в старых и в теперешних изданиях по фабричной статистике, и потому, во-2-х, что в число «фабрик» попадают случайно и беспорядочно (по некоторым губерниям, за некоторые годы) самые мелкие заведения, о полной регистрации которых при наличных средствах нашей статистики было бы смешно и думать. Если бы, напр., г. Карышев потрудился разобрать определение «фабрики» «Перечнем», то он увидел бы, что для сравнения числа фабрик по этому изданию с числом фабрик по другим изданиям *необходимо взять одни только заведения с 15 и более рабочими,* так как *только этого рода* заведения «Перечень» регистрировал вполне и без всяких ограничений по всем губерниям и по всем производствам. Так как подобные заведения принадлежат к числу сравнительно крупных, то регистрация их наиболее удовлетворительна и в прежних изданиях. Обеспечив таким образом однородность сравнимых данных, подсчитаем число фабрик с 16-ю* и более рабочими по «Указателю» за 1879 год и по «Перечню» за 1894/95 г. для Европ. России. Получаем следующие поучительные цифры:

Источники	Годы	Число фабрик и заводов Европейской России		
		Всего	Имеющих 16 и более рабочих	Имеющих менее 16 рабочих
«Указатель», 1-е издание	1879	27 986**	4 551	23 435
» 3-е »	1890	21 124	6 013	15 111
«Перечень»............................	1894/95	14 578	6 659, а без типографий 6 372	7 919

Таким образом, сравнение тех чисел, которые только и могут быть признаны приблизительно однородными, сравнимыми и полными, показывает, что *число фабрик в России увеличивается* и притом довольно быстро;

* Мы берем 16, а не 15 рабочих отчасти потому, что подсчет фабрик с 16 и более рабочими сделан уже в «Указателе» за 1890 г. (3-е изд., с. X), отчасти потому, что разъяснения министерства финансов берут иногда эту норму (см. Кобеляцкий, 1. с. (loco citato — в цитированном месте. *Ред.),* с. 14).

** Некоторые недостающие сведения пополнены приблизительно: см. «Указатель», стр. 695.

за 15—16 лет (1879—1894/95) с 4,5 тыс. до 6,4 тыс., т. с. на 40% (типографии в 1879 и 1890 гг. не считались в числе фабрик). Что же касается до числа заведений, имеющих менее 16-ти рабочих, то сравнивать их за указанные годы было бы *нелепо,* потому что во всех этих изданиях приняты разные определения «фабрики», разные системы исключения мелких заведений. В 1879 г. *никакие* мелкие заведения не исключались; *от этого* в производствах, соприкасающихся с сельским хозяйством и крестьянскими промыслами (мукомольное, маслобойное, кирпичное, кожевенное, гончарное и пр.), считалась масса самых мелких заведений, отброшенных в позднейших изданиях. В 1890 г. отбрасывались уже некоторые мелкие заведения (с суммой производства менее 1000 руб.); от этого и мелких «фабрик» меньше. Наконец, в 1894/95 г. отбрасывалась масса заведений, имеющих менее 15-ти рабочих, вследствие чего число мелких «фабрик» и упало сразу почти вдвое против 1890 года. Числа фабрик за 1879 и 1890 гг. можно сделать сравнимыми еще иным способом, выделяя заведения с производством не менее 2-х тыс. руб. Дело в том, что итоги «Указателя», приведенные нами выше, относятся ко всем регистрируемым заведениям, тогда как в *поименный список* фабрик «Указатель» вносил лишь заведения с производством не менее 2-х тыс. руб. Число заведений этого рода можно признать приблизительно сравнимым (хотя полным список таких заведений при современном состоянии нашей статистики никогда не может быть), за исключением однако мукомольного производства. В этом производстве регистрация носит совершенно случайный характер и в «Указателе» и в «Своде» департамента торговли и мануфактур по разным губерниям и за разные годы. В одних губерниях к «фабрикам» относят только паровые мельницы, в других — присоединяют крупнейшие водяные, в третьих считают сотни ветрянок, в четвертых даже конные и топчаковые мельницы и т. п. Ограничение суммы производства нисколько не устраняет хаоса в статистике мельниц заводского типа, потому что вместо суммы производства здесь берут количество муки, которое

и в очень мелких мельницах часто составляет более 2-х тыс. пудов в год. Поэтому число мельниц, попадающих в фабрично-заводскую статистику, делает невероятные скачки по годам, вследствие неоднородности приемов регистрации. Напр., «Свод» за 1889, 1890 и 1891 гг. считал в Европ. России 5073, 5605 и 5201 мельницу. В Воронежской губ. число мельниц с 87 в 1889 г. сразу поднялось до 285 в 1890 г. и 483 в 1892 г. вследствие случайного причисления ветрянок. В Донской области число мельниц с 59 в 1887 г. поднялось до 545 в 1888 г., до 976 в 1890 г. и затем упало до 685 в 1892 г. (ибо ветрянки то считались, то не считались) и т. д. и т. д. Понятно, что пользоваться такими данными непозволительно. Поэтому мы берем лишь паровые мельницы и, присоединяя к ним заведения остальных производств с суммой производства не менее 2-х тыс. руб., получаем число фабрик в Европейской России в 1879 г. около $11^{1}/_{2}$ тысяч, а в 1890 г. — около $15^{1}/_{2}$ тысяч[*]. Опять-таки, следовательно, мы видим *увеличение числа фабрик,* а не сочиненное г-ном Карышевым уменьшение. Теория г. Карышева о «процессе сокращения числа заведений» в фабрично-заводской промышленности России есть чистая басня, основанная на более чем недостаточном знакомстве с материалом, который он взялся обрабатывать. Г. Карышев говорил о числе фабрик в России еще в 1889 году («Юр. В.» № 9), сравнивая совершенно непригодные цифры, взятые из всеподданнейших отчетов гг. губернаторов и напечатанные в «Сборнике сведений по России за 1884—1885 гг.» (СПБ. 1887, табл. XXXIX) с курьезными цифрами «Военно-статистического сборника» (вып. IV. СПБ. 1871), который считал в числе «фабрик» тысячи самых мелких ремесленных и кустарных заведений, тысячи табачных плантаций (sic! см. стр. 345 и 414 «В.-стат. сборника» о табачных «фабриках» Бессарабской губернии),

[*] Получить соответствующую цифру по данным «Перечня» невозможно, во-1-х, потому, что им отброшена масса заведений с производством в 2 тыс. руб. и свыше вследствие нахождения в них менее 15 рабочих. Во-2-х, потому, что «Перечень» считал сумму производства без акциза (в отличие от прежней статистики). В-3-х, потому, что «Перечень» считал иногда не сумму производства, а плату за обработку сырого материала.

тысячи сельскохозяйственных мельниц и маслобоек и пр. и пр. Неудивительно, что «В.-стат. сборн.» насчитал таким образом свыше 70 тыс. «фабрик» в Европ. России в 1866 г. Удивительно, что нашелся человек, до того невнимательно и без критики относящийся ко всякой напечатанной цифре, чтобы взять ее за основание для выкладок*.

Здесь необходимо маленькое отступление. Из своей теории уменьшения числа фабрик г. Карышев выводит наличность процесса концентрации промышленности. Само собою разумеется, что, отвергая его теорию, мы отнюдь не отрицаем этого вывода, который только неправильно доказывается г-ном Карышевым. Для доказательства этого процесса необходимо выделить крупнейшие заведения. Возьмем, напр., заведения, имеющие 100 и более рабочих. Сопоставляя число таких заведений, число рабочих и сумму производства в них сравнительно с данными обо всех заведениях, получим такую табличку:

См. примечание**	1879 год			1890 год			1894/95 год		
	Число		Сумма производства в тыс. руб.	Число		Сумма производства в тыс. руб.	Число		Сумма производства в тыс. руб.
	Фабрик	Рабочих		Фабрик	Рабочих		Фабрик	Рабочих	
Все «фабрики и заводы»	27 986	763 152	1 148 134	21 124	875 764	1 500 871	14 578	885 555	1 345 346
Заведения, имеющие 100 и более рабочих	1 238	509 643	629 926	1 431	623 146	858 588	1 468	655 670	955 233
% *к итогу*	—	66,8%	54,8%	—	71,1%	57,2%	—	74%	70,8%

* Г-н Туган-Барановский показал уже, на вопросе о числе фабрично-заводских рабочих, полную негодность данных «В.-стат. сборн.» (см. его книгу *«Фабрика* и т. д.». СПБ. 1898, стр. 336 и след. и *«Мир Божий»*[6], 1898, № 4), и гг. Н. —он и Карышев отвечают на его прямой вызов молчанием. Им и в самом деле ничего не остается, как молчать.

** Источники те же. За 1879 г., как уже указано, некоторые данные пополнены приблизительно. Общие данные «Указателей» и «Перечня» несравнимы, но мы сравниваем здесь *лишь проценты* к общему числу рабочих и к общей сумме производства, а эти данные в итогах гораздо достовернее (как мы скажем ниже), чем данные об общем числе фабрик. Подсчет крупных заведений взят из сочинения о «Капитализме в России», которое пишущий эти строки подготовляет к печати[7].

Из этой таблички видно, что число очень крупных заведений возрастает, а равно и число рабочих на них и сумма производства, составляя все большую и большую часть из всего числа рабочих и всей суммы производства на официально регистрируемых «фабриках и заводах». Нам могут заметить, пожалуй, что если происходит концентрация промышленности, то, значит, крупные заведения вытесняют мелкие и число последних уменьшается, а следовательно, и число всех заведений. Но, во-1-х, этот последний вывод относится уже не к «фабрикам и заводам», *а ко всем промышленным заведениям,* о которых мы не имеем права говорить, так как никакой мало-мальски достоверной и полной статистики промышленных заведений у нас нет. Во-2-х, и с чисто теоретической точки зрения, a priori*, нельзя сказать, чтобы в развивающемся капиталистическом обществе непременно и всегда должно было происходить сокращение числа промышленных заведений, ибо наряду с процессом концентрации промышленности идет процесс отвлечения населения от земледелия, процесс роста мелких промышленных заведений в отсталых частях страны вследствие разложения полунатурального крестьянского хозяйства и т. д.**

Возвратимся к г-ну Карышеву. На наименее достоверные данные (именно данные о числе «фабрик и заводов») он обращает едва ли не больше всего внимания. Он делит губернии на группы по числу «фабрик», составляет картограмму с обозначением этих групп, составляет особую таблицу губерний с наибольшим числом «фабрик» по каждому отделу производств (стр. 16—17); вычисляет массу процентов погубернского

---

* — заранее. *Ред.*

** Напр., «кустарная перепись» 1894/95 г. в Пермской губ. показала, что в деревнях основывается в пореформенную эпоху с каждым десятилетием все больше и больше мелких промышленных заведений. См. «Обзор Пермского края. Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губ.». Пермь, 1896.[8]

числа фабрик к общему числу их (стр. 12—15). Г-н Карышев забыл при этом мелочь: он забыл поставить вопрос, *сравнимы ли числа фабрик по разным губерниям?* Вопрос этот должен быть разрешен отрицательно, и, следовательно, бòльшая часть вычислений, сопоставлений и рассуждений г-на Карышева должна быть отнесена к области невинных статистических упражнений. Если бы г. профессор ознакомился с определением «фабрики и завода» по циркуляру 7 июня 1895 г., то он легко бы догадался, что столь неясное определение *не может* одинаково применяться в различных губерниях, и к такому же выводу его могло бы привести более внимательное ознакомление с самим «Перечнем». Приведем примеры. По числу заведений в XI отделе (обработка питательных продуктов; в этой группе наибольшее число фабрик) г. Карышев выделяет губернии Воронежскую, Вятскую, Владимирскую (стр. 12). Но обилие «фабрик и заводов» в этих губерниях объясняется прежде всего *чисто случайной* регистрацией именно в этих губерниях таких мелких заведений, которые не считались в других губерниях. Напр., в Воронежской губ. много «заводов» оказалось просто потому, что здесь считаны мелкие мельницы (из 124 мельниц только 27 паровых; много водяных с 1—2—3 колесами. Подобные мельницы в других губерниях не считались, да и нельзя было бы пересчитать их вполне), мелкие маслобойни (большею частью с конным двигателем), которые в других губерниях не считались. В Вятской губ. из 116 мельниц только 3 паровые, во Владимирской сосчитан десяток ветрянок и 168 маслобоек, большая часть которых с ветряным или конным двигателем или ручные. Если в других губерниях меньше заведений, то это, конечно, не значит, чтобы там не было ветрянок, мелких водяных мельниц и т. п. Там их только не считали. В целом ряде губерний считаны почти только одни паровые мельницы (Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская и др.), а мукомольное производство дает 2308 «фабрик» из 6233 в Европейской России по XI отделу. Нелепо было говорить о погубернском распределении фабрик, не выяснивши *неоднород-*

ности данных. Возьмем IX отдел, обработку минералов. Вот, напр., во Владимирской губ. 96 кирпичных заводов, а в Донской — 31, т. е. более чем втрое меньше. По «Указателю» (за 1890 г.) было наоборот: во Владимирской — 16, а в Донской — 61 завод. Оказывается, что во Владимирской губ., по «Перечню», из 96 заводов только 5 имеют 16 и более рабочих, а в Донской 26 (из 31). Ясно, что дело объясняется просто тем, что в Донской области не так щедро зачисляли мелкие кирпичные заведения в «заводы», как во Владимирской, вот и все (мелкие кирпичные заводы во Владимирской губ. все ручные). Г-н Карышев ничего этого не видит (стр. 14). Об отделе X (обработка животных продуктов) г. Карышев говорит, что число заведений почти во всех губерниях невелико, но «резким исключением служит Нижегородская с ее 252 фабриками» (с. 14). Происходит это прежде всего оттого, что в этой губернии считано очень много мелких ручных заведений (иногда с конным и ветряным двигателем), которые не считались в других губерниях. Например, в Могилевской губернии «Перечень» считает только 2 фабрики в этом отделе; в каждой более 15-ти рабочих. Мелких же заводов по обработке животных продуктов в Могилевской губ. тоже можно было насчитать десятки, как и насчитал «Указатель» за 1890 г., показывающий в ней 99 заводов по обработке животных продуктов. Спрашивается, какой смысл имеют после этого расчеты г-на Карышева о процентном распределении «фабрик», столь различно понимаемых?

Чтобы нагляднее показать различное понимание термина «фабрика» в различных губерниях, возьмем две соседние губернии: Владимирскую и Костромскую. В первой, по «Перечню», 993 «фабрики», во второй — 165. В первой во всех производствах (отделах) есть самые мелкие заведения, которые подавляют крупные своей численностью (только 324 заведения имеют по 16 и более рабочих). Во второй — очень немного мелких заведений (112 фабрик из 165 имеют по 16 и более рабочих), хотя всякий понимает, что и в ней можно бы насчитать не мало ветряных мельниц, маслобоек, мелких

крахмальных, кирпичных, смолокуренных заводов и пр. и пр.*

Беззаботность г-на Карышева насчет достоверности употребляемых им цифр доходит до геркулесовых столбов, когда он сравнивает погубернские числа «фабрик» за 1894/95 г. (по «Перечню») и за 1885 г. (по «Своду»). С самым серьезным видом ведется здесь рассуждение о том, что в Вятской губернии число фабрик увеличилось, в Пермской — «значительно уменьшилось», в Владимирской — существенно увеличилось и пр. (с. 6—7). «И в этом можно видеть, — глубокомысленно заключает наш автор, — что указанный процесс уменьшения числа фабрик менее касается местностей с более развитой, более старой индустрией, чем тех, где она моложе» (с. 7). Подобный вывод звучит очень «по-ученому»; жаль только, что он совершенно вздорный. Цифры, употребляемые г-ном Карышевым, совершенно случайные. Например, в Пермской губернии число «фабрик» по «Своду» было в 1885—1890 гг.: 1001, 895, 951, 846, 917 и 1002, а затем к 1891 году это число вдруг падает до 585. Одна из причин этих скачков — зачисление в «фабрики» то 469 мельниц (1890 г.), то 229 (1891). Если «Перечень» считает в этой губернии лишь 362 фабрики, то надо принять во внимание, что в число «фабрик» он включает уже всего 66 мельниц. Если в Владимирской губернии число «фабрик» увеличилось, то надо вспомнить о регистрации «Перечнем» мелких заведений в этой губернии. В Вятской губернии «Свод» считал с 1887 по 1892 год 1—2—2—30—28—25 мельниц, а «Перечень» насчитал 116. Одним словом, предпринятое г-ном Карышевым сравнение доказывает только паки и паки его полное неумение разбираться в цифрах разных источников.

* Вот еще пример произвольного определения числа «фабрик» в нашей «новейшей» системе фабрично-заводской статистики. За 1894/95 г. «Перечень» считает в Херсонской губернии 471 фабрику (г. Карышев, цит. соч., с. 5), а за 1896 год г. Микулин насчитывает уже вдруг 1249 «фабрично-заводских заведений» (цит. соч., стр. XIII), в том числе 773 с механическим двигателем и 109 без механического двигателя при числе рабочих больше 15-ти. При неясности понятия «фабрики» подобные скачки всегда будут неизбежны.

Приводя число фабрик по разным отделам (группам производств) и вычисляя проценты этих чисел к общему числу фабрик, г. Карышев опять-таки не замечает, что в разных отделах попадали неодинаковые количества мелких заведений (например, в текстильной и в металлургической промышленности их всего меньше, около $^1/_3$ общего числа по Европейской России, а в промышленности по обработке животных и питательных продуктов их до $^2/_3$ общего числа). Понятно, что у него получается таким образом сравнение неоднородных величин, и процентные вычисления (с. 8) лишены всякого смысла. Одним словом, во всем вопросе о числе «фабрик» и распределении их г. Карышев проявил полное непонимание характера употребляемых им данных и степени их достоверности.

Переходя от числа фабрик к числу рабочих, мы должны прежде всего сказать, что общие числа рабочих в нашей фабрично-заводской статистике гораздо достовернее, чем числа фабрик. Путаницы, конечно, и здесь немало, а также пропусков и уменьшений действительного числа. Но здесь нет такой разнокалиберности данных, а непомерные колебания в числе мелких заведений, то включаемых в число фабрик, то исключаемых, отражаются очень мало на итоге рабочих по той простой причине, что даже очень значительный процент самых мелких заведений дает очень небольшой процент общего числа рабочих. Мы видели выше, что за 1894/95 год на 1468 фабриках (10% всего числа) сосредоточено 74% рабочих. Число мелких фабрик (имеющих менее 16-ти рабочих) составляет 7919 из 14 578, т. е. более половины, а рабочих на них будет примерно (считая даже по 8 рабочих в среднем на заведение) каких-нибудь 7 %. От этого и происходит такое явление, что при громадном различии в числе фабрик за 1890 г. (по «Указателю») и за 1894/95 — различие в числе рабочих оказывается незначительным: в 1890 г. их было 875764 в 50 губерниях Европейской России, а в 1894/95 г. 885 555 (мы считаем только рабочих в заведении). Вычитая из первого числа рабочих в рельсовом (24 445) и солеварном (3704) производствах, не считанных

«Перечнем», а из второго числа рабочих в типографиях (16 521), не считанных «Указателем», получаем за 1890 г. — 847 615 рабочих, а за 1894/95 г. — 869 034, т. е. больше на 2,5%. Разумеется, этот процент не может выразить действительного увеличения, так как в 1894/95 г. не считаны многие мелкие заведения, но вообще близость этих цифр показывает сравнительную пригодность общих данных о всем числе рабочих и сравнительную достоверность их. Г-н Карышев, у которого мы взяли общую цифру рабочих, не разбирает с точностью, какие именно производства считаны в 1894/95 г. сравнительно с прежними изданиями, и не указывает на опущение в «Перечне» многих заведений, считавшихся раньше в числе фабрик. Для сравнения с прежним он берет все те же нелепые данные «Военно-статистического сборника» и повторяет тот же вздор о сокращении будто бы числа рабочих сравнительно с населением, опровержение которого дал уже г. Туган-Барановский (см. выше). Ввиду большей достоверности данных о числе рабочих, данные эти заслуживали более тщательной обработки, чем данные о числе фабрик, но у г-на Карышева вышло наоборот. Он не дает даже группировки фабрик по числу рабочих, что было бы особенно необходимо ввиду того, что «Перечень» принял число рабочих за существенный признак фабрики. Из приведенных нами выше данных видно, что концентрация рабочих очень велика.

Вместо группировки фабрик по числу рабочих г. Карышев занялся более простыми расчетами: определением среднего числа рабочих на 1 фабрику. Так как данные о числе фабрик, как мы видели, особенно недостоверны, случайны и неоднородны, то все эти расчеты полны ошибок. Г-н Карышев сравнивает среднее число рабочих на 1 фабрику в 1886 и в 1894/95 г. и выводит, что «средний тип фабрики крупнеет» (с. 23 и 32—33), не зная того, что в 1894/95 г. и считались-то одни более крупные заведения, так что сравнение неправильно. Совсем курьезно сопоставление среднего числа рабочих на 1 фабрику в разных губерниях (с. 26); г. Карышев получает, например, тот вывод, что в Костромской

губернии «оказывается наиболее крупный средний тип промышленности из всех прочих губерний» — 242 рабочих на 1 фабрику против 125, например, во Владимирской губернии. Ученому профессору и в голову не приходит, что это зависит просто от различных приемов регистрации, как было уже объяснено выше. Упустив из виду различие между числом крупных и мелких заведений в различных губерниях, г. Карышев придумал очень простой прием для *обхода* трудностей этого вопроса. Именно, он множит среднее число рабочих, *приходящееся на 1 фабрику во всей Европейской России* (а затем и в Польше и на Кавказе), — на число фабрик в каждой губернии и наносит полученные группы на особую картограмму (№ 3). Это ведь так просто, в самом деле! К чему группировать фабрики по числу рабочих, к чему рассматривать сравнительное количество крупных и мелких заведений в разных губерниях, когда мы можем таким простым способом *искусственно приравнять* «средние» размеры фабрик в разных губерниях к одной общей норме? К чему разбирать, много или мало мелких и мельчайших заведений попало в число фабрик Владимирской или Костромской губернии, когда мы можем «просто» взять среднее число рабочих на 1 фабрику по *всей* Европейской России и помножить на число фабрик *каждой* губернии? Что за беда, если такой прием приравнивает сотни случайно зарегистрированных ветряных мельниц и маслобоек к крупным фабрикам? — ведь читатель не заметит этого и, чего доброго, поверит в сочиняемую г-ном профессором «статистику»!

Кроме рабочих в заведении «Перечень» имеет еще особую графу для рабочих «вне заведения, на стороне». Сюда попадали не только работающие по заказу фабрик на домах (Карышев, с. 20), но и вспомогательные рабочие и т. п. На число этих рабочих по «Перечню» (66 460 в империи) никак нельзя смотреть, как «на показатель того, насколько далеко подвинулось у нас развитие так называемого внешнего отделения фабрики» (Карышев, с. 20), ибо о сколько-нибудь полной регистрации подобных рабочих не может быть и речи при

современной системе фабрично-заводской статистики. Очень легкомысленно говорит г. Карышев: «66$^{1}/_{2}$ тысяч на всю Россию с ее миллионами кустарей и ремесленников — немного» (ibid.*). Прежде чем написать это, надо было забыть, что из этих «миллионов кустарей», как констатируют все источники, если не бо̀льшая, то очень большая часть работает на скупщиков, т. е. составляет таких же «рабочих на стороне». Стоит заглянуть в те страницы «Перечня», которые относятся к районам известных «кустарных» промыслов, чтобы убедиться в совершенной случайности и отрывочности регистрации «рабочих на стороне». Например, в отделе II (обработка шерсти) «Перечень» считает в Нижегородской губ. только 28 рабочих на стороне в городе Арзамасе и в подгородной Выездной слободе (с. 89), тогда как из «Трудов комиссии по исследованию кустарной промышленности в России» (вып. V и VI) известно, что здесь много сотен (до тысячи) «кустарей» работает на хозяев. В Семеновском уезде «Перечень» вовсе не показывает рабочих на стороне, тогда как из земской статистики известно, что здесь свыше 3-х тысяч «кустарей» работают на хозяев в валяльном и стелечном промысле. В гармонном промысле Тульской губ. «Перечень» считает только одну «фабрику» с 17-ью рабочими на стороне (с. 395), тогда как те же «Труды комиссии и т. д.» считали еще в 1882 г. 2—3 тысячи кустарей, работавших на гармонных фабрикантов (вып. IX). Ясно поэтому, что считать цифру — 66$^{1}/_{2}$ тысяч рабочих на стороне — хоть сколько-нибудь достоверной и толковать о распределении ее по губерниям и по производствам, как это делает г. Карышев, составляя даже картограмму, — просто смешно. Действительное значение этих цифр — вовсе не определение размеров капиталистической работы на дому (такое определение возможно только при полной промышленной переписи, учитывающей все магазины и другие заведения или отдельные лица, раздающие работу на дом), а отделение рабочих в заведении, т. е. фабричных рабочих в строгом

* — ibidem — там же. *Ред.*

смысле, от рабочих на стороне. До сих пор эти виды рабочих очень часто смешивались: даже в «Указателе» за 1890 г. встречаются неоднократно примеры этого смешения. Теперь в «Перечне» делается первая попытка положить конец этому смешению.

Цифры «Перечня», относящиеся к годовой производительности фабрик, разработаны у г. Карышева всего удовлетворительнее, главным образом потому, что здесь автор привел наконец группировку фабрик по величине производства вместо обычных «средних». Правда, от этих «средних» (величин производства на 1 фабрику) автор все же не может избавиться и даже сравнивает средние за 1894/95 г. со средними за 1885 г. — прием, как мы уже не раз говорили, совершенно неправильный. Заметим, что общие цифры годовой производительности фабрик несравненно достовернее, чем общие цифры числа фабрик по указанной уже причине малой роли мелких заведений. Например, по «Перечню» в Европейской России фабрик с производством более 1 миллиона рублей всего 245, т. е. 1,9%, но они концентрируют 45,6% всего годового производства всех фабрик Европейской России (Карышев, с. 38), тогда как фабрики с производством ниже 5 тысяч рублей — 30,8% всего их числа, но они дают лишь 0,6% всей производительности, т. е. самую ничтожную долю. Надо оговориться, однако, что г. Карышев при этих расчетах упускает из виду различие между суммой производства (= стоимостью продукта) и платой за обработку сырья. Это весьма важное различие впервые в нашей фабрично-заводской статистике проводится в «Перечне»*. Понятно, что обе эти величины совершенно несравнимы, и их следовало разделить. Г-н Карышев этого не делает, и можно думать, что такой низкий процент годовой

* Мы не имеем только, к сожалению, никаких гарантий того, что «Перечень» проводил это различие строго и последовательно, т. е. что стоимость продукта показана *лишь* у тех фабрик, которые действительно продают свой продукт, а плата за обработку сырья — лишь у тех, которые обрабатывают чужой материал. Возможно, напр., что в мукомольном производстве (в нем всего чаще встречается указанное различие) владельцы показывали то ту, то другую цифру совершенно случайно. Этот вопрос требует специального разбора.

производительности мелких заведений получался отчасти оттого, что сюда вошли заведения, показавшие не стоимость обрабатываемого ими продукта, а лишь плату за обработку его. Мы приведем ниже пример ошибки, в которую впал г. Карышев вследствие игнорирования этого обстоятельства. Это различение платы за обработку от стоимости продукта в «Перечне», а также невключение им суммы акциза в цену производства делает его цифры несравнимыми с цифрами прежних изданий. По «Перечню» производство всех фабрик Европейской России составляет 1345 миллионов рублей, а по «Указателю» за 1890 г. — 1501 миллион, но если бы мы вычли сумму акциза из второй цифры (по одному винокуренному производству около 250 миллионов рублей), то первая цифра оказалась бы значительно больше.

В «Указателе» (2-е и 3-ье изд.) было приводимо распределение фабрик и заводов на группы по размеру годового производства (без указания доли каждой группы в общем производстве), но это распределение несравнимо с данными «Перечня» вследствие указанных выше различий в приемах регистрации и определения величины годового производства.

Нам остается еще рассмотреть одно ошибочное рассуждение г-на Карышева. Приводя погубернские данные о сумме годового производства фабрик и заводов, он не удержался и тут от сравнений с данными 1885— 1891 годов, т. е. с данными «Свода». В этих последних данных нет сведений об акцизных производствах, и потому г. Карышев выискивает лишь, нет ли губерний, в которых сумма выработки в 1894/95 г. *меньше,* чем в прежние годы. Таких губерний находится 8 (стр. 39—40), и г. Карышев рассуждает по этому поводу о «попятном движении в промышленности» в «наименее индустриальных» губерниях, о том, что это «может служить указанием на затруднительное положение мелких заведений в их конкуренции с крупными» и пр. Все эти рассуждения были бы, может быть, очень глубокомысленны, если бы.... если бы они не были все сплошь совершенно неверны. Г-н Карышев и здесь

не заметил, что сравнивает совершенно несравнимые и неоднородные данные. Покажем эту несравнимость на данных о каждой из указываемых г-ном Карышевым губерний*. В Пермской губернии сумма выработки в 1890 г. — 20,3 млн. руб. («Указ.»), а в 1894/95 г. — 13,1 млн.; в том числе мукомольное производство 1890 г. 12,7 млн. (на 469 мельницах!), а в 1894/95 г. — 4,9 млн. (на 66 мельницах). Кажущееся «уменьшение» зависит, следовательно, просто от случайной регистрации различного числа мельниц. Число же паровых, например, мельниц возросло с 4 в 1890 и 1891 гг. до 6 в 1894/95 г. Так же объясняется «уменьшение» выработки и по Симбирской губернии (1890: 230 мельниц — 4,8 млн. руб.; 1894/95: 27 мельниц и 1,7 млн. руб. Паровых мельн. — 10 и 13). В Вятской губернии сумма выработки 1890 г. — 8,4 млн., 1894/95 — 6,7 млн., меньше на 1,7 млн. р. Но в 1890 г. считались здесь два горных завода, Воткинский и Ижевский, производство которых (вместе взятых) равняется именно 1,7 млн.; в 1894/95 г. эти заводы не считались, как «подведомственные» горному департаменту. Астраханская губерния — в 1890 г. — 2,5 млн. руб., в 1894/95 г. — 2,1 млн. Но в 1890 г. считалось солеваренное производство (346 тыс. руб.), а в 1894/95 г. оно не считалось, как относящееся к числу «горных». Псковская губерния — 1890: 2,7 млн. руб., а в 1894/95 г. — 2,3 млн. руб.; но в 1890 г. считались 45 льнотрепальных заведений с суммой производства 1,2 млн. р., а в 1894/95 г. только 4 *льнопрядильных* заведения с 248 тыс. р. Само собою разумеется, что льнотрепальные заведения в Псковской губернии не исчезли, а просто не вошли в список (может быть, потому, что большинство из них ручные, с числом рабочих менее 15). В Бессарабской губернии различным образом регистрировалось производство мукомольных мельниц, хотя число их и в 1890 и в 1894/95 гг. было сосчитано

* Мы берем при этом данные не «Свода», а «Указателя» за 1890 г., вычитая *акцизные производства.* За исключением этих производств данные «Указателя» почти не отличаются от данных «Свода», ибо они основаны на тех же ведомостях д-та торг. и мануф. А для обнаружения ошибки г-на Карышева нам необходимы детальные данные не только об отдельных производствах, но и об отдельных фабриках.

одинаковое (по 97); в 1890 г. считалось количество перемолотой муки — 4,3 млн. пуд. = 4,3 млн. руб., а в 1894/95 г. большинство мельниц показало *лишь плату за помол,* так что общая сумма их выработки (1,8 млн. руб.) несравнима с цифрой 1890 года. Вот парочка примеров, иллюстрирующих это различие. 2 мельницы Левензона считали в 1890 г. производство в 335 тыс. руб. («Указ.», с. 424), а в 1894/95 г. только 69 тыс. руб. *платы за помол* («Перечень», № 14231—2). Наоборот, мельница Шварцберга считала в 1890 г. стоимость продукта — 125 тыс. руб. («Указ.», с. 425) и в 1894/95 г. — 175 тыс. руб. («Перечень», № 14214); из всей суммы производства по мукомольной промышленности 1894/95 года 1,4 млн. руб. приходится на стоимость продукта, а 0,4 млн. руб. — на плату за помол. То же и по Витебской губернии: в 1890 г. — 241 мельница с суммой произ. 3,6 млн. руб., а в 1894/95 г. — 82 мельницы с суммой — 120 тыс. руб., причем большинство мельниц показали лишь плату за помол (число паровых мельниц было 37 в 1890 г., 51 в 1891 г. и 64 в 1894/95 г.), так что из этих 120 тыс. руб. *больше половины* составляет не стоимость продукта, а плата за помол. Наконец, в последней, Архангельской губернии, открытое г-ном Карышевым «попятное движение в промышленности» объясняется просто странной ошибкой в его вычислениях: на деле сумма производства архангельских фабрик, по «Перечню», не 1,3 млн. руб., как дважды показывает г. Карышев (стр. 40 и 39; против 3,2 млн. руб. в 1885—1891 гг.), а *6,9 млн. руб.,* в том числе $6^1/_2$ млн. руб. на 18 лесопильных заводах («Перечень», с. 247).

Сводя вместе сказанное выше, мы приходим к тому выводу, что г. Карышев отнесся к обрабатываемому им материалу с поразительной невнимательностью и отсутствием критики и потому сделал целый ряд самых грубых ошибок. Относительно же тех подсчетов цифр «Перечня», которые он произвел вместе с своими сотрудниками, следует сказать, что их статистическая ценность много теряет от того, что г. Карышев не напечатал полных итогов, т. е. числа фабрик, рабочих,

суммы производства по всем губерниям и отделам производств (хотя эти подсчеты, видимо, были им сделаны, и полное напечатание их, с одной стороны, давало бы возможность поверки, а с другой стороны, принесло бы большую пользу всем, кто пользуется «Перечнем»). Таким образом, чисто статистическая обработка материала оказалась крайне отрывочной, неполной, несистематичной, а выводы, к которым поспешил перейти г. Карышев, служат большей частью примером того, как не следует обращаться с цифрами.

Переходя к поставленному выше вопросу о современном состоянии нашей фабрично-заводской статистики, мы должны сказать прежде всего, что, если «настоятельно необходимы» «полные и достоверные статистические данные о производствах» (так говорит «введение» к «Перечню», и с этим нельзя не согласиться), то для получения их необходима правильно поставленная промышленная перепись, регистрирующая все и всякие промышленные заведения, предприятия и работы и повторяемая через известные промежутки времени. Если данные первой народной переписи 28 января 1897 г.[9] о занятиях населения окажутся удовлетворительными и будут обстоятельно разработаны, то они сильно облегчат производство промышленной переписи. До тех же пор, покуда таких переписей нет, речь может идти только о регистрации некоторых крупных промышленных заведений. Современная система собирания и обработки статистических сведений о таких крупных заведениях («фабриках и заводах», по господствующей терминологии) должна быть признана в высшей степени неудовлетворительной. Первым недостатком ее является раздробление фабрично-заводской статистики между различными «ведомствами» и отсутствие специального, чисто статистического учреждения, централизирующего собирание, проверку и обработку всех сведений о всех фабриках и заводах. Обрабатывая данные современной фабрично-заводской статистики в России, находишься на территории, пересеченной во всех направлениях границами разных «ведомств» (имеющих особые приемы и способы регистрации и пр.). Бывает даже так, что эта

граница проходит через известную фабрику или завод, так что одно отделение завода (например, чугунолитейное) подведомственно горному департаменту, а другое (например, выделка железных изделий) — департаменту торговли и мануфактур. Понятно, как затрудняет это пользование данными и в какие ошибки рискуют впасть (и впадают) те исследователи, которые не обращают достаточно внимания на этот сложный вопрос. В частности относительно проверки сведений надо сказать, что фабричная инспекция, разумеется, никогда не будет в состоянии проверять соответствие с действительностью всех показаний всех фабрикантов. При системе современного типа (то есть когда сведения собираются не посредством переписи, производимой особым штабом агентов, а посредством рассылки вопросных листов фабрикантам), главное внимание должно быть обращено на то, чтобы центральное статистическое учреждение *непосредственно* сносилось со всеми владельцами фабрик и заводов, — чтобы оно систематически контролировало *единообразие* сведений и заботилось о полноте их, о рассылке вопросных листов во *все* мало-мальски значительные центры промышленности, — чтобы оно не допускало случайного включения неоднородных данных, не допускало различного применения и толкования программы. Вторым основным недостатком современной системы является полная неразработанность программы собирания сведений. Если такая программа будет вырабатываться в канцеляриях, не подвергаясь критике специалистов и (что особенно важно) всестороннему обсуждению прессы, то сведения никогда *не могут быть* сколько-нибудь полными и единообразными. Мы видели, например, как неудовлетворительно разрешается теперь даже основной вопрос программы: что такое «фабрика и завод»? При отсутствии промышленных переписей, при системе собирания сведений от самих промышленников (через полицию, фабричную инспекцию и т. п.) понятие «фабрики и завода» необходимо должно быть определено с безусловной точностью и ограничено одними настолько крупными заведениями, которые можно было бы надеяться зарегистрировать *все и повсюду, без*

пропусков. Основные элементы определения «фабрично-заводских заведений», принятого в настоящее время, по-видимому, выбраны довольно удачно: 1) число рабочих *в заведении* не менее 15-ти (причем должен быть разработан вопрос о разграничении рабочих вспомогательных от рабочих фабрично-заводских в собственном смысле, об определении среднего числа рабочих за год и т. д.) и 2) наличность парового двигателя (хотя бы и при меньшем числе рабочих). К сожалению, к этим признакам прибавлены другие, совершенно неопределенные, тогда как при расширении этого определения необходима крайняя осторожность. Если, например, нельзя опускать и крупнейших заведений с водяным двигателем, то надо с полнейшей точностью указать, какие именно заведения этого рода подлежат регистрации (при двигателе не ниже такой-то силы, или при числе рабочих не ниже такого-то и т. п.). Если по некоторым производствам считается необходимым считать и более мелкие заведения, то надо с полнейшей точностью перечислить эти производства и указать другие ясные признаки понятия: «фабрично-заводское заведение». На такие производства, в которых «фабрично-заводские» заведения сливаются с «кустарными» или «сельскохозяйственными» (войлочное, кирпичное, кожевенное, мукомольное, маслобойное и мн. др.), должно быть обращено особое внимание. Мы полагаем, что указанные сейчас два признака понятия «фабрики и завода» не должны быть расширяемы ни в каком случае, потому что при современной системе собирания сведений даже и такие сравнительно крупные заведения вряд ли могут быть зарегистрированы без всяких пропусков. А преобразование этой системы может выразиться либо в частичных и несущественных изменениях, либо в введении полных переписей промышленности. Что касается до вопроса о широте сведений, т. е. до количества вопросов, предлагаемых промышленникам, то и здесь приходится провести коренное различие между промышленной переписью и статистикой современного типа. Только в первом случае возможно и необходимо стремиться к полноте сведений (вопросы

об истории заведения, об его отношении к окрестным заведениям и окрестному населению, о торговой стороне дела, о сырых и вспомогательных материалах, о количестве и виде продукта, о заработной плате, рабочем дне, сменах, ночной и сверхурочной работе и пр. и пр.). Во втором же случае приходится быть очень осторожным: лучше получить немного сравнительно достоверных, полных и единообразных сведений, чем много сведений отрывочных, сомнительных и несравнимых. Безусловно необходимо только прибавление вопросов об исполнительных механизмах и о количестве изделий.

Говоря о том, что наша фабрично-заводская статистика в высшей степени неудовлетворительна, мы отнюдь не хотим сказать этим, чтобы ее данные не заслуживали внимания и разработки. Совсем напротив. Мы подробно разбирали недостатки современной системы, чтобы подчеркнуть необходимость особенно тщательной разработки данных. Главной и основной целью этой разработки должно быть отделение плевелов от пшеницы, отделение сравнительно годного материала от негодного. Как мы видели, главная ошибка г-на Карышева (и многих других) состоит именно в том, что он не производил такого отделения. Цифры «фабрик и заводов» наименее достоверны и ни в каком случае не могут быть употребляемы без тщательной предварительной обработки (выделения более крупных заведений и пр.). Число рабочих и суммы производства гораздо более достоверны в общих валовых итогах (причем, однако, необходим строгий разбор того, какие производства и как считались, как определялась сумма производства и пр.). Если же брать более детальные итоги, то возможно, что данные окажутся несравнимыми и употребление их поведет к ошибкам. Только игнорированием всех этих обстоятельств и можно объяснить возникновение басен об уменьшении числа фабрик в России и об уменьшении числа фабрично-заводских рабочих (сравнительно с населением), — басен, которые так усердно распространялись народниками.

Что касается до самой разработки материала, то в основу ее безусловно необходимо положить сведения о каждой отдельной фабрике, т. е. карточные сведения. Эти карточки должны быть группированы прежде всего по территориальным единицам. Губерния — единица слишком крупная. Важность вопроса о размещении промышленности требует группировки по отдельным городам, пригородам, селам и группам сел, образующих промышленные центры или районы. Затем необходима группировка по производствам. В этом отношении новейшая система нашей фабрично-заводской статистики ввела, по нашему мнению, нежелательное изменение, радикально порвав со старым подразделением производств, господствовавшим с самых 60-х годов (и ранее). «Перечень» по-новому разгруппировал производства на 12 отделов: если брать при этом только данные по отделам, то получаются непомерно широкие рамки, обнимающие самые разнохарактерные производства и смешивающие их вместе (суконное и войлочное, лесопильное и мебельное, писчебумажное и типографское, чугунолитейное и ювелирное, кирпичное и фарфоровое, кожевенное и восковое, маслобойное и сахарорафинадное и пивоваренное и табачное и т. д.). Если же подразделить подробно все эти отделы на производства, то получаются (см. у Микулина в цит. соч.) крайне дробные группы, числом *свыше трехсот!* Старая система, имевшая 10 отделов и около 100 производств (91 по «Указ.» за 1890 г.), представляется нам гораздо более удачной. Далее, необходима группировка фабрик *по числу рабочих, по роду двигателей* и *по величине производства.* Эта группировка особенно необходима и с чисто теоретической точки зрения, для изучения состояния и развития промышленности, и для выделения в наличном материале сравнительно годных и негодных данных. Отсутствие такой группировки (которая необходима внутри групп территориальных и групп по производствам) — самый существенный недостаток теперешних наших изданий по фабрично-заводской статистике, которые позволяют определять лишь «средние числа», сплошь и рядом совершенно фиктивные и ведущие

к грубым ошибкам. Наконец, группировка по всем этим признакам не должна ограничиваться определением числа заведений в каждой группе (и подгруппах), а должна необходимо сопровождаться вычислением для каждой группы и числа рабочих и суммы производства, как в паровых, так и в ручных заведениях и т. д. Другими словами, кроме *групповых* таблиц необходимы еще и *комбинационные.*

Было бы ошибкой думать, что подобная разработка потребует неимоверного количества труда. Земско-статистические бюро, с их скромным бюджетом и составом лиц, исполняют гораздо более сложные работы по каждому уезду; они обрабатывают 20, 30 и 40 тысяч отдельных карточек (а число сравнительно крупных, «фабрично-заводских» заведений во всей России оказалось бы, вероятно, не более 15—16 тысяч); и притом объем сведений в каждой карточке несравненно шире: в земско-статистических сборниках вертикальных граф бывает по нескольку сот, тогда как в «Перечне», напр., их меньше двадцати. И несмотря на это лучшие земско-статистические сборники дают не только групповые таблицы по различным признакам, но и комбинационные, т. е. показывающие сочетание различных признаков.

Такая разработка данных представила бы, во-первых, необходимый материал для экономической науки. А во-вторых, она бы решила окончательно вопрос о выделении сравнительно годных и негодных данных. При такой разработке сразу бы обнаружился случайный характер данных по некоторым производствам, губерниям, по некоторым пунктам программы и пр. Получилась бы возможность выделить сравнительно полный, достоверный и единообразный материал. Получились бы ценные указания на то, каким образом можно обеспечить эти качества на будущее время.

Написано в августе,
ранее 26 (7 сентября) 1898 г.

Напечатано в 1898 г. в сборнике:
Владимир Ильин. «Экономические
этюды и статьи». СПБ.

Печатается по тексту сборника

РЕЦЕНЗИЯ

А. Богданов. Краткий курс экономической науки. *Москва. 1897.*
Изд. кн. склада А. Муриновой. Стр. 290. Ц. 2 р.

Книга г-на Богданова представляет замечательное явление в нашей экономической литературе; это не только «не лишнее» руководство в ряду других (как «надеется» автор в предисловии), но положительно лучшее из них. Мы намерены поэтому в настоящей заметке обратить внимание читателей на выдающиеся достоинства этого сочинения и отметить некоторые незначительные пункты, в которых могли бы быть сделаны, по нашему мнению, улучшения при следующих изданиях; следует думать, что при живом интересе читающей публики к экономическим вопросам следующие издания этой полезной книги не заставят себя долго ждать.

Главное достоинство «курса» г-на Богданова — полная выдержанность направления от первой до последней страницы книги, трактующей о весьма многих и весьма широких вопросах. Автор с самого начала дает ясное и точное определение политической экономии, как «науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии» (3), и нигде не отступает от такого взгляда, нередко весьма плохо понимаемого учеными профессорами политической экономии, сбивающимися с «общественных отношений производства» на производство вообще и наполняющими свои толстые курсы грудой бессодержательных и не относящихся вовсе к общественной науке банальностей и примеров. Автор чужд той схоластики, которая побуждает часто составителей учебников изощряться

в «дефинициях» и в разборе отдельных признаков каждой дефиниции, причем ясность изложения не только не теряет у него от этого, а прямо выигрывает, и читатель, напр., получит отчетливое представление о такой категории, как *капитал,* и в его общественном, и в его историческом значении. Воззрение на политическую экономию, как на науку о развивающихся исторически укладах общественного производства, положено в основу порядка изложения этой науки в «курсе» г-на Богданова. Изложив в начале краткие «общие понятия» о науке (стр. 1—19), а в конце краткую «историю экономических воззрений» (стр. 235—290), автор излагает содержание науки в отделе «В. Процесс экономического развития», излагает не догматически (как это принято в большинстве учебников), а в форме характеристики последовательных периодов экономического развития, именно: периода первобытного родового коммунизма, периода рабства, периода феодализма и цехов и, наконец, капитализма. Именно так и следует излагать политическую экономию. Возразят, пожалуй, что таким образом автору неизбежно приходится дробить один и тот же теоретический отдел (напр., о деньгах) между разными периодами и впадать в повторения. Но этот чисто формальный недостаток вполне искупается основными достоинствами исторического изложения. Да и недостаток ли это? Повторения получаются весьма незначительные, полезные для начинающего, потому что он тверже усваивает себе особенно важные положения. Отнесение, напр., различных функций денег к различным периодам экономического развития наглядно показывает учащемуся, что теоретический анализ этих функций основан не на абстрактной спекуляции, а на точном изучении того, что действительно происходило в историческом развитии человечества. Представление об отдельных, исторически определенных, укладах общественного хозяйства получается более цельное. А ведь вся задача руководства к политической экономии состоит в том, чтобы дать изучающему эту науку основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы; вся

задача состоит в том, чтобы человек, усвоивший себе начальное руководство, имел в руках надежную путеводную нить для дальнейшего изучения этого предмета, чтобы он получил интерес к такому изучению, поняв, что с вопросами экономической науки самым непосредственным образом связаны важнейшие вопросы современной общественной жизни. В девяносто девяти случаях из ста именно этого-то и недостает руководствам по политической экономии. Не столько еще в том их недостаток, что они ограничиваются обыкновенно одной системой общественного хозяйства (именно капитализмом), сколько в том, что они не умеют концентрировать внимание читателя на коренных чертах этой системы; не умеют отчетливо определить ее историческое значение, показать процесс (и условия) ее возникновения, с одной стороны, тенденции ее дальнейшего развития, с другой; не умеют представить отдельные стороны и отдельные явления современной хозяйственной жизни, как составные части определенной системы общественного хозяйства, как проявления коренных черт этой системы; не умеют дать читателю надежного руководства, потому что не придерживаются обыкновенно со всей последовательностью одного направления; не умеют, наконец, заинтересовать учащегося, потому что крайне узко и бессвязно понимают значение экономических вопросов, размещая «в поэтическом беспорядке» «факторы» экономический, политический, моральный и т. д. Только *материалистическое понимание истории* вносит свет в этот хаос и открывает возможность широкого, связного и осмысленного воззрения на особый уклад общественного хозяйства, как на фундамент особого уклада всей общественной жизни человека.

Выдающееся достоинство «курса» г-на Богданова и состоит в том, что автор последовательно держится исторического материализма. Характеризуя определенный период экономического развития, он дает обыкновенно в «изложении» очерк политических порядков, семейных отношений, основных течений общественной мысли *в связи* с коренными чертами данного экономического строя. Выяснив, как данный экономический строй

порождал определенное разделение общества на классы, автор показывает, как *эти классы* проявляли себя в политической, семейной, интеллектуальной жизни данного исторического периода, как интересы этих классов отражались в определенных экономических школах, как, напр., интересы восходящего развития капитализма выразила школа свободной конкуренции, а интересы того же класса в позднейший период — школа вульгарных экономистов (284), школа апологии. Совершенно справедливо указывает автор на связь с положением определенных классов исторической школы (284) и школы катедер-реформеров («реалистической» или «историко-этической»), которую должно признать «школой компромисса» (287) с ее бессодержательным и фальшивым представлением о «внеклассовом» происхождении и значении юридико-политических учреждений (288) и т. д. В связь с развитием капитализма ставит автор и учения Сисмонди и Прудона, основательно относя их к мелкобуржуазным экономистам, — показывая корни их идей в интересах особого класса капиталистического общества, занимающего «среднее, переходное место» (279), — признавая без обиняков реакционное значение подобных идей (280—281). Благодаря выдержанности своих воззрений и уменью рассматривать отдельные стороны хозяйственной жизни в связи с основными чертами данного экономического строя, автор правильно оценил значение таких явлений, как участие рабочих в прибыли предприятия (одна из «форм заработной платы», которая «слишком редко может оказаться выгодной для предпринимателя» (стр. 132—133)), или производительные ассоциации, которые, «организуясь среди капиталистических отношений», «в сущности только увеличивают мелкую буржуазию» (187).

Мы знаем, что именно эти черты «курса» г-на Богданова возбудят не мало нареканий. Недовольны останутся, само собою разумеется, представители и сторонники «этико-социологической» школы в России[10]. Недовольны будут те, кто полагает, что «вопрос об экономическом понимании истории есть вопрос чисто

академический»*, и еще многие другие... Но и помимо этого, так сказать партийного, недовольства, будут указывать, вероятно, на то, что широкая постановка вопросов вызвала чрезвычайную конспективность изложения «краткого курса», рассказывающего на 290 страничках и о всех периодах экономического развития, начиная от родовой общины и дикарей и кончая капиталистическими картелями и трестами, и о политической и семейной жизни античного мира и средних веков, и об истории экономических воззрений. Изложение г. А. Богданова действительно в высшей степени сжато, как он указывает и сам в предисловии, называя прямо свою книгу «конспектом». Нет сомнения, что некоторые из конспективных замечаний автора, относящихся чаще всего к фактам исторического характера, а иногда и к более детальным вопросам теоретической экономии, будут непонятны для начинающего читателя, желающего ознакомиться с политической экономией. Нам кажется, однако, что за это нельзя винить автора. Скажем даже, не боясь обвинений в парадоксальности, что наличность подобных замечаний мы склонны считать скорее достоинством, а не недостатком разбираемой книги. В самом деле, если бы автор вздумал подробно излагать, разъяснять и обосновывать каждое такое замечание, его труд разросся бы до необъятных пределов, совершенно не соответствующих задачам краткого руководства. Да и немыслимо изложить ни в каком курсе, хотя бы и самом толстом, все данные современной науки о всех периодах экономического развития и об истории экономических воззрений от Аристотеля до Вагнера. Если он выкинул бы все подобные замечания, тогда его книга положительно проиграла бы от сужения пределов и значения политической экономии. В настоящем же своем виде эти конспективные замечания принесут, думается нам, большую пользу и учащим, и учащимся по этому конспекту. О первых нечего и говорить. Вторые увидят из совокупности этих замечаний, что

* Так думает журнальный обозреватель «Русской Мысли»[11] (1897 г., ноябрь, библ. отд., стр. 517). Бывают же такие комики!

политическую экономию нельзя изучать так себе, mir nichts dir nichts*, без всяких предварительных познаний, без ознакомления с весьма многими и весьма важными вопросами истории, статистики и пр. Учащиеся увидят, что с вопросами общественного хозяйства в его развитии и его влиянии на общественную жизнь нельзя ознакомиться по одному или даже по нескольким из тех учебников и курсов, которые отличаются часто удивительной «легкостью изложения», но зато и удивительной бессодержательностью, переливанием из пустого в порожнее; что с вопросами экономическими неразрывно связаны самые животрепещущие вопросы истории и современной действительности и что корни этих последних вопросов лежат в общественных отношениях производства. Такова именно главная задача всякого руководства: дать основные понятия по излагаемому предмету и указать, в каком направлении следует изучать его подробнее и почему важно такое изучение.

Обратимся теперь ко второй части наших замечаний, к указанию тех мест книги г. Богданова, которые требуют, по нашему мнению, исправления или дополнения. Надеемся, что почтенный автор не посетует на нас за мелкость и даже придирчивость этих замечаний: в конспекте отдельные фразы и даже отдельные слова имеют несравненно более важное значение, чем в обстоятельном и подробном изложении.

Г-н Богданов придерживается вообще терминологии той экономической школы, которой он следует. Но, говоря о форме стоимости, он заменяет этот термин выражением: «формула обмена» (с. 39 и сл.). Это выражение кажется нам неудачным; термин «форма стоимости» действительно неудобен в кратком руководстве, и вместо него лучше бы, пожалуй, сказать: форма обмена или ступень развития обмена, а то получаются даже такие выражения, как «господство 2-ой формулы обмена» (43) (?). Говоря о капитале, автор напрасно упустил указать на общую формулу капитала, которая

---

* Как метко заметил Каутский в предисловии к своей известной книге «Marx's Oekonomische Lehren» («Экономическое учение К. Маркса». *Ред.).*

помогла бы учащемуся усвоить однородность торгового и промышленного капитала. — Характеризуя капитализм, автор опустил вопрос о росте торгово-промышленного населения на счет земледельческого и о концентрации населения в крупных городах; этот пробел тем ощутительнее, что, говоря о средних веках, автор подробно остановился на отношении деревни и города (63—66), а о современном городе сказал всего пару слов о подчинении им деревни (174). — Говоря об истории промышленности, автор весьма решительно ставит «домашнюю систему капиталистического производства»[*] «на средине пути от ремесла к мануфактуре» (стр. 156, *тезис* 6-ой). По данному вопросу такое упрощение дела представляется нам не совсем удобным. Автор «Капитала» описывает капиталистическую работу на дому в отделе о машинной индустрии, относя ее прямо к преобразующему действию этой последней на старые формы труда. Действительно, такие формы работы на дому, какие господствуют, напр., и в Европе, и в России в конфекционной индустрии, никак нельзя поставить «на средине пути от ремесла к мануфактуре». Они стоят *дальше* мануфактуры в историческом развитии капитализма, и об этом следовало бы, думается нам, сказать пару слов. — Заметным пробелом в главе о машинном периоде капитализма[**] является отсутствие параграфа о резервной армии и капиталистическом перенаселении, о его порождении машинною индустриею, о его значении в циклическом движении промышленности, о его главных формах. Те самые беглые упоминания автора об этих явлениях, которые сделаны на стр. 205 и 270-ой, безусловно недостаточны. — Утверждение автора, что «за последние полвека» «прибыль возрастает гораздо быстрее ренты» (179), слишком смело. Не только Рикардо (против которого делает это замечание г. Богданов), но и Маркс констатирует общую тенденцию ренты

[*] Стр. 93, 95, 147, 156. Нам кажется, что этим термином автор удачно заменял выражение: «домашняя система крупного производства», введенное в нашу литературу Корсаком.

[**] Строгое разделение капитализма на мануфактурный и машинный период составляет весьма большое достоинство «курса» г-на Богданова.

к особенно быстрому росту при всех и всяких условиях (возможен даже рост ренты при понижении цены хлеба). То понижение хлебных цен (и ренты при известных условиях), которое вызвано в последнее время конкуренцией девственных полей Америки, Австралии и т. п., наступило резко лишь с 70-х годов, и примечание Энгельса в отделе о ренте («Das Kapital», III, 2, 259—260*), посвященное современному земледельческому кризису, формулировано гораздо осторожнее. Энгельс констатирует здесь «закон» роста ренты в цивилизованных странах, объясняющий «удивительную живучесть класса крупных землевладельцев», и далее указывает лишь на то, что эта живучесть «постепенно исчерпывается» (allmählich sich erschöpft). — Параграфы, посвященные земледелию, отличаются тоже чрезмерной краткостью. В параграфе о (капиталистической) ренте лишь самым беглым образом указано, что условие ее есть капиталистическое земледелие. («В периоде капитализма земля продолжает оставаться частного собственностью и выступает в роли капитала», 127, — и только!) Об этом следовало бы сказать несколько слов поподробнее, во избежание всяких недоразумений, о нарождении сельской буржуазии, о положении земледельческих рабочих и об отличиях этого положения от положения фабричных рабочих (более низкий уровень потребностей и жизни; остатки прикрепления к земле или различных Gesindeordnungen** и т. д.). Жаль также, что автор не коснулся вопроса о генезисе капиталистической ренты. После тех замечаний, которые он сделал о колонах[13] и зависимых крестьянах, далее об аренде наших крестьян, — следовало бы охарактеризовать вкратце общий ход развития ренты от отработочной ренты (Arbeitsrente) к натуральной ренте (Produktenrente), затем к денежной ренте (Geldrente), и от нее уже к капиталистической ренте (ср. «Das Kapital», III, 2, Kap. 47***). — Говоря о вытеснении капи-

* — «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 259—260.[12] *Ред.*

** — законоположений, устанавливавших взаимоотношения землевладельцев и крепостных крестьян. *Ред.*

*** — «Капитал», т. III, ч. 2, глава 47.[14] *Ред.*

тализмом подсобных промыслов и о потере вследствие этого устойчивости крестьянским хозяйством, автор выражается так: «крестьянское хозяйство становится в общем беднее, — общая сумма производимых им стоимостей уменьшается» (148). Это очень неточно. Процесс разорения крестьянства капитализмом состоит в вытеснении его сельской буржуазией, образуемой из того же крестьянства. Г-н Богданов едва ли мог бы, напр., описать упадок крестьянского хозяйства в Германии, не коснувшись Vollbauer'ов*. В приведенном месте автор говорит о крестьянах вообще, но вслед за этим приводит пример из русской жизни, — ну, а говорить о русском крестьянине «в общем» более чем рискованно. Автор на этой же странице говорит: «Крестьянин либо занимается одним земледелием, либо идет на мануфактуру», то есть, — добавим от себя, — либо превращается в сельского буржуа, либо в пролетария (с клочком земли). Об этом двустороннем процессе следовало бы упомянуть. — Наконец, как общий недостаток книги, мы должны отметить отсутствие примеров из русской жизни. По весьма многим вопросам (хотя бы, напр., об организации производства в средние века, о развитии машинного производства и рельсовых путей, о росте городского населения, о кризисах и синдикатах, об отличии мануфактуры от фабрики и т. д.) подобные примеры из нашей экономической литературы были бы очень важны, а то усвоение предмета сильно затрудняется для начинающего отсутствием знакомых ему примеров. Нам кажется, что пополнение указанных пробелов очень незначительно увеличило бы книгу и не затруднило бы ее широкого распространения, которое во всех отношениях является весьма желательным.

Написано между 7 и 14
(19 и 26) февраля 1898 г.

Напечатано в апреле 1898 г.
в журнале «Мир Божий» № 4

Печатается по тексту журнала

---

* — крестьян, обладающих полными (неразделенными) участками земли. *Ред.*

ЗАМЕТКА К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РЫНКОВ

(ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ гг. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО И БУЛГАКОВА)[15]

Вопрос о рынках в капиталистическом обществе занимал, как известно, в высшей степени важное место в учении экономистов-народников с гг. В. В. и Н. —оном во главе их. Вполне естественно поэтому, что экономисты, отрицательно относящиеся к теориям народников, сочли необходимым обратить внимание на этот вопрос и выяснить прежде всего основные, абстрактно-теоретические пункты «теории рынков». Попытку этого выяснения сделал в 1894 году г. Туган-Барановский в своей книге: «Промышленные кризисы в современной Англии», гл. I части второй: «Теория рынков», а затем в прошлом году этому же вопросу посвятил г. Булгаков свою книгу: «О рынках при капиталистическом производстве» (Москва, 1897 г.). Оба автора сошлись между собою в основных воззрениях; у обоих центр тяжести состоит в изложении замечательного анализа «обращения и воспроизводства всего общественного капитала», анализа, данного Марксом в III отделе второго тома «Капитала». Оба автора согласились в том, что теории гг. В. В. и Н. —она о рынке (особенно внутреннем) в капиталистическом обществе безусловно ошибочны и основаны либо на игнорировании, либо на непонимании анализа Маркса. Оба автора признали, что развивающееся капиталистическое производство само создает себе рынок главным образом на счет *средств производства, а не предметов потребления;* — что реализация продукта вообще и сверхстоимости[16] в частности вполне

объяснима без привлечения внешнего рынка; — что необходимость внешнего рынка для капиталистической страны вытекает отнюдь не из условий реализации (как полагали гг. В. В. и Н. —он), а из условий исторических и пр. Казалось бы, что при таком полном согласии гг. Булгакову и Туган-Барановскому не о чем спорить и они могут совместно направить свои силы на более подробную и дальнейшую критику народнической экономии. Но на деле между названными писателями завязалась полемика (Булгаков, назв. соч., стр. 246—257 и passim*; Туган-Барановский в «Мире Божьем» 1898 г., № 6: «Капитализм и рынок», по поводу книги С. Булгакова). По нашему мнению, и г. Булгаков, и г. Туган-Барановский зашли несколько далеко в своей полемике, придав своим замечаниям слишком личный характер. Попробуем разобрать, есть ли между ними действительное разногласие и если есть, то кто из них более прав.

Прежде всего г. Туган-Барановский обвиняет г. Булгакова в том, что он «мало оригинален» и слишком любит jurare in verba magistri** («М. Б.», 123). «Изложенное у меня решение вопроса о роли внешнего рынка для капиталистической страны, целиком принимаемое г-ном Булгаковым, отнюдь не взято у Маркса», — заявляет г. Туган-Барановский. Нам кажется, что это заявление неверно, ибо решение вопроса взято г-ном Туган-Барановским *именно у Маркса;* оттуда же, несомненно, взял его и г. Булгаков, так что спор может вестись не об «оригинальности», а о понимании того или другого положения Маркса, о необходимости так или иначе излагать Маркса. Г-н Туган-Барановский говорит, что Маркс «во II томе вопроса о внешнем рынке совершенно не затрагивает» (l. c.***). Это неверно. В том самом отделе (III) второго тома, в котором изложен анализ реализации продукта, Маркс совершенно определенно выясняет отношение к этому вопросу внешней торговли, а следовательно, и внешнего рынка. Вот что говорит он об этом:

* — другие. *Ред.*
** — клясться словами учителя. *Ред.*
*** — loco citato — в цитированном месте. *Ред.*

«Капиталистическое производство вообще не существует без внешней торговли. Но если предположить нормальное годичное воспроизводство в данных размерах, то этим уже предполагается, что внешняя торговля *только замещает туземные изделия* (Artikel — товары) *изделиями другой потребительной или натуральной формы,* не затрагивая ни тех отношений стоимости, в которых обмениваются между собой две категории: средства производства и предметы потребления, ни отношений между постоянным капиталом, переменным капиталом и сверхстоимостью, на которые распадается стоимость продукта каждой из этих категорий. Введение внешней торговли в анализ ежегодно воспроизводимой стоимости продукта может, следовательно, только запутать дело, не доставляя нового момента ни для самой задачи, ни для решения ее. Следовательно, ее совсем не надо принимать во внимание...» («Das Kapital», II[1], 469*. Курсив наш)[17]. «Решение вопроса» г-ном Туган-Барановским: — «... в каждой стране, ввозящей товары из-за границы, капитал может быть в избытке; внешний рынок для такой страны безусловно необходим» («Пром. кризисы», стр. 429. Цит. в «М. Б.», l. с., 121) — есть простая перефразировка положения Маркса. Маркс говорит, что при анализе реализации нельзя брать в расчет внешней торговли, ибо она только замещает одни товары другими. Г-н Туган-Барановский говорит, разбирая тот же вопрос о реализации (гл. I части второй «Пром. кризисов»), что страна, ввозящая товары, должна и вывозить товары, т. е. иметь внешний рынок. Спрашивается, можно ли после этого сказать, что «решение вопроса» у г. Туган-Барановского «отнюдь не взято у Маркса»? Г-н Туган-Барановский говорит далее, что «II и III томы «Капитала» представляют собой лишь далеко незаконченный черновой набросок» и что «по этой причине мы не находим в III томе выводов из замечательного анализа, представленного во II томе» (цит. ст., 123). И это утверждение неточно. Помимо отдельных анализов общественного воспроизводства

---

* — «Капитал», т. II, изд. 1-е, стр. 469. *Ред.*

(«Das Kapital», III, 1, 289[18]: разъяснение, в каком смысле и насколько реализация постоянного капитала «независима» от индивидуального потребления, «мы находим в III томе» специальную главу (49-ю. «К анализу процесса производства»), посвященную выводам из замечательного анализа, представленного во II томе, — главу, в которой результаты этого анализа применены к решению весьма важного вопроса о видах общественного дохода в капиталистическом обществе. Наконец, точно так же неверным следует признать утверждение г-на Туган-Барановского, будто «Маркс в III томе «Капитала» высказывается по данному вопросу совершенно иначе», будто в III томе мы «даже встречаем утверждения, решительно опровергаемые этим анализом» (цит. ст., 123). Г-н Туган-Барановский приводит на стр. 122 своей статьи два таких, якобы противоречащих основной доктрине, рассуждения Маркса. Рассмотрим их поближе. В III томе Маркс говорит: «Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее (этой эксплуатации) не тождественны. Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь производительной силой общества, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества... Чем более развивается производительная сила (общества), тем более она становится в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (III, 1, 226. Русский перевод, с. 189)[19]. Г-н Туган-Барановский толкует эти слова так: «Одна пропорциональность распределения национального производства еще не гарантирует возможности сбыта продуктов. Продукты могут не найти себе рынка, хотя распределение производства будет пропорционально, — таков, по-видимому, смысл цитированных слов Маркса». Нет, смысл этих слов не таков. Нет никаких оснований видеть в этих словах какую-то *поправку* к теории реализации, изложенной во II томе. Маркс констатирует лишь здесь то противоречие капитализма, на которое было указано и в других местах «Капитала», именно, противоречие между

стремлением *безгранично* расширить производство и необходимостью *ограниченного* потребления (вследствие пролетарского состояния народных масс). Г-н Туган-Барановский, конечно, не станет спорить против того, что это противоречие *присуще* капитализму; и раз Маркс в этом же отрывке указывает на него, — мы не имеем никакого права искать еще какого-то дальнейшего смысла в его словах. «Потребительная сила общества» и «пропорциональность различных отраслей производства» — это вовсе не какие-то отдельные, самостоятельные, не связанные друг с другом условия. Напротив, известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности. В самом деле, анализ реализации показал, что образование внутреннего рынка для капитализма идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства. Отсюда следует, что первое подразделение общественной продукции (изготовление средств производства) может и должно развиваться быстрее, чем второе (изготовление предметов потребления). Но отсюда, разумеется, никак не следует, чтобы изготовление средств производства могло развиваться *совершенно независимо* от изготовления предметов потребления и *вне всякой связи с ним.* Маркс говорит по этому поводу: «Мы видели (книга II, отдел III), что происходит постоянное обращение между постоянным капиталом и постоянным капиталом, которое, с одной стороны, независимо от личного потребления в том смысле, что оно никогда не входит в это последнее, но которое тем не менее ограничено в конечном счете (definitiv) личным потреблением, ибо производство постоянного капитала никогда не происходит ради него самого, а происходит лишь оттого, что этого постоянного капитала больше потребляется в тех отраслях производства, продукты которых входят в личное потребление» (III, 1, 289. Русский перевод, 242)[20]. Итак, в конечном счете, производительное потребление (потребление средств производства) всегда связано с личным потреблением, всегда зависимо от него. Между тем капитализму присуще, с одной стороны, стремление к безграничному расширению производительного

потребления, к безграничному расширению накопления и производства, а с другой стороны, — пролетаризирование народных масс, ставящее довольно узкие границы расширению личного потребления. Ясно, что мы видим здесь противоречие в капиталистическом производстве, и в цитированном отрывке Маркс только это противоречие и констатирует*. Анализ реализации во II томе нисколько не опровергает этого противоречия (вопреки мнению г-на Туган-Барановского), показывая, напротив, связь между производительным и личным потреблением. Само собою разумеется, что было бы грубой ошибкой выводить из этого противоречия капитализма (или и из других его противоречий) невозможность капитализма или непрогрессивность его сравнительно с прежними хозяйственными режимами (как любят делать наши народники). Развитие капитализма не может происходить иначе, как в целом ряде противоречий, и указание на эти противоречия лишь выясняет нам исторически-преходящий характер капитализма, выясняет условия и причины его стремления перейти в высшую форму.

Сводя вместе все вышеизложенное, мы получаем такой вывод: изложенное у г. Туган-Барановского решение вопроса о роли внешнего рынка взято именно у Маркса; никакого противоречия между II и III томом «Капитала» по вопросу о реализации (и о теории рынков) нет.

Пойдем далее. Г-н Булгаков обвиняет г. Туган-Барановского в том, что он неверно оценивает учения

* Совершенно такой же смысл имеет и другой отрывок, цитированный г-ном Туган-Барановским (III, 1, 231, ср. S. 232 до конца параграфа)[21], а равно и следующее место о кризисах: «Последней причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества» («Das Kapital», III, 2, 21. Русский перевод, с. 395)[22]. Тот же смысл следующего замечания Маркса: «Противоречие в капиталистическом обществе: рабочие, как покупатели товара, важны для рынка. Но капиталистическое общество стремится ограничить их минимумом цены, как продавцов своего товара — рабочей силы» («Das Kapital», II, 303)[23]. О неверном толковании этого места у г-на Н. —она мы уже говорили в «Новом Слове»[24], 1897, май. (См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 160— 161. *Ред.)* Никакого противоречия между всеми этими местами и анализом реализации в III отделе II тома нет.

экономистов до Маркса о рынках. Г-н Туган-Барановский обвиняет г. Булгакова в том, что он отрывает взгляды Маркса от той научной почвы, на которой они выросли, что он изображает дело так, будто «взгляды Маркса не имеют никакой связи с воззрениями его предшественников». Этот последний упрек совершенно неоснователен, ибо г. Булгаков не только не высказывал подобного абсурдного мнения, но, напротив, приводил воззрения представителей различных школ до Маркса. По нашему мнению, и г. Булгаков и г. Туган-Барановский в изложении истории вопроса напрасно обратили так мало внимания на Адама Смита, на котором обязательно бы было остановиться с наибольшей подробностью при *специальном* изложении «теории рынков»; «обязательно» — потому, что именно Ад. Смит был родоначальником той ошибочной доктрины о распадении общественного продукта на переменный капитал и сверхстоимость (заработную плату, прибыль и ренту, по терминологии Ад. Смита), которая держалась упорно до Маркса и не давала возможности не только разрешить, но даже правильно поставить вопрос о реализации. Г-н Булгаков совершенно справедливо говорит, что, «при неверности исходных точек зрения и неверном формулировании самой проблемы, эти споры» (по поводу теории рынков, возникавшие в экономической литературе) «могли повести только к пустым и схоластическим словопрениям» (с. 21 назв. соч., прим.). Между тем Ад. Смиту автор уделил всего одну страничку, опустив подробный и блестящий разбор теории Ад. Смита, данный Марксом в 19-ой главе второго тома «Капитала» (§ II, S. 353—383)[25], и остановившись вместо того на учениях второстепенных и несамостоятельных теоретиков, Д.-С. Милля и фон-Кирхмана. Что касается до г. Туган-Барановского, то он *совершенно обошел А. Смита* и потому в изложении взглядов последующих экономистов *опустил их основную ошибку* (повторение вышеуказанной ошибки Смита). Что изложение при этих условиях не могло быть удовлетворительным, — это ясно само собою. Ограничимся двумя примерами. Изложивши свою схему № 1, поясняющую простое

воспроизводство, г. Туган-Барановский говорит: «Но ведь предполагаемый нами случай простого воспроизводства и не возбуждает никаких сомнений; капиталисты, согласно нашему предположению, потребляют всю свою прибыль, — понятное дело, что предложение товаров не превзойдет спроса» («Пром. кризисы», с. 409). Это неверно. Вовсе это не «понятное дело» для прежних экономистов, ибо они не умели объяснить даже простого воспроизводства общественного капитала, да и нельзя его объяснить, не поняв, что общественный продукт распадается по стоимости на *постоянный капитал* + переменный капитал + сверхстоимость, а по материальной форме на два большие подразделения: средства производства и предметы потребления. Поэтому у А. Смита и этот случай возбудил «сомнения», в которых он, как показал Маркс, и запутался. Если же позднейшие экономисты повторяли *ошибку* Смита, не разделяя *сомнений* Смита, то это показывает лишь, что они сделали в теоретическом отношении по данному вопросу шаг назад. Точно так же неверно, когда г. Туган-Барановский говорит: «Учение Сэя — Рикардо теоретически совершенно правильно; если бы противники его дали себе труд рассчитать на цифрах, каким образом распределяются товары в капиталистическом хозяйстве, то они легко поняли бы, что отрицание этого учения заключает в себе логическое противоречие» (l. c., 427). Нет, учение Сэя — Рикардо теоретически совершенно неправильно: Рикардо повторил ошибку Смита (см. его «Сочинения», пер. Зибера, СПБ. 1882, с. 221), а Сэй к тому же окончил ее, утверждая, что разница между валовым и чистым продуктом общества вполне субъективна. И сколько бы ни «рассчитывали на цифрах» Сэй — Рикардо и их противники, — никогда бы они ни до чего не досчитались, ибо дело тут совсем не в цифрах, как уже заметил совершенно справедливо и Булгаков по поводу другого места книги г-на Туган-Барановского (Булгаков, l. c., стр. 21, прим.).

Мы подошли теперь и к другому предмету спора между гг. Булгаковым и Туган-Барановским, именно, к вопросу о цифирных схемах и об их значении.

Г-н Булгаков утверждает, что схемы г-на Туган-Барановского, «благодаря отступлению от образца» (т. е. от схемы Маркса), «в значительной степени теряют свою убедительную силу и не разъясняют процесса общественного воспроизводства» (l. c., 248), а г. Туган-Барановский говорит, что «г. Булгаков не ясно понимает самое назначение подобных схем» («Мир Божий» № 6 за 1898 г., стр. 125). По нашему мнению, в данном случае правда всецело на стороне г. Булгакова. «Не ясно понимает значение схем» скорее г. Туган-Барановский, который полагает, что схемы «доказывают вывод» (ibid.*). Схемы сами по себе ничего доказывать не могут; они могут только *иллюстрировать* процесс, *если его отдельные элементы выяснены теоретически.* Г-н Туган-Барановский составил свои собственные схемы, отличные от схем Маркса (и несравненно менее ясные, чем схемы Маркса), опустив притом теоретическое выяснение тех элементов процесса, которые должны быть иллюстрированы схемами. Основное положение теории Маркса, показавшего, что общественный продукт распадается не на переменный только капитал + сверхстоимость (как думал А. Смит, Рикардо, Прудон, Родбертус и др.), а на постоянный капитал + указанные части, — это положение г. Туган-Барановский совершенно не разъяснил, хотя и принял его в своих схемах. Читатель книги г-на Туган-Барановского *не в состоянии понять* этого основного положения новой теории. Необходимость различать два подразделения общественного производства (I: средства производства и II: предметы потребления) г. Туган-Барановский совершенно не мотивировал, тогда как, по верному замечанию г-на Булгакова, «в одном этом делении больше теоретического смысла, чем во всех предшествовавших словопрениях относительно теории рынков» (l. c., стр. 27). Вот почему изложение теории Маркса у г. Булгакова гораздо яснее и правильнее, чем у г. Туган-Барановского.

В заключение, останавливаясь несколько подробнее на книге г. Булгакова, мы должны заметить следующее.

* — ibidem — там же. *Ред.*

Около трети книги его посвящены вопросам о «различии оборотов капитала» и о «фонде заработной платы». Параграфы с этими заголовками представляются нам наименее удачными. В первом из названных параграфов автор пытается дополнить (см. стр. 63, прим.) анализ Маркса и углубляется в очень сложные расчеты и схемы для иллюстрации того, как происходит процесс реализации при различиях в обороте капитала. Нам кажется, что конечный вывод, к которому пришел г. Булгаков (что для объяснения реализации при различии оборотов капитала необходимо предположить существование запасов у капиталистов обоих подразделений, ср. стр. 85), следует сам собой из общих законов производства и обращения капитала, что поэтому не было никакой надобности предполагать различные случаи отношений оборотов капитала во II и I подразделении и строить целый ряд графиков. То же самое приходится сказать и о втором из названных параграфов. Г-н Булгаков совершенно справедливо указывает на ошибочность утверждения г-на Герценштейна, находившего противоречие в учении Маркса по этому вопросу. Автор совершенно справедливо замечает, что «если приравнять оборот всех капиталов году, в начале данного года капиталисты являются собственниками как всего продукта производства прошлого года, так и суммы денег, равной этой стоимости» (142—143 стр.). Но г. Булгаков совершенно напрасно принимал (стр. 92 и сл.) чисто схоластическую постановку этого вопроса у прежних экономистов (берется ли заработная плата из текущего производства или из производства предыдущего рабочего периода?) и создавал себе лишние затруднения, «отводя» показание Маркса, который «как будто противоречит своей основной точке зрения», «рассуждая так, как будто бы» «заработная плата берется не из капитала, а из текущего производства» (стр. 135). В такой форме Маркс вопроса вовсе и не ставит. Необходимость «отводить» показание Маркса вызвана была у г. Булгакова тем, что он пытается приложить к теории Маркса совершенно чуждую ему постановку вопроса. Раз выяснено, каким образом идет

процесс всего общественного производства в связи с потреблением продукта разными классами общества, каким образом капиталисты вносят деньги, необходимые для обращения продукта, — раз выяснено все это, вопрос о том, берется ли заработная плата из текущего или из предыдущего производства, теряет всякое серьезное значение. Поэтому издатель последних томов «Капитала», Энгельс, и говорит в предисловии ко второму тому, что рассуждения, напр., Родбертуса о том, «берется ли заработная плата из капитала или из дохода, относятся к области схоластики и упраздняются совершенно содержанием 3-го отдела этой второй книги «Капитала»» («Das Kapital», II, Vorwort, S. XXI[*])[26].

Написано в конце 1898 г.

Напечатано о январе 1899 г.
в журнале «Научное Обозрение» № 1
Подпись: В л а д и м и р   И л ь и н

Печатается по тексту журнала

---

[*] — «Капитал», т. II, Предисловие, стр. XXI. *Ред.*

РЕЦЕНЗИЯ [27]

Р. Гвоздев. **Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение.**
СПБ. 1899. Изд. Н. Гарина

Книга г. Гвоздева подводит итоги данным, собранным в нашей экономической литературе по интересному вопросу о кулачестве-ростовщичестве. Автор сообщает ряд указаний на развитие товарного обращения и производства в дореформенную эпоху, вызвавшее появление торгового и ростовщического капитала. Затем дается обзор материала о ростовщичестве в хлебном производстве, о кулачестве в связи с переселениями, кустарными промыслами, отхожими промыслами и в связи с податью и кредитом. Г-н Гвоздев совершенно справедливо указывает, что представители народнической экономии неправильно смотрели на кулачество, видя в нем какой-то «нарост» на организме «народного производства», а не одну из форм капитализма, стоящую в тесной и неразрывной связи со всем строем русского общественного хозяйства. Народники игнорировали связь кулачества с разложением крестьянства, близость сельских ростовщиков-«мироедов» и пр. к «хозяйственным мужикам», этим представителям мелкой сельской буржуазии в России. Остатки средневековых учреждений, тяготеющие над нашей деревней (сословная замкнутость крестьянской общины, прикрепление крестьян к наделу, круговая порука, сословная неравномерность податей), создают громадные препятствия для

помещения мелких капиталов в производство, для обращения их на сельское хозяйство и промышленность. Естественным результатом этого является непомерная распространенность *низших и худших форм капитала,* торгового и ростовщического. Немногочисленные зажиточные крестьяне, находясь среди массы «маломощных» крестьян, ведущих полуголодное существование на их ничтожных наделах, неизбежно превращаются в эксплуататоров худшего вида, закабаляющих бедноту раздачей денег в долг, зимней наемкой и пр. и пр. Устарелые учреждения, задерживая рост капитализма и в земледелии, и в промышленности, суживают тем самым спрос на рабочую силу, нисколько не гарантируя в то же время крестьян от самой беззастенчивой и безграничной эксплуатации и даже от голодной смерти. Приводимые в книге г. Гвоздева примерные подсчеты тех сумм, которые платит неимущее крестьянство кулакам и ростовщикам, наглядно показывают несостоятельность обычных противопоставлений западноевропейскому пролетариату русского наделенного землей крестьянства. На деле масса этого крестьянства поставлена в положение гораздо худшее, чем положение сельского пролетариата на Западе; на деле наши неимущие крестьяне относятся к пауперам, и все чаще и чаще повторяются годы, когда требуются экстраординарные меры помощи миллионам голодающих крестьян. Если бы фискальные учреждения не связывали искусственно зажиточное крестьянство и бедноту, эту последнюю неминуемо пришлось бы официально отнести именно к пауперам, и это точнее и правдивее определило бы отношение современного общества к данным слоям населения. Книга г. Гвоздева полезна тем, что сводит данные о процессе «непролетариатского обнищания»[*] и справедливо характеризует этот процесс, как низшую и худшую форму разложения крестьянства. Г. Гвоздев, видимо, хорошо знаком с русской экономической литературой, но его книга выиграла бы, если бы автор

[*] *Парвус.* Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис. СПБ. 1898, стр. 8, примечание.

НАЧАЛО

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ПОЛИТИКИ.

1899 г.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

Обложка журнала «Начало», в котором печатались рецензии
В. И. Ленина. — 1899 г.

Уменьшено

уделил меньше места цитатам из разных журнальных статей и обратил больше внимания на самостоятельную обработку материала. Народническая обработка имеющегося материала оставляет обыкновенно в тени наиболее важные в теоретическом отношении стороны данного вопроса. Далее, собственные суждения г. Гвоздева отличаются нередко чрезмерной огульностью и общностью. Особенно приходится сказать это о главе, посвященной кустарным промыслам. Слог книги страдает в некоторых местах вычурностью и туманностью.

Написано между 30 января
и 3 февраля (11 и 15 февраля) 1899 г.

Напечатано в марте 1899 г.
в журнале «Начало» № 3
Подпись: В л . И л ь и н

Печатается по тексту журнала

РЕЦЕНЗИЯ

Парвус. Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис.
Экономические очерки. Перевод с немецкого Л. Я. СПБ. 1898.
Изд. О. Н. Поповой (Образовательная библиотека, серия 2-я, № 2). Стр. 142. Цена 40 коп.

Книжка талантливого германского публициста, пишущего под псевдонимом Парвуса, состоит из ряда очерков, характеризующих некоторые явления современного мирового хозяйства, причем наибольшее внимание уделено Германии. Парвус ставит во главу угла развитие мирового рынка и описывает прежде всего, какие стадии проходит это развитие в последнее время по мере падения промышленной гегемонии Англии. В высшей степени интересны замечания автора о той роли, которую играют старые промышленные страны, служа рынком для более молодых капиталистических стран: напр., Англия поглощает все большее и большее количество германских фабрикатов, в настоящее время от $^1/_5$ до $^1/_4$ общего вывоза Германии. Основываясь на данных торговой и промышленной статистики, Парвус обрисовывает оригинальное разделение труда между различными капиталистическими странами, из которых одни производят, главным образом, для сбыта в колонии, другие — для сбыта в Европу. В главе «Города и железные дороги» автор делает чрезвычайно интересную попытку охарактеризовать главнейшие «формы капитали-

стических городов» и значение их в общем строе капиталистического хозяйства. Остальная, бòльшая часть книги (стр. 33—142) посвящена вопросам о противоречиях в современном капиталистическом сельском хозяйстве и об аграрном кризисе. Парвус выясняет сначала влияние промышленного развития на хлебные цены, на земельную ренту и т. д. Затем он излагает теорию земельной ренты, развитую Марксом в III томе «Капитала», и объясняет с точки зрения этой теории основную причину капиталистических аграрных кризисов. Дополнив чисто теоретический разбор этого вопроса данными, относящимися к Германии, Парвус приходит к выводу, что «последняя и основная причина аграрного кризиса — это поднятые исключительно капиталистическим развитием земельные ренты и соответствующие им цены на землю». «Устраните эти цены, — говорит Парвус, — и европейское сельское хозяйство будет опять в состоянии конкурировать с русским и американским». «Единственное ее (частной собственности) средство против аграрного кризиса, если не говорить о случайной благоприятной комбинации мирового рынка, есть: продажа с молотка всей капиталистической земельной собственности» (141). Таким образом, вывод, к которому пришел Парвус, совпадает, в общем и целом, с мнением Энгельса, указавшего в III томе «Капитала» на то, что современный сельскохозяйственный кризис делает невозможными прежние ренты на землю, взимаемые европейскими землевладельцами[28]. Мы усиленно рекомендуем всем читателям, интересующимся отмеченными вопросами, ознакомление с книгой Парвуса. Она составляет прекрасный противовес тем ходячим народническим рассуждениям о современном сельскохозяйственном кризисе, которые постоянно встречаются в народнической прессе и которые грешат весьма существенным недостатком: факт кризиса рассматривается вне связи с общим развитием мирового капитализма, рассматривается не с точки зрения определенных общественных классов, рассматривается только для того, чтобы извлечь

мещанскую мораль о жизненности мелкого крестьянского хозяйства.

Перевод книги Парвуса можно в общем признать удовлетворительным, хотя в отдельных местах встречаются неудачные и тяжелые обороты речи.

Написано между 3 и 7
(15 и 19) февраля 1899 г.

Напечатано в марте 1899 г.
в журнале «Начало» № 3
Подпись: В л . И л ь и н

Печатается по тексту журнала

РЕЦЕНЗИЯ

Торгово-промышленная Россия. *Справочная книга для купцов и фабрикантов. Составлена под редакциею А. А. Блау, начальника статистического отделения департамента торговли и мануфактур. СПБ. 1899. Ц. 10 руб.*

Издатели этого громаднейшего тома имели целью «пополнить пробел в нашей экономической литературе» (стр. I), именно дать в одно и то же время и адреса торговых и промышленных предприятий всей России, и сведения «о состоянии той или другой отрасли промышленности». Против такого соединения справочного и научно-статистического материала нельзя было бы ничего возразить, если бы и тот и другой материал был приведен в достаточно полном виде. В названном же издании, к сожалению, адресный материал совершенно подавляет статистический, который дан и в неполном, и в очень недостаточно разработанном виде. Прежде всего данное издание невыгодно отличается от предшествовавших изданий однородного типа тем, что не сообщает статистических данных о *каждом* заведении и предприятии, вошедшем в список. Вследствие этого пробела теряет всякое научное значение перечень заведений и предприятий, занимающий 2703 больших столбца самой убористой печати. А при хаотическом состоянии нашей торговой и промышленной статистики чрезвычайно важны данные именно о каждом отдельном заведении и предприятии, ибо сколько-нибудь сносной обработки этих данных наши официальные

статистические учреждения никогда не производят, ограничиваясь сообщением итогов, в которых смешивается материал сравнительно достоверный с абсолютно недостоверным. Сейчас мы укажем, что это последнее замечание относится и к рассматриваемому изданию, но сначала отметим следующий оригинальный прием составителей. Печатая адреса заведений и предприятий по каждому производству, они приводят число заведений и сумму их оборотов только по всей России; вычисляют средний оборот одного заведения в каждом производстве и разделяют особым знаком заведения, имеющие оборот выше и ниже этого среднего оборота. Было бы гораздо целесообразнее (если уже нельзя было напечатать сведений о каждом заведении отдельно) установить несколько одинаковых для всех отраслей торговли и промышленности разрядов заведений и предприятий (по размеру оборотов, по числу рабочих, по роду двигателей и пр.) и распределить все заведения по этим разрядам. Тогда можно бы было, по крайней мере, судить о том, насколько полон и сравним материал по разным губерниям и разным отраслям производства. Что касается, напр., до статистики фабрик и заводов, то достаточно прочитать феноменально расплывчатое определение этого понятия на стр. 1-й данного издания (примеч.) и перелистовать списки фабрикантов по некоторым производствам, чтобы убедиться в неоднородности приводимого в книге статистического материала. К тем итоговым данным фабрично-заводской статистики, которые приводятся в отделе I части I «Торгово-промышленной России» («Историко-статистический обзор промышленности и торговли России»), необходимо относиться ввиду этого очень осторожно. Мы читаем там, что в 1896 (отчасти в 1895) году во всей Российской империи было 38 401 фабрика с производством на сумму 2745 млн. руб., с 1 742 181 рабоч., считая и неакцизные производства, и акцизные, и горные. Эту цифру, думается нам, нельзя, без существенных проверок, сравнивать с цифрами нашей фабрично-заводской статистики за прежние годы. В 1896 г. регистрировался целый ряд производств, которые

прежде (до 1894/95 г.) не относились к «фабрично-заводским»: пекарни, тони[29], скотобойни, типо- и литографии и пр. и пр. Сумма производства всех горных и металлургических заводов империи определена в 614 млн. руб. посредством оригинальных приемов, о которых нам сообщают только то, что стоимость чугуна повторена, по-видимому, в стоимости железа и стали. Напротив, число рабочих во всей горной и металлургической промышленности, очевидно, уменьшено: их показано 505 тыс. в 1895/96 г. Это — или ошибка, или пропуск многих горных производств. Из разбросанных в книге цифр видно, что лишь по некоторым производствам этого отдела число рабочих достигает 474 тыс., не считая рабочих, занятых добычей каменного угля (около 53 тыс.), соли (ок. 20 тыс.), в каменоломнях (ок. 10 тыс.) и в нескольких других горных производствах (ок. 20 тыс.). В 1890 г. во всей горной и металлургической промышленности империи было больше 505 тыс. рабочих, а именно эти отрасли особенно развились с того времени. Напр., в пяти производствах этого отдела, о которых даны в тексте книги историко-статистические данные (чугунолитейное, проволочное, машиностроительное, изделия из золота и из меди), считалось в 1890 г. 908 зав. с 77 млн. р. произв. и с 69 тыс. рабочих, а в 1896 г. — 1444 зав. с пр. на $221\frac{1}{2}$ млн. р. и с 147 тыс. рабочих. Сводя вместе все разбросанные в книге историко-статистические данные, относящиеся, к сожалению, не ко всем производствам, а лишь к некоторым (обработки хлопка, химические производства и более 45 других производств), получаем такие сведения относительно всей империи. В 1890 г. 19 639 фабрик и заводов с сум. пр. 929 млн. руб., с 721 тыс. рабочих, а в 1896 г. 19 162 фабрики и завода с сум. пр. 1708 млн. руб., с 985 тыс. рабочих; прибавляя два акцизные производства, свеклосахарное и винокуренное (1890/91 г.: 116 тыс. рабочих; 1895/96 г.: 123 тыс.), получаем числа рабочих 837 тыс. и 1108 тыс., что дает увеличение *почти на треть за шестилетний период.* Заметим, что уменьшение числа фабрик зависит от различной регистрации мельниц: в 1890 г. в число

фабрик попало 7003 мельницы (156 млн. руб., 29 638 рабочих), а в 1896 г. только 4379 мельниц (272 млн. руб., 37 954 рабочих).

Таковы те данные, которые можно извлечь из рассматриваемого издания и которые позволяют составить некоторое представление о промышленном подъеме России в 90-х годах. Более подробно на этом вопросе можно будет остановиться тогда, когда будут опубликованы полные статистические данные за 1896 год.

Написано в феврале,
ранее 21 (5 марта) 1899 г.

Напечатано в марте 1899 г.
в журнале «Начало» № 3
Подпись: Вл. Ильин

Печатается по тексту журнала

ЕЩЕ К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ РЕАЛИЗАЦИИ

В январской книжке «Научного Обозрения» за текущий (1890) год помещена моя «Заметка к вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)», а вслед за ней статья П. Б. Струве: «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве (По поводу книги Булгакова и статьи Ильина)». Струве «отвергает в значительной мере теорию Туган-Барановского, Булгакова и Ильина» (стр. 63 его статьи) и излагает свой взгляд на теорию реализации Маркса.

По моему мнению, полемика Струве против названных писателей вызвана не столько разногласием по существу, сколько ошибочным представлением Струве о содержании защищаемой ими теории. Во-первых, Струве смешивает теорию рынков буржуазных экономистов, которые учили, что продукты обмениваются на продукты и что поэтому должно существовать соответствие между производством и потреблением, с теорией реализации Маркса, который показал своим анализом, *как* происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала, т. с. реализация продукта в капиталистическом обществе*. Ни Маркс, ни излагавшие его писатели, с которыми полемизирует Струве, не только не выводили из этого анализа гармонии производства с потреблением, а, напротив, энергично подчеркивали

* См. мои «Этюды», стр. 17 и др. (Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 143 и др. *Ред.)*

присущие капитализму противоречия, которые не могут не проявляться при капиталистической реализации*. Во-вторых, Струве смешивает абстрактную теорию реализации (о которой исключительно и трактовали его оппоненты) с конкретными историческими условиями реализации капиталистического продукта в той или другой стране в ту или другую эпоху. Это все равно, как если бы кто-либо смешал абстрактную теорию земельной ренты с конкретными условиями развития земледельческого капитализма в той или другой стране. Из этих двух основных заблуждений Струве вытек целый ряд недоразумений, для выяснения которых необходимо разобрать отдельные положения его статьи.

1. Струве не соглашается с моим мнением, что при изложении теории реализации необходимо особенно остановиться на Адаме Смите. Если доходить до Адама, — пишет он, — то следовало бы остановиться не на Смите, а на физиократах[30]. Нет, это не так. Именно Ад. Смит не ограничился признанием той (известной и физиократам) истины, что продукты обмениваются на продукты, а поставил также вопрос о том, как возмещаются (реализуются) различные составные части общественного *капитала* и продукта по их стоимости**. Поэтому-то Маркс, вполне признававший, что в учении физиократов, напр., в «Tableau économique»*** Кенэ, были положения, «гениальные для своего времени»****; признававший, что в анализе процесса воспроизводства Ад. Смит сделал даже в некоторых отношениях шаг назад по сравнению с физиократами («Das Kapital», I[2], 612, Anm. 32*****)[32], уделил, однако, физиократам

* Ibid. (ibidem — там же. *Ред.),* стр. 20, 27, 24 и др. (См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 147, 155—156, 151 — 152 и др. *Ред.)*

** Между прочим, в моей статье в «Научн. Обозр.» термин «стоимость» заменен везде термином «ценность». Сделано это не мною, а редакцией. Я не придаю особенно существенного значения вопросу об употреблении того или другого термина, но считаю необходимым отметить, что я употреблял и употребляю всегда термин: «стоимость».

*** — «Экономическая таблица». *Ред.*

**** *Fr. Engels:* «Herrn E. Dühring's Umwälzung der Wissenschaft», Dritte Aufl. *(Фр. Энгельс:* «Переворот в науке, произведенный г. В. Дюрингом» («Анти-Дюринг»). Третье издание. *Ред.),* стр. 270 из главы, написанной Марксом[31].

***** — «Капитал», т. I, изд. 2-е, стр. 612, примечание 32. *Ред.*

какие-нибудь полторы страницы в обзоре истории вопроса о реализации («Das Kapital», II[1], S. 350—351)[33], тогда как Ад. Смиту он уделил более тридцати страниц (ib., 351—383)[34], подробно разобрав основную ошибку Ад. Смита, унаследованную всей последующей политической экономией. Таким образом, остановиться на Ад. Смите необходимо именно для того, чтобы выяснить теорию реализации буржуазных экономистов, которые все повторяли ошибку Смита.

2. Г-н Булгаков совершенно справедливо говорит в своей книге, что буржуазные экономисты смешивали простое товарное обращение и капиталистическое обращение товаров, а Маркс установил различие между тем и другим. Струве полагает, что утверждение г. Булгакова основано на недоразумении. По моему мнению, наоборот, недоразумение тут есть со стороны не г. Булгакова, а со стороны Струве. В самом деле, как опровергает Струве г. Булгакова? Крайне странно: он опровергает его тем, что повторяет его положение. Струве говорит: Маркс не может быть признан сторонником той теории реализации, по которой продукт может быть реализован внутри данного общества, потому что Маркс «проводил резкое различие между простым товарным обращением и капиталистическим обращением» (!! стр. 48). Да ведь это именно то, что и утверждал г. Булгаков! Именно поэтому теория Маркса и не сводится к повторению той истины, что продукты обмениваются на продукты. Поэтому-то г. Булгаков и отнес совершенно справедливо к «пустым и схоластическим словопрениям» спор буржуазных и мелкобуржуазных экономистов о возможности перепроизводства: обе спорящие стороны смешивали товарное и капиталистическое обращение, обе повторяли ошибку Ад. Смита.

3. Струве напрасно называет теорию реализации теорией пропорционального распределения. Это неточно и неизбежно ведет к недоразумениям. Теория реализации есть абстрактная* теория, показывающая,

* См. мою статью в «Научн. Обозр.», стр. 37. (Настоящий том, стр. 44—45. *Ред.)*

как происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Необходимыми посылками этой абстрактной теории является, во-первых, абстрагирование внешней торговли, внешних рынков. Но, абстрагируя внешнюю торговлю, теория реализации отнюдь не утверждает, чтобы когда-либо существовало или могло существовать капиталистическое общество без внешней торговли*. Во-вторых, абстрактная теория реализации предполагает и должна предполагать пропорциональное распределение продукта между различными отраслями капиталистического производства. Но, предполагая это, теория реализации отнюдь не утверждает, что в капиталистическом обществе продукты всегда распределяются или могут распределяться пропорционально**. Г-н Булгаков совершенно справедливо сравнивает теорию реализации с теорией стоимости. Теория стоимости предполагает и должна предполагать равенство спроса и предложения, но она отнюдь не утверждает, чтобы в капиталистическом обществе всегда наблюдалось и могло наблюдаться такое равенство. Как и всякий другой закон капитализма, закон реализации «осуществляется лишь путем неосуществления» (Булгаков, цит. в статье Струве, стр. 56). Теория средней и равной нормы прибыли предполагает, и сущности, то же пропорциональное распределение производства между различными его отраслями. Но

* Ibid., стр. 38. (См. настоящий том, стр. 45—46. *Ред.)* Ср. «Этюды», стр. 25: «Не отрицаем ли мы необходимости внешнего рынка для капитализма? Конечно, нет. Но только вопрос о внешнем рынке не имеет абсолютно ничего общего с вопросом о реализации». (Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 154. *Ред.)*

** «Не только продукты, возмещающие сверхстоимость, но и продукты, возмещающие переменный... и постоянный капитал... все одинаково реализуются лишь среди «затруднений», среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма...» («Этюды», стр. 27). Может быть, Струве скажет, что этому месту противоречат другие места, напр., на стр. 31: «... капиталисты *могут* реализовать сверхстоимость»?.. Это противоречие только кажущееся. Поскольку мы берем абстрактную теорию реализации (а народники выдвинули именно абстрактную теорию о невозможности реализовать сверхстоимость), постольку неизбежен вывод о возможности реализации. Но, излагая абстрактную теорию, надо указать на те противоречия, которые присущи действительному процессу реализации. Это указание и сделано в моей статье. (См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 155—156, 161. *Ред.)*

не назовет же Струве на таком основании эту теорию теорией пропорционального распределения!

4. Струве оспаривает мое мнение, что Маркс справедливо обвинял Рикардо в повторении ошибки Ад. Смита. «Маркс был неправ», — пишет Струве. Однако, Маркс прямо цитирует одно место из сочинения Рикардо (II[1], 383)[35]. Струве игнорирует это место. На следующей же странице Маркс приводит мнение Рамсэя (Ramsay), который тоже подметил именно эту ошибку Рикардо. Я указал также другое место сочинения Рикардо, где он прямо говорит: «Весь продукт почвы и труда каждой страны разделяется на три части: задельную плату, прибыль и ренту» (здесь ошибочно опущен постоянный капитал. См. «Сочинения Рикардо», пер. Зибера, стр. 221). Струве обходит молчанием и это место. Он цитирует лишь одно примечание Рикардо, где указывается на нелепость рассуждения Сэя о различии валового и чистого дохода. В 49-ой главе III тома «Капитала», излагающей выводы из теории реализации, Маркс приводит именно это примечание Рикардо и говорит по поводу него следующее: «Впрочем, как мы увидим далее», — имеется в виду, очевидно, IV том «Капитала»[36], который еще не издан, — «Рикардо нигде не опроверг ошибочного анализа цены товаров у Смита, именно разложения этой цены на сумму стоимостей доходов (Revenuen). Рикардо не думает об ошибочности этого анализа и при своих анализах принимает его за верный постольку, поскольку он «отвлекается» от постоянной части стоимости товаров. От времени до времени он возвращается к тому же способу представления» (т. е. к способу представления Смита. «Das Kapital», III, 2, 377. Русский перевод, 696)[37]. Предоставляем читателю судить, кто прав: Маркс ли, который говорит, что Рикардо повторяет ошибку Смита*,

* Справедливость оценки Маркса видна также с особенной наглядностью из того, что Рикардо разделял ошибочное воззрение Смита на накопление единичного капитала. Рикардо думал именно, что накопляемая часть сверхстоимости целиком расходуется на зараб. плату, тогда как она расходуется: 1) на постоянный капитал и 2) на заработную плату. См. «Das Kapital», I[2], 611—613, гл. 22-ая, § 2.[38] — Ср. «Этюды», стр. 29, прим. (Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 159. *Ред.)*

или Струве, который говорит, что Рикардо «прекрасно (?) понимал, что весь общественный продукт не исчерпывается заработной платой, прибылью и рентой», и что Рикардо «бессознательно (!) отвлекался от частей общественного продукта, составляющих издержки производства». Можно ли *прекрасно* понимать и в то же время *бессознательно* отвлекаться?

5. Струве не только не опроверг утверждения Маркса, что Рикардо перенял ошибку Смита, но и сам повторил в своей статье ту же ошибку. «Странно... думать, — пишет Струве, — что то или другое деление общественного продукта на категории могло бы иметь существенное значение для общего понимания реализации, тем более, что действительно все доли реализуемого продукта в процессе реализации принимают форму дохода (валового), и классики рассматривали их как доходы» (стр. 48). В том-то и дело, что *не* все доли реализуемого продукта принимают форму дохода (валового); именно эту ошибку Смита и разъяснил Маркс, показавший, что часть реализуемого продукта никогда не принимает и не может принимать формы дохода. Это — та часть общественного продукта, которая возмещает постоянный капитал, служащий для изготовления средств производства (постоянный капитал в I подразделении, по терминологии Маркса). Напр., посевное зерно в сельском хозяйстве никогда не принимает формы дохода; каменный уголь, обращаемый опять на добычу каменного же угля, никогда не принимает формы дохода и пр. и пр. Процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала не может быть понят, если не будет выделена та часть валового продукта, которая способна служить только капиталом, которая никогда не может принять формы дохода*. В развивающемся капиталистическом обществе эта часть общественного продукта по необходимости должна расти быстрее всех остальных частей этого продукта. Только этим законом и может быть объяснено одно из самых глубоких про-

* Ср. «Das Kapital», III, 2, 375—376 (русский перевод, 696) о различии валового продукта от валового дохода[39].

тиворечий капитализма: рост национального богатства идет с громадной быстротой, тогда как рост народного потребления идет (если идет) очень медленно.

6. Струве «совсем не понимает», почему Марксово различение постоянного и переменного капитала «необходимо для теории реализации» и почему я «в особенности настаиваю» на нем.

Это непонимание Струве есть, с одной стороны, результат простого недоразумения. Во-первых, Струве сам признает одно достоинство этого различения, именно, что в него укладывается весь продукт, а не только доходы. Другое достоинство его состоит в том, что оно логически связывает анализ процесса реализации с анализом процесса производства единичного капитала. Какова задача теории реализации? — показать, *как* происходит воспроизводство и обращение всего общественного капитала. Не ясно ли уже с первого взгляда, что роль переменного капитала должна быть при этом кардинально отлична от роли постоянного капитала? Продукты, возмещающие переменный капитал, должны обменяться в конце концов на *предметы потребления* рабочих и покрыть обычное потребление рабочих. Продукты, возмещающие постоянный капитал, должны обменяться в конце концов на *средства производства* и должны быть употреблены как капитал для нового производства. Поэтому различение постоянного и переменного капиталов безусловно необходимо для теории реализации. Во-вторых, недоразумение Струве вызвано тем, что он и здесь совершенно произвольно и ошибочно понимает под теорией реализации теорию, которая показывает, что продукты распределяются пропорционально (см. особенно стр. 50—51). Мы уже говорили выше и повторяем еще раз, что такое представление о содержании теории реализации неверно.

С другой стороны, непонимание Струве вызвано тем, что он считает необходимым провести различие между «социологическими» и «экономическими» категориями в теории Маркса и делает несколько общих замечаний против этой теории. Я должен сказать на это, во-первых, что к вопросу о теории реализации все это совершенно

не относится; во-вторых, что я считаю проводимое Струве различие неясным и не вижу в нем никакой реальной пользы. В-третьих, я считаю не только спорными, но даже прямо неверными утверждения Струве, который заявляет, что «самому Марксу, бесспорно, было неясно отношение социологических основ» его теории к анализу явлений рынка, что «учение о ценности, как оно изложено в I и III томах «Капитала», бесспорно, страдает противоречивостью»*. Все эти заявления Струве совершенно голословны. Это не аргументы, а декреты. Это — предвосхищенные результаты той критики теории Маркса, которой намерены заняться неокантианцы**. Поживем — увидим, что даст

* Этому последнему заявлению Струве я противопоставлю новейшее изложение теории стоимости К. Каутским, который говорит и показывает, что закон средней нормы прибыли «не уничтожает закона стоимости, а лишь модифицирует его» («Die Agrarfrage», S. 67—68) («Аграрный вопрос», стр. 67— 68. *Ред.).* Отметим кстати следующее интересное заявление Каутского в предисловии к его замечательной книге: «Если мне удалось развить в предлагаемом сочинении новые и плодотворные мысли, то я признателен за это прежде всего моим обоим великим учителям; я тем охотнее подчеркиваю это, что с некоторого времени даже в наших кругах раздаются голоса, объявляющие точку зрения Маркса и Энгельса устарелою... По моему мнению, этот скептицизм зависит более от личных особенностей скептиков, чем от свойств оспариваемого учения. Я делаю такой вывод не только на основании тех результатов, к которым приводит разбор возражений скептиков, но также и на основании своего личного опыта. В начале моей... деятельности я вовсе не симпатизировал марксизму. Я относился к нему так же критически и с таким же недоверием, как любое из тех лиц, которые теперь с пренебрежением смотрят свысока на мой догматический фанатизм. Лишь после некоторого сопротивления сделался я марксистом. Но и тогда и впоследствии, — всякий раз, когда у меня являлись сомнения насчет какого-либо принципиального вопроса, — я всегда приходил в конце концов к тому убеждению, что неправ был я, а не мои учителя. Более глубокое изучение предмета заставляло меня признать их точку зрения правильною. Таким образом, всякое новое изучение предмета, всякая попытка пересмотра своих воззрений усиливали мою уверенность, укрепляли во мне признание того учения, распространение и применение которого стало задачей моей жизни».

** Кстати, пару слов об этой (будущей) «критике», которою так увлекается Струве. Против критики вообще не станет возражать, конечно, ни один здравомыслящий человек. Но Струве, очевидно, повторяет свою любимую мысль об оплодотворении марксизма «критической философией». Я не имею, разумеется, ни желания, ни возможности останавливаться здесь на вопросе о философском содержании марксизма и потому ограничусь лишь следующим замечанием. Те ученики Маркса, которые взывают: «назад к Канту», не дали до сих пор ровно ничего, доказывающего необходимость такого поворота и наглядно представляющего выигрыш теории Маркса от оплодотворения ее неокантианством[40]. Они даже не исполнили падающей на них прежде всего обязанности — подробно разобрать и опровергнуть ту отрицательную оценку неокантианства, которую дал Энгельс. Наоборот, те ученики, которые пошли назад не к Канту, а к философскому материализму до Маркса, с одной стороны, и к диалектическому идеализму, с другой стороны, дали замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма, показали, что он представляет из себя законный и неизбежный продукт всего новейшего развития философии и общественной науки. Мне достаточно сослаться на известный труд г. Бельтова в русской литературе и

эта критика. А пока констатируем, что по вопросу о теории реализации эта критика не дала ничего.

7. По вопросу о значении схем Маркса в III отделе II тома «Капитала» Струве утверждает, что абстрактную теорию реализации можно хорошо изложить посредством самых различных приемов деления общественного продукта. Это поразительное утверждение всецело объясняется тем основным недоразумением Струве, будто теория реализации «целиком исчерпывается» (??!) той банальностью, что продукты обмениваются на продукты. Только благодаря этому недоразумению Струве мог написать такую фразу: «Какова роль этих» (реализуемых) «товарных масс в производстве, распределении и т. д., представляют ли они капитал (sic!![*]) и какой, постоянный или переменный, для существа данной теории совершенно безразлично» (51). Для теории реализации Маркса, которая состоит в анализе воспроизводства и обращения всего общественного *капитала,* безразлично, представляют ли товары капитал!! Это все равно, как если бы кто-либо сказал, что для существа теории земельной ренты безразлично, разделяется ли сельское население на землевладельцев, капиталистов и рабочих или нет, ибо эта теория сводится-де к указанию на различное плодородие различных участков земли.

Только благодаря тому же недоразумению Струве мог утверждать, что «натуральное взаимоотношение между элементами общественного потребления — общественный обмен *веществ* — всего лучше может быть показан» при помощи не Марксова разделения продукта, а при помощи следующего разделения: средство

на «Beiträge zur Geschichte des Materialismus» (Stuttgart, 1896) («Очерки но истории материализма» (Штутгарт, 1896). *Ред.)* в немецкой литературе[41].

[*] — так!! *Ред.*

производства + предметы потребления + прибавочная ценность (стоимость, стр. 50). — В чем состоит общественный обмен веществ? Прежде всего в обмене средств производства на предметы потребления. Как же можно показать этот обмен, выделив особо прибавочную стоимость *от* средств производства и *от* предметов потребления? Ведь прибавочная стоимость воплощается либо в средствах производства, либо в предметах потребления! Не ясно ли, что подобное деление — несостоятельное логически (ибо оно смешивает деление по натуральной форме продукта с делением по элементам стоимости) — *затемняет* процесс общественного обмена веществ?*

8. Струве говорит, что я приписал Марксу апологетически-буржуазную теорию Сэя — Рикардо (52), — теорию гармонии между производством и потреблением (51), — теорию, стоящую в кричащем противоречии с учением Маркса об эволюции и конечном исчезновении капитализма (51—52); что поэтому мое «совершенно справедливое рассуждение» о том, что Маркс и во II и в III томе подчеркивал присущее капитализму противоречие между безграничным расширением производства и ограниченным потреблением народных масс, «совершенно выбрасывает за борт ту теорию реализации,.. защитником которой в прочих случаях» являюсь я.

И это утверждение Струве точно так же неверно и точно так же основано на вышеуказанном недоразумении, в которое он впал.

Откуда взял Струве, что я понимаю под теорией реализации не анализ процесса воспроизводства и обращения всего общественного капитала, а теорию, говорящую лишь, что продукты обмениваются на продукты, теорию, учащую о гармонии между производством и потреблением? Струве не мог бы показать разбором

---

* Напомним читателю, что Маркс делит весь общественный продукт на два подразделения по натуральной форме продукта: I) средства производства; II) предметы потребления. Затем в каждом из этих подразделений продукт делится на три части по элементам стоимости: 1) постоянный капитал; 2) переменный капитал; 3) сверхстоимость.

моих статей, что я понимал теорию реализации во втором смысле, ибо я прямо и определенно говорил, что понимаю теорию реализации именно в первом смысле. В статье: «К характеристике экономического романтизма», в том параграфе, который посвящен выяснению ошибки Смита и Сисмонди, говорится: «Вопрос именно в том, *как* происходит реализация, *то есть* возмещение всех частей общественного продукта. Поэтому исходным пунктом в рассуждении об общественном капитале и доходе — или, что то же, о реализации продукта в капиталистическом обществе — должно быть разделение... средств производства и предметов потребления» («Этюды», 17)*. «Вопрос о реализации в том и состоит, чтобы анализировать *возмещение* всех частей общественного продукта по стоимости и по материальной форме» (ib., 26)*. Не повторяет ли Струве то же самое, говоря — как будто бы против меня, — что интересующая нас теория «показывает механизм реализации... поскольку такая реализация осуществляется» («Н. Об.», 62)? Противоречу ли я *той* теории реализации, которую я защищаю, когда я говорю, что реализация происходит «лишь среди затруднений, среди постоянных колебаний, которые становятся все сильнее по мере роста капитализма, среди бешеной конкуренции и пр.» («Этюды», 27)?** — когда я говорю, что народническая теория «не только показывает непонимание реализации, но еще содержит в себе к тому же *крайне поверхностное понимание противоречий, свойственных этой реализации))* (26—27)?** — когда я говорю, что реализация продукта, происходящая не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства, «есть, конечно, противоречие, но именно такое противоречие, которое имеет место в действительности, которое вытекает из самой сущности капитализма» (24)**, которое «вполне соответствует исторической миссии капитализма и его специфической социальной структуре: первая»

* См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 143, 154. *Ред.*
** Там же, стр. 156, 155, 151. *Ред.*

(т. е. миссия) «состоит именно в развитии производительных сил общества (производство для производства); вторая» (т. е. социальная структура капитализма) «исключает утилизацию их массой населения» (20)?*

9. По вопросу о соотношении производства и потребления в капиталистическом обществе у нас со Струве, по-видимому, нет разногласия. Но если Струве говорит, что положение Маркса (которое гласит, что потребление не является целью капиталистического производства) «носит на себе явную печать полемического характера вообще всей системы Маркса. Оно тенденциозно...» (53), то я решительно оспариваю уместность и справедливость подобных выражений. Что потребление не является целью капиталистического производства, это факт. Противоречие между этим фактом и тем фактом, что в конечном счете производство связано с потреблением, зависит от потребления и в капиталистическом обществе, — это противоречие не доктрины, а действительной жизни. Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план. «Полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она «тенденциозна»**, а потому, что она дает точное изображение в теории всех тех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера»: «полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма.

10. «Каково реальное значение теории реализации?»— спрашивает Струве и приводит мнение г. Булгакова, который говорит, что возможность расширения капиталистического производства осуществляется на деле, хотя и рядом кризисов. «Капиталистическое производ-

* См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 147. *Ред.*

** Предостережением против употребления подобных выражений мог бы служить классический пример господ à la А. Скворцов, который видит тенденциозность в теории Маркса о средней норме прибыли.

ство растет во всем мире», — указывает г. Булгаков. «Этот аргумент, — возражает Струве, — совершенно несостоятелен. Дело в том, что реальное «расширенно капиталистического производства» совершается вовсе не в том идеальном или изолированном капиталистическом государстве, которое предполагает Булгаков и которое, по его предположению, довлеет себе, а на арене мирового хозяйства, где сталкиваются самые разнообразные ступени экономического развития и различные формы хозяйственного быта» (57).

Таким образом, возражение Струве сводится к тому, что в действительности реализация совершается не в изолированном, самодовлеющем, капиталистическом государстве, а «на арене мирового хозяйства», т. е. посредством сбыта продуктов в другие страны. Легко видеть, что это возражение основано на ошибке. Изменится ли сколько-нибудь вопрос о реализации, если мы не ограничимся внутренним рынком («самодовлеющий» капитализм), а сошлемся на внешний? если мы вместо одной страны возьмем несколько стран? Если мы не будем думать, что капиталисты бросают свои товары в море или отдают их даром иностранцам, — если мы не будем брать единичных, исключительных случаев или периодов, то очевидно, что мы должны принять известную равномерность вывоза и ввоза. Если данная страна вывозит известные продукты, реализуя их «на арене мирового хозяйства», то зато она ввозит другие продукты. С точки зрения теории реализации, необходимо принять, что «внешняя торговля только замещает туземные изделия (Artikel — товары) изделиями другой потребительной или натуральной формы» («Das Kapital», II, 469.[42] Цитир. у меня в «Н. Об.», с. 38*). Берем ли мы одну страну или комплекс стран, сущность процесса реализации от этого нисколько не изменяется. В своем возражении г. Булгакову Струве повторяет, след., старую ошибку народников, которые связывали вопрос о реализации с вопросом о внешнем рынке**.

* См. настоящий том, стр. 46. *Ред.*

** Разбор этой ошибки народников был сделан много в «Этюдах», стр. 25—29. (См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 153—158. *Ред.)*

На самом деле между этими вопросами нет ничего общего. Вопрос о реализации есть абстрактный вопрос, относящийся к теории капитализма вообще. Берем ли мы одну страну или весь мир, основные законы реализации, раскрытые Марксом, остаются те же самые.

Вопрос о внешней торговле или о внешнем рынке есть вопрос исторический, вопрос конкретных условий развития капитализма в той или другой стране в ту или другую эпоху*.

11. Остановимся еще несколько на том вопросе, который «давно занимает» Струве: какова реально-научная ценность теории реализации?

Совершенно такая же, какова ценность всех остальных положений абстрактной теории Маркса. Если Струве смущает то обстоятельство, что «совершенная реализация есть идеал капиталистического производства, но отнюдь не его действительность», то мы напомним ему, что и все другие законы капитализма, открытые Марксом, точно так же изображают лишь идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. «Мы имеем целью, — писал Маркс, — представить внутреннюю организацию капиталистического способа производства лишь в его, так сказать, идеально среднем типе» («in ihrem idealen Durchschnitt». «Das Kapital», III, 2, 367; рус. пер., с. 688)[43]. Теория капитала предполагает, что рабочий получает полную стоимость своей рабочей силы. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория ренты предполагает, что все земледельческое население вполне раскололось на землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность. Теория реализации предполагает пропорциональное распределение производства. Это — идеал капитализма, но отнюдь не его действительность.

Научная ценность теории Маркса состоит в том, что она разъяснила процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала. Далее, теория Маркса показала, как осуществляется то присущее капитализму

* Ibid. Ср. «Н. Об.», № 1, стр. 37. (Настоящий том, стр. 44—45. *Ред.)*

противоречие, что громадный рост производства отнюдь не сопровождается соответствующим ростом народного потребления. Поэтому теория Маркса не только не восстановляет буржуазно-апологетической теории (как это причудилось Струве), а, напротив, *дает сильнейшее оружие против апологетики.* Из этой теории следует, что *даже* при идеально гладком и пропорциональном воспроизводстве и обращении всего общественного капитала неизбежно противоречие между ростом производства и ограниченными пределами потребления. В действительности же *кроме того* процесс реализации идет не с идеально гладкой пропорциональностью, а лишь среди «затруднений», «колебаний», «кризисов» и пр.

Далее, теория реализации Маркса дает сильнейшее оружие не только против апологетики, но и против мещански реакционной критики капитализма. Именно такую критику капитализма старались подкрепить наши народники своей ошибочной теорией реализации. Марксово же понимание реализации неизбежно ведет к признанию исторической прогрессивности капитализма (развитие средств производства, а следовательно, и производительных сил общества), не только не затушевывая этим, а, напротив, выясняя исторически преходящий характер капитализма.

12. «Относительно идеального или изолированного самодовлеющего капиталистического общества» Струве утверждает, что расширенное воспроизводство в нем невозможно, «так как неоткуда взять безусловно необходимых добавочных рабочих».

Я никак не могу согласиться с этим утверждением Струве. Невозможность взять добавочных рабочих из резервной армии — Струве не доказал, да и нельзя этого доказать. Против того, что добавочные рабочие могут быть взяты из естественного прироста населения, Струве совершенно голословно заявляет, что «расширенное воспроизводство, основанное на естественном приросте, арифметически быть может не тождественно с простым, но практически-капиталистически, т. е. экономически, с ним вполне совпадает». Чувствуя, что

теоретически нельзя доказать невозможность найти добавочных рабочих, Струве уклоняется от вопроса, ссылаясь на исторические и практические условия. «Я не думаю, чтобы Маркс мог решать исторический (?!) вопрос на основании этой, совершенно абстрактной, конструкции»... «Самодовлеющий капитализм есть исторически (!) немыслимый предел»... «Интенсификация труда, которую можно навязать рабочему, поставлена не только реально, но и логически в весьма узкие границы»... «Безостановочное повышение производительности труда не может не ослабить самого принуждения к труду»...

Нелогичность всех этих указаний бьет в глаза! Никто из оппонентов Струве нигде и никогда не говорил такого абсурда, чтобы исторический вопрос можно было решать при помощи абстрактных конструкций. Но в настоящее время Струве сам поставил вопрос вовсе не исторический, а совершенно абстрактный, чисто теоретический вопрос «относительно идеального капиталистического общества» (57). Не ясно ли, что он просто уклоняется от вопроса? Что существуют многочисленные исторические и практические условия (не говоря уже об имманентных противоречиях капитализма), которые ведут и приведут гораздо скорее к гибели капитализма, чем к превращению современного капитализма в идеальный капитализм, — этого я, конечно, и не думаю отрицать. Но по чисто теоретическому вопросу «относительно идеального капиталистического общества» я сохраняю свое прежнее мнение, что нет никаких теоретических оснований отрицать возможность расширенного воспроизводства в таком обществе.

13. «Гг. В. В. и Н. —он указали на противоречия и точки преткновения в капиталистическом развитии России, а им показывают схемы Маркса и говорят: капиталы всегда обмениваются на капиталы...» (цит. ст. Струве, 62).

Это сказано в высшей степени едко. Жаль только, что дело изображено при этом совершенно неверно. Всякий, кто прочтет «Очерки *теоретической* экономии» г. В. В. и § XV второго отдела «Очерков» г. Н. —она, увидит,

что оба эти писателя поставили именно абстрактно-теоретический вопрос о реализации, вопрос о реализации продукта в капиталистическом обществе вообще. Это факт. Факт также и то обстоятельство, что против них другие писатели «сочли необходимым выяснить *прежде всего* основные, *абстрактно-теоретические* пункты теории рынков» (как значится на первых же строках моей статьи в «Н. Об.»). Туган-Барановский писал о теории реализации в той главе своей книги о кризисах, которая носит подзаголовок: «теория рынков». Булгаков дает своей книге подзаголовок: «теоретический этюд». Спрашивается, кто же смешивает абстрактно-теоретические и конкретно-исторические вопросы, оппоненты ли Струве или сам Струве?

На той же странице своей статьи Струве приводит мое указание, что необходимость внешнего рынка вытекает не из условий реализации, а из условий исторических. «Но, — возражает Струве (это очень характерное «но»!), — Туган-Барановский, Булгаков и Ильин выясняли одни абстрактные условия реализации, а исторических условий не выясняли» (стр. 62). — Именно потому все названные писатели и не выясняли исторических условий, что они брались говорить об абстрактно-теоретических, а не о конкретно-исторических вопросах. В своей книге: «К вопросу о развитии капитализма в России» («О внутреннем рынке для крупной промышленности и о процессе ее образования в России»), которая в настоящее время (III. 1899)* закончена печатанием, я ставлю вопрос не о теории рынков, а о внутреннем рынке для русского капитализма. Поэтому абстрактные истины теории играют там роль лишь руководящих положений, лишь орудий для анализа конкретных данных.

14. Струве «всецело поддерживает» свою «точку зрения» на теорию «третьих лиц», выставленную им в «Критических заметках». Я, в свою очередь, всецело поддерживаю сказанное мною по этому поводу тогда, когда вышли «Крит. заметки»[44].

---

* См. Сочинения, 5 изд., том 3. *Ред.*

На стр. 251-ой «Крит. заметок» Струве говорит, что аргументация г. В. В. «опирается на целую своеобразную теорию рынков в сложившемся капиталистическом обществе». «Эта теория, — замечает Струве, — верна, поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная ценность (стоимость) не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление третьих лиц». Под этими третьими лицами Струве «разумеет в России русское земледельческое крестьянство» (стр. 61 статьи в «Н. Об.»).

Итак, г. В. В. выдвигает целую своеобразную теорию рынков в сложившемся капиталистическом обществе, а ему указывают на русское земледельческое крестьянство! Разве же это не смешение абстрактно-теоретического вопроса о реализации с конкретно-историческим вопросом о капитализме в России? Затем, если Струве признает теорию г. В. В. хотя бы отчасти верной, — значит, он проходит мимо основных теоретических ошибок г-на В. В. в вопросе о реализации, мимо того ошибочного воззрения, будто «затруднения» капиталистической реализации ограничиваются прибавочной стоимостью или специально связываются с этой частью стоимости продуктов; — мимо того ошибочного воззрения, которое связывает вопрос о внешнем рынке с вопросом о реализации.

Указание Струве на то, что русское земледельческое крестьянство своим разложением создает рынок для нашего капитализма, — вполне справедливо (в названной выше книге я подробно доказываю это положение разбором данных земской статистики). Но теоретическое обоснование этого положения относится вовсе не к теории реализации продукта в капиталистическом обществе, а к теории образования капиталистического общества. Нельзя не заметить также, что наименование крестьян «третьими лицами» очень неудачно и способно вызвать недоразумения. Если крестьяне — «третьи лица» для капиталистической промышленности, то промышленники, мелкие и немелкие, фабриканты и рабочие, — «третьи лица» для капиталистического земледелия. С другой стороны, крестьяне-

земледельцы («третьи лица») создают рынок для капитализма лишь постольку, поскольку они разлагаются на классы капиталистического общества (сельскую буржуазию и сельский пролетариат), т. е. лишь постольку, поскольку они перестают быть *«третьими»* лицами, а становятся *действующими* лицами в системе капитализма.

15. Струве говорит: «Булгаков делает тонкое замечание, что никакого принципиального различия между внутренним и внешним рынком для капиталистического производства нельзя установить». Я вполне присоединяюсь к этому замечанию: действительно, таможенная или политическая граница очень часто совершенно непригодна для разделения «внутреннего» и «внешнего» рынка. Но, по указанным сейчас причинам, я не могу согласиться со Струве, что «из этого вытекает... теория, утверждающая необходимость третьих лиц». Непосредственно из этого вытекает лишь требование: не останавливаться, при разборе вопроса о капитализме, перед традиционным разделением внутреннего и внешнего рынков. Несостоятельное в строго теоретическом отношении, это разделение особенно мало пригодно для таких стран, как Россия. Можно бы заменить его другим разделением, различая, напр., следующие стороны в процессе развития капитализма: 1) образование и развитие капиталистических отношений в пределах данной вполне заселенной и занятой территории; 2) расширение капитализма на другие территории (отчасти совершенно не занятые и заселяемые выходцами из старой страны, отчасти занятые племенами, стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма). Первую сторону процесса можно бы назвать развитием капитализма вглубь, вторую — развитием капитализма вширь*. Такое разделение охватило бы весь процесс исторического развития капитализма: с одной стороны, развитие его в старых странах,

* Само собой разумеется, что в действительности обе стороны процесса тесно слиты, и разделение их есть лишь абстракция, лишь прием исследования сложного процесса. Названная выше книга посвящена мною исключительно первой стороне процесса; ср. там гл. VIII, § V.

веками вырабатывавших формы капиталистических отношений до крупной машинной индустрии включительно; с другой стороны, могучее стремление развитого капитализма расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии, втянуть дикие племена в водоворот мирового капитализма. В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь.

Наконец, предлагаемое разделение удобно тем, что оно отчетливо определяет ту область вопросов, которую только и захватывает теория реализации. Ясно, что эта теория относится только к первой стороне процесса, только к развитию капитализма вглубь. Теория реализации (т. е. теория, выясняющая процесс воспроизводства и обращения всего общественного капитала) необходимо должна брать для своих построений замкнутое капиталистическое общество, т. е. абстрагировать процесс расширения капитализма на другие страны, процесс товарного обмена одной страны с другою, потому что этот процесс ничего не дает для решения вопроса о реализации, лишь передвигая вопрос с одной страны на несколько стран. Ясно также, что абстрактная теория реализации должна брать посылкой идеально развитое капиталистическое общество.

Говоря о литературе марксизма, Струве делает следующее общее замечание: «Ортодоксальные перепевы еще продолжают доминировать, но они не могут заглушить новой критической струи, потому что истинная сила в научных вопросах всегда на стороне критики, а не веры». Как видно из предыдущего изложения, нам пришлось убедиться в том, что «новая критическая струя» не гарантирует от повторения старых ошибок. Нет, уж лучше останемся-ка «под знаком ортодоксии»!

Не будем верить тому, что ортодоксия позволяет брать что бы то ни было на веру, что ортодоксия исключает критическое претворение и дальнейшее развитие, что она позволяет заслонять исторические вопросы абстрактными схемами. Если есть ортодоксальные ученики, повинные в этих действительно тяжких грехах, то вина падает всецело на таких учеников, а отнюдь не на ортодоксию, которая отличается диаметрально противоположными качествами.

Написано в первой половине марта 1899 г.

Напечатано в августе 1899 г. в журнале «Научное Обозрение» № 8
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту журнала

РЕЦЕНЗИЯ

***Karl Kautsky*. Die Agrarfrage**. *Eine Uebersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik u. s. w. Stuttgart, Dietz, 1899*[*]

Книга Каутского представляет из себя самое замечательное — после 3-го тома «Капитала» — явление новейшей экономической литературы. Марксизму недоставало до сих пор работы, систематически рассматривающей капитализм в земледелии. Теперь Каутский пополнил этот пробел первым отделом своей объемистой (450 стр.) книги, озаглавленным: «Развитие сельского хозяйства в капиталистическом обществе» (стр. 1—300). В предисловии Каутский совершенно справедливо замечает, что статистического и описательно-экономического материала по вопросу о земледельческом капитализме накопилась «подавляющая» масса; насущная потребность состоит в том, чтобы открыть «основные тенденции» экономической эволюции в данной области народного хозяйства, чтобы представить разнообразные явления земледельческого капитализма как «частичные проявления одного общего (целостного) процесса» (eines Gesamtprozesses). В самом деле, формы сельского хозяйства и отношения между сельским населением в современном обществе отмечаются таким гигантским разнообразием, что нет ничего легче, как нахватать из любого исследования кучку указаний и фактов, «подтверждающих» воззрения данного писателя. Именно по этому приему по-

[*] — *Карл Каутский. Аграрный вопрос.* Обзор тенденций современного сельского хозяйства и аграрная политика и т. д. Штутгарт, изд. Дитца, 1899. *Ред.*

строен целый ряд рассуждений в нашей народнической прессе, пытающейся доказать жизнеспособность мелкого крестьянского хозяйства или даже его превосходство перед крупным производством в земледелии. Отличительная черта всех этих рассуждений состоит в том, что выхватываются отдельные явления, цитируются отдельные случаи и не делается даже попыток связать их с общей картиной всего аграрного строя капиталистических стран вообще и с основными тенденциями всей новейшей эволюции капиталистического земледелия. Каутский не впадает в эту обычную ошибку. Занимаясь в течение более чем 20 лет вопросом о капитализме в земледелии, он располагает чрезвычайно обширным материалом; в частности, Каутский основывает свое исследование на данных последних сельскохозяйственных переписей и анкет в Англии, Америке, Франции (1892) и Германии (1895). Но он ни разу не теряется среди груды фактов, ни разу не упускает из виду связи самого мелкого явления с общим строем капиталистического земледелия и с общей эволюцией капитализма.

Каутский ставит перед собой не какой-нибудь частный вопрос, напр., об отношении крупного и мелкого производства в земледелии, а общий вопрос о том, овладевает ли капитал сельским хозяйством, преобразует ли он в нем формы производства и формы собственности и как именно идет этот процесс. Вполне признавая крупную роль докапиталистических и некапиталистических форм сельского хозяйства в современном обществе и необходимость выяснить отношение этих форм к чисто капиталистическим, Каутский начинает свое исследование с чрезвычайно яркой и точной характеристики патриархального крестьянского хозяйства и земледелия феодальной эпохи. Установив таким образом исходные пункты развития капитализма в земледелии, он переходит к характеристике «современного земледелия». Сначала это последнее характеризуется с его технической стороны (плодопеременная система, разделение труда, машины, удобрения, бактериология), и пред читателем встает яркая картина того гигантского

переворота, который произвел капитализм в течение нескольких десятилетий, превратив сельское хозяйство из рутинного ремесла в *науку.* Далее исследуется «капиталистический характер современного сельского хозяйства» — краткое и популярное, но в высшей степени точное и талантливое изложение теории Маркса о прибыли и ренте. Каутский показывает, что система фермерства и система ипотек представляют из себя лишь две различные формы одного и того же, отмеченного Марксом, процесса отделения сельскохозяйственных предпринимателей от землевладельцев. Затем рассматривается отношение крупного и мелкого производства, причем оказывается, что техническое превосходство первого над вторым несомненно. Каутский обстоятельно доказывает это положение и подробно останавливается на выяснении того обстоятельства, что устойчивость мелкого производства в земледелии зависит отнюдь не от его технической рациональности, а от того, что мелкие крестьяне надрываются над работой больше, чем наемные рабочие, и понижают уровень своих потребностей ниже уровня потребностей и жизни этих последних. Данные, приводимые Каутским в подтверждение этого, в высшей степени интересны и рельефны. Разбор вопроса о товариществах в сельском хозяйстве приводит Каутского к тому выводу, что они выражают собою несомненный прогресс, будучи, однако, переходом не к общинному производству, а к капитализму; товарищества не уменьшают, а усиливают превосходство крупного производства в земледелии над мелким. Нелепо ждать, чтобы крестьянин в современном обществе мог перейти к общинному производству. Обыкновенно ссылаются на данные статистики, которая не свидетельствует о вытеснении мелкого земледелия крупным, по эти данные говорят лишь о том, что процесс развития капитализма в земледелии гораздо сложнее, чем в промышленности. И в этой последней основная тенденция развития перекрещивается нередко такими явлениями, как распространение капиталистической работы на дому и пр. В земледелии же вытеснению мелкого производства мешает, прежде всего, огра-

ниченность земельной площади; скупка мелких участков для образования крупного — дело очень и очень не легкое; при интенсификации земледелия уменьшение площади хозяйства совместимо иногда с увеличением количества получаемых продуктов (поэтому статистика, оперирующая исключительно с данными о площади хозяйств, имеет мало доказательного значения). Концентрация производства происходит посредством скупки одним владельцем многих имений; образуемые таким образом латифундии служат базисом для одной из высших форм крупного капиталистического земледелия. Наконец, крупному землевладению и невыгодно было бы полное вытеснение мелкого: последнее доставляет ему рабочие руки! Поэтому землевладельцы и капиталисты проводят нередко законы, искусственно поддерживающие мелкое крестьянство. Мелкое земледелие приобретает устойчивость тогда, когда оно перестает быть конкурентом крупного, когда превращается в поставщика рабочей силы для него. Отношения между крупными и мелкими землевладельцами все более приближаются к отношениям между капиталистами и пролетариями. Процессу «пролетаризирования крестьянства» Каутский посвящает отдельную главу, богатую данными — особенно по вопросу о «подсобных занятиях» крестьян, т. е. о разных формах работы по найму.

Выяснив основные черты развития капитализма в земледелии, Каутский переходит к доказательству исторически преходящего характера этой системы общественного хозяйства. Чем дальше развивается капитализм, тем с большими затруднениями встречается ведение торгового (товарного) земледелия. Монополия земельной собственности (поземельная рента), право наследства, майораты[45] препятствуют рационализации земледелия. Города все более и более эксплуатируют деревни, отнимая лучшие рабочие силы у сельских хозяев, высасывая все бо̀льшую долю богатства, производимого сельским населением, которое в силу этого теряет возможность возвратить почве то, что берется от нее. Останавливаясь особенно подробно на обезлюдении деревень, Каутский вполне признает, что от недостатка рабочих всего

меньше страдают среднекрестьянские хозяйства, но тут же прибавляет, что «добрые граждане» (мы можем сказать также: и русские народники) напрасно ликуют по поводу этого факта, напрасно думают видеть в нем начинающееся возрождение крестьянства, опровергающее применимость теории Маркса к земледелию. Если крестьянство меньше других земледельческих классов страдает от недостатка наемных рабочих, то оно гораздо сильнее страдает от ростовщичества, гнета податей, от нерациональности своего хозяйства, от истощения почвы, от чрезмерной работы и от недостаточного потребления. Наглядным опровержением взгляда оптимистически настроенных мелкобуржуазных экономистов служит тот факт, что не только сельские рабочие, но и дети крестьян... бегут в города! Но особенно крупные изменения в условия европейского земледелия внесла конкуренция дешевого хлеба, ввозимого из Америки, Аргентины, Индии, России и пр. Каутский подробно рассматривает значение этого факта, порожденного развитием индустрии, ищущей себе рынков. Он описывает падение производства зерновых хлебов в Европе под влиянием этой конкуренции, понижение ренты и особенно подробно останавливается на «индустриализации земледелия», которая проявляется, с одной стороны, в наемной промышленной работе мелких крестьян, с другой стороны, в развитии сельскохозяйственных технических производств (винокурение, сахароварение и пр.) и даже в вытеснении некоторых отраслей сельского хозяйства обрабатывающей промышленностью. Оптимистические экономисты, — говорит Каутский, — напрасно думают, что такие видоизменения европейского земледелия могут спасти его от кризиса: кризис все расширяется и может кончиться лишь общим кризисом всего капитализма. Конечно, это нисколько не дает права говорить о гибели сельского хозяйства, но его консервативный характер канул в вечность; оно попало в состояние беспрерывного преобразования, состояние, характеризующее вообще капиталистический способ производства. «Значительное пространство земли под сельскохозяйственным крупным производством, капи-

талистический характер которого все более и более развивается; рост аренды и ипотек, индустриализация земледелия — таковы элементы, подготовляющие почву для обобществления сельскохозяйственного производства...» Было бы абсурдом думать, — говорит Каутский в заключение, — что в обществе одна часть развивается в одном направлении, другая — в противоположном. На самом деле «общественное развитие идет в сельском хозяйстве в том же направлении, как и в индустрии».

Применяя результаты своего теоретического анализа к вопросам аграрной политики, Каутский высказывается, естественно, против всяких попыток поддержки и «спасения» крестьянского хозяйства. Нечего и думать о том, — говорит Каутский, — чтобы деревенская община могла перейти к крупному общинному земледелию (стр. 338, параграф: «Der Dorfkommunismus»*; ср. стр. 339). «Охрана крестьянства (Der Bauernschutz) означает не охрану *личности* крестьянина (против такой охраны, конечно, не возражает никто), а охрану *собственности* крестьянина. Между тем, именно собственность крестьянина и есть главная причина его обнищания и принижения. Наемные рабочие в земледелии уже теперь зачастую находятся в лучшем положении, чем мелкие крестьяне. Охрана крестьянства, это не охрана крестьянства от нищеты, а охрана тех оков, которые приковывают крестьянина к его нищете» (стр. 320). Процесс коренного преобразования капитализмом всего сельского хозяйства только еще начинается, но этот процесс быстро идет вперед, вызывая превращение крестьянина в наемного рабочего и усиленное бегство населения из деревень. Попытки задержать этот процесс были бы реакционны и вредны: как ни тяжелы последствия этого процесса в современном обществе, но последствия задержки процесса еще хуже и ставят трудящееся население в еще более беспомощное и безысходное положение. Прогрессивная деятельность в современном обществе может стремиться только к

* — «Деревенский коммунизм». *Ред.*

тому, чтобы ослабить вредное действие капиталистического прогресса на население, чтобы усилить сознательность этого последнего и способность к коллективной самозащите. Каутский настаивает поэтому на обеспечении свободы передвижения и пр., на отмене всех остатков феодализма в сельском хозяйстве (напр., Gesindeordnungen*, которые ставят сельских рабочих и лично зависимое, полукрепостное положение), на запрещении работы детей до 14 лет, на установлении 8-часового рабочего дня, на строгой санитарной полиции, надзирающей за рабочими жилищами, и пр. и пр. Надо надеяться, что книга Каутского появится и в русском переводе[46].

Написано в марте,
ранее 21 (2 апреля) 1899 г.

Напечатано в апреле 1899 г.
в журнале «Начало» № 4
Подпись: Вл. Ильин

Печатается по тексту журнала

---

* — законоположений, устанавливавших взаимоотношения землевладельцев и крепостных крестьян. *Ред.*

КАПИТАЛИЗМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

(О КНИГЕ КАУТСКОГО И О СТАТЬЕ г. БУЛГАКОВА)[47]

Написано между 4 (16) апреля и 9(21) мая 1899 г.

Напечатало в январе — феврале 1900 г. в журнале «Жизнь» Подпись: Вл. Ильин и Влад. Ильин

Печатается по тексту журнала

Обложка журнала «Жизнь», в котором была напечатана
статья В. И. Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве». — 1900 г.

Уменьшено

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

В номере 1—2 «Начала» (отд. II, стр. 1—21) помещена статья г. С. Булгакова «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия», посвященная критике сочинения Каутского об аграрном вопросе. Г. Булгаков совершенно справедливо говорит, что «книга Каутского представляет собою целое миросозерцание», что она имеет крупное и теоретическое, и практическое значение. Это — едва ли не первое систематичное и научное исследование вопроса, который вызывал и продолжает вызывать горячие споры во всех странах даже между писателями, солидарными в общих воззрениях и признающими себя марксистами. Г-н Булгаков «ограничивается негативной критикой», критикой «отдельных положений книги Каутского» (которую он «кратко» — мы увидим, что слишком кратко и очень неточно излагает для читателей «Начала»). «Со временем» г. Булгаков надеется «дать систематическое изложение вопроса о капиталистической эволюции сельского хозяйства» и таким образом противопоставить Каутскому «также целое миросозерцание».

Мы не сомневаемся, что и в России книга Каутского вызовет не мало споров между марксистами, что и в России одни из них будут против Каутского, другие за него. По крайней мере, пишущий эти строки самым решительным образом расходится с мнением г. Булгакова, с его оценкой книги Каутского. Оценка эта, — несмотря на то, что г. Булгаков признает «Die Agrarfrage»[*] «замечательным произведением», — поражает

[*] — «Аграрный вопрос». *Ред.*

своей резкостью и необычным в полемике между близкими по направлению писателями тоном. Вот образчики выражений г. Булгакова: «чрезвычайно поверхностно» ... «одинаково мало и настоящей агрономии, и настоящей экономии» ... «серьезные научные проблемы Каутский обходит *фразой»,* (курсив г. Булгакова!!) и т. д., и т. д. Присмотримся же хорошенько к выражениям строгого критика, знакомя вместе с тем читателя с книгой Каутского.

I

Еще прежде, чем г. Булгаков добрался до Каутского, от него достается мимоходом Марксу. Само собой разумеется, что г. Булгаков подчеркивает громадные заслуги великого экономиста, но замечает, что у Маркса «частью» попадаются даже «ошибочные представления... уже достаточно опровергнутые историей». «К числу таких представлений принадлежит, например, то, по которому в земледелии переменный капитал так же убывает относительно постоянного, как в обрабатывающей промышленности, так что органический состав земледельческого капитала все повышается». Кто ошибается здесь, Маркс или г. Булгаков? Г-н Булгаков имеет в виду тот факт, что в земледелии прогресс техники и увеличение интенсивности хозяйства ведет часто *к увеличению* количества труда, необходимого для обработки данной площади. Это бесспорно, но отсюда еще далеко до отрицания теории об уменьшении переменного капитала *относительно* постоянного, *в пропорции* к постоянному. Теория Маркса утверждает лишь, что отношение $\frac{v}{c}$ ($\boldsymbol{v}$ — переменный капитал, $\boldsymbol{c}$ = постоянный капитал) имеет в общем тенденцию уменьшаться, хотя бы даже v возрастало на единицу площади, — разве это опровергает теорию Маркса, если при этом c возрастает еще быстрее? По отношению к сельскому хозяйству капиталистических стран, взятому в общем и целом, мы видим уменьшение $\boldsymbol{v}$ и увеличение $\boldsymbol{c}$. Сельское население и число сельских рабочих убывает и в Германии, и во Франции, и в Англии, между тем

как число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, растет. В Германии, например, сельское население с 1882 по 1895 г. убыло с 19,2 млн. до 18,5 (число сельских наемных рабочих с 5,9 млн. до 5,6), тогда как число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, возросло с 458 369 до 913 391*; число паровых машин, употребляемых в сельском хозяйстве, поднялось с 2731 (1879)до 12 856 (1897); причем число паровых лошадиных сил увеличилось еще больше. Количество рогатого скота поднялось с 15,8 млн. до 17,5, а свиней с 9,2 до 12,2 (1883 и 1892 гг.). Во Франции сельское население уменьшилось с 6,9 млн. чел. («самостоятельных») в 1882 г. до 6,6 млн. в 1892 г., а число сельскохозяйственных машин росло так: в 1862 г. — 132 784; в 1882 — 278 896; в 1892 — 355 795; число рогатого скота: 12,0—13,0—13,7 млн., лошадей — 2,91—2,84—2,79 млн. (уменьшение числа лошадей за 1882—1892 гг. менее значительно, чем уменьшение сельского населения). Итак, в общем и целом по отношению к современным капиталистическим странам история *подтвердила* применимость закона Маркса к земледелию, а отнюдь не опровергла его. Ошибка г. Булгакова состоит в том, что он слишком поспешно возвел отдельные агрономические факты, не всмотревшись в их значение, на степень *общих* экономических законов. Мы подчеркиваем «общих», потому что ни Маркс, ни его ученики не смотрели никогда иначе на данный закон, как на закон общих тенденций капитализма, отнюдь не закон всех отдельных случаев. Даже по отношению к промышленности сам Маркс указал, что периоды технических преобразований (когда отношение $\frac{v}{c}$ уменьшается) сменяются периодами прогресса на данном техническом основании (когда отношение $\frac{v}{c}$ неизменно, а в отдельных случаях может и увеличиваться). Мы знаем в промышленной истории капиталистических стран такие случаи, когда по отношению к целым

* Сосчитаны вместе различные машины. Все цифры, когда нет особых указаний, взяты из книги Каутского.

отраслям промышленности этот закон нарушается. Например, когда крупные капиталистические мастерские (неточно называемые фабриками) разлагаются, чтобы уступить место капиталистической работе на дому. Относительно же земледелия не подлежит никакому сомнению, что процесс развития капитализма в нем неизмеримо сложнее и принимает несравненно более разнообразные формы.

Перейдем к Каутскому. Очерк сельского хозяйства в феодальную эпоху, с которого начинает Каутский, оказывается будто бы «очень поверхностно составленным и излишним». Трудно понять мотивы такого вердикта. Мы уверены, что если г. Булгакову удастся осуществить свой план и дать систематическое изложение вопроса о капиталистической эволюции земледелия, то ему необходимо придется обрисовать основные черты *докапиталистической* экономии сельского хозяйства. Иначе нельзя понять и характера *капиталистической* экономии и тех переходных форм, которые связывают ее с феодальной. Сам же г. Булгаков признает громадное значение «той формы, которую земледелие имело *в начале* (курсив г. Булгакова) своего капиталистического бега». Каутский именно с «начала капиталистического бега» европейского земледелия и начинает. Очерк феодального земледелия составлен у Каутского, по нашему мнению, превосходно: с той замечательной отчетливостью, с тем уменьем выбрать главное и существенное, не теряясь во второстепенных деталях, которые свойственны вообще этому писателю. Каутский прежде всего дает в введении в высшей степени точную и правильную постановку вопроса. Он самым решительным образом заявляет: «Не подлежит никакому сомнению,— мы готовы принять это a priori (von vornherein)* доказанным, — что сельское хозяйство не развивается по тому же шаблону, как и индустрия: оно подчиняется особым законам» (S.** 5—6). Задача состоит в том, чтобы «исследовать, овладевает ли капитал сельским хозяйством и как именно овладевает он им, как он

* — заранее (с самого начала). *Ред.*
** — Seiten — страницы. *Ред.*

преобразует его, как именно делает он несостоятельными старые формы производства и формы собственности и создает необходимость новых форм» (S. 6). Такая и только такая постановка вопроса и может привести к удовлетворительному выяснению «развития сельского хозяйства в капиталистическом обществе» (заглавие первого, теоретического, отдела книги Каутского).

В начале «капиталистического бега» земледелие было в руках *крестьянина,* подчиненного, по общему правилу, феодальному режиму общественного хозяйства. И Каутский характеризует прежде всего *строй* крестьянского хозяйства, соединение земледелия с домашней промышленностью, затем элементы разложения этого парадиза* мелкобуржуазных и консервативных писателей (à la Сисмонди), значение ростовщичества, постепенное «проникновение в деревню, в недра самого крестьянского хозяйства, классового антагонизма, разрушающего старинную гармонию и общность интересов» (S. 13). Этот процесс начался еще в средние века и не завершился окончательно еще и в настоящее время. Мы подчеркиваем это заявление, потому что оно сразу показывает всю неправильность утверждения г. Булгакова, будто Каутский даже не ставил вопроса о том, кто был носителем технического прогресса в земледелии. Каутский совершенно определенно поставил и выяснил этот вопрос, и всякий, внимательно прочитавший его книгу, усвоит ту (часто забываемую народниками, агрономами и многими другими) истину, что носителем технического прогресса в современном земледелии является *сельская буржуазия,* как мелкая, так и крупная, причем крупная (как показал Каутский) играет в этом отношении более важную роль, чем мелкая.

II

Обрисовав затем (в III главе) основные черты феодального земледелия, — господство трехполья, этой консервативнейшей системы земледелия; угнетение и экспроприацию крестьянства крупным поместным

* — рая. *Ред.*

дворянством; организацию этим последним феодально-капиталистического хозяйства; превращение крестьянина в голодающего нищего (Hungerleider) в течение XVII и XVIII веков; развитие буржуазного крестьянства (Grossbauern, не обходящихся без найма батраков и поденщиков), для которого не годились старые формы сельских отношений и поземельной собственности; ниспровержение этих форм, расчистку пути для «капиталистического, интенсивного сельского хозяйства» (S. 26) силами развившегося в недрах индустрии и городов класса буржуазии, — обрисовав это, Каутский переходит к характеристике «современного (moderne) сельского хозяйства» (IV глава).

Эта глава дает замечательно точный, сжатый и ясный очерк той гигантской революции, которую произвел в земледелии капитализм, превратив рутинное ремесло забитых нуждой и задавленных темнотой крестьян в научное применение агрономии, нарушив вековой застой сельского хозяйства, дав (и продолжая давать) толчок быстрому развитию производительных сил общественного труда. Трехполье заменилось плодопеременной системой, улучшилось содержание скота и обработка почвы, повысились урожаи, сильно развилась специализация земледелия, разделение труда между отдельными хозяйствами. Докапиталистическое однообразие сменилось все усиливающимся разнообразием, сопровождающимся техническим прогрессом всех отраслей сельского хозяйства. Создалось и стало быстро расти применение машин к сельскому хозяйству, применение пара; начинается применение электричества, которому, — как указывают специалисты, — суждено сыграть еще более крупную роль в этой отрасли производства, чем пару. Развилось применение подъездных дорог, мелиорации, употребление искусственных удобрений, сообразно с данными физиологии растений; стала применяться к сельскому хозяйству бактериология. Мнение г. Булгакова, будто Каутский «не сопровождает эти сведения*

* «Все эти сведения, — полагает г. Булгаков, — можно почерпнуть из всякого (sic!) (так! *Ред.)* руководства по экономии сельского хозяйства». Мы не разделяем этого розового взгляда г. Булгакова на «руководства». Возьмем из числа «всяких» русские книги гг. Скворцова («Паровой транспорт») и Н. Каблукова («Лекции», наполовину перепечатанные в «новой» книге «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России»). Ни у того, ни у другого читатель не мог бы почерпнуть картины того переворота, который произвел *капитализм* в земледелии, потому что ни один из них не задается даже целью представить общую картину перехода от феодального к капиталистическому хозяйству.

экономическим анализом», — совершенно неосновательно. Каутский точно указывает связь этого переворота с ростом *рынка* (в частности с ростом городов), с подчинением сельского хозяйства *конкуренции, вынудившей* преобразование земледелия и специализацию его. «Этот переворот, исходящий от городского капитала, усиливает зависимость сельского хозяина от рынка и, кроме того, постоянно изменяет существенные для него рыночные условия. Та отрасль производства, которая была доходна до тех пор, пока ближайший рынок соединялся с мировым рынком лишь шоссейной дорогой, становится бездоходной и необходимо должна быть заменена другой отраслью производства, когда местность прорезывается железной дорогой. Если, например, железная дорога подвозит более дешевый зерновой хлеб, производство зерна становится безвыгодным, но в то же время создается возможность сбыта для молока. Рост товарного обращения дает возможность переносить в страну новые, улучшенные сорта растений» и т. д. (S. 37—38). «В феодальную эпоху, — говорит Каутский, — не было иного земледелия, кроме мелкого, ибо помещик обрабатывал свои поля тем же крестьянским инвентарем. Капитализм впервые создал возможность крупного производства в земледелии, технически более рационального, чем мелкое». Говоря о сельскохозяйственных машинах, Каутский (мимоходом сказать, точно указавший особенности земледелия в этом отношении) выясняет *капиталистический* характер их употребления, влияние их на рабочих, значение машин, как фактора прогресса, «реакционную утопичность» проектов об ограничении употребления сельскохозяйственных машин. «Сельскохозяйственные машины будут продолжать свою преобразовательную деятельность: они будут выгонять сельских рабочих

в города, служа таким образом могучим орудием, с одной стороны, повышения заработных плат в деревне, с другой стороны, дальнейшего развития применения машин к сельскому хозяйству» (S. 41). Добавим, что в особых главах Каутский подробно выясняет и капиталистический характер современного земледелия, и отношение крупного производства к мелкому, и пролетаризацию крестьянства. Утверждение г. Булгакова, будто Каутский «не ставит вопроса, почему были необходимы все эти чудодейственные перемены», как мы видим, совершенно неверно.

В V главе («Капиталистический, характер современного сельского хозяйства») Каутский излагает теорию стоимости, прибыли и ренты Маркса. «Без денег современное сельскохозяйственное производство невозможно, — говорит Каутский, — или, что то же, оно невозможно *без капитала.* В самом деле, при современном способе производства всякая денежная сумма, не служащая целям личного потребления, может превратиться в капитал, т. е. в стоимость, порождающую прибавочную стоимость, и по общему правилу действительно превращается в капитал. Современное сельскохозяйственное производство представляет из себя, следовательно, капиталистическое производство» (S. 56). Это место дает нам, между прочим, возможность оценить следующее заявление г. Булгакова: «Я употребляю этот термин (капиталистическое земледелие) в обычном смысле (в том же смысле употребляет его и Каутский), т. е. в смысле крупного хозяйства в земледелии. На самом же деле (sic!) при капиталистической организации *всего* народного хозяйства вообще нет некапиталистического земледелия, которое *все* определяется общими условиями организации производства, и лишь в пределах его следует различать крупное, предпринимательское, и мелкое земледелие. Для ясности и здесь нужен новый термин». Выходит ведь, что г. Булгаков *поправил* Каутского... «На самом же деле», как видит читатель, Каутский *вовсе не употребляет* термин «капиталистическое земледелие» в том «обычном», неточном смысле, в котором употребляет его г. Булгаков. Каутский

прекрасно понимает и очень точно и ясно говорит, что при капиталистическом способе производства всякое земледельческое производство является «по общему правилу» капиталистическим. В основание этого мнения приводится тот простой факт, что для современного земледелия необходимы деньги, а деньги, не идущие на личное потребление, становятся в современном обществе капиталом. Нам представляется, что это немного пояснее «поправки» г. Булгакова и что Каутский вполне показал возможность обойтись и без «нового термина». В V главе своей книги Каутский утверждает, между прочим, что и арендная система, которая так полно развилась в Англии, и ипотечная система, которая с поразительной быстротой развивается в континентальной Европе, выражает собою в сущности один и тот же процесс, а именно: *процесс отделения сельского хозяина от земли*[*]. В капиталистической системе фермерства это отделение ясно как день. В ипотечной системе оно «менее ясно, и дело обстоит не так просто, но в сущности сводится к тому же» (S. 86). Очевидно, в самом деле, что залог земли есть залог или продажа поземельной ренты. Следовательно, и при ипотечной системе, как и при арендной системе, получатели ренты (= землевладельцы) отделяются от получателей предпринимательской прибыли (= сельских хозяев, сельских предпринимателей). Г-ну Булгакову «вообще неясно значение этого утверждения Каутского». «Едва ли можно считать доказанным, чтобы ипотека выражала собой отделение земли от сельского хозяина». «Во-1-х, нельзя доказать, чтобы задолженность поглощала собой *всю* ренту, это возможно лишь как исключение...» Мы отвечаем на это: нет никакой надобности доказывать, что проценты по ипотечным долгам поглощают *всю* ренту, точно так же, как нет надобности доказывать, что *действительная* арендная плата совпадает с рентой. Достаточно доказать, что ипотечная задолженность

[*] В третьем томе «Капитала» Маркс указал на этот процесс (не разбирая его различных *форм* в разных странах) и отметил, что это «отделение земли, как условия производства, от землевладения и от землевладельца» есть «один из великих результатов капиталистического способа производства» (III, 2, 156—157. Русский перевод, 509—510)[48].

растет с гигантской быстротой, что землевладельцы стараются заложить всю свою землю, стремятся продать всю ренту. В наличности этой тенденции — теоретический экономический анализ может вообще иметь дело только с тенденциями — нельзя сомневаться. Следовательно, несомненен и процесс отделения земли от сельского хозяина. Соединение в одном лице получателя ренты и получателя предпринимательской прибыли есть, «с исторической точки зрения, исключение» (ist historisch eine Ausnahme, S. 91)... «Во-2-х, нужно проанализировать в каждом данном случае причины и источники задолженности, чтобы понять ее значение». Это, вероятно, либо опечатка, либо обмолвка. Г-н Булгаков не может требовать, чтобы экономист (трактующий притом о «развитии сельского хозяйства в капиталистическом обществе» *вообще)* должен был или хотя бы мог исследовать причины задолженности «в *каждом данном случае».* Если г. Булгаков хотел сказать о необходимости анализировать причины задолженности в разных странах в разные периоды, то мы не можем согласиться с ним. Каутский совершенно прав, что монографий по аграрному вопросу накопилось слишком много, что насущная задача современной теории — вовсе не добавление новых монографий, а «исследование основных тенденций капиталистической эволюции сельского хозяйства в ее целом» (Vorrede, S. VI*). К числу этих основных тенденций, несомненно, принадлежит и отделение земли от сельского хозяина в форме роста ипотечной задолженности. Каутский точно и ясно определил настоящее значение ипотек, их прогрессивный исторический характер (отделение земли от сельского хозяина есть одно из условий обобществления сельского хозяйства, S. 88), их необходимую роль в капиталистической эволюции земледелия**. Все рассуждения Каутского по этому вопросу чрезвычайно

* — Предисловие, стр. VI. *Ред.*

** Увеличение ипотечной задолженности отнюдь не всегда указывает на угнетенное состояние сельского хозяйства... Прогресс и процветание сельского хозяйства равным образом (как и его упадок) «должны выражаться в росте ипотечных долгов — во-1-х, вследствие растущей потребности прогрессирующего сельского хозяйства в капитале; во-2-х, вследствие роста поземельной ренты, дающего возможность расширить сельскохозяйственный кредит» (S. 87).

ценны теоретически и дают сильное оружие против столь распространенных (особенно во «всяких руководствах по экономии сельского хозяйства») буржуазных разглагольствований о «бедствиях» задолженности и о «мерах помощи»... «В-3-х, — заключает г. Булгаков,— сдаваемая в аренду земля может быть, в свою очередь, заложена и в этом смысле стать в положение земли не арендуемой». Странный довод! Пусть укажет г. Булгаков хоть одно экономическое явление, хоть одну экономическую категорию, которые бы не переплетались с другими. Случаи совмещения аренды с ипотекой не опровергают и даже не ослабляют того положения теории, что процесс отделения земли от сельского хозяина выражается в двух формах: в арендной системе и в ипотечной задолженности.

«Еще более неожиданным» и «вполне неверным» объявляет также г. Булгаков положение Каутского, что «страны развитой арендной системы суть также страны с преобладанием крупного землевладения» (S. 88). Каутский говорит здесь о концентрации землевладения (при арендной системе) и концентрации ипотек (при системе собственного хозяйства землевладельцев), как об условии, облегчающем уничтожение частной поземельной собственности. По вопросу о концентрации землевладения, — продолжает Каутский, — нет такой статистики, «которая бы позволяла проследить соединение нескольких владений в одних руках», но «в общем можно принять», что увеличение числа аренды и площади арендованной земли идет рядом с концентрацией землевладения. «Страны развитой арендной системы суть также страны с преобладанием крупного землевладения». Ясно, что все это рассуждение Каутского только и относится к странам развитой арендной системы, а г. Булгаков ссылается на Восточную Пруссию, где он «надеется показать» рост аренды наряду с раздроблением крупного землевладения, и хочет этим отдельным примером опровергнуть Каутского!

Напрасно только забывает г. Булгаков сообщить читателю, что Каутский сам указывает раздробление крупных имений и рост крестьянской аренды в Ост-Эльбии, выясняя при этом, как мы увидим ниже, настоящее значение этих процессов.

Концентрацию землевладения в странах ипотечной задолженности Каутский доказывает концентрацией ипотечных учреждений. Г-н Булгаков это находит недоказательным. «Легко может быть, — по его мнению, — что происходит деконцентрация капитала (путем акций) наряду с концентрацией кредитных учреждений». Ну, по этому вопросу мы уже не станем спорить с г. Булгаковым.

III

Рассмотрев основные черты феодального и капиталистического земледелия, Каутский переходит к вопросу о «крупном и мелком производстве» (гл. VI) в сельском хозяйстве. Эта глава — одна из лучших в книге Каутского. Он рассматривает здесь сначала «техническое превосходство крупного производства». Решая вопрос в пользу крупного производства, Каутский дает отнюдь не абстрактную формулу, игнорирующую гигантское разнообразие сельскохозяйственных отношений (как полагает в высшей степени неосновательно г. Булгаков), а, напротив, ясно и точно указывает на необходимость принимать во внимание это разнообразие для применения закона теории к практике. Превосходство крупного производства в земледелии над мелким неизбежно — *«само собой разумеется»* лишь *«при прочих равных условиях»* (S. 100. Курсив мой). Это во-первых. И в промышленности ведь закон превосходства крупного производства вовсе не так абсолютен и так прост, как иногда думают; и там лишь равенство *«прочих условий»* (далеко не всегда имеющее место в действительности) обеспечивает полную применимость закона. В земледелии же, которое отличается несравненно большей сложностью и разнообразием отношений, полная применимость закона о превосходстве крупного производства обставлена значительно более строгими

условиями. Например, Каутский замечает очень метко, что на границе между крестьянским и маленьким помещичьим имением происходит «превращение количества в качество»: крупное крестьянское хозяйство может быть «если не технически, то экономически выше» мелкого помещичьего. Содержание научно-образованного управляющего (одно из важных преимуществ крупного производства) чересчур обременительно для мелкого поместья, а собственное заведование самого хозяина бывает часто лишь «юнкерским», но вовсе не научным. Во-вторых, превосходство крупного производства в земледелии имеет место лишь до известного предела. Каутский подробно исследует эти пределы в дальнейшем изложении. Само собой разумеется также, что эти пределы не одинаковы для различных отраслей сельского хозяйства и при различных общественно-экономических условиях. В-третьих, Каутский нисколько не игнорирует того, что *«пока»* есть и такие отрасли сельского хозяйства, в которых мелкое производство специалисты признают способным к конкуренции, например, огородничество, виноградарство, культура торговых растений и т. п. (S. 115). Но такие культуры имеют совершенно подчиненное значение по отношению к главным (entscheidenden) отраслям сельского хозяйства: производству зернового хлеба и скотоводству. Кроме того, «и в области огородной культуры и культуры винограда имеются уже достаточно успешные крупные производства» (S. 115). Поэтому «если говорить о сельском хозяйстве в общем и целом (im allgemeinen), то те отрасли его, в которых мелкое производство имеет превосходство над крупным, не приходится брать в расчет, и вполне можно сказать, что крупное производство имеет решительное превосходство над мелким» (S. 116).

Доказав техническое превосходство крупного производства в земледелии (более подробно аргументы Каутского мы изложим ниже, разбирая возражения г. Булгакова), Каутский задается вопросом: «что может противопоставить мелкое производство преимуществам крупного?» и отвечает: «большее прилежание и

бо̀льшую заботливость работника, который, в отличие от наемника, работает на себя самого, а затем такой низкий уровень потребностей мелкого самостоятельного земледельца, который оказывается даже ниже уровня сельского рабочего» (S. 106), — и целым рядом рельефных данных о положении крестьян во Франции, Англии и Германии Каутский ставит вне всякого сомнения факт «чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком производстве». Наконец, Каутский указывает на то, что превосходство крупного производства выражается также в стремлении сельских хозяев устраивать *товарищества:* «товарищеское производство есть крупное производство». Известно, как носятся с товариществами мелких земледельцев идеологи мещанства вообще и российские народники в частности (назовем хоть цитированную выше книгу г. Каблукова). Тем более значения приобретает поэтому превосходный анализ роли товариществ, данный Каутским. Товарищества мелких сельских хозяев являются, конечно, звеном экономического прогресса, но выражают они *переход к капитализму* (Fortschritt zum Kapitalismus), *а вовсе не к коллективизму,* как часто думают и утверждают (S. 118). Товарищества не ослабляют, а усиливают превосходство (Vorsprung) крупного производства в сельском хозяйстве над мелким, потому что крупные хозяева имеют больше возможности устраивать товарищества и больше пользуются этой возможностью. Что общинное, коллективистическое крупное производство выше капиталистического крупного производства, это Каутский признает — само собой разумеется — с полной решительностью. Он останавливается на опытах коллективного ведения земледелия, которые делались в Англии последователями Оуэна*, на аналогичных общинах в Северо-Американских Соединенных Штатах. Все эти эксперименты, — говорит Каутский, — *неопровержимо доказывают,* что коллективное ведение работниками крупного современного земледелия вполне

* На стр. 124—126 Каутский описывает земледельческую коммуну в Рэлэгайне (Ralahine), о которой, между прочим, рассказывает русским читателям и г, Дионео в № 2 «Русского Богатства»[49] за текущий год.

возможно, но, чтобы эта возможность перешла в действительность, для этого необходим «целый ряд известных экономических, политических и интеллектуальных условий». Мелкому производителю (и ремесленнику, и крестьянину) мешает перейти к коллективному производству крайне слабое развитие солидарности, дисциплины, их изолированность, их «фанатизм собственников», констатируемый не только среди западноевропейских крестьян, но, — добавим от себя, — и среди русских «общинных» крестьян (вспомните А. Н. Энгельгардта и Гл. Успенского). «Нелепо ждать, — категорически заявляет Каутский, — чтобы крестьянин в *современном обществе* перешел к общинному производству» (S. 129). Таково чрезвычайно богатое содержание VI главы книги Каутского. Г-н Булгаков особенно недоволен этой главой. Каутский, — говорят нам, — повинен в «основном грехе» смешения различных понятий, «технические преимущества смешиваются с экономическими». Каутский «исходит из неверного предположения, будто более совершенный *технически* способ производства является более совершенным, т. е. более жизнеспособным и *экономически».* Это решительное суждение г-на Булгакова совершенно неосновательно, как, мы надеемся, убедился уже читатель из нашего изложения хода рассуждений Каутского. Нисколько не смешивая техники и экономики*, Каутский поступает

* Единственно, на что мог бы опереться г. Булгаков, это то *название,* которое дал Каутский первому параграфу VI главы: «а) *техническое* превосходство крупного производства», тогда как говорится в этом параграфе и о технических, и об экономических преимуществах последнего. Но разве это доказывает, как Каутский *смешивает* технику и экономику? Да и то еще, собственно говоря, вопрос, есть ли неточность в обозначении Каутского. Дело в том, что Каутский имел целью противопоставить содержание 1-го и 2-го §§ VI главы: в 1-ом (а) говорится о техническом превосходстве крупного производства в капиталистическом сельском хозяйстве, и здесь наряду с машинами и пр. фигурирует, например, кредит. Г-н Булгаков иронизирует: «своеобразное техническое превосходство». Но rira bien qui rira le dernier! (хорошо смеется тот, кто смеется последним! *Ред.)* Загляните в книгу Каутского, и вы увидите, что он имеет в виду главным образом тот прогресс в *технике* кредитного дела (а далее и в технике торговли), который доступен *только* крупному хозяину. Напротив, во 2-ом § (в) речь идет о сравнении количества труда и нормы потребления работника в крупном и мелком производстве, следовательно, здесь рассматриваются *чисто экономические различия* между мелким и крупным производством. *Экономика* кредита и торговли — одинакова для обоих, но *техника* — различна.

совершенно правильно, исследуя вопрос о соотношении крупного и мелкого производства в земледелии *при прочих равных условиях* в обстановке капиталистического хозяйства. *В первой же фразе первого параграфа VI главы Каутский точно указывает эту связь между высотой развития капитализма и степенью общеприменимости закона о превосходстве крупного земледелия:* «Чем более капиталистическим становится сельское хозяйство, тем в больших размерах развивает оно качественную разницу между техникой мелкого и крупного производства» (S. 92). В докапиталистическом земледелии этой качественной разницы не было. Что же сказать о строгом назидании г-на Булгакова Каутскому: «На самом деле, вопрос должен быть поставлен так: какое значение в конкуренции крупного и мелкого производства, *при данных социально-экономических условиях,* могут иметь те или иные особенности каждой из этих форм производства?». Это — «поправка» совершенно такого же свойства, как и рассмотренная нами выше.

Посмотрим теперь, как опровергает г. Булгаков аргументы Каутского в пользу технического превосходства крупного производства в земледелии. Каутский говорит: «Одно из важнейших отличий сельского хозяйства от индустрии состоит в том, что производство в собственном смысле слова (Wirtschaftsbetrieb, хозяйственное предприятие) обыкновенно связано здесь с домашним хозяйством (Haushalt), чего в индустрии нет». А что более крупное домашнее хозяйство имеет преимущество над мелким по сбережению труда и материала, это вряд ли требует доказательств... Первое покупает (это заметьте! *В. И.)* «керосин, цикорий, маргарин — оптом, второе — в розницу, и пр.» (S. 93). Г-н Булгаков «поправляет»: «Каутский хотел сказать не то, что это технически выгодней, а что это *стоит* меньше»!.. Не ясно ли, что и в этом случае (как и во всех остальных) попытка г. Булгакова «поправлять» Каутского более, чем неудачна? «Этот аргумент, — продолжает строгий критик, — сам по себе тоже очень сомнителен, потому что в ценность продукта, при известных условиях,

ценность разрозненных изб может вовсе не входить, а ценность общей избы войдет, да еще с процентом. Это тоже зависит от социально-экономических условий, которые — а не мнимо-технические преимущества крупного производства над мелким — следовало бы исследовать...» Во-1-х, г. Булгаков забывает ту мелочь, что Каутский, исследуя сначала сравнительное значение крупного и мелкого производства *при прочих равных условиях,* в дальнейшем изложении подробно разбирает и эти условия. Г-н Булгаков хочет, следовательно, смешать в одну кучу различные вопросы. Во-2-х. Каким образом ценность крестьянских изб может не входить в ценность продукта? Только в силу того, что крестьянин «не считает» ценности своего леса или своего труда по постройке и ремонту избы. Поскольку крестьянин ведет еще натуральное хозяйство, он, конечно, может «не считать» своего труда, — и г. Булгаков напрасно забывает сказать читателю, что *Каутский с полной ясностью и точностью указывает это на стр. 165—167 своей книги* (гл. VIII, «Пролетаризация крестьянина»). Но ведь теперь речь идет о «социально-экономических условиях» капитализма, а не натурального и не простого товарного хозяйства. А в капиталистической общественной обстановке «не считать» своего труда — значит отдавать даром свой труд (купцу или другому капиталисту), значит работать за неполную оплату рабочей силы, значит понижать уровень потребностей ниже нормы. *Это* отличие мелкого производства Каутский, как мы видели, вполне признал и верно оценил. Г-н Булгаков в своем возражении Каутскому повторяет обычный прием и обычную ошибку буржуазных и мелкобуржуазных экономистов. Эти экономисты прожужжали все уши, воспевая «жизнеспособность» мелкого крестьянина, который-де может не считать своего труда, не гнаться за прибылью и рентой и пр. Эти добрые люди забывали только, что подобное рассуждение смешивает «социально-экономические условия» натурального хозяйства, простого товарного производства и капитализма. Каутский превосходно разъясняет все

эти ошибки, *строго различая* тот или иной строй общественно-экономических отношений. «Если сельскохозяйственное производство мелкого крестьянина, — говорит он, — не вовлечено в область товарного производства, если оно составляет лишь часть домашнего хозяйства, тогда оно остается также вне области централизирующих тенденций современного способа производства. Как бы нерационально ни было его парцелльное хозяйство, к какой бы растрате сил оно ни вело, он держится за него прочно, — точно так же, как его жена держится за ее убогое домашнее хозяйство, которое точно так же дает при громаднейшей затрате рабочей силы бесконечно жалкие результаты, но которое представляет из себя единственную область, где она не подчинена чужой воле и свободна от эксплуатации» (S. 165). Дело меняется, когда натуральное хозяйство вытесняется товарным. Крестьянину приходится продавать продукты, покупать орудия, *покупать землю.* Покуда крестьянин остается *простым товаропроизводителем,* он может довольствоваться жизненным уровнем наемного рабочего; ему не нужны прибыль и рента, он может заплатить за землю более высокую плату, чем та, которую мог бы дать капиталист-предприниматель (S. 166). Но простое товарное производство вытесняется *капиталистическим производством.* Если, например, крестьянин заложил свою землю, он должен уже добывать и ренту, которая продана кредитору. На этой ступени развития только формально можно считать крестьянина простым товаропроизводителем. De facto* он имеет уже обыкновенно дело с *капиталистом* — кредитором, купцом, промышленным предпринимателем, у которого он вынужден искать «подсобных занятий», т. е. продавать ему свою рабочую силу. На этой стадии, — а Каутский, повторяем, сопоставляет крупное и мелкое земледелие в капиталистическом обществе, — возможность «не считать своего труда» означает для крестьянина лишь одно: надрываться над работой и бесконечно суживать свои потребности.

* — Фактически, на деле. *Ред.*

Так же несостоятельны и другие возражения г. Булгакова. Мелкое производство допускает в более узких пределах употребление машин; мелкому хозяину труднее и дороже достается кредит, — говорит Каутский. Г-н Булгаков находит, что эти аргументы неверны, и ссылается на... крестьянские товарищества! Полным молчанием обходятся при этом доказательства Каутского, давшего приведенную нами выше оценку этих товариществ и их значения. По вопросу о машинах г. Булгаков опять делает выговор Каутскому, что он не поставил «более общего экономического вопроса: какова вообще экономическая роль машин в сельском хозяйстве» (г. Булгаков забыл уже о IV главе книги Каутского!) «и является ли она в нем таким же неизбежным орудием, как в обрабатывающей промышленности?». Каутский ясно указал капиталистический характер употребления машин в современном сельском хозяйстве (S. 39, 40 и следующие), отметил особенности земледелия, создающие «технические и экономические затруднения» применению машин в земледелии (S. 38 и следующие), привел данные о растущем употреблении машин (40), об их техническом значении (42 и следующие), о роли пара и электричества. Каутский указал, какие размеры хозяйств необходимы по данным агрономии для полного использования разных машин (94), указал, что по данным германской переписи 1895 года процент хозяйств, употребляющих машины, правильно и быстро повышается от мелких хозяйств к крупным (2% в хозяйствах до 2 гектаров; 13,8% в хоз. 2—5 г.; 45,8% в хоз. 5—20 г.; 78,8% в хоз. 20— 100 г.; 94,2% в хоз. 100 и более гектаров). Г-н Булгаков желал бы вместо этих данных видеть «общие» рассуждения о «непобедимости» или победимости машин!..

«Указание на то, что при мелком производстве приходится большее количество рабочего скота на гектар... неубедительно... ввиду того, что при этом не исследуется... степень скотоинтенсивности хозяйства», — говорит г. Булгаков. Открываем ту страницу книги Каутского, где делается это указание, и читаем:

«... Большое число коров в мелком хозяйстве» (по расчету на 1000 гектаров) «в не незначительной степени зависит также и от того, что крестьянин более занимается скотоводством и менее производством хлебов, чем крупный хозяин; но различие в содержании лошадей не может быть объяснено этим» (стр. 96, где приведены данные о Саксонии 1860 г., о всей Германии 1883 г. и Англии 1880 года). Напомним, что и в России земская статистика обнаружила тот же закон, выражающий превосходство крупного земледелия над мелким: крупные крестьянские хозяйства обходятся меньшим, на единицу площади, количеством скота и инвентаря*.

Изложение аргументов Каутского о превосходстве крупного производства над мелким в капиталистическом сельском хозяйстве дано г. Булгаковым далеко не полное. Превосходство крупного земледелия состоит не только в меньшей потере культурной площади, в сбережениях на живом и мертвом инвентаре, в более полном использовании инвентаря, в более широкой возможности применять машины, в большей доступности кредита, но также и в коммерческом превосходстве крупного хозяйства, в употреблении этим последним научно-образованных руководителей хозяйства (Kautsky, S. 104). Крупное земледелие в бо̀льших размерах пользуется кооперацией рабочих и разделением труда. Особенно важное значение приписывает Каутский научному агрономическому образованию сельского хозяина. «Вполне научно-образованного сельского хозяина может содержать лишь такое производство, которое достаточно велико, чтобы труд руководства и надзора за хозяйством вполне занял рабочую силу лица» (S. 98: «эта величина хозяйства изменяется вместе с видом производства» от 3 гектаров при культуре винограда до 500 гектаров при экстенсивном хозяйстве). Каутский отмечает при этом тот интересный и

* См. *В. Е. Постников,* «Южнорусское крестьянское хозяйство». Ср. *В. Ильин,* «Развитие капитализма», гл. II, § 1. (Сочинения, 5 изд., том 3. *Ред.)*

крайне характерный факт, что распространение низших и средних сельскохозяйственных школ приносит пользу не крестьянину, а крупному хозяину, доставляя ему служащих (то же наблюдается и в России). «То высшее образование, которое необходимо для вполне рационального производства, трудно совместимо с современными условиями существования крестьян. Это означает осуждение, разумеется, не высшего образования, а условий жизни крестьян. Это означает лишь то, что крестьянское производство держится наряду с крупным производством не благодаря более высокой производительности, а благодаря более низким потребностям» (99). Крупное производство должно содержать не одни только крестьянские рабочие силы, но и городские рабочие силы, по уровню потребностей стоящие несравненно выше.

Те в высшей степени интересные и важные данные, которые приводит Каутский в доказательство «чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком производстве», г. Булгаков называет «несколькими (!) случайными (??) цитатами». Г-н Булгаков «берется» привести такое же количество «цитат противоположного характера». Он забывает только сказать, не берется ли он также выставить *противоположное утверждение,* которое он стал бы доказывать «цитатами противоположного характера». В этом ведь вся суть дела! Не берется ли г. Булгаков утверждать, что крупное производство в капиталистическом обществе отличается от крестьянского чрезмерной работой и пониженным потреблением работника? Г-н Булгаков достаточно осторожен, чтобы выставлять такое комичное утверждение. Факт чрезмерной работы и понижения потребностей крестьян он считает возможным обойти замечанием, что «в одних местах крестьяне живут зажиточно, в других бедно!!». Что сказали бы вы об экономисте, который вместо обобщения данных о положении мелкого и крупного производства принялся бы исследовать разницу в «зажиточности» населения тех или других «мест»? Что сказали бы вы об экономисте, который обошел бы факт чрезмерной работы и пониженного

потребления кустарей по сравнению с фабричными рабочими замечанием, что «в одних местах кустари живут зажиточно, в других бедно»? Кстати, о кустарях. «По-видимому, — пишет г. Булгаков, — Каутскому мысленно предносилась параллель Hausindustrie*, где перерабатыванье не имеет технических границ» (как в земледелии), «но эта параллель сюда не годится». По-видимому, — ответим мы на это, — г. Булгаков поразительно невнимательно отнесся к критикуемой им книге, потому что параллель с Hausindustrie не «мысленно предносилась Каутскому», а *прямо и точно указана им на первой же странице того параграфа,* который посвящен вопросу о перерабатыванье (гл. VI, b, S. 106): «Как и в кустарной промышленности (Hausindustrie), семейная работа детей в мелком крестьянском хозяйстве действует еще губительнее, чем работа по найму у чужих лиц». Как ни решительно декретирует г. Булгаков, что эта параллель сюда не годится, тем не менее его мнение совершенно ошибочно. В промышленности перерабатыванье не имеет технических границ, а для крестьянина «ограничено техническими условиями земледелия», — рассуждает г. Булгаков. Спрашивается, кто же на самом деле смешивает технику и экономику: Каутский или г. Булгаков? При чем же тут техника земледелия или кустарной промышленности, когда факты говорят, что мелкий производитель и в земледелии, и в промышленности гонит на работу детей с более раннего возраста, работает большее число часов в день, живет «бережливее», урезывает свои потребности до того, что в цивилизованной стране выделяется, как настоящий «варвар» (выражение Маркса)? Неужели можно отрицать экономическую однородность подобных явлений в земледелии и в промышленности на том основании, что земледелие имеет массу особенностей (которых Каутский нисколько не забывает). «Мелкий крестьянин, даже при желании, не может работать больше, чем того требует его поле», — говорит г. Булгаков. Но мелкий крестьянин может

* — кустарной промышленности. *Ред.*

работать и работает по 14, а не по 12 часов; может работать и работает с той сверхнормальной напряженностью, которая изматывает его нервы и мускулы гораздо быстрее нормального. И потом, какая это неверная и утрированная абстракция — сводить все работы крестьянина к одному полю! У Каутского вы не найдете ничего подобного. Каутский прекрасно знает, что крестьянин работает также и в домашнем хозяйстве, работает над постройкой и ремонтом избы, хлева, орудий и пр., *«не считая»* всего этого добавочного труда, за который наемный рабочий в крупном хозяйстве потребует обычной платы. Не ясно ли для всякого непредубежденного человека, что перерабатыванье для крестьянина — мелкого земледельца — поставлено в *несравненно более широкие пределы,* чем для мелкого промышленника, если он *только* промышленник? Перерабатыванье мелкого земледельца, как всеобщий факт, наглядно доказывается тем, что все буржуазные писатели единогласно свидетельствуют о «прилежании» и «бережливости» крестьянина, обвиняя рабочих в «лености» и «мотовстве».

Мелкие крестьяне, — говорит цитируемый Каутским исследователь быта сельского населения в Вестфалии, — непомерно заваливают своих детей работой, так что их физическое развитие задерживается; таких дурных сторон не имеет работа по найму. Парламентской комиссии, исследовавшей аграрный быт Англии (1897), один мелкий крестьянин из Линкольна заявлял: «Я воспитал целую семью и до полусмерти замучил ее работой». Другой говорит: «Мы работаем с детьми по 18 часов, в среднем 10—12 часов». Третий: «Мы работаем тяжелее, чем поденщики, мы работаем как рабы». Г-н Рид (Read) следующим образом характеризует перед той же комиссией положение мелких крестьян в тех местностях, в которых преобладает земледелие в тесном смысле: «Единственное средство для него удержаться, это работать за двоих поденщиков, а расходовать столько же, сколько один поденщик. Его дети более замучены работой и хуже воспитаны, чем дети поденщиков» («Royal Commission on Agriculture final

report», p. 34, 358*. Цитир. у Каутского, S. 109). Не берется ли г. Булгаков утверждать, что не менее часто поденщики работают за двоих крестьян. Но особенно характерен следующий, приводимый Каутским, факт, показывающий, как «крестьянское искусство голодать (Hungerkunst) может вести к экономическому превосходству мелкого производства»: сравнение доходности двух крестьянских хозяйств в Бадене показывает в одном, *крупном,* дефицит в 933 марки, в другом, *вдвое более мелком,* избыток в 191 марку. Но первое хозяйство, которое велось исключительно наемными рабочими, должно было, как следует, кормить их, расходуя почти по 1 марке в день на человека (около 45 коп.), тогда как в мелком хозяйстве работали исключительно члены семьи (жена и 6 взрослых детей), содержание которых было *вдвое более скудным:* 48 пфеннигов в день на человека. Если бы семья мелкого крестьянина кормилась так же хорошо, как наемные рабочие крупного хозяина, мелкий получил бы дефицит в 1250 марок! «Его избыток происходил не из полных закромов, а из пустого желудка». Какая масса подобных примеров была бы открыта, если бы сравнения «доходности» крупных и мелких хозяйств в земледелии сопровождались учетом потребления и работы крестьян и наемных рабочих**. Вот другой расчет более высокой доходности мелкого хозяйства (4,6 гект.) по сравнению с крупным (26,5 гект.), расчет, делаемый в одном из специальных журналов. Но как получается высший доход? — спрашивает Каутский. Оказывается, мелкому земледельцу помогают дети, помогают с того возраста, как только начинают ходить, крупному же приходится расходоваться на детей (школа, гимназия). В мелком и старики, имеющие более 70 лет, «заменяют еще полную рабочую силу». «Обыкновенный поденщик, особенно в крупном производстве, работает и думает: когда же это придет вечерний отдых; а мелкий крестьянин, по

* — «Заключительный отчет королевской комиссии по сельскому хозяйству», стр. 34, 358. *Ред.*

** Ср. *В. Ильин,* «Развитие капитализма в России», стр. 112, 175, 201, (Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 161, 240—241, 269—270. *Ред.)*

крайней мере при всех спешных работах, думает: ах, если бы день был хоть часика на два подольше». Мелкие производители, — поучает нас все тот же автор статьи в агрономическом журнале, — лучше используют время при спешных работах: «раньше встают, позже ложатся, быстрее работают, тогда как у крупного хозяина рабочие не хотят вставать раньше, ложиться позже, работать напряженнее, чем в другие дни». Крестьянин умеет получать чистый доход благодаря своей «простой» жизни: живет в мазанке, построенной главным образом трудом семьи; жена замужем 17 лет и сносила всего одну пару ботинок, больше ходит босиком или в деревянных башмаках, семью она сама же и обшивает. Пища — картофель, молоко, изредка — селедка. Муж только по воскресеньям курит трубку табаку. «Эти люди не сознавали, что они живут особенно просто, и не выражали недовольства своим положением... При таком простом образе жизни они получали почти каждый год маленький избыток от своего хозяйства».

IV

Закончив анализ взаимоотношения крупного и мелкого производства в капиталистическом сельском хозяйстве, Каутский переходит к специальному выяснению «границ капиталистического сельского хозяйства» (гл. VII). Против теории превосходства крупного земледелия, — говорит Каутский, — восстают главным образом «друзья человечества» (мы чуть не сказали — друзья народа...) в рядах буржуазии, фритредеры[50] чистого типа, аграрии. В последнее время многие экономисты выступают за мелкое земледелие. Ссылаются обыкновенно на статистику, которая показывает, что вытеснения мелких хозяйств крупными не происходит. И Каутский приводит данные статистики: в Германии с 1882 по 1895 г. всего больше возросла площадь средних хозяйств; во Франции с 1882 по 1892 г. — самых мелких и самых крупных; площадь средних уменьшилась. В Англии с 1885 по 1895 г. уменьшилась площадь самых мелких и самых крупных хозяйств;

всего больше увеличилась площадь хозяйств в 40— 120 ha* (100—300 акров), т. е. хозяйств, которых нельзя отнести к мелким. В Америке средняя величина фермы понижается: 1850 — 203 акра; 1860 — 199; 1870 — 153; 1880 — 134; 1890 — 137. Каутский рассматривает ближе данные американской статистики, и его анализ, вопреки мнению г. Булгакова, имеет важное *принципиальное* значение. Главная причина уменьшения среднего размера ферм — раздробление крупных плантаций юга после освобождения негров; в южных штатах средний размер ферм понизился более чем вдвое. «Победы мелкого производства над *современным»* (= капиталистическим) «крупным производством не усмотрит в этих цифрах ни один понимающий дело человек». Вообще разбор данных американской статистики по *отдельным районам* показывает много разнообразных отношений. В североцентральной полосе, в главных «пшеничных штатах», средняя величина фермы *повысилась* с 122 до 133 акров. «Лишь там мелкое производство получает преобладание, где сельское хозяйство находится в упадке или где докапиталистическое крупное производство вступает в конкуренцию с крестьянским производством» (135). Этот вывод Каутского очень важен, потому что он показывает те условия, без которых употребление статистики может быть лишь *злоупотребительным:* необходимо отличать капиталистическое крупное производство от докапиталистического. Необходимо *детализировать* исследование по отдельным районам, которые отличаются существенными особенностями в формах земледелия и в исторических условиях его развития. Говорят: «цифры доказывают»! Но надо же разобрать, что именно доказывают цифры. Они доказывают только то, *что они прямо говорят.* Прямо говорят цифры не о размерах производства, а о *площади* хозяйств. Между тем, возможно, и на деле так бывает, что «маленькое имение при интенсивном хозяйстве может быть более крупным производством, чем большое при экстенсивном хозяйстве». «Статистика,

* — га (гектара). *Ред.*

дающая нам сведения только о площади хозяйства, не говорит ровно ничего по вопросу о том, основывается ли уменьшение площади хозяйства на действительном уменьшении размеров хозяйства или же на интенсификации хозяйства» (146). Лесное и выгонное хозяйство, эти первые формы капиталистического крупного хозяйства, допускают наибольшую площадь имений. Полеводство требует уже меньшей площади хозяйства. Разные системы полеводства опять-таки различны в этом отношении: хищническая, экстенсивная система хозяйства (которая преобладала в Америке до сих пор) допускает громадные фермы (до 10 000 гектаров, как bonanza farms Дальримпля, Гленна и др.* И в наших степях крестьянские посевы, а тем более купеческие, достигают таких размеров). Переход к удобрению и пр. необходимо ведет к уменьшению площади хозяйств, которые, например, в Европе мельче, чем в Америке. Переход от полеводственной системы хозяйства к скотоводственной опять-таки требует уменьшения площади хозяйства: в Англии в 1880 г. средний размер скотоводственных хозяйств был 52,3 акра, а полеводственных, зерновых хозяйств 74,2 акра. Поэтому совершающийся в Англии переход от земледелия к скотоводству *должен* порождать тенденцию к уменьшению площади хозяйства. «Но это значило бы судить очень поверхностно, если бы отсюда стали заключать об упадке производства» (149). В Ост-Эльбии (исследованием которой г. Булгаков надеется со временем опровергнуть Каутского) происходит именно переход к интенсивному хозяйству: крупные земледельцы, — говорит цитируемый Каутским Зеринг, — усиливают производительность своей почвы, продавая или сдавая в аренду крестьянам отдаленные части имений, потому что при интенсивном хозяйничанье эти отдаленные части трудно утилизировать. «Таким образом, крупные имения в Ост-Эльбии уменьшаются, рядом с ними создаются мелкие крестьянские хозяйства,

* — крупные капиталистические хозяйства Северной Америки (преимущественно по производству пшеницы), сочетавшие экстенсивное ведение хозяйства с применением новейшей машинной техники. *Ред.*

и это не потому, что мелкое производство выше крупного, а потому, что прежние размеры имений были приспособлены к нуждам экстенсивного хозяйства» (150). Уменьшение площади хозяйства во всех этих случаях ведет обыкновенно к увеличению (с единицы земли) количества продукта, часто к увеличению числа занятых рабочих, т. е. к фактическому *увеличению* размеров производства.

Понятно из этого, как мало доказательны огульные данные сельскохозяйственной статистики о *площадях* хозяйств и с какой осторожностью следует пользоваться ими. Ведь в промышленной статистике мы имеем дело с *прямыми* показателями размеров производства (количество товара, сумма производства, число рабочих) и притом легко можем выделить отдельные производства. Этим необходимым условиям доказательности сельскохозяйственная статистика очень редко удовлетворяет.

Затем монополия земельной собственности полагает пределы земледельческому капитализму: в промышленности капитал растет *накоплением,* обращением сверхстоимости в капитал; *централизация,* т. е. соединение нескольких мелких капиталов в крупный, играет меньшую роль. Иначе в земледелии. Земля вся занята (в цивилизованных странах), а расширить площадь хозяйства можно только *централизацией* нескольких участков, притом так, чтобы они составляли *общую площадь.* Понятно, что расширение имения скупкой окрестных участков — вещь очень трудная, особенно ввиду того, что мелкие участки отчасти заняты сельскими рабочими (необходимыми для крупного хозяина), отчасти мелкими крестьянами, обладающими искусством держаться путем безмерного и невероятного понижения потребностей. Это констатирование простого и ясного, как день, факта, указывающего пределы сельскохозяйственного капитализма, почему-то показалось г. Булгакову «фразой» (??!!) и дало повод для самых неосновательных ликований: «Итак (!), превосходство крупного производства разбивается (!) перед первым препятствием». Г-н Булгаков сначала неверно понял

закон превосходства крупного производства, приписав ему непомерную абстрактность, от которой очень далек Каутский, а теперь обращает свое непонимание в довод против Каутского! В высшей степени странно мнение г. Булгакова, будто он может опровергнуть Каутского ссылкой на Ирландию (крупное землевладение, но без крупного производства). Из того, что крупное землевладение есть одно из условий крупного производства, никак не следует, чтобы оно было достаточным условием. Рассматривать же исторические и другие причины особенностей Ирландии или другой страны, конечно, не мог Каутский в сочинении о капитализме в сельском хозяйстве вообще. Ведь никто не вздумал бы требовать от Маркса, чтобы он, анализируя общие законы капитализма в промышленности, разъяснял, почему во Франции дольше держится мелкая промышленность, почему в Италии промышленность развивается слабо и т. п. Точно так же несостоятельно указание г. Булгакова на то, что концентрация «могла бы» идти постепенно: расширить имение прикупкой участков соседей далеко не так просто, как пристроить новые помещения к фабрике для добавочного числа станков и т. п.

Ссылаясь на эту чисто фиктивную возможность постепенной концентрации или аренды для образования крупных хозяйств, г. Булгаков обратил мало внимания на действительную особенность земледелия в процессе концентрации, — особенность, указанную Каутским. Это латифундии, скопление нескольких имений в одних руках. Статистика считает обыкновенно только отдельные имения и не дает никаких сведений о процессе концентрации разных имений в руках крупных землевладельцев. Каутский сообщает относительно Германии и Австрии весьма рельефные примеры такой концентрации, приводящей к особой, высшей форме крупного капиталистического земледелия, когда несколько крупных имений соединяются в одно хозяйственное целое, управляемое одним центральным органом. Такое гигантское сельскохозяйственное предприятие дает возможность соединять самые

различные отрасли сельского хозяйства и в наибольших размерах пользоваться выгодами крупного производства.

Читатель видит, как далек Каутский от абстрактности и шаблонности понимания «теории Маркса», которой он остается верным. Предостерегая от этой шаблонности понимания, Каутский вставил в рассматриваемую главу даже особый параграф о гибели мелкого производства в промышленности. Он очень верно указывает, что победа крупного производства и в промышленности вовсе не так проста и идет не в таких однообразных формах, как привыкли думать люди, говорящие о неприменимости теории Маркса к земледелию. Достаточно указать на капиталистическую домашнюю работу, достаточно напомнить сделанное уже Марксом замечание о чрезвычайной пестроте переходных и смешанных форм, затемняющих победу фабричной системы. Во сколько раз сложнее обстоит дело в сельском хозяйстве! Развитие богатства и роскоши ведет, например, к тому, что миллионеры скупают громадные поместья, обращают их под леса для своей забавы. В Австрии, в Зальцбурге, количество рогатого скота уменьшается с 1869 г. Причина — продажа Альпов богачам-любителям охоты. Очень метко говорит Каутский, что, если брать данные сельскохозяйственной статистики огульно и без критики, тогда ничего не стоит открыть тенденцию капиталистического способа производства к превращению современных народов в охотничьи племена!

Наконец, в числе условий, ставящих границы капиталистическому земледелию, Каутский указывает также то обстоятельство, что недостаток рабочих — вследствие ухода населения из деревень — заставляет крупных хозяев стремиться к наделению рабочих землей, к созданию мелкого крестьянства, которое поставляет рабочие силы помещикам. Совершенно неимущий сельский рабочий — редкость, потому что в земледелии сельское хозяйство, в строгом смысле, связано с домашним хозяйством. Целые категории сельскохозяйственных наемных рабочих владеют или пользуются землей. Когда мелкое производство слишком сильно вытесняется, —

крупные хозяева стремятся укрепить или возродить его посредством продажи или отдачи в аренду земли. «Во всех европейских странах, — говорит цитируемый Каутским Зеринг, — замечается в последнее время движение... сделать сельских рабочих оседлыми посредством наделения их землей». Таким образом, в пределах капиталистического способа производства невозможно рассчитывать на полное вытеснение мелкого производства в земледелии, ибо сами капиталисты и аграрии стремятся возродить его, когда разорение крестьянства зашло чересчур далеко. Маркс еще в 1850 г. указал, в «Neue Rheinische Zeitung»*, на этот круговорот концентрации и раздробления земли в капиталистическом обществе[51].

Г-н Булгаков находит, что в этих рассуждениях Каутского «есть доля истины, а еще больше заблуждений». Подобно всем остальным приговорам г. Булгакова, и этот мотивирован крайне слабо и крайне туманно. Г-н Булгаков находит, что Каутский «конструировал теорию пролетарского мелкого производства», что эта теория верна для очень ограниченного района. Мы держимся другого мнения. Сельскохозяйственная наемная работа мелких земледельцев (или, что то же, тип батрака и поденщика с наделом) есть *явление, свойственное, в той или другой степени, всем капиталистическим странам.* Ни один писатель, желающий изобразить капитализм в земледелии, не в состоянии будет, не погрешая против истины, оставить в тени это явление**. Что в частности в Германии пролетарское мелкое производство есть всеобщий факт, — это обстоятельно доказал Каутский в VIII главе своей книги: «Пролетаризация крестьянина». Указание г. Булгакова на то, что о «недостатке рабочих» говорили и другие писатели, в числе их г. Каблуков, *оставляет в тени самое главное:* громадную принципиальную разницу

* — «Новая Рейнская Газета». *Ред.*

** Ср. «Разв. капит. в России», гл. II, § XII, стр. 120. (Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 171. *Ред.)* Считают, что во Франции около 75% сельских рабочих имеет собственную землю. Там же и другие примеры.

между теорией г. Каблукова и теорией Каутского. Г-н Каблуков, вследствие свойственной ему Kleinbürger'ской* точки зрения, «конструирует» из недостатка рабочих несостоятельность крупного производства и жизнеспособность мелкого. Каутский точно характеризует факты и указывает их настоящее значение в современном классовом обществе: классовые интересы землевладельцев заставляют их стремиться к наделению землей рабочих. Классовое положение сельскохозяйственных наемных рабочих с наделом ставит их между мелкой буржуазией и пролетариатом, но ближе к последнему. Другими словами: г. Каблуков возводит одну сторону сложного процесса в теорию несостоятельности крупного производства, Каутский же анализирует те особые формы общественно-экономических отношений, которые создаются интересами крупного производства на известной стадии его развития и при известной исторической обстановке.

V

Переходим к следующей главе книги Каутского, название которой мы сейчас привели. Каутский исследует здесь, во-первых, «тенденцию к раздроблению земли», во-вторых, «формы крестьянских подсобных промыслов». Таким образом, здесь обрисовываются те в высшей степени важные тенденции сельскохозяйственного капитализма, которые свойственны громадному большинству капиталистических стран. Раздробление земли ведет, — говорит Каутский, — к усиленному спросу на мелкие участки со стороны мелких крестьян, которые платят за землю дороже, чем крупные хозяева. Этот последний факт был приводим некоторыми писателями в подтверждение того, что мелкое земледелие выше крупного. Каутский очень метко отвечает на это сравнением цен на землю с ценами на квартиры: известно, что маленькие и дешевые квартиры обходятся *дороже,* по расчету на единицу объема (1 куб.

* — мелкобуржуазной. *Ред.*

сажень и т. п.), чем большие и дорогие квартиры. Высшая цена мелких участков объясняется не превосходством мелкого земледелия, а особенно угнетенным положением крестьянина. Какую массу карликовых хозяйств вызвал на свет капитализм, это видно из таких цифр: в Германии (1895) из $5^1/_2$ млн. сельскохозяйственных предприятий $4^1/_4$ млн., т. е. более $^3/_4$, имеют площадь менее 5 гектаров (58% менее 2 гект.). В Бельгии 78% ($709^1/_2$ тыс. из 909) менее 2 гект. В Англии (1895) 118 тыс. из 520 тыс. менее 2 гект. Во Франции (1892) 2,2 млн. (из 5,7 млн.) менее 1 гект.; 4 млн. — менее 5 гект. Г-н Булгаков думает опровергнуть утверждение Каутского о крайней нерациональности этих карликовых хозяйств (недостаток скота, инвентаря, денег, рабочих сил, отвлекаемых сторонними заработками) ссылкой на то, что земля «очень часто» (??) возделывается лопатой «с невероятной степенью интенсивности», хотя... при «крайне нерациональной затрате рабочих сил». Само собой разумеется, что это возражение совершенно несостоятельно, что отдельные примеры превосходной обработки земли мелким крестьянином так же мало способны опровергнуть общую характеристику этого тина хозяйств, данную Каутским, как вышеприведенный пример большей доходности мелкого хозяйства не опровергает положения о превосходстве крупного производства. Что Каутский вполне прав, относя эти хозяйства *в общем и целом*[*] к пролетарским, это ясно видно из того, обнаруженного германской переписью 1895 г., факта, что масса мелких хозяйств не обходится без стороннего заработка. Из всего числа 4,7 млн. лиц, самостоятельно живущих сельским хозяйством, 2,7 млн. или *57%* имеют еще сторонние заработки. Из 3,2 млн. хозяйств, имеющих менее 2 гектаров земли, только 0,4 млн. или *13%*

[*] Мы подчеркиваем «в общем и целом», потому что нельзя отрицать, конечно, что в отдельных случаях и эти хозяйства с ничтожной площадью земли могут давать много продукта и дохода (виноградники, огороды и т. п.). Но что сказали бы вы об экономисте, который стал бы опровергать ссылку на обезлошадение русских крестьян указанием примера, скажем, подмосковных огородников, которые и без лошади могут иногда вести рациональное и прибыльное земледелие?

не имеют стороннего заработка! Во всей Германии из 5$^{1}/_{2}$ млн. сельских хозяйств *1$^{1}/_{2}$ миллиона* принадлежат сельскохозяйственным и промышленным наемным рабочим (+ 704 тыс. ремесленникам). И после этого г. Булгаков решается утверждать, что теория пролетарского мелкого землевладения «конструирована» Каутским![*] Формы пролетаризации крестьянства (формы крестьянских подсобных промыслов) исследованы Каутским в высшей степени обстоятельно (S. 174—193). К сожалению, место не позволяет нам подробно остановиться на характеристике этих форм (сельскохозяйственная работа по найму, кустарная промышленность — Hausindustrie — «гнуснейшая система капиталистической эксплуатации»; работа на фабриках и рудниках и т. п.). Отметим только, что оценку *отхожих промыслов* Каутский дает именно такую, какую дают и русские ученые. Отхожие рабочие, более неразви-

[*] В примеч. на стр. 15-ой г. Булгаков говорит, что Каутский повторяет ошибку авторов книги о хлебных ценах[52], рассчитывая, что громадное большинство сельского населения не заинтересовано в пошлинах на хлеб. И с этим мнением мы не можем согласиться. Авторы книги о хлебных ценах наделали массу ошибок (не раз указываемых мной в названной выше книге), но в признании того факта, что масса населения не заинтересована в высоких ценах на хлеб, нет никакой ошибки. Ошибочно лишь *непосредственное* заключение от этого интереса массы к интересу всего общественного развития. Гг. Туган-Барановский и Струве справедливо указали, что *критерий* оценки хлебных цен должен быть тот, вытесняют ли они более или менее быстро отработки капитализмом, толкают ли вперед общественное развитие. Это вопрос факта, и я решаю этот вопрос иначе, чем Струве. Я думаю, что факт замедления развития капитализма в сельском хозяйстве вследствие низких цен отнюдь не доказан. Напротив, особенно быстрый рост сельскохозяйственного машиностроения и тот толчок специализации земледелия, который дан понижением хлебных цен, показывает, что низкие цены *толкают вперед* развитие капитализма в русском сельском хозяйстве (ср. «Развитие капитализма в России», стр. 147, примечание 2, в гл. III, § V). (Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 207. *Ред.)* Понижение хлебных цен оказывает глубокое преобразовательное действие на все остальные отношения в сельском хозяйстве.

Г-н Булгаков говорит: «Одним из важных условий интенсификации культуры является поднятие цен на хлеб» (так же высказывается г. П. С. во «Внутреннем обозрении», стр. 299 той же книжки «Начала»). Это неточно. Маркс показал в VI отделе III тома «Капитала», что производительность добавочных вложений капитала в землю может понижаться, *но может и повышаться;* при понижении цен хлеба рента может падать, *но может и расти*[53]. Следовательно, интенсификация может вызываться — в различные исторические периоды и в разных странах — совершенно различными условиями, независимо от уровня цен на хлеб.

тые и имеющие более низкие потребности, чем городские рабочие, нередко оказывают вредное действие на условия жизни этих последних. «Но для тех мест, откуда они выходят и куда они возвращаются, они являются пионерами прогресса... Они перенимают новые потребности, новые идеи» (S. 192), они будят сознание и чувство человеческого достоинства, будят веру в свои силы среди захолустного крестьянства.

В заключение остановимся на последнем, особенно резком нападении г-на Булгакова на Каутского. Каутский говорит, что в Германии с 1882 по 1895 г. всего сильнее возросли в числе самые мелкие (по площади) и самые крупные хозяйства (так что парцелляция земли идет на счет средних хозяйств). И действительно, хозяйства до 1 ha увеличились в числе на 8,8%; хозяйства от 5 до 20 ha — на 7,8%, а хозяйства выше 1000 ha — на 11% (промежуточные разряды почти не изменились, а все число сельских хозяйств возросло на 5,3%). Г-н Булгаков глубоко возмущается тем, что берутся процентные отношения о крупнейших хозяйствах, число которых ничтожно (515 и 572 за указанные годы). Возмущение г-на Булгакова совершенно неосновательно. Он забывает, что эти ничтожные по числу предприятия — самые крупные, что они *занимают почти столько же земли,* сколько и 2,3—2,5 млн. карликовых хозяйств (до 1 ha). Если я скажу, что число крупнейших фабрик, имеющих 1000 и более рабочих, возросло в стране, скажем, с 51 до 57, на 11,0%, тогда как все число фабрик возросло на 5,3%, — разве это не будет показывать роста крупного производства, несмотря на то, что *число* крупнейших фабрик может быть ничтожно сравнительно со всем числом фабрик? Тот факт, что по доле занимаемой площади всего больше возросли хозяйства крестьянские, от 5 до 20 ha (г. Булгаков, стр. 18), Каутский прекрасно знает и рассматривает его в следующей главе.

Каутский берет далее изменения в количестве площади у разных разрядов в 1882 и 1895 гг. Оказывается, наибольшее увеличение (+ 563 477 ha) у крестьянских

хозяйств в 5—20 ha, затем у крупнейших, более 1000 ha (+94 014), —тогда как площадь хозяйств в 20— 1000 ha *уменьшилась* на 86 809 ha. Хозяйства до 1 ha увеличили свою площадь на 32 683 ha, а хозяйства в 1—5 ha на 45 604 ha.

И Каутский заключает: уменьшение площади хозяйств от 20 до 1000 гектаров (более чем уравновешиваемое увеличением площади хозяйств в 1000 и более гектаров) зависит не от упадка крупного производства, а от интенсификации его. Мы уже видели, что эта интенсификация идет вперед в Германии и что она требует часто уменьшения площади хозяйства. Что происходит интенсификация крупного производства, это видно из растущего употребления паровых машин, а также из громадного роста числа сельскохозяйственных служащих, которые употребляются в Германии только крупным производством. Число управляющих имениями (инспекторов), надсмотрщиков, бухгалтеров и пр. возросло с 1882 по 1895 г. с 47 465 до 76 978, на 62%; процент женщин среди этих служащих возрос с 12% до 23,4%/

«Все это ясно показывает, насколько более интенсивным и более капиталистическим сделалось крупное сельскохозяйственное производство с начала 80-х годов. Объяснение того, почему наряду с этим так сильно увеличили свою площадь именно среднекрестьянские хозяйства, мы увидим в следующей главе» (S. 174).

Г-н Булгаков усматривает в этом изображении «вопиющее противоречие с действительностью», но его доводы и на этот раз нисколько не оправдывают такого решительного и смелого вердикта и ни на йоту не колеблют заключения Каутского. «Прежде всего, интенсификация хозяйства, если бы она произошла, не объясняет еще собою и относительного, и абсолютного уменьшения пашни, уменьшения всего удельного веса группы хозяйств в 20—1000 ha. Размеры пашни могли бы увеличиться одновременно с увеличением числа хозяйств; последнее должно бы лишь (sic!) увеличиться несколько быстрее, так что раз-

меры площади каждого данного хозяйства стали бы менее»*.

Мы нарочно выписали целиком это рассуждение, из которого г. Булгаков выводит, будто «уменьшение размеров предприятия под влиянием роста интенсивности есть чистая фантазия» (sic!), потому что это рассуждение рельефно показывает нам ту самую ошибку злоупотребления «данными статистики», от которой так убедительно предостерегал Каутский. Г-н Булгаков предъявляет к статистике *площадей* хозяйств требования, до смешного строгие, придает этой статистике такое значение, которого она никогда не может иметь. Почему, в самом деле, площадь пашни должна была «несколько» увеличиться? Почему интенсификация хозяйства (ведущая иногда, как мы видели, к продаже и сдаче в аренду крестьянам удаленных от центра кусков имения) не «должна» была передвинуть известное число хозяйств из высшего разряда в низший? почему она не «должна» была уменьшить площадь пашни хозяйств в 20 —1000 гектаров?** В промышленной статистике уменьшение *суммы производства* крупнейших фабрик говорило бы об упадке крупного производства. Уменьшение же *площади* крупных имений на 1,2% ровно ничего не говорит и *не может говорить* о размерах производства, нередко растущих с уменьшением площади хозяйства. Мы знаем, что в Европе вообще происходит то вытеснение зерновых хозяйств скотоводственными, которое особенно сильно в Англии. Мы знаем, что этот переход требует иногда уменьшения площади хозяйств, но не странно ли было бы выводить из уменьшения площади хозяйств упадок крупного производства? Поэтому, между прочим, «красноречивая таблица», приводимая г. Булгаковым на стр. 20-й и показывающая уменьшение числа крупных и мелких, увеличение

---

* Г-н Булгаков приводит еще более детальные данные, но они ровно ничего не прибавляют к данным Каутского, показывая то же увеличение числа хозяйств в одной группе крупных владельцев и уменьшение площади земли.

** Уменьшение с 16 986 101 гектаров в этом разряде до 16 802 115, т. е. на целых... 1,2%! Не правда ли, как это убедительно говорит об усматриваемой г. Булгаковым «агонии» крупного производства?

числа средних (5—20 гектаров) хозяйств, имеющих скот для полевых работ, ровно ничего еще не доказывает. Это могло зависеть и от перемен в системах хозяйства.

Что крупное сельскохозяйственное производство в Германии стало более интенсивным и более капиталистическим, это видно, во-первых, из роста числа сельскохозяйственных *паровых* машин: с 1879 по 1897 г. увеличение в пять раз. Г-н Булгаков совершенно напрасно ссылается в своем возражении на то, что абсолютное число *всех вообще* (а не паровых) машин у мелких хозяйств (до 20 гектаров) гораздо больше, чем у крупных, а также на то, что в Америке машины применяются при экстенсивном хозяйстве. Речь идет теперь не об Америке, а о Германии, в которой bonanza farms нет. Вот данные о проценте хозяйств в Германии (1895) с паровыми плугами и с паровыми молотилками:

Хозяйства	Процент хозяйств с паровыми	
	плугами	молотилками
до 2 гектаров	0,00	1,08
в 2— 5 »	0,00	5,20
» 5— 20 »	0,01	10,95
» 20—100 »	0,10	16,60
» 100 и более »	5,29	61,22

И теперь, если все число паровых машин в сельском хозяйстве Германии упятерилось, — разве это не доказывает роста интенсивности крупного производства? Не надо только забывать, как это опять-таки делает г. Булгаков на стр. 21-ой, что рост размеров предприятия в сельском хозяйстве не всегда тождествен с ростом площади хозяйства.

Во-вторых, тот факт, что крупное производство стало более капиталистическим, виден из увеличения числа сельскохозяйственных служащих. Булгаков напрасно называет этот довод Каутского «курьезом»: «рост числа офицеров при уменьшении армии» — при уменьшении числа сельскохозяйственных наемных рабочих. Мы опять скажем: rira bien qui rira le der-

nier![*] Об уменьшении числа сельскохозяйственных рабочих Каутский не только не забывает, но подробно показывает это для целого ряда стран; только факт этот здесь решительно ни при чем, потому что ведь и все сельское население убывает, а число пролетарских мелких земледельцев растет. Положим, что крупный помещик перешел от производства зерна к производству свекловицы с переработкой ее в сахар (в Германии 1871/72 г. было переработано 2,2 млн. тонн свекловицы, в 1881/82 г. 6,3 млн., в 1891/92 г. 9,5 млн., в 1896/97 г. 13,7 млн.). Отдаленные части имения он мог бы даже продать или сдать мелким крестьянам, особенно если жены и дети крестьян нужны ему как поденщики на свекловичных плантациях. Положим, что он вводит паровой плуг, вытесняющий прежних плугарей (в саксонских свекловичных хозяйствах — «образцовых хозяйствах интенсивной культуры»[**] — паровые плуги вошли теперь в общее употребление). Число наемных рабочих уменьшится. Число высших служащих (бухгалтеры, управляющие, техники и пр.) необходимо возрастет. Станет ли г. Булгаков отрицать, что мы видим здесь рост интенсивности и капитализма в крупном производстве? Станет ли он утверждать, что ничего подобного в Германии не происходит?

Чтобы закончить изложение VIII главы книги Каутского о пролетаризации крестьян, необходимо привести следующее место: «Что нас интересует здесь, — говорит Каутский вслед за цитированным нами выше и приведенным у г. Булгакова местом, — это тот факт, что пролетаризация сельского населения идет вперед в Германии, как и в других местах, несмотря на то, что тенденция к парцеллированию средних имений перестала действовать в Германии. С 1882 по 1895 г. число

---

[*] Действительно, курьезно замечание г. Булгакова, что рост числа служащих свидетельствует, может быть, о росте сельскохозяйственной промышленности, *но только не* (!) о растущей интенсивности крупного производства. Мы думали до сих пор, что одной из важнейших форм роста интенсивности является рост сельскохозяйственных технических производств *(подроблю описанный и оцененный Каутским в X главе)*.

[**] Kärger, цитир. у Каутского, S. 45 (Кергер, цитир. у Каутского, стр. 45. *Ред.)*.

всех сельских хозяйств возросло на 281 000. Из этого числа громадное большинство падает на увеличение пролетарских хозяйств до 1 гектара. Эти хозяйства увеличились на 206 000.

«Как мы видим, движение сельского хозяйства — совсем особое, совершенно отличное от движения промышленного и торгового капитала. В предыдущей главе мы указали на то, что в сельском хозяйстве тенденция к централизации хозяйств не ведет к полному уничтожению мелкого производства. Когда эта тенденция заходит слишком далеко, она порождает противоположную тенденцию, так что тенденция к централизации и тенденция к парцелляции взаимно сменяют друг друга. Теперь мы видим, что обе тенденции могут действовать также рядом. Растет число сельских хозяйств, владельцы которых выступают на товарном рынке в качестве пролетариев, продавцов рабочей силы... У этих мелких сельских хозяев, как продавцов товара — рабочая сила, все существенные интересы общи с интересами промышленного пролетариата, а их землевладение не порождает у них антагонизма к этому последнему. Своя земля эмансипирует более или менее парцелльного крестьянина от торговца съестными припасами, но она не эмансипирует его от эксплуатации капиталистическим предпринимателем, все равно — промышленным или сельскохозяйственным» (S. 174).

В следующей статье мы изложим остальную часть книги Каутского и дадим общую оценку ее, рассматривая попутно те возражения, которые делает г. Булгаков в своей дальнейшей статье.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

I

В девятой главе своей книги («Растущие затруднения торгового земледелия») Каутский переходит к анализу *противоречий,* свойственных капиталистическому земледелию. Из тех возражений, которые делает г. Булгаков против этой главы и которые мы рассмотрим ниже, видно, что критик не вполне верно понял общее значение этих «затруднений». Есть такие «затруднения», которые, составляя «препятствие» полному развитию рационального сельского хозяйства, в то же время *дают толчок развитию* капиталистического земледелия. Напр., в числе «затруднений» Каутский указывает обезлюдение деревни. Несомненно, что выселение из деревни лучших и самых интеллигентных работников есть «препятствие» полному развитию рационального земледелия, но так же несомненно, что сельские хозяева борются с этим препятствием *развитием техники,* как-то: введением машин.

Каутский исследует следующие «затруднения»: a) поземельную ренту, b) наследственное право, c) ограничения наследственного права, майораты (фидеикомиссы, Anerbenrecht)[54], d) эксплуатацию деревни городом, e) обезлюдение деревни.

Поземельная рента есть та часть прибавочной стоимости, которая остается за вычетом средней прибыли на вложенный в хозяйство капитал. Монополия земельной собственности дает возможность землевладельцу присваивать этот излишек, причем цена земли

(= капитализированная рента) *закрепляет* достигнутую однажды высоту ренты. Понятно, что рента «затрудняет» полную рационализацию земледелия: при арендной системе ослабляется импульс к усовершенствованиям и пр., при ипотечной системе бо̀льшую долю капитала приходится вкладывать не в производство, а в покупку земли. Г-н Булгаков в своем возражении указывает, во-первых, на то, что в росте ипотечной задолженности нет «ничего страшного». Он забывает только, что Каутский не «в другом смысле», а именно в этом смысле указал уже на необходимость роста ипотек и при процветании сельского хозяйства (см. выше, статья первая, II). В настоящее же время Каутский ставит вопрос вовсе не о том, «страшен» или нет рост ипотек, а о том, какие затруднения не позволяют капитализму вполне совершить его миссию. Во-вторых, «едва ли правильно,— по мнению г. Булгакова, — рассматривать рост ренты только как препятствие... Рост ренты, возможность ее повышения является самостоятельным стимулом для сельского хозяйства, побуждающим к техническому и всякому иному прогрессу» (процессу — видимо — опечатка). Стимулом прогресса капиталистического земледелия является рост населения, рост конкуренции, рост индустрии, рента же есть дань, взимаемая землевладением с общественного развития, с роста техники. Поэтому объявлять рост ренты *«самостоятельным* стимулом» прогресса неправильно. Теоретически вполне возможно совмещение капиталистического производства с отсутствием частной собственности на землю, с национализацией земли (Kautsky, S. 207), когда абсолютной ренты не было бы вовсе, а дифференциальная рента доставалась бы государству. Стимул к агрономическому прогрессу при этом не ослабел бы, а, напротив, в громадных размерах усилился.

«Ничего не может быть ошибочнее, — говорит Каутский, — как думать, что в интересах сельского хозяйства вздувать (in die Höhe treiben) цены на имения или искусственно держать их на высоком уровне. Это — в интересах настоящих (augenblicklichen) землевладельцев, в интересах ипотечных банков и спекулянтов

имениями, но отнюдь не в интересах сельского хозяйства и уже всего менее в интересах его будущего, в интересах будущего поколения сельских хозяев» (199). А цена земли есть капитализированная рента.

Второе затруднение торгового земледелия состоит в том, что оно необходимо требует частной собственности на землю, а это ведет к тому, что при переходе по наследству земля либо дробится (и это парцеллирование земли ведет *местами* даже к техническому регрессу), либо отягчается ипотеками (когда наследник, получающий землю, выплачивает остальным сонаследникам денежный капитал, занимая его под залог земли). Г-н Булгаков упрекает Каутского в том, что он будто бы «просматривает в своем изображении положительную сторону» мобилизации земли. Этот упрек безусловно неоснователен, ибо Каутский как исторической частью своей книги (в частности III главой I отдела, трактующей о феодальном земледелии и причинах его смены капиталистическим), так и прикладной частью[*] ясно показал читателю положительную сторону и историческую необходимость частной собственности на землю, подчинения земледелия конкуренции, а следовательно, и мобилизации земли. Что касается до другого упрека г-на Булгакова Каутскому, именно, что последний не исследует той проблемы, которая «состоит в различной степени роста населения в разных местах», то нам совершенно непонятен этот упрек. Неужели г. Булгаков ожидал встретить в книге Каутского этюды по популяционистике?

Не останавливаясь на вопросе о майоратах, который не представляет из себя (после изложенного выше) ничего нового, переходим к вопросу об эксплуатация деревни городом. Утверждение г-на Булгакова, будто у Каутского «отрицательным сторонам не противопоставлены положительные и прежде всего значение города, как рынка для сельского хозяйства», прямо

[*] Каутский решительно высказался против всяких средневековых стеснений земельной мобилизации, против майоратов (фидеикомиссов и Anerbenrecht), против поддержки средневековой крестьянской общины (S. 332) и проч.

противоречит действительности. Значение города, как рынка для сельского хозяйства, вполне определенно указано Каутским *на первой же странице* той главы, которая исследует «современное сельское хозяйство» (S. 30 и. ff.[*]). Именно «городской индустрии» (S. 292) приписывает Каутский основную роль в преобразовании земледелия, в его рационализации и т. д.[**]

Поэтому мы совершенно отказываемся понять, каким образом мог г. Булгаков повторять в своей статье (стр. 32 в № 3 «Начала») те же самые мысли *как бы против Каутского!* Это особенно наглядный пример того, как неверно излагает критикуемую книгу строгий критик. «Не надо забывать», — поучает Каутского г. Булгаков, — что «часть ценности» (отливающей в города) «возвращается в деревню». Всякий подумает, что Каутский забывает об этой азбучной истине. На самом же деле Каутский различает отлив ценностей (из деревень в города) без эквивалента и за эквивалент, различает гораздо яснее, чем это пытается сделать г. Булгаков. Сначала Каутский рассматривает «отлив товарных ценностей без эквивалента (Gegenleistung) из деревень в города» (S. 210) (рента, проживаемая в городах, налоги, проценты по займам в городских банках) и совершенно справедливо видит в этом экономическую эксплуатацию деревни городом. Затем Каутский ставит вопрос об отливе ценностей за эквивалент, т. е. об обмене сельскохозяйственных продуктов на индустриальные. «С точки зрения закона стоимости, — говорит Каутский, — этот отлив не означает эксплуатации сельского хозяйства[***], но на деле он ведет, наряду с упомянутыми выше факторами, к агрономической (stofflichen) эксплуатации его, к обеднению земли питательными веществами» (S. 211).

[*] — Seite 30 und folgende — стр. 30 и следующие. *Ред.*

[**] Ср. также S. 214, где Каутский говорит о роли городских капиталов в рационализировании земледелия.

[***] Пусть читатель сопоставит с приведенным в тексте отчетливым заявлением Каутского следующее «критическое» замечание г. Булгакова: «Если Каутский считает эксплуатацией вообще отдачу хлеба его непосредственными производителями неземледельческому населению» и т. д. Не верится, чтобы критик, сколько-нибудь внимательно ознакомившийся с книгой Каутского, мог написать это «если»!

Что касается до этой агрономической эксплуатации городом деревни, то Каутский разделяет и в этом отношении одно из основных положений теории Маркса и Энгельса, именно, что противоположность между городом и деревней разрушает необходимое соответствие и взаимозависимость между сельским хозяйством и промышленностью, и потому с превращением капитализма в высшую форму эта противоположность должна исчезнуть*. Г-н Булгаков находит, что мнение Каутского об агрономической эксплуатации деревни городом «странно», что «во всяком случае Каутский вступил здесь на почву совершенной фантазии» (sic!!!). Нас удивляет то обстоятельство, что г. Булгаков игнорирует при этом тождество критикуемых им мнений Каутского с одной из основных идей Маркса и Энгельса. Читатель вправе подумать, что «совершенной фантазией» г. Булгаков считает идею об уничтожении противоположности между городом и деревней. Если таково действительно мнение критика, тогда мы решительно несогласны с ним и становимся на сторону «фантазии» (т. е. на деле-то не фантазии, а более глубокой критики капитализма). Тот взгляд, что идея об уничтожении противоположности между городом и деревней есть фантазия, — очень не нов. Это — обычный взгляд буржуазных экономистов. Перенимали этот взгляд и некоторые писатели с более глубокими воззрениями. Напр., Дюринг находил, что антагонизм между городом и деревней «неизбежен по самой природе дела».

Далее, г. Булгаков «поражен» (!) тем, что Каутский указывает на учащающиеся эпидемии растений и животных, как на одну из трудностей торгового земледелия и капитализма. «При чем же здесь капитализм..? — вопрошает г. Булгаков. — Разве необходимость усовершенствовать породы скота могла бы отменить какая-нибудь высшая социальная организация?» Мы в свою

* Само собой разумеется, что это мнение о необходимости уничтожения противоположности между городом и деревней в обществе ассоциированных производителей нисколько не противоречит признанию *исторической* прогрессивной роли за отвлечением населения от земледелия к индустрии. Я имел случай говорить об этом в другом месте («Этюды», стр. 8), прим. 69). (См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 224, примечание. *Ред.)*

очередь поражены тем, как это мог г. Булгаков не понять совершенно ясной мысли Каутского. Старые породы растений и животных, созданные естественным подбором, заменяются «облагороженными» породами, которые созданы искусственным подбором. Растения и животные становятся более нежными, более требовательными; эпидемии при современных путях сообщения распространяются с поразительной быстротой, а между тем хозяйничанье остается индивидуальным, раздробленным, нередко мелким (крестьянское) и лишенным знания и средств. Для развития техники земледелия городской капитализм старается дать все средства современной науки, но социальное положение производителей он оставляет по-прежнему жалким; городской культуры он не переносит систематически и планомерно в деревню. Необходимости усовершенствовать породы скота не отменит никакая высшая социальная организация (подобного абсурда Каутский, разумеется, и не думал говорить), но современная капиталистическая социальная организация тем более страдает от отсутствия общественного контроля и от приниженного состояния крестьян и рабочих, чем более развивается техника, чем нежнее становятся породы скота и растений*.

Последнее «затруднение» торгового земледелия усматривает Каутский в «обезлюдении деревни», в поглощении городами лучших рабочих сил, наиболее энергичных и наиболее интеллигентных. Г-н Булгаков находит, что в общей форме это положение «во всяком случае неверно», что «теперешнее развитие городского населения на счет сельского выражает вовсе не закон развития капиталистического земледелия», а перенесение земледельческого населения промышленных, экспортных стран за океан, в колонии. Я думаю, что г. Булгаков ошибается. Рост городского (общее: индустриального) населения на *счет* сельского есть не только теперешнее, а всеобщее явление, выражающее *именно закон* капитализма. Теоретическое обоснование этого

* Поэтому в прикладной части книги Каутский рекомендует санитарную инспекцию за скотом и условиями его содержания (S. 397).

закона состоит, как я указывал в другом месте*, во-первых, в том, что рост общественного разделения труда отрывает от первобытного земледелия все больше и больше отраслей промышленности**, во-вторых, в том, что переменный капитал, требуемый для обработки данного участка земли, в общем и целом уменьшается (ср. «Das Kapital», III, 2, S. 177. Русский перевод, с. 526.[55] Цитировано у меня в «Разв. капит.», стр. 4 и 444***). Выше мы уже заметили, что в отдельных случаях и отдельные периоды наблюдается увеличение переменного капитала, требуемого для обработки данного участка земли, но это не колеблет правильности общего закона. Что относительное уменьшение земледельческого населения превращается в абсолютное уменьшение не во всех частных случаях, что размер этого абсолютного уменьшения зависит и от роста капиталистических колоний, этого, конечно, не подумал бы отрицать Каутский. В соответствующих местах своей книги Каутский с полной ясностью указал на этот рост капиталистических колоний, наводняющих Европу дешевым хлебом. («То самое бегство сельского населения (Landflucht), которое ведет к обезлюдению европейских деревень, приводит постоянно не только в города, но и в колонии новые толпы сильных сельских жителей...» S. 242.) Отнятие промышленностью у земледелия самых сильных, энергичных и интеллигентных рабочих есть всеобщее явление не только промышленных, но и земледельческих стран, не только Западной Европы, но и Америки, и России. Противоречие

* «Разв. кап. в России», гл. I, § 2 и гл. VIII, § 2. (См. Сочинения, 5 изд., том 3. *Ред.)*

** Г-н Булгаков говорит, указывая на это обстоятельство, что «земледельческое население может *относительно* (курсив его) уменьшаться и при процветающем состоянии земледелия». Не только «может», но и *необходимо должно* в капиталистическом обществе... «Относительное уменьшение (земледельческого населении) показывает здесь только (sic!) рост новых отраслей народного труда», — заключает г. Булгаков. Это «только» весьма странно. Новые отрасли промышленности и отвлекают от земледелия «самые энергичные и самые интеллигентные рабочие силы». Таким образом, достаточно уже этого простого соображения, чтобы признать *вполне верным* общее положение Каутского: для верности этого общего положения (капитализм отнимает у земледелия самые энергичные и самые интеллигентные рабочие силы) вполне достаточно *относительное* уменьшение сельского населения.

*** См. Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 24 и 563. *Ред.*

между культурой городов и варварством деревни, порожденное капитализмом, неизбежно ведет к этому. Г-н Булгаков находит «очевидным» то «соображение», «что уменьшение земледельческого населения при общем росте населения немыслимо без сильного хлебного импорта». По моему мнению, это соображение не только не очевидно, а прямо неверно. Вполне мыслимо уменьшение земледельческого населения при общем росте населения (растут города) и без ввоза хлеба (увеличивается производительность земледельческого труда, дающая возможность меньшему числу рабочих производить прежнее или даже большее количество продукта). Мыслимо также и общее увеличение населения при уменьшении земледельческого населения и при уменьшении (или непропорциональном увеличении) количества земледельческих продуктов, — «мыслимо» вследствие ухудшения народного питания капитализмом.

Г-н Булгаков утверждает, что факт роста средних крестьянских хозяйств в Германии с 1882 по 1895 г., — факт, устанавливаемый Каутским и приводимый им в связь с тем, что эти хозяйства наименее страдают от недостатка рабочих, — «способен поколебать всю конструкцию» Каутского. Посмотрим поближе на утверждения Каутского.

По данным сельскохозяйственной статистики всего более возросла с 1882 по 1895 г. площадь хозяйств в 5—20 гектаров. В 1882 г. эта площадь занимала 28,8% всей площади, в 1895 г. — 29,9%. Это увеличение среднекрестьянских хозяйств сопровождалось уменьшением площади крупнокрестьянских хозяйств (20— 100 гект.; 1882: 31,1%, 1895: 30,3%). «Эти цифры, — говорит Каутский, — радуют сердца всех добрых граждан, видящих в крестьянстве самую прочную опору существующего строя. Итак, оно не движется, это сельское хозяйство, — восклицают они восторженно,— к нему не применима Марксова догма». Рост средне-крестьянских хозяйств истолковывается, как начало нового процветания крестьянства.

«Но корни этого процветания лежат в болоте», — отвечает Каутский этим добрым гражданам. «Процве-

тание проистекает не из *благосостояния* крестьянства, а из *угнетения* всего сельского хозяйства» (230). Каутский сейчас только перед этим сказал, что, «несмотря на весь технический прогресс, *местами* (курсив Каутского) наступил, — в этом нельзя сомневаться, — упадок сельского хозяйства» (228). Этот упадок ведет, например, к возрождению феодализма, — к попыткам привязать рабочих к земле и возложить на них известные повинности. Что же удивительного, если на почве этого «угнетения» оживают отсталые формы хозяйства? Если крестьянство, отличающееся вообще от работников крупного производства более низким уровнем потребностей, большим умением голодать и надрываться над работой, дольше держится при кризисе?*

* «Мелкие земледельцы, — говорит Каутский в другом месте, — дольше держатся в безнадежной позиции. Можно с полным правом усомниться в том, чтобы это было преимуществом мелкого производства» (S. 134).

Укажем, кстати, на вполне подтверждающие взгляд Каутского данные Кенига, детально описавшего в своей книге («Die Lage der englischen Landwirtschaft etc.», Jena, 1896, von Dr. F. Koenig) (Д-р *Ф. Кениг*. «Положение английского сельского хозяйства и т. д.». Иена, 1896. *Ред.)* положение английского сельского хозяйства в нескольких наиболее типичных графствах. Указаний на чрезмерную работу и недостаточное потребление мелких земледельцев по сравнению с наемными рабочими мы встречаем здесь *массу,* тогда как обратных указаний не встречается. Доходность мелких хозяйств, — читаем мы, например, — создается «громадным (ungeheuer) прилежанием и бережливостью» (88); постройки у мелких земледельцев хуже (107); мелкие землевладельцы (yeoman farmer) находятся в худших условиях, чем арендаторы (149); «положение мелких землевладельцев очень жалкое (в Линкольншире); их жилища хуже, чем жилища рабочих на крупных фермах, а некоторые и совсем плохи. Они работают тяжеле и дольше, чем обыкновенные рабочие, но зарабатывают меньше. Они живут хуже и едят меньше мяса... сыновья и дочери их работают без платы и одеваются плохо» (157). «Мелкие фермеры работают как рабы, летом часто с 3 ч. утра до 9 ч. вечера» (сообщение Chamber of Agriculture (сельскохозяйственной палаты. *Ред.)* в Бостоне, S. 158). «Без сомнения, — говорит один крупный фермер,— маленький человек (der kleine Mann), имеющий мало капитала и всю работу исполняющий руками членов семьи, легче всего может сократить домашние расходы, тогда как крупный фермер должен кормить своих батраков так же хорошо и в хорошие и в дурные годы» (218). Мелкие фермеры (в Айршире) «необычайно (ungeheuer) прилежны; их жены и дети работают не меньше, часто больше, чем поденщики; говорят, что двое из них в один день сработают столько, сколько три наемных работника» (231). «Жизнь мелкого арендатора, который должен работать своей семьей, — чистая жизнь раба» (253). «В общем и целом... мелкие фермеры лучше перенесли, по-видимому, кризис, чем крупные, но это не говорит о большей доходности мелких ферм. Причина, по нашему мнению, та, что мелкий хозяин (der kleine Mann) получает даровую помощь своей семьи... Обыкновенно... вся семья мелкого фермера работает в его хозяйстве... Дети получают содержание и лишь редко определенную поденную плату» (277—278) и т. д., и т. д.

«Аграрный кризис простирается на все производящие товары классы сельского хозяйства; он не останавливается перед средними крестьянами» (S. 231).

Казалось бы, все эти положения Каутского так ясны, что нельзя не понять их. И тем не менее критик, очевидно, не понял их. Г-н Булгаков не сообщает своего мнения: так или иначе он объясняет этот рост средне-крестьянских хозяйств, но Каутскому он приписывает то мнение, будто «развитие капиталистического способа производства ведет к гибели земледелия». И г. Булгаков разражается: «Утверждение Каутского о разрушении сельского хозяйства неверно, произвольно, недоказано, противоречит самым основным фактам действительности» и пр., и пр.

Мы заметим на это, что г. Булгаков *совершенно неверно передает мысли Каутского.* Каутский отнюдь не утверждает, что развитие капитализма ведет к гибели сельского хозяйства, а утверждает обратное. Выводить из слов Каутского об угнетении (= кризисе) сельского хозяйства, о наступающем *местами* (nota bene*) техническом регрессе, что Каутский говорит о «разрушении», «гибели» сельского хозяйства, можно только при самом невнимательном отношении к сочинению Каутского. В главе X, специально посвященной вопросу о заморской конкуренции (т. е. об основном условии аграрного кризиса), Каутский говорит: «Грядущий кризис, разумеется (natürlich), вовсе не обязательно должен (braucht nicht) разрушить пораженную им индустрию. Он делает это лишь в самых редких случаях. По общему правилу, кризис ведет лишь к преобразованию существующих отношений собственности в смысле капитализма» (273—274). Это замечание, сказанное по поводу кризиса сельскохозяйственных технических производств, ясно показывает общий взгляд Каутского на значение кризиса. В той же главе Каутский повторяет этот взгляд и по отношению ко всему сельскому хозяйству: «Изложенное выше нисколько еще не дает права говорить о гибели сельского

* — заметьте. *Ред.*

хозяйства (Man braucht deswegen noch lange nicht von einem Untergang der Landwirtschaft zu sprechen). Но его консервативный характер исчез безвозвратно там, где прочной ногой встал современный способ производства. Удерживание старой рутины (Das Verharren beim Alten) угрожает сельскому хозяину верной гибелью; он должен беспрерывно следить за развитием техники, беспрерывно должен приспособлять свое производство к новым условиям... И в деревне экономическая жизнь, которая до сих пор с суровым однообразием двигалась в вечно неизменной колее, попала в состояние постоянного революционизирования, состояние, характерное для капиталистического способа производства» (289).

Г-н Булгаков «не понимает», каким образом совмещаются тенденции к развитию производительных сил земледелия и тенденции к усилению затруднений торгового земледелия. Чего же тут непонятного?? Капитализм и в земледелии, и в промышленности дает гигантский толчок развитию производительных сил, но именно это развитие чем дальше, тем сильнее обостряет противоречия капитализма, ставит ему новые «затруднения». Каутский развивает одну из основных идей Маркса, который категорически подчеркивал прогрессивную историческую роль земледельческого капитализма (рационализирование земледелия, отделение земли от сельского хозяина, освобождение сельского населения от отношений господства и рабства и т. д.), указывая в то же время не менее категорически на обнищание и угнетение непосредственных производителей, на несовместимость капитализма с требованиями рационального земледелия. В высшей степени странно, что г. Булгаков, признающий, что его «общее социально-философское миросозерцание то же, что и у Каутского»*, не замечает того, что Каутский развивает здесь основную мысль Маркса. Читатели «Начала» неизбежно должны остаться в недоумении относительно того, как

* Относительно философского миросозерцания мы не знаем, верны ли эти слова г. Булгакова. Каутский, кажется, не сторонник критической философии, как г. Булгаков.

относится г. Булгаков к этим основным идеям, как может он, при тождестве общего миросозерцания, говорить: «De principiis non est disputandum»[*]!!? Мы позволяем себе не поверить этому заявлению г-на Булгакова; мы считаем спор между ним и другими марксистами возможным именно вследствие общности этих «principia». Говоря, что капитализм рационализирует земледелие, что технику для земледелия дает индустрия и пр., г. Булгаков лишь повторяет один из таких «principia». Напрасно только говорит он при этом «совсем напротив». Читатели могут подумать, что Каутский держится иного мнения, тогда как Каутский с полной решительностью и определенностью развивает в своей книге именно эти основные идеи Маркса. «Именно индустрия, — говорит Каутский, — создала технические и научные условия нового, рационального земледелия, именно она революционизировала земледелие посредством машин и искусственных удобрений, посредством микроскопа и химической лаборатории, породив таким образом техническое превосходство крупного капиталистического производства над мелким крестьянским производством» (S. 292). Каутский не впадает таким образом в то противоречие, которое мы встречаем у г. Булгакова: с одной стороны, г. Булгаков признает, что «капитализм» (т. е. производство посредством наемного труда, т. е. не крестьянское, а крупное производство?) «рационализирует земледелие», а, с другой стороны, «носителем этого технического прогресса вовсе не является здесь крупное производство»!

II

Десятая глава книги Каутского посвящена вопросу о заморской конкуренции и об индустриализации сельского хозяйства. Г-н Булгаков крайне пренебрежительно отзывается об этой главе: «Ничего особенно нового или оригинального, более или менее известные основные факты» и пр., оставляя в тени основной вопрос

[*] — «О принципах не спорят». *Ред.*

о понимании аграрного кризиса, его сущности и значения. А между тем этот вопрос имеет громадную теоретическую важность.

Из того общего понимания земледельческой эволюции, которое дал Маркс и подробно развил Каутский, вытекает неизбежно и понимание аграрного кризиса. Суть аграрного кризиса Каутский видит в том, что сельское хозяйство Европы потеряло, вследствие конкуренции стран, производящих хлеб крайне дешево, возможность сваливать на массу потребителей те тяжести, которые частная собственность на землю и капиталистическое товарное производство возлагают на сельское хозяйство. Отныне сельское хозяйство Европы *«само должно нести их* (эти тяжести), *и в этом состоит современный аграрный кризис»* (S. 239, курсив Каутского). Главная из этих тяжестей — поземельная рента. В Европе она взвинчена предшествующим историческим развитием до громадных пределов (и дифференциальная и *абсолютная* рента) и закреплена в ценах на землю[*]. В колониях (Америке, Аргентине и пр.), поскольку они остаются колониями, мы видим, наоборот, *свободные* земли, занимаемые новыми поселенцами либо совсем даром, либо за ничтожную цену, и притом земли, девственное плодородие которых низводит издержки производства до minimum'a[**]. Вполне естественно, что до сих пор капиталистическое земледелие Европы сваливало на потребителей непомерно вздутую ренту (в виде высоких хлебных цен), теперь же тяжесть этой ренты падает на самих сельских хозяев и землевладельцев, разоряя их[***]. Таким образом, аграрный кризис нарушил и продолжает нарушать прежнее благополучие капиталистического землевладения и

[*] См. об этом процессе вздувания ренты и закрепления ее меткие замечания *Парвуса:* «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис». Парвус солидарен с Каутским в основных взглядах на кризис и на аграрный вопрос вообще.

[**] — минимума. *Ред.*

[***] *Парвус,* назв. соч., с. 141. Цит. в «Начале», № 3, с. 117, рецензия на книгу Парвуса. (См. настоящий том, стр. 61. *Ред.)* Добавим, что и другие «затруднения» торгового земледелия, тяготеющие на Европе, обременяют колонии в несравненно менее сильной степени.

капиталистического сельского хозяйства. Капиталистическое землевладение до сих пор брало все бòльшую и бòльшую дань с общественного развития и закрепляло высоту этой дани в земельных ценах. Теперь ему приходится поступаться этой данью*. Капиталистическое сельское хозяйство брошено теперь в то же состояние неустойчивости, которое свойственно капиталистической промышленности, и вынуждено приспособляться к новым условиям рынка. Аграрный кризис, как и всякий кризис, разоряет массы хозяев, производит крупную ломку установившихся отношений собственности, *местами* ведет к техническому регрессу, к оживанию средневековых отношений и форм хозяйства, по в общем и целом он *ускоряет* общественную эволюцию, вытесняет патриархальный застой из его последних прибежищ, вынуждает дальнейшую специализацию земледелия (один из основных факторов сельскохозяйственного прогресса в капиталистическом обществе), дальнейшее применение машин и т. д. В общем и целом, — это показал Каутский в IV главе своей книги по данным о нескольких странах, — *даже* в Западной Европе мы не видим застоя земледелия в 1880—1890-ые годы, а видим технический прогресс. Мы говорим — *даже* в Западной Европе — потому, что в Америке, напр., этот прогресс еще яснее.

Одним словом, нет основания видеть в аграрном кризисе явление, задерживающее капитализм и капиталистическое развитие.

---

* Абсолютная рента есть результат монополии. «К счастью, возвышение абсолютной ренты имеет свои пределы... До недавнего времени она неуклонно возрастала в Европе так же, как и дифференциальная рента. Но заморская конкуренция в высокой степени подорвала эту монополию. Мы не имеем никаких оснований думать, что от заморской конкуренции пострадала в Европе дифференциальная рента, за исключением некоторых округов Англии... Но абсолютная рента понизилась, и это принесло пользу (zu gute gekommen) прежде всего рабочим классам» (S. 80. Ср. также S. 328).

РЕЦЕНЗИЯ

***Гобсон*. Эволюция современного капитализма.** *Пер. с английского. СПБ. 1898. Изд. О. Н. Поповой. Цена 1р. 50 к.*

Книга Гобсона представляет из себя собственно не изучение эволюции современного капитализма, а очерки новейшего промышленного развития на основании, главным образом, английских данных. Поэтому заглавие книги несколько широко: автор вовсе не касается земледелия, да и промышленную экономию рассматривает далеко не в полном ее объеме. По своему направлению Гобсон принадлежит, вместе с известными писателями, супругами Вебб, к представителям одного из передовых течений английской общественной мысли. К «современному капитализму» он относится критически, вполне признавая необходимость замены его высшей формой общественного хозяйства и относясь к вопросу об этой замене с типично английской реформаторской практичностью. К убеждению в необходимости реформы он приходит более путем эмпирическим, под влиянием новейшей истории английского фабричного законодательства, английского рабочего движения, деятельности английских муниципалитетов и пр. Стройных и цельных теоретических воззрений, которые бы служили базисом для его реформаторской программы и освещали частные вопросы реформы, у Гобсона нет. Поэтому наиболее силен Гобсон в тех случаях, когда дело идет о группировке и описании новейших статистических и экономических данных. Наоборот, когда дело касается общетеоретических вопросов политической экономии, Гобсон оказывается

очень слабым. Для русского читателя даже странно видеть, как писатель с такими обширными познаниями и практическими стремлениями, заслуживающими полного сочувствия, беспомощно возится с вопросом о том, что такое «капитал», какова роль «сбережения» и т. п. Эта слабая сторона Гобсона вполне объясняется тем, что для него Дж.-Ст. Милль бòльший авторитет в политической экономии, чем Маркс, которого Гобсон хотя раз или два и цитирует, но, очевидно, совершенно не понимает или не знает. Нельзя не пожалеть о массе непроизводительного труда, который затрачивается Гобсоном на то, чтобы разобраться в противоречиях буржуазной и профессорской политической экономии. В лучшем случае Гобсон приближается к тем решениям, которые уже давно даны Марксом; в худшем случае он перенимает ошибочные воззрения, находящиеся в резком противоречии с его отношением к «современному капитализму». Самая неудачная глава книги — седьмая: «Машины и промышленный застой». Гобсон пытается здесь разобраться в теоретических вопросах о кризисах, об общественном капитале и доходе в капиталистическом обществе, о капиталистическом накоплении. Верные мысли о несоответствии производства и потребления в капиталистическом обществе, об анархическом характере капиталистического хозяйства тонут в груде схоластических рассуждений о «сбережении» (Гобсон смешивает накопление со «сбережением»), среди всяческих робинзонад («положим, что человек, работая примитивными орудиями, изобретает новый инструмент... сберегает свою пищу» и пр.) и т. п. Гобсон очень любит диаграммы — и в большинстве случаев очень умело пользуется ими, наглядно иллюстрируя свое изложение. Но то представление о «механизме производства», которое выразил Гобсон в рисунке на стр. 207 (гл. VII), способно вызвать лишь улыбку в читателе, сколько-нибудь знакомом с действительным «механизмом» *капиталистического* «производства». Гобсон смешивает здесь производство с общественным строем производства, обнаруживает крайне смутное понятие о том, что такое капитал, каковы его

составные части, каковы те классы, на которые необходимо делится капиталистическое общество. В главе VIII Гобсон дает интересные данные о составе населения по занятиям и об изменении этого состава во времени, но в его теоретических рассуждениях о «машинах и спросе на труд» крупный пробел тот, что он игнорирует теорию «капиталистического перенаселения» или резервной армии. К более удачным главам книги Гобсона принадлежат те, в которых он рассматривает положение женщин в современной индустрии и современные города. Приведя статистические данные о росте женского труда и описав крайне дурные условия этого труда, Гобсон справедливо указывает, что надежда на улучшение этих условий заключается лишь в вытеснении работы на дому фабричной работой, ведущей к «более тесным социальным отношениям» и к «организации». Точно так же и по вопросу о значении городов Гобсон приближается к общим воззрениям Маркса, признавая, что противоположность между городом и деревней противоречит строю коллективистического общества. Выводы Гобсона много выиграли бы в убедительности, если бы он не игнорировал и по этому вопросу учения Маркса. Тогда Гобсон, вероятно, яснее подчеркнул бы исторически прогрессивную роль крупных городов и необходимость соединения земледелия и промышленности при коллективистической организации хозяйства. Последняя глава книги Гобсона: «Цивилизация и промышленное развитие» едва ли не самая лучшая; автор доказывает здесь целым рядом удачных доводов необходимость реформы современного промышленного строя в духе усиления «общественного контроля» и «социализации индустрии». При оценке несколько оптимистических взглядов Гобсона на способ осуществления этих «реформ» необходимо принять во внимание особенности английской истории и английской жизни: высокое развитие демократии, отсутствие милитаризма, громадную силу организованных тред-юнионов, растущее помещение английского капитала вне Англии, ослабляющее антагонизм между английскими предпринимателями и рабочими, и пр.

В своей известной книге о социальном движении в XIX веке проф. В. Зомбарт отмечает, между прочим, «тенденцию к единству» (заглавие VI главы), т. е. тенденцию социального движения разных стран в его различных формах и оттенках к однородности, а наряду с этим и тенденцию к распространению идей марксизма. По отношению к Англии Зомбарт усматривает эту тенденцию в том, что английские тред-юнионы все более оставляют «чисто манчестерскую точку зрения». Мы можем сказать по поводу книги Гобсона, что передовые английские писатели под давлением требований жизни, которая все больше и больше оправдывает «прогноз» Маркса, начинают чувствовать несостоятельность традиционной буржуазной политической экономии и, освобождаясь от ее предрассудков, невольно приближаются к марксизму.

Перевод книги Гобсона страдает существенными недостатками.

Написано в апреле 1899 г.

Напечатано в мае 1899 г.
в журнале «Начало» № 5.
Подпись: Вл. Ильин

Печатается по тексту журнала

ОТВЕТ г. П. НЕЖДАНОВУ

В № 4-м «Жизни» г. П. Нежданов разбирает мою и других авторов статьи о теории рынков[56]. Я намерен ответить только на одно утверждение г-на П. Нежданова, именно на то, что я «исказил свою борьбу против теории третьих лиц» своей статьей в № 1 «Научного Обозрения» за текущий год. Что касается до остальных вопросов, поставленных г. П. Неждановым относительно теории рынков и в частности взглядов П. Б. Струве, то я ограничусь ссылкой на свою статью в ответ Струве («Еще к вопросу о теории реализации»; напечатание ее в «Научном Обозрении» замедлилось по обстоятельствам, от автора не зависящим).

Г-н П. Нежданов утверждает, что «капиталистическое производство никаким противоречием между производством и потреблением не страдает». Из этого он выводит, что, признавая это противоречие, «Маркс страдал серьезным внутренним противоречием», и что я повторяю ошибку Маркса.

Я считаю совершенно ошибочным (или основанным на недоразумении) мнение г. П. Нежданова и не могу видеть никакого противоречия во взглядах Маркса.

Утверждение г. П. Нежданова, что в капитализме нет никакого противоречия между производством и потреблением, настолько странно, что его можно объяснить только совершенно *особым смыслом,* который придан им понятию «противоречие». Именно г. П. Нежданов думает, что «раз действительно существует противоречие между производством и потреблением, — это противоречие должно систематически давать избыточный продукт» (стр. 301; то же в заключительных

тезисах, стр. 316). Это совершенно произвольное и, по-моему, совершенно неправильное толкование. Критикуя мои утверждения о противоречии между производством и потреблением в капиталистическом обществе, г. П. Нежданов должен был (думается мне) изложить читателю, как я понимаю это противоречие, не ограничиваясь изложением своего взгляда на сущность и значение этого противоречия. Вся суть вопроса (вызвавшего полемику г. П. Нежданова против меня) в том-то и состоит, что я понимаю рассматриваемое противоречие совершенно не так, как хочет понимать его г. П. Нежданов. Я нигде не говорил, что это противоречие должно *систематически*[*] давать избыточный продукт; я этого не думаю, и подобного взгляда нельзя вывести из слов Маркса. Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное), если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению. Мне кажется, что всякий, внимательно прочитавший стр. 20 и 30 моих «Этюдов» (статья о сисмондистах, цитируемая г. П. Неждановым) и стр. 40 «Научного Обозрения» (1899 г., № 1)[**], убедится в том, что я с самого начала *только такой смысл* и придавал противоречию между производством и потреблением в капитализме. Да и нельзя придать этому противоречию иного смысла, если держаться строго теории Маркса. Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит только в том, что растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного

[*] Подчеркиваю *систематически,* ибо несистематическое производство избыточного продукта (кризисы) неизбежно в капиталистическом обществе вследствие нарушения пропорциональности между разными отраслями промышленности. А известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности.

[**] См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 146—147, 159—160 и настоящий том, стр. 47—48. *Ред.*

потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс. Понимаемое в этом смысле рассматриваемое противоречие есть не подлежащий никакому сомнению, подтверждаемый ежедневным опытом миллионов людей факт, и именно наблюдение этого факта приводит работников ко взглядам, нашедшим полное и научное выражение в теории Маркса. Это противоречие вовсе не ведет необходимо к тому, чтобы систематически производился избыточный продукт (как хочет думать г. Нежданов). Мы вполне можем представить себе (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе) реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта, *но мы не можем представить себе капитализма* без несоответствия между производством и потреблением. Выражается это несоответствие (как ясно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обгонять производство предметов потребления.

Таким образом, г. Нежданов совершенно ошибочно заключил, что противоречие между производством и потреблением должно систематически давать избыточный продукт, и из этой ошибки вытекло его несправедливое обвинение Маркса в непоследовательности. Напротив, Маркс остается строго последовательным, когда показывает:

1) что продукт *может* быть реализован в капиталистическом обществе (разумеется, при предположении пропорциональности между различными отраслями промышленности); что для объяснения этой реализации ошибочно было бы привлекать внешнюю торговлю или «третьих лиц»;

2) что теории мелкобуржуазных экономистов (à la Прудон) относительно невозможности реализовать *сверхстоимость* покоятся на полном непонимании самого процесса реализации вообще;

3) что даже при вполне пропорциональной, идеально гладкой реализации мы не можем представить себе капитализма без противоречия между производством и потреблением, без того, чтобы гигантский рост

производства не совмещался с крайне слабым ростом (или даже застоем и ухудшением) народного потребления. Реализация происходит больше на счет средств производства, чем на счет предметов потребления — это ясно следует из схем Маркса; а из этого, в свою очередь, вытекает с неизбежностью, что «чем больше развивается производительная сила, тем более приходит она в противоречие с узким основанием, на котором покоятся отношения потребления» (Маркс)[57]. Из всех мест «Капитала», посвященных вопросу о противоречии между производством и потреблением[*], ясно видно, что *только в таком смысле* Маркс и понимал противоречие между производством и потреблением.

Между прочим, г. П. Нежданов думает, что г. Туган-Барановский тоже отрицает противоречие между производством и потреблением в капиталистическом обществе. Я не знаю, верно ли это. Г-н Туган-Барановский сам привел в своей книге схему, показывающую возможность роста производства при сокращении потребления (и это, действительно, возможно и случается при капитализме). Неужели можно отрицать, что здесь мы видим противоречие между производством и потреблением, хотя избыточного продукта здесь нет?

Обвиняя Маркса (и меня) в непоследовательности, г. П. Нежданов кроме того упустил из виду, что для обоснования своей точки зрения он должен бы был выяснить, как же следует понимать «независимость» производства средств производства от производства предметов потребления. По Марксу, эта «независимость» ограничивается тем, что известная (и постоянно возрастающая) часть продукта, состоящего в средствах производства, реализуется обменами внутри данного подразделения, т. е. обменами средств производства на средства производства (или обращением добытого продукта in natura[**] на новое производство); но в *конечном счете* изготовление средств производства необ-

[*] Места эти приведены в моей статье в «Научном Обозрении» 1899 г., № 1 и повторены в 1-й главе «Развития капитализма в России», стр. 18—19. (См. настоящий том, стр. 47 и след.; Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 46— 48. *Ред.)*

[**] — в натуре. *Ред.*

ходимо связано с изготовлением предметов потребления, ибо средства производства изготовляются не ради самих же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления*. Таким образом, отличие взглядов мелкобуржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением в капиталистическом обществе, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдом). Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением *непосредственною,* думали, что *производство идет за потреблением.* Маркс же показал, что эта связь *лишь посредственная,* что сказывается она *лишь в конечном счете,* ибо в капиталистическом обществе *потребление идет за производством.* Но хотя и посредственная, а все-таки связь есть; потребление в конечном счете должно идти за производством, и, если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма**, но оно означает необходимость превращения в высшую форму: чем сильнее становится это противоречившем дальше развиваются как объективные условия этого превращения, так и субъективные условия, т. е. сознание противоречия работниками. Спрашивается теперь, какое же положение мог бы занять г. Нежданов по отношению к вопросу о «независимости» средств производства от предметов потребления? Одно из двух: или он станет совершенно отрицать всякую зависимость между ними, станет утверждать

* «Das Kapital», III, 1, 289 («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 289. *Ред.)*[58]. Цитировано мною в «Научном Обозрении», стр. 40 и в «Развитии капитализма», 17. (См. настоящий том, стр. 48 и Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 42—45. *Ред.)*

** «Этюды», стр. 20. «Научное Обозрение», № 1, стр. 41. «Развитие капитализма», стр. 19. (См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 147; настоящий том, стр. 49; том 3, стр. 47—48. *Ред.)* Если бы это противоречие вело к «систематическому избыточному продукту», то оно означало бы именно невозможность капитализма.

возможность реализации средств производства, *совершенно не связывающихся* с предметами потребления, не связывающихся даже и «в конечном счете», — и тогда он неизбежно придет к абсурду, или же он признает, вслед за Марксом, что в конечном счете средства производства связаны с предметами потребления, — и тогда он должен признать правильность моего понимания теории Маркса.

Возьму пример, чтобы иллюстрировать, в заключение, абстрактные рассуждения конкретными данными. Известно, что в каждом капиталистическом обществе употреблению машин мешает часто непомерно низкая заработная плата (= низкий уровень потребления народных масс). Мало того: бывает даже так, что приобретенные предпринимателями машины бездействуют, ибо цены на рабочие руки падают до того, что хозяину выгоднее становится ручная работа!* Наличность противоречия между потреблением и производством, между стремлением капитализма безгранично развивать производительные силы и ограничением этого стремления пролетарским состоянием, нищетой и безработицей народа, ясна в этом случае, как день. Но не менее ясно, что из этого противоречия правильно будет делать единственно лишь тот вывод, что уже самое развитие производительных сил с неудержимой силой должно вести к замене капитализма хозяйством ассоциированных производителей. Наоборот, было бы совершенно ошибочно делать из этого противоречия тот вывод, что капитализм должен *систематически* давать избыточный продукт, т. е. что капитализм вообще не может реализовать продукта, не может поэтому играть никакой прогрессивной исторической роли и т. п.

Написано в мае, ранее 29 (10 июня) 1899 г.

Напечатано в декабре 1899 г. в журнале «Жизнь»
Подпись: Владимир Ильин

Печатается по тексту журнала

---

* Пример последнего явления в области русского капиталистического земледелия приведен мною в «Развитии капитализма в России», стр. 165. (См. Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 228—229. *Ред.)* И подобные явления — не единичные казусы, а обычное и *неизбежное* следствие основных свойств капитализма.

ПРОТЕСТ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ[59]

Написано в августе, ранее 22 (3 сентября) 1899 г.

Впервые напечатано в декабре 1899 г. за границей отдельным оттиском из № 4—5 журнала «Рабочее Дело»[60]

Печатается по частично сохранившемуся рукописному тексту; конец документа — по отдельному оттиску из № 4—5 журнала «Рабочее Дело», сверенному с текстом, напечатанным в книге Г. В. Плеханова «Vademecum для редакции «Рабочего Дела»»

СОБРАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ ОДНОЙ МЕСТНОСТИ*, В ЧИСЛЕ СЕМНАДЦАТИ ЧЕЛОВЕК, ПРИНЯЛО ЕДИНОГЛАСНО СЛЕДУЮЩУЮ РЕЗОЛЮЦИЮ И ПОСТАНОВИЛО ОПУБЛИКОВАТЬ ЕЕ И ПЕРЕДАТЬ НА ОБСУЖДЕНИЕ ВСЕМ ТОВАРИЩАМ

В последнее время среди русских социал-демократов замечаются отступления от тех основных принципов русской социал-демократии, которые были провозглашены как ее основателями и передовыми борцами — членами группы «Освобождение труда»[61], так и социал-демократическими изданиями русских рабочих организаций 90-х годов. Ниже приводимое «credo»**, долженствующее выражать основные взгляды некоторых (так называемых «молодых») русских социал-демократов, представляет из себя попытку систематического и определенного изложения «новых воззрений». — Вот это «credo» в полном виде.

Существование цехового и мануфактурного периода на Западе наложило резкий след на всю последующую историю, в особенности на историю социал-демократии. Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентации, сделали ее, буржуазию, революционным элементом; она повсюду на Западе начинает с liberté, fraternité, égalité (свобода, братство и равенство), с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу — рабочему классу. Почти повсюду на Западе рабочий класс, как класс, не завоевал демократических учреждений, — он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. Исторические справки опровергнут это мнение, так как именно в 1848 г., когда произошло на Западе упрочение конституции, рабочий класс представлял из себя ремесленно-городской элемент, мещанскую демократию; фабричный же пролетариат почти не существовал, а пролетариат крупного производства (ткачи Германии — Гауптман,

* В тексте отдельного оттиска из журнала «Рабочее Дело» добавлено: «(России)». *Ред.*
** — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

ткачи Лиона) представлял из себя дикую массу, способную лишь к бунтам, но отнюдь не к выставлению каких-либо политических требований. Можно прямо сказать, что конституции 1848 г. были завоеваны буржуазией и мелким мещанством, артизанами. С другой стороны, рабочий класс (артизаны и рабочие мануфактур, типографщики, ткачи, часовых дел мастера и пр.) с средних веков еще привык участвовать в организациях, в кассах взаимопомощи, религиозных обществах и проч. Этот организационный дух до сих пор еще живет у обученных рабочих Запада и резко отличает их от фабричного пролетариата, плохо и медленно поддающегося организации и способного лишь к так называемым lose Organisation (временным организациям), а не к прочным организациям с уставами и регламентами. Эти же мануфактурно-обученные рабочие составили ядро социал-демократических партий. Таким образом, получилась следующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы, с одной стороны, с другой — возможность планомерной организации этой борьбы с помощью воспитанных мануфактурным периодом рабочих. На этой почве вырос на Западе теоретический и практический марксизм. Исходной его точкой явилась парламентарная политическая борьба с перспективой (только по внешности сходной с бланкизмом, по происхождению совершенно другого характера), с перспективой захвата власти, с одной стороны, Zusammenbruch'a (катастрофы) — с другой. Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и с страшным трудом, с огромным трением — экономическую. II до сих пор экономические организации по сравнению с политическими (не касаюсь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду laissent à désirer quelque chose (оставляют кое-чего желать). Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана — Zusammenbruch являлся необходимым организующим Schlagwort'ом (ходячей фразой), которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения — линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность, и марксизм, в том виде, в каком он был формулирован в «Коммунистическом манифесте», явился как нельзя более удачной формой, в которую должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны, бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы, неорганизованного и почти не поддающегося организации фабричного пролетариата, создали на Западе то, что носит теперь название берн-

штейниады, кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от «Коммунистического манифеста» до бернштейниады, трудно себе представить, и внимательное изучение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого «кризиса». Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе бернштейниады — это мало интересно; речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партии.

Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но также, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия *признает* общество; ее узко корпоративные, в большинстве случаев сектантские задачи расширятся до задач общественных и ее стремление к захвату власти преобразуется в Стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении, приспособленно к современному положению вещей, с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия «политика» расширится до истинно общественного значения, и практические требования минуты получат больше веса, могут рассчитывать на большее внимание, чем это было до сих пор.

Нетрудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем и именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас — слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада, то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те

организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном состоянии и никакой формы не создало. Стачечное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже с чисто количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говорю о их полезности при настоящих условиях).

Вот положение. Если прибавить сюда еще голодухи и процесс разорения деревни, способствующие Streikbrecher'ству*, и, следовательно, еще бòльшую трудность подъема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то... что же тут делать русскому марксисту?! Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксист — пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими *не как орудием исследования,* а как схемой деятельности, не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты, более чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально-оппозиционной деятельности всех других нерабочих слоев общества. Малейшие попытки сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально-политического свойства вызывают протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т. е. участием в той жизни (как бы она ни была немарксистична), которую предлагает русская действительность. Насколько «отрицание» было уместно (временно) на Западе, настолько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее из чего-то организованного и имеющего фактическую силу, — одно, а отрицание, исходящее из бесформенной массы разбросанных личностей, — другое.

Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности. Как «отрицатель», русский марксист пришел очень рано, а это отрицание ослабило в нем ту долю энергии, которая должна направляться в сторону политического радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни

* — штрейкбрехерству. *Ред.*

и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов, — это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач. Политическая невинность русского марксиста-интеллигента, скрытая за головными рассуждениями на политические темы, может сыграть с ним скверную штуку.

Мы не знаем, много ли найдется русских социал-демократов, разделяющих эти воззрения. Но несомненно, что вообще идеи этого рода имеют сторонников, и потому мы считаем себя обязанными категорически протестовать против подобных воззрений и предостеречь всех товарищей от грозящего совращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы.

Вышеприведенное «credo» представляет из себя, во-первых, «краткое описание хода развития рабочего движения на Западе» и, во-вторых, «выводы для России».

Совершенно неверны, прежде всего, представления авторов «credo» о прошлом западноевропейского рабочего движения. Неверно, что рабочий класс на Западе не участвовал в борьбе за политическую свободу и в политических революциях. История чартизма, революция 48 г. во Франции, Германии, Австрии доказывают обратное. Совершенно неверно, что «марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической». Напротив, «марксизм» появился тогда, когда господствовал социализм неполитический (оуэнизм, «фурьеризм», «истинный социализм» и пр.), и «Коммунистический манифест» сразу выступил против неполитического социализма. Даже тогда, когда марксизм выступил во всеоружии теории («Капитал») и организовал знаменитое Международное общество рабочих[62], политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкий тред-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романских странах). В Германии великая историческая заслуга Лассаля состояла в том, что он

превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию. Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, и стремление авторов «credo» отделить эти формы борьбы принадлежит к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма.

Далее, совершенно неверны также представления авторов «credo» о современном положении западноевропейского рабочего движения и той теории марксизма, под знаменем которого идет это движение. Говорить о «кризисе марксизма» значит повторять бессмысленные фразы буржуазных писак, усиливающихся раздуть всякий спор между социалистами и превратить его в раскол социалистических партий. Пресловутая «бернштейниада»[63] — в том смысле, в каком ее обыкновенно понимает широкая публика вообще и авторы «credo» в частности, — означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социал-демократов. Оппортунистические течения не раз обнаруживались в германской социал-демократии и всякий раз были отвергаемы партией, которая верно хранит заветы революционной международной социал-демократии. Мы уверены, что всякие попытки перенести оппортунистические воззрения в Россию встретят столь же решительный отпор со стороны громадного большинства русских социал-демократов.

Точно так же не может быть и речи ни о каком «коренном изменении практической деятельности» западноевропейских рабочих партий, вопреки авторам «credo»: громадное значение экономической борьбы пролетариата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмом с самого начала, и еще в сороковых годах Маркс и Энгельс полемизировали против утопических социалистов, отрицавших значение такой борьбы[64].

Когда, около 20-ти лет спустя, образовалось Международное общество рабочих, вопрос о значении профессио-

нальных рабочих союзов и экономической борьбы был поднят на первом же конгрессе в Женеве в 1866 году. Резолюция этого конгресса точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев). Резолюция признала профессиональные рабочие союзы не только закономерным, но и необходимым явлением при существовании капитализма; признала их крайне важными для организации рабочего класса в его ежедневной борьбе с капиталом и для уничтожения наемного труда. Резолюция признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительного внимания на «непосредственную борьбу против капитала», не должны сторониться от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться к всеобщему освобождению угнетенных миллионов рабочего люда. С тех пор среди рабочих партий разных стран не раз вставал и не раз будет, конечно, вставать вопрос о том, не следует ли в данный момент обратить несколько больше или несколько меньше внимания на экономическую или политическую борьбу пролетариата; но общий или принципиальный вопрос и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом. Убеждение в том, что единая классовая борьба пролетариата необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует далее, что отсутствие политической свободы или стеснение политических прав пролетариата всегда ведет к необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый план. Еще менее может быть речи о сколько-нибудь существенном изменении в отношении рабочей партии к остальным оппозиционным партиям. И в этом отношении марксизм указал верную позицию, одинаково далекую и от преувеличения значения политики и от заговорщичества (бланкизм и проч.), и от пренебрежения

политикой или сужения ее до оппортунистского, реформаторского социального штопанья (анархизм, утопический и мелкобуржуазный социализм, государственный социализм, профессорский социализм и проч.). Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества. На другие классы и партии пролетариат отнюдь не должен смотреть, как на «одну реакционную массу»[65]: напротив, он должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать прогрессивные классы и партии против реакционных, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного пола и т. д. Рассуждения на эту тему авторов «credo» свидетельствуют лишь о стремлении затушевать классовый характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу каким-то бессмысленным «признанием общества», сузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения. Мы убеждены, что громадное большинство русских социал-демократов безусловно отвергнет подобное искажение основных принципов социал-демократии. Неверные посылки относительно западноевропейского рабочего движения приводят авторов «credo» к еще более неверным «выводам для России».

Утверждение, что русский рабочий класс «еще не выдвинул политических задач», свидетельствует лишь о незнакомстве с русским революционным движением. Еще «Северно-русский рабочий союз»[66], основанный в 1878 г., и «Южно-русский рабочий союз»[67], основанный в 1875 г., выставили в своей программе требование политической свободы. После реакции 80-х годов рабочий класс неоднократно выдвигал то же требование в 90-х годах. Утверждение, что «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву», свидетельствует лишь о полном

непонимании исторической роли русского рабочего класса и насущнейших задач русской социал-демократии. Собственная программа авторов «credo» клонится, очевидно, к тому, чтобы рабочий класс, идя «по линии наименьшего сопротивления», ограничивался экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии» марксистов за «правовые формы». Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения (два последние понятия для нас совпадают). Одна уже возможность появления подобной программы показывает, насколько основательны были опасения одного из передовых борцов русской социал-демократии, П. Б. Аксельрода, когда он писал, в конце 1897 г., о возможности такой перспективы:

«Рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе, в целом, лишено политического характера, в борьбе же за политическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями из так называемой интеллигенции» (Аксельрод. «К вопросу о соврем. задачах и тактике русских социал-демократов». Женева. 1898 г., стр. 19).

Русские социал-демократы должны объявить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «credo», так как эти идеи прямо ведут к осуществлению такой перспективы. Русские социал-демократы должны приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродом в таких словах:

«Другая перспектива: социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу *частью рядом и в союзе* с буржуазными революционными фракциями (поскольку[*] таковые будут в наличности), частью же привлекая прямо в свои ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции» (там же, стр. 20).

В то самое время, когда П. Б. Аксельрод писал эти строки, заявления социал-демократов в России

[*] Дальнейший рукописный текст отсутствует. *Ред.*

показывали ясно, что громадное большинство их стоит на той же точке зрения. Правда, одна газета петербургских рабочих, «Рабочая Мысль»[68], склонилась, как будто бы, к идеям авторов «credo», высказывая, к сожалению, в своей передовой программной статье (№ 1, октябрь 1897 г.) ту совершенно ошибочную и противоречащую социал-демократизму мысль, что «экономическая основа движения» может быть «затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала». Но в то же время другая газета петербургских рабочих, «С.-Петербургский Рабочий Листок»[69] (№ 2, сентябрь 1897 г.), решительно высказывалась за то, что «ниспровергнуть самодержавие... может единственно лишь крепко организованная многочисленная рабочая партия», что «организовавшись в сильную партию» рабочие «освободят себя и всю Россию от всякого политического и экономического гнета». Третья газета, «Рабочая Газета»[70], в передовой статье № 2 (ноябрь 1897 г.) писала: «Борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения». — «Русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией...» «Отдельные рабочие кружки должны превратиться в одну общую партию». «Русская рабочая партия будет партией социал-демократической». — Что громадное большинство русских социал-демократов разделяло вполне именно эти убеждения «Рабочей Газеты», — это видно и из того, что состоявшийся весною 1898 г. съезд русских социал-демократов[71] образовал «Российскую социал-демократическую рабочую партию», опубликовал ее манифест и признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. Таким образом, авторы «credo» делают колоссальный шаг назад против той ступени развития, которой русская социал-демократия уже достигла и которую она запечатлела в «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии». Если отчаянная травля русского правительства привела к тому, что в настоящее время деятельность партии временно ослабела и ее официальный орган перестал выхо-

дить, то для всех русских социал-демократов задача состоит в том, чтобы приложить все усилия к окончательному укреплению партии, к выработке программы партии, к возобновлению ее официального органа. Ввиду того шатания мысли, о котором свидетельствует возможность появления таких программ, как вышеразобранное «credo», мы считаем особенно необходимым подчеркнуть следующие основные принципы, изложенные в «Манифесте» и имеющие громадную важность для русской социал-демократии. Во-первых, русская социал-демократия «хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Отсюда следует, что девизом социал-демократии должно быть содействие рабочим не только в экономической, но и в политической борьбе; агитация не только на почве ближайших экономических нужд, но и на почве всех проявлений политического гнета; пропаганда не только идей научного социализма, но и пропаганда идей демократических. Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшем развитии и претворении в жизнь, оберегая ее в то же время от тех искажений и опошлений, которым так часто подвергаются «модные теории» (а успехи революционной социал-демократии в России сделали уже марксизм «модной» теорией). Сосредоточивая в настоящее время все свои силы на деятельности в среде фабрично-заводских и горных рабочих, социал-демократия не должна забывать, что в ряды организуемых ею рабочих масс должны войти с расширением движения и домашние рабочие, и кустари, и сельские рабочие, и миллионы разоренного и умирающего с голоду крестьянства.

Во-вторых: «На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Ставя ниспровержение абсолютизма своей ближайшей задачей, социал-демократия должна выступить передовым борцом за демократию и уже в силу одного этого должна оказывать всякую поддержку всем демократическим элементам русского населения, привлекая их к себе в союзники. Только

самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в поддержке ее могут активно проявить себя все остальные борцы за политическую свободу.

Наконец, в-третьих: «Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной воли»[72]». Традиции всего предшествовавшего революционного движения в России требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой «Народной воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой. «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма».

Мы приглашаем все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить вышеприведенное «credo» и нашу резолюцию и высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации и укрепления Российской социал-демократической рабочей партии.

Резолюции групп и кружков могли бы быть сообщаемы заграничному «Союзу русских социал-демократов»[73], который на основании пункта 10-го решения съезда русских социал-демократов 1898 г. является частью Российской социал-демократической партии и ее заграничным представителем*.

* Последний абзац в тексте «Vademecum'a» отсутствует. *Ред.*

СТАТЬИ ДЛЯ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ» [74]

Написано не ранее
октября 1899 г.

Впервые напечатано в 1925 г.
в Ленинском сборнике III

Печатается по рукописи,
переписанной рукой Н. К. Крупской

ПИСЬМО К РЕДАКТОРСКОЙ ГРУППЕ

Дорогие товарищи!

Посылаю, согласно Вашей просьбе, три статьи для газеты и считаю нужным сказать несколько слов по поводу моего сотрудничества вообще и сношений между нами в частности.

На основании предыдущего Вашего сообщения я представлял себе дело так, что вы хотите основать издательскую фирму и предоставить мне редактирование серии социал-демократических брошюр.

Теперь я вижу, что дело ставится иначе, что у вас образована своя редакция, которая начинает издание газеты и приглашает меня сотрудничать.

Я охотно соглашаюсь, разумеется, и на это предложение, но должен сказать при этом, что успешное сотрудничество я считаю возможным *лишь при следующих условиях:* 1) *аккуратные* сношения редакции с сотрудником, *с извещением* о судьбе всех рукописей (принятие, отклонение, изменение) и с *сообщением всех изданий вашей фирмы;* 2) подпись моих статей особым псевдонимом (если посланный мною затерялся, то выберите любой сами); 3) согласие редакции с сотрудником в основных взглядах на теоретические вопросы, на ближайшие практические задачи и на характер желательной постановки газеты (или серии брошюр).

Я надеюсь, что редакция согласится на эти условия и, чтобы скорее установить соглашение между нами,

я теперь же остановлюсь несколько на вопросах, связанных с 3-им условием.

Вы находите, как мне пишут, что «старое течение крепко» и что в полемике против бернштейниады и ее русских отражений нет особенной нужды. Я считаю этот взгляд слишком оптимистическим. Публичное заявление Бернштейна о согласии с ним большинства русских социал-демократов[75]; раскол между «молодыми» русскими социал-демократами за границей и группой «Освобождение труда»[76], которая является и основательницей и представительницей и вернейшей хранительницей «старого течения»; потуги «Рабочей Мысли» сказать какое-то новое слово, восставать против «широких» политических задач, возводить в апофеоз мелкие дела и кустарничество, пошло иронизировать над «революционными теориями» (№ 7, «Мимоходом»); наконец, полный разброд легальной марксистской литературы и ярое стремление массы ее представителей ухватиться за модную «критику» бернштейниады, — все это ясно показывает, по-моему, что восстановление «старого течения» и энергичное отстаивание его составляет прямо-таки злобу дня.

О том, как я смотрю на задачу газеты и план ее ведения, вы увидите из статей, и я очень желал бы знать, насколько мы солидарны по этому вопросу (статьи писаны, к сожалению, несколько наскоро: мне очень бы важно, вообще, знать предельные сроки доставки статей).

Против «Рабочей Мысли», я думаю, *необходимо прямо поднять полемику,* но для этого я просил бы достать мне *№№ 1—2, 6 и после 7-ого; «Пролетарскую борьбу»*[77]. Последняя брошюра нужна и для рецензии об ней в газете.

Насчет размера, пишете Вы, не стесняться. Я думаю, пока есть газета, предпочитать газетные статьи и разбирать в них даже брошюрные темы, — предоставляя себе впоследствии эти же статьи переработать в брошюрки. Темы, которыми я предполагаю заняться в ближайшем будущем, следующие: 1) проект программы — вышлю вскоре[78]; 2) вопросы тактики и

организации, подлежащие обсуждению будущего съезда российской социал-демократической рабочей партии[79]; 3) брошюру о правилах поведения рабочих и социалистов на воле, в тюрьме и ссылке. По образцу польской брошюры («правила поведения» — если можно, просил бы достать ее мне); 4) о стачках (I — их значение, II — законы о стачках; III — обзор некоторых стачек последних годов); 5) брошюра «Женщина и рабочее дело» и пр.

Желательно бы знать приблизительно, каким материалом располагает редакция, чтобы избежать повторений и не браться за «исчерпанные» уже вопросы.

Буду ждать ответа от редакции через ту же передаточную инстанцию[80]. *(Кроме этого пути я не имел и не имею другого пути к вашей группе.)*

Ф. П.

НАША ПРОГРАММА

Международная социал-демократия переживает в настоящее время шатание мысли. До сих пор учения Маркса и Энгельса считались прочным основанием революционной теории, — теперь раздаются отовсюду голоса о недостаточности этих учений и устарелости их. Кто объявляет себя социал-демократом и намерен выступить с социал-демократическим органом, должен с точностью определить свое отношение к вопросу, волнующему далеко не одних только германских социал-демократов.

Мы стоим всецело на почве теории Маркса: она впервые превратила социализм из утопии в науку, установила твердые основания этой науки и наметила путь, по которому должно идти, развивая дальше эту науку и разрабатывая ее во всех частностях. Она раскрыла сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, каким образом наем рабочего, купля рабочей силы, прикрывает порабощение миллионов неимущего народа кучке капиталистов, владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она показала, как все развитие современного капитализма клонится к вытеснению мелкого производства крупным, создает условия, делающие возможным и необходимым социалистическое устройство общества. Она научила видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетенных учений — *классовую борьбу,* борьбу между всяческими видами

имущих классов с массой неимущих, *с пролетариатом,* который стоит во главе всех неимущих. Она выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, *а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества.*

И мы спрашиваем теперь: что же внесли нового в эту теорию те громогласные «обновители» ее, которые подняли в наше время такой шум, группируясь около немецкого социалиста Бернштейна? *Ровно ничего:* они не подвинули ни на шаг вперед той науки, которую завещали нам развивать Маркс и Энгельс; они не научили пролетариат никаким новым приемам борьбы; они только пятились назад, перенимая обрывки отсталых теорий и проповедуя пролетариату не теорию борьбы, а теорию уступчивости — уступчивости по отношению к злейшим врагам пролетариата, к правительствам и буржуазным партиям, которые не устают изыскивать новые средства для травли социалистов. Один из основателей и вождей русской социал-демократии, Плеханов, был вполне прав, когда подверг беспощадной критике новейшую «критику» Бернштейна[81], от взглядов которого отреклись теперь и представители германских рабочих (на съезде в Ганновере)[82].

Мы знаем, что на нас посыплется за эти слова куча обвинений: закричат, что мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных», преследующих «еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла. Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности;

защищать такую теорию, которую по своему крайнему разумению считаешь истинной, от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее — вовсе еще не значит быть врагом *всякой* критики. Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России. Поэтому мы охотно будем уделять место в нашей газете статьям по теоретическим вопросам и приглашаем всех товарищей к открытому обсуждению спорных пунктов.

Каковы же главные вопросы, возникающие при применении к России программы, общей всем социал-демократам? Мы сказали уже, что суть этой программы состоит в организации классовой борьбы пролетариата и в руководстве этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и устройство социалистического общества. Классовая борьба пролетариата разделяется на экономическую борьбу (борьбу против отдельных капиталистов или против отдельных групп капиталистов за улучшение положения рабочих) и на политическую борьбу (борьбу против правительства за расширение прав народа, т. е. за демократию, и за расширение политической власти пролетариата). Некоторые русские социал-демократы (к числу их, по-видимому, принадлежат те, которые ведут газету «Рабочая Мысль») считают несравненно более важной экономическую борьбу, политическую же чуть ли не откладывают до более или менее отдаленного будущего. Такое мнение совершенно неверно. Все социал-демократы согласны в том, что необходимо организовать экономическую борьбу рабочего класса, что необходимо вести агитацию среди рабочих на

этой почве, т. е. помогать рабочим в их ежедневной борьбе с хозяевами, обращать их внимание на все виды и случаи притеснений и разъяснять им таким образом необходимость объединения. Но из-за экономической борьбы забывать политическую — значило бы отступать от основного положения всемирной социал-демократии, значило бы забывать то, чему учит вся история рабочего движения. Завзятые сторонники буржуазии и служащего ей правительства не раз пытались даже организовать чисто экономические союзы рабочих и отвлечь их таким образом от «политики», от социализма. Очень возможно, что и русское правительство сумеет предпринять что-либо подобное, ибо оно всегда старалось бросать народу грошовые подачки или, вернее, лжеподачки, лишь бы отвлечь его от мысли о его бесправии и его угнетении. Никакая экономическая борьба не может принести рабочим прочного улучшения, не может даже вестись в широких размерах, если рабочие не будут иметь право свободно устраивать собрания, союзы, иметь свои газеты, посылать своих представителей в народные собрания, как это делают рабочие Германии и всех других европейских стран (кроме Турции и России). А чтобы добиться этих прав, надо вести *политическую борьбу.* В России не только рабочие, но и все граждане лишены политических прав. Россия — монархия самодержавная, неограниченная. Царь, один издает законы, назначает чиновников и надзирает за ними. От этого *кажется,* что в России царь и царское правительство не зависит ни от каких классов и заботится о всех одинаково. А *на деле* все чиновники берутся только из класса собственников и все подчинены влиянию крупных капиталистов, которые веревки вьют из министров и добиваются всего, чего хотят. На русском рабочем классе лежит двойной гнет: его обирают и грабят капиталисты и. помещики, а чтобы он не мог бороться против них, его связывает по рукам и по ногам полиция, затыкая ему рот, преследуя всякую попытку отстоять права народа. Всякая стачка против капиталиста ведет к тому, что на рабочих напускают войско и полицию.

Всякая экономическая борьба необходимо превращается в политическую, и социал-демократия должна неразрывно связать и ту и другую в *единую классовую борьбу пролетариата.* Первой и главной целью такой борьбы должно быть завоевание политических прав, *завоевание политической свободы.* Если одни петербургские рабочие, при небольшой помощи социалистов, сумели быстро добиться от правительства уступки — издания закона о сокращении рабочего дня[83], то весь русский рабочий класс, руководимый одной «Российской социал-демократической рабочей партией», сумеет добиться упорной борьбой и несравненно более важных уступок.

Русский рабочий класс сумеет и один вести свою экономическую и политическую борьбу, даже если бы он но получал помощи ни от какого другого класса. Но в политической борьбе рабочие не стоят одиноко. Полное бесправие народа и дикий произвол башибузуков-чиновников возмущают и всех сколько-нибудь честных образованных людей, которые не могут помириться с травлей всякого свободного слова и свободной мысли, возмущают преследуемых поляков, финляндцев, евреев, русских сектантов, возмущают мелких купцов, промышленников, крестьян, которым не у кого искать защиты от притеснений чиновников и полиции. Все эти группы населения, взятые отдельно, неспособны к упорной политической борьбе, но когда рабочий класс поднимет знамя такой борьбы, — ему отовсюду протянут руку помощи. Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию, и тогда она станет непобедимой!

Таковы паши основные воззрения, которые мы будем систематически и всесторонне развивать в нашей газете. Мы убеждены, что таким образом мы будем идти по пути, намеченному «Российской социал-демократической рабочей партией» в изданном ею «Манифесте».

НАША БЛИЖАЙШАЯ ЗАДАЧА

Русское рабочее движение находится в настоящее время в переходном периоде. Блестящее начало, которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов, завершилось образованием «Российской социал-демократической рабочей партии» (весной 1898 года). Сделав этот громадный шаг вперед, русская социал-демократия как бы исчерпала на время все свои силы и вернулась назад к прежней раздробленной работе отдельных местных организаций. Партия не перестала существовать, она только ушла в себя, чтобы собраться с силами и поставить дело объединения всех русских социал-демократов на прочную почву. Осуществить это объединение, выработать для него подходящую форму, освободиться окончательно от узкой местной раздробленности — такова ближайшая и самая насущная задача русских социал-демократов.

Мы все согласны в том, что наша задача — организация классовой борьбы пролетариата. Но что такое классовая борьба? Когда рабочие отдельной фабрики, отдельного ремесла вступают в борьбу со своим хозяином или со своими хозяевами, есть ли это классовая борьба? Нет, это только слабые зачатки ее. Борьба рабочих становится классовою борьбою лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим классом и начинают вести борьбу не против отдельных

хозяев, а против *всего класса* капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства. Только тогда, когда отдельный рабочий сознает себя членом всего рабочего класса, когда в своей ежедневной, мелкой борьбе с отдельными хозяевами и с отдельными чиновниками он видит борьбу против всей буржуазии и против всего правительства, только тогда его борьба становится классовой борьбой. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая»[84] — эти знаменитые слова Маркса неверно было бы понимать в том смысле, что всякая борьба рабочих с хозяевами *всегда бывает* политической борьбой. Их надо понимать так, что борьба рабочих с капиталистами необходимо *становится* политической борьбой *по мере того,* как она становится *классовой* борьбой. Задача социал-демократии состоит именно в том, чтобы посредством организации рабочих, пропаганды и агитации между ними *превратить* их стихийную борьбу против угнетателей в борьбу всего класса, в борьбу определенной политической *партии* за определенные политические и социалистические идеалы. Одной местной работой такая задача не может быть достигнута.

Местная социал-демократическая работа достигла у нас уже довольно высокого развития. Семена социал-демократических идей заброшены уже повсюду в России; рабочие листки — эта первая форма социал-демократической литературы — знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала. Нам недостает теперь именно сплочения всей этой местной работы в работу одной *партии.* Наш главный недостаток, на устранение которого мы должны направить все свои силы, это — узкий, «кустарный» характер местной работы. В силу этого кустарничества масса проявлений рабочего движения в России остаются чисто местными событиями и сильно теряют в своем значении, как образца для всей русской социал-демократии, как стадии всего русского рабочего движения. В силу этого кустарничества рабочие не проникаются в достаточной мере сознанием общности своих интересов по всей России, недостаточно свя-

зывают с своей борьбой мысль о русском социализме и русской демократии. В силу этого кустарничества различные взгляды товарищей на теоретические и практические вопросы не обсуждаются открыто в центральном органе, не служат для выработки общей программы партии и общей тактики, а теряются в узкой кружковщине или ведут к непомерному преувеличению местных и случайных особенностей. Довольно с нас этого кустарничества! Мы уже достаточно зрелы, чтобы перейти *к общей работе,* к выработке общей программы партии, к совместному обсуждению нашей партийной тактики и организации.

Русская социал-демократия сделала много для критики старых революционных и социалистических теорий; она не ограничилась одной критикой и теоретизированием; она доказала, что ее программа не висит на воздухе, а идет навстречу широкому стихийному движению в народной среде, именно в фабрично-заводском пролетариате; ей остается теперь сделать следующий, особенно трудный, но зато и особенно важный, шаг: выработать приспособленную к нашим условиям организацию этого движения. Социал-демократия не сводится к простому служению рабочему движению: она есть *«соединение социализма с рабочим движением»* (употребляя определение К. Каутского, воспроизводящее основные идеи «Коммунистического манифеста»); ее задача — внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки, связать его с систематической политической борьбой за демократию, как средство осуществления социализма, одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью *революционной партии.* История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения, — таков тот *материал,* которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии. «Обработка» этого материала должна быть однако

самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде: с одной стороны, русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западноевропейское. Было бы очень опасно впадать на этот счет в какие-либо иллюзии. А с другой стороны, русская социал-демократия самым существенным образом отличается от прежних революционных партий в России, так что необходимость учиться у старых русских корифеев революционной и конспиративной техники (мы нисколько не колеблясь признаем эту необходимость) отнюдь не избавляет нас от обязанности критически относиться к ним и самостоятельно вырабатывать свою организацию.

Два главных вопроса выдвигается при постановке такой задачи с особенной силой. 1) Как совместить необходимость полной свободы местной социал-демократической деятельности с необходимостью образовать единую — и, следовательно, централистическую — партию? Социал-демократия почерпает всю свою силу в стихийном рабочем движении, которое проявляется неодинаково и неодновременно в различных промышленных центрах; деятельность местных социал-демократических организаций является *основой* всей деятельности партии. Но если это будет деятельность изолированных «кустарей», тогда нельзя даже, строго говоря, назвать ее социал-демократической, ибо это не будет организацией и руководством *классовой* борьбы пролетариата. 2) Как совместить стремление социал-демократии стать революционной партией, которая ставит главною своею целью борьбу за политическую свободу, — с тем, что социал-демократия решительно отказывается устраивать политические заговоры, решительно отказывается «звать рабочих на баррикады» (по верному выражению П. Б. Аксельрода) или вообще навязывать рабочим тот или иной «план» атаки на правительство, сочиненный компанией революционеров?

Русская социал-демократия имеет полное право считать, что *теоретическое* решение этих вопросов она дала; останавливаться на этом значило бы повторять сказанное в статье «Наша программа». Дело идет

теперь о *практическом* решении этих вопросов. Такое решение не может быть дано отдельным лицом или отдельной группой, — его может дать только организованная деятельность всей социал-демократии. Мы думаем, что в настоящее время самая насущная задача состоит в том, чтобы взяться за решение этих вопросов, и что для этого мы должны поставить своей ближайшей целью — *организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии.* Мы думаем, что на организацию этого дела должна быть направлена в течение всего ближайшего будущего *вся* деятельность социал-демократов. Без такого органа местная работа останется узким «кустарничеством». Образование партии, — если не организовано правильное представительство этой партии в известной газете, — останется в значительной степени одним словом. Экономическая борьба, не объединяемая центральным органом, не может сделаться *классовой* борьбой всего русского пролетариата. Ведение политической борьбы невозможно без того, чтобы вся партия высказывалась по всем вопросам политики и направляла отдельные проявления борьбы. Организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных *форм и правил ведения дела,* без установления — чрез посредство центрального органа — *ответственности* каждого члена партии перед всей партией. Говоря о необходимости сосредоточить *все* силы партии — все литературные силы, все организаторские способности, все материальные средства и пр. — на основании и правильном ведении органа всей партии, мы нисколько не думаем о том, чтобы оттеснить на второй план другие виды деятельности, напр., местную агитацию, манифестации, бойкот, травлю шпионов, травлю отдельных представителей буржуазии и правительства, демонстративные стачки и пр. и пр. Напротив, мы убеждены в том, что все эти виды деятельности составляют *основу* деятельности партии, но *без* объединения их в органе всей партии все эти формы

революционной борьбы *теряют девять десятых своего значения,* не ведут к созданию общего опыта партии, к созданию партийной традиции и преемственности. Орган партии не только не будет конкурировать с такой деятельностью, а, напротив, окажет громадное влияние на ее распространение, упрочение, введение в систему.

Необходимость сосредоточить *все* силы на организации правильно выходящего и доставляемого органа партии обусловливается оригинальным положением русской социал-демократии в отличие от социал-демократии других европейских стран и от старых русских революционных партий. У рабочих Германии, Франции и пр. есть кроме газет масса других способов публичного проявления своей деятельности, других способов организации движения: и парламентская деятельность, и выборная агитация, и народные собрания, и участие в местных общественных учреждениях (земских и городских), и открытое ведение ремесленных (профессиональных, цеховых) союзов и пр. и пр. У нас *заменой всего этого,* но именно *всего* этого, должна служить — пока мы не завоевали политической свободы — революционная газета, без которой у нас невозможна *никакая* широкая организация всего рабочего движения. В заговоры мы не верим, от единичных революционных предприятий разрушить правительство мы отказываемся; практическим лозунгом нашей работы служат слова ветерана германской социал-демократии, Либкнехта: «Studieren, propagandieren, organisieren» — учиться, пропагандировать, организовать — и центральным пунктом этой деятельности может и должен быть только *орган партии.*

Но возможна ли и при каких условиях возможна правильная и сколько-либо устойчивая постановка такого органа? Об этом мы поговорим в следующий раз.

НАСУЩНЫЙ ВОПРОС

Мы сказали в предыдущей статье, что нашей насущной задачей является организация правильно выходящего и доставляемого органа партии, и поставили вопрос, возможно ли и при каких условиях возможно достигнуть этой цели. Рассмотрим важнейшие стороны этого вопроса.

Нам могут возразить, прежде всего, что для достижения этой цели надо *сначала* развить деятельность местных групп. Мы считаем это, довольно распространенное, мнение ошибочным. За основание и прочную постановку органа партии — а следовательно, и самой партии — мы можем и должны взяться немедленно. Необходимые для такого шага условия есть налицо: местная работа ведется, и очевидно, что она пустила уже глубокие корни, ибо все учащающиеся погромы приводят только к небольшим перерывам; на место павших в бою быстро становятся свежие силы. Издательские средства и литературные силы имеются у партии не только за границей, но и в России. Вопрос, следовательно, стоит о том, следует ли ту работу, *которая уже ведется,* продолжать вести по-«кустарному» или следует сорганизовать ее в работу одной партии и сделать так, чтобы она вся отражалась в одном общем органе.

Здесь мы подходим к насущному вопросу нашего движения, к его больному пункту — организации. Улучшение революционной организации и дисциплины, усовершенствование конспиративной техники необходимы настоятельно. Надо открыто признать, что

в этом отношении мы отстали от старых русских революционных партий и должны приложить все усилия, чтобы догнать и перегнать их. Без улучшения организации невозможен никакой прогресс нашего рабочего движения вообще, невозможно в частности и образование активной партии с правильно действующим органом. Это с одной стороны. А с другой стороны, теперешние органы партии (органы и в смысле учреждений и групп, и в смысле газет) должны обратить больше внимания на вопросы организации и влиять в этом направлении на местные группы.

Местная, кустарная работа всегда ведет к чрезмерному обилию личных связей, к кружковщине, а мы выросли уже из кружковщины, которая становится слишком узкой для теперешней работы и которая ведет к чрезмерной трате сил. Только слияние в одну партию даст возможность систематически провести принципы разделения труда и экономии сил, — а этого необходимо достигнуть, чтобы уменьшить число жертв и создать более или менее прочный оплот против гнета самодержавного правительства и его отчаянных преследований. Против нас, против маленьких групп социалистов, ютящихся по широкому русскому «подполью», стоит гигантский механизм могущественнейшего современного государства, напрягающего все силы, чтобы задавить социализм и демократию. Мы убеждены, что мы сломим в конце концов это полицейское государство, потому что за демократию и социализм стоят все здоровые и развивающиеся слои всего народа, но, чтобы вести систематическую борьбу против правительства, мы должны довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства. Необходимо, чтобы отдельные члены партии или отдельные группы членов специализировались на отдельных сторонах партийной работы, одни — на воспроизведении литературы, другие — на перевозке из-за границы, третьи — на развозке по России, четвертые — на разноске в городах, пятые — на устройстве конспиративных квартир, шестые — на сборе денег, седьмые — на организации доставки кор-

респонденций и всех сведений о движении, восьмые — на ведении сношений и пр. и пр. Такая специализация требует, мы знаем это, гораздо большей выдержки, гораздо больше уменья сосредоточиться на скромной, невидной, черной работе, гораздо больше истинного героизма, чем обыкновенная кружковая работа.

Но русские социалисты и русский рабочий класс доказали уже свою способность к героизму, и, вообще говоря, нам грешно было бы жаловаться на недостаток в людях. Среди рабочей молодежи наблюдается страстное, неудержимое стремление к идеям демократии и социализма, а помощники рабочим из рядов интеллигенции продолжают притекать, несмотря на переполнение тюрем и мест ссылки. Если среди всех этих рекрутов революционного дела будет широко пропагандироваться мысль о необходимости более строгой организации, то план устройства правильно выходящей и доставляемой газеты партии перестанет быть мечтой. Возьмем одно условие успеха такого плана: обеспечение газеты правильным поступлением корреспонденций и материалов отовсюду. Разве история не показывает, что во все времена оживления нашего революционного движения такая цель оказывалась вполне достижимой даже по отношению к заграничным органам? Если работающие в разных местностях социал-демократы будут смотреть на газету партии как на *свою* газету и считать своим главным делом поддержание с ней постоянной связи, обсуждение в ней своих вопросов, отражение в ней всего своего движения, — тогда обеспечение газеты полными сведениями о движении будет вполне осуществимо, при условии соблюдения вовсе не особенно хитрых конспиративных приемов. Другая сторона дела — правильная доставка газеты во все местности России — гораздо труднее, труднее, чем была соответствующая задача при прежних формах революционного движения в России, когда газеты не предназначались в такой степени для народных масс. Но назначение социал-демократических газет облегчает их распространение. Главные местности, куда должна правильно и в большом количестве

экземпляров доставляться газета, это — промышленные центры, фабричные села и города, фабричные кварталы больших городов и т. п. В таких центрах почти все население сплошь рабочее; рабочий здесь фактически — хозяин положения, имеющий сотни способов обмануть бдительность полиции; сношения с соседними фабричными центрами отличаются чрезвычайной оживленностью. В эпоху исключительного закона против социалистов (с 1878 по 1890 г.)[85] германская политическая полиция работала не хуже, а, вероятно, даже лучше русской, и однако немецкие рабочие сумели благодаря своей организованности и дисциплинированности достичь того, что еженедельно выходящая нелегальная газета правильно ввозилась из-за границы и доставлялась на дом всем подписчикам, так что даже министры не могли не восхищаться социал-демократической почтой («красной почтой»). О таком успехе мы, конечно, не мечтаем, но достигнуть того, чтобы газета нашей партии выходила не менее 12 раз в год и правильно доставлялась во все главные центры движения всем доступным социализму кругам рабочих, — мы вполне можем, если направим на это все усилия.

Возвращаясь к вопросу о специализации, мы должны также указать, что недостаток ее объясняется отчасти преобладанием «кустарной» работы, отчасти и тем, что наши социал-демократические газеты слишком мало места уделяют обыкновенно вопросам организации.

Только создание общего органа партии может дать каждому «частичному работнику» революционного дела сознание того, что он идет «в ряду и в шеренге», что его работа непосредственно нужна партии, что он является одним из звеньев той цепи, кольца которой задушат злейшего врага русского пролетариата и всего русского народа — русское самодержавное правительство. Только строгое проведение такой специализации даст возможность экономить силы: не только каждая отдельная сторона революционной работы будет исполняться меньшим числом лиц, но получится возможность выделить ряд сторон современной деятельности в *легальные* (= дозволенные законом) дела.

Такую *легализацию* своей деятельности, подведение ее под законные рамки, давно уже советовал русским социалистам «Vorwärts» («Вперед»)[86] — главный орган немецкой социал-демократии. С первого взгляда подобный совет поражает, — а на самом деле он заслуживает серьезного внимания. Почти каждый, работавший в местном кружке какого-либо города, легко припомнит, что среди той кучи разнообразнейших дел, которыми он занимался, было несколько таких дел, которые сами по себе легальны (напр., собирание сведений о положении рабочих, изучение легальной литературы многих вопросов, ознакомление с известного рода иностранной литературой и реферирование ее, известного рода сношения, содействие рабочим в делах общего образования, в изучении фабричных законов, и мн. др.). Выделение такого рода дел в особые функции особого разряда лиц уменьшило бы численность активной, стоящей «в огне» революционной армии (без всякого уменьшения ее «боевой способности») и увеличило бы численность резерва, пополняющего места «убитых и раненых». Возможно это лишь тогда, когда и активные члены и резерв видят отраженно своей деятельности в общем органе партии и чувствуют свою связь с ней. Конечно, местные собрания рабочих и местных групп будут всегда необходимы, как бы мы далеко ни проводили специализации, но, с одной стороны, число многолюдных революционных собраний (которые особенно опасны в полицейском отношении и продуктивность которых часто далеко не соответствует их опасности) значительно уменьшится, а, с другой стороны, выделение различных сторон революционной работы в специальные функции даст больше возможности прикрывать такие собрания легальными формами собраний: увеселительными собраниями, собраниями законом дозволенных обществ и т. п. Ведь умели же французские рабочие при Наполеоне III и немецкие рабочие при исключительном законе против социалистов изобретать всякие прикрытия для своих политических и социалистических собраний. Сумеют это сделать и русские рабочие.

Далее, только улучшение организации и создание общего органа партии даст возможность расширить и углубить самое содержание социал-демократической пропаганды и агитации. А мы в этом очень нуждаемся. Местная работа почти неизбежно ведет к преувеличению местных особенностей, к ......* это невозможно без центрального органа, который был бы в то же время и передовым демократическим органом. Только тогда наше *стремление* превратить социал-демократию в передового борца за демократию станет *действительностью.* Только тогда мы можем выработать и определенную политическую тактику. Социал-демократия отказалась от неверного учения о «единой реакционной массе». Она видит одну из важнейших задач политики в том, чтобы пользоваться содействием прогрессивных классов против реакционных. При местном характере организаций и органов эта задача почти не исполняется: дальше сношений с отдельными лицами из «либералов» и извлечения из них разных «услуг» дело не идет. Только общий орган партии, последовательно проводящий принципы политической борьбы и высоко держащий знамя демократизма, будет в состоянии привлечь на свою сторону все боевые демократические элементы и использовать все прогрессивные силы России в борьбе за политическую свободу. Только тогда глухую ненависть рабочих к полиции и к властям удастся превратить в сознательную ненависть к самодержавному правительству и в решимость вести отчаянную борьбу за права рабочего класса и всего русского народа! А построенная на такой почве и строго организованная революционная партия будет представлять из себя, в современной России, крупнейшую политическую силу!

В дальнейших номерах мы поместим проект программы Российской социал-демократической рабочей партии и начнем более детальное обсуждение отдельных вопросов организации.

---

* Часть рукописи не сохранилась. *Ред.*

РЕЦЕНЗИЯ

***Karl Kautsky.* Bernstein und das sozialdemokratische Programm**. *Eine Antikritik*[*]

... В введении Каутский высказывает несколько в высшей степени ценных и метких мыслей на тему о том, каким условиям должна удовлетворять серьезная и добросовестная критика, если предпринимающие ее не хотят замыкаться в узкие рамки бездушного педантизма и гелертерства, если они не хотят терять из виду тесной и неразрывной связи «теоретического разума» с «практическим разумом» и притом с практическим разумом не единичных личностей, а масс населения, поставленных в особые условия. Конечно, истина выше всего — говорит Каутский, и если Бернштейн пришел к искреннему убеждению в неверности своих прежних взглядов, то его прямой долг с полной определенностью высказать свое убеждение. Но в том-то и беда, что Бернштейну недостает именно прямоты и определенности: его брошюра поразительно «энциклопедична» (как заметил уже Антонио Лабриола в одном французском журнале), она затрагивает массу проблем, бездну вопросов, но *ни по одному* из этих вопросов не дает цельного и отчетливого изложения новых взглядов критика. Критик только излагает свои сомнения, бросая едва затронутые им трудные и сложные вопросы без всякой самостоятельной разработки. От этого — саркастически замечает Каутский — и происходит такая странная вещь, что сторонники Бернштейна понимают его книгу самым различным образом, а противники Бернштейна все понимают его

[*] — *Карл Каутский. Бернштейн и социал-демократическая программа.* Антикритика. *Ред.*

одинаково. Главное же возражение, которое делает Бернштейн своим противникам, состоит в том, что его не понимают, что его не хотят понять. Целый ряд журнальных и газетных статей, написанных Бернштейном в ответ его противникам, нисколько не выяснил его положительных взглядов.

Каутский начинает свою антикритику с вопроса о методе. Он рассматривает возражения Бернштейна против материалистического понимания истории и показывает, что Бернштейн смешал понятие «детерминистического» с понятием «механического», смешал свободу воли с свободой действия, отождествил без всяких оснований историческую необходимость с принудительным, безвыходным положением людей. Избитое обвинение в фатализме, которое повторяет и Бернштейн, опровергается уже самыми основными посылками исторической теории Маркса. Нельзя все сводить к развитию производительных сил, говорит Бернштейн. Надо «принимать в расчет» и другие факторы. — Очень хорошо, отвечает Каутский, но ведь это должен делать всякий исследователь, каким бы пониманием истории он ни руководился. Кто хочет заставить нас отказаться от метода Маркса, метода, который так блестяще оправдал себя на деле и продолжает себя оправдывать, тот должен идти одним из двух путей: либо он отказывается вообще от идеи закономерности, необходимости исторического процесса, и тогда он выбрасывает, значит, за борт все попытки научного обоснования социологии. Либо он должен показать, каким образом можно из других факторов (например, этические взгляды) вывести необходимость исторического процесса, — показать анализом, который мог бы выдержать хоть отдаленное сравнение с анализом Маркса в «Капитале». Бернштейн не только не делает ни малейшей попытки сделать это, но, ограничившись бессодержательным общим местом о «принимании в расчет» других факторов, *продолжает* пользоваться в своей книге старым материалистическим методом, как будто бы он не объявил его недостаточным! Местами даже, как показывает Каутский, Бернштейн применяет этот

метод с непозволительнейшей грубостью и односторонностью! Далее, обвинения Бернштейна направляются против диалектики, которая ведет будто бы к произвольным конструкциям и проч. и проч. Бернштейн повторяет эти фразы (успевшие до тошноты надоесть уже и русским читателям), не делая ни малейшей попытки указать, в чем состоит неправильность диалектики, — повинен ли в методологических ошибках (и каких именно) Гегель или Маркс с Энгельсом. Единственное, чем пробует оправдать и подкрепить свое мнение Бернштейн, это указание на «тенденциозность» одного из заключительных параграфов «Капитала» (об исторической тенденции капиталистического накопления). Истаскано это обвинение до последней степени: его выставляли и Евгений Дюринг и Юлиус Вольф и многие другие в Германии, его выставляли (добавим от себя) и г. Ю. Жуковский в 70-х годах и г. Н. Михайловский в 90-х годах — тот самый г. Михайловский, который изобличал некогда г. Ю. Жуковского за это обвинение в акробатстве. И какое же *доказательство* приводит Бернштейн в подтверждение этого истасканного вздора? Только следующее: Маркс приступил к «исследованию» с заранее уже готовыми выводами, ибо «Капитал» приходит в 1867 г. к тому же самому выводу, который был выставляем Марксом еще в 40-х годах. Такое «доказательство» равносильно передержке, — отвечает Каутский, — ибо выводы свои Маркс основал не на одном, а на двух исследованиях, как это с точностью и указано им в предисловии к «Zur Kritik»* (см. русский перевод: «Критика некоторых положений политической экономии»)[87]. Первое исследование произведено было в 40-х годах, после того как Маркс вышел из редакции «Рейнской Газеты»[88]. Вышел же Маркс из редакции потому, что ему пришлось говорить о материальных интересах, а он сознавал свою неподготовленность к этому. С общественной арены — писал Маркс про себя — я удалился в учебную комнату. Таким образом (подчеркивает Каутский

* — «Zur Kritik der politischen Oekonomie» — «К критике политической экономии». *Ред.*

с намеком по адресу Бернштейна), усомнившись в правильности своих суждений о материальных интересах, в правильности господствовавших тогда взглядов на этот вопрос, Маркс не счел своих сомнений такими важными, чтобы писать о них целую книгу, чтобы оповещать об них всех и каждого. Нет, Маркс принялся учиться, чтобы перейти от сомнения в старых взглядах к каким-нибудь положительным новым взглядам. Он стал изучать французские общественные теории и английскую политическую экономию. Он сблизился с Энгельсом, который детально изучал в то время фактическое состояние народного хозяйства в Англии. Результатом этой совместной работы, этого *первого* исследования явились известные выводы, которые оба писателя и изложили с полной определенностью в конце 40-х годов[89]. С 1850 года Маркс поселился в Лондоне, и благоприятные условия жизни в Лондоне для научных занятий побудили его «приняться за изучение предмета *с начала* и приступить к критической обработке нового материала» («Критика некоторых положений», 1-ое издание, стр. XI. Курсив наш)[90]. Плодом этого *второго* исследования, длившегося в течение длинного ряда лет, явились сочинения: «Zur Kritik» (1859) и «Das Kapital» (1867). Вывод, к которому пришел «Капитал», совпадает с прежним выводом 40-х годов, потому что второе исследование подтвердило результаты первого исследования. «Мои взгляды, как бы о них ни судили, составляют результат добросовестных и долголетних исследований», — писал Маркс в 1859 г. (там же, стр. XII)[91]. Не правда ли, спрашивает Каутский, как это похоже на выводы, готовые задолго до самого исследования?

От вопроса о диалектике Каутский переходит к вопросу о стоимости. Бернштейн говорит, что теория Маркса не закончена, что она оставляет много проблем, «отнюдь еще не вполне разъясненных». Каутский и не думает отрицать этого: теория Маркса не последнее слово науки, говорит он. История несет с собой и новые факты и новые способы исследования, требующие дальнейшего развития теории. Если бы Бернштейн сделал попытку воспользоваться новыми фактами и новыми

способами исследования для дальнейшего развития теории, все были бы ему благодарны. Но Бернштейн и не помышляет об этом, а ограничивается дешевыми нападками на учеников Маркса и совершенно неясными, чисто эклектическими замечаниями вроде того, что теория предельной полезности школы Госсена-Джевонса-Бёма не менее справедлива, чем теория трудовой стоимости Маркса. Обе теории сохраняют свое значение для разных целей, — говорит Бернштейн, — ибо Бём-Баверк имеет à priori такое же право абстрагировать от того свойства товаров, что они произведены трудом, как Маркс — абстрагировать от того их свойства, что они суть полезности. Каутский указывает, что это совершенно нелепо — считать две противоположные, исключающие друг друга теории пригодными для разных целей (причем Бернштейн не говорит, для каких целей пригодна та или другая теория). Вопрос состоит вовсе не в том, от какого свойства товаров мы вправе *à priori* (von Hause aus)* абстрагировать, а в том, как объяснить основные явления современного, основанного на *обмене* продуктов, общества, как объяснить стоимость товаров, функцию денег и пр. Пусть теория Маркса оставляет еще не разъясненными ряд проблем, но теория стоимости Бернштейна — проблема уже совершенно неразъясненная. Бернштейн цитирует еще Буха, который конструировал понятие «предельной плотности» труда, но Бернштейн не дает ни полного изложения взглядов Буха, ни определенного заявления своего мнения по данному вопросу. Бух же путается, видимо, в противоречиях, ставя стоимость в зависимость от заработной платы, а заработную плату — в зависимость от стоимости. Чувствуя эклектицизм своих замечаний о стоимости, Бернштейн пробует защитить эклектику вообще. Он называет ее «мятежом трезвого рассудка против присущего всякой догме стремления сжимать мысль в узкие тиски». Если Бернштейн припомнит историю мысли, — отвечает Каутский, — то он увидит, что великие мятежники против

* — заранее (с самого начала). *Ред.*

сжимания мысли в тесные тиски никогда не были эклектиками, что стремление к единству, целостности воззрений было всегда им присуще. Эклектик же слишком робок, чтобы отважиться на мятеж. Ведь, если я вежливо расшаркиваюсь перед Марксом и в то же время вежливо расшаркиваюсь перед Бём-Баверком, то отсюда еще очень далеко до мятежа! Пусть назовут мне, говорит Каутский, хоть одного эклектика в республике мысли, который был бы достоин названия мятежника!

Переходя от метода к результатам применения метода, Каутский останавливается на так называемой Zusammenbruchstheorie, теории крушения, внезапного краха западноевропейского капитализма, краха, который Маркс считал будто бы неизбежным и связывал его с громадным хозяйственным кризисом. Каутский говорит и показывает, что никогда Маркс и Энгельс не выставляли особой Zusammenbruchstheorie, не связывали Zusammenbruche непременно с хозяйственным кризисом. Это — извращение противников, которые односторонне излагают теорию Маркса, выхватывая без смысла отдельные места из отдельных сочинений, чтобы потом победоносно опровергать «односторонность» и «грубость» теории. На самом деле Маркс и Энгельс ставили преобразование западноевропейских экономических отношений в зависимость от зрелости и силы выдвинутых новейшей историей Европы классов. Бернштейн пытался утверждать, что это не теория Маркса, а толкование и расширение ее Каутским, но Каутский точными цитатами из произведений Маркса 40-х и 60-х годов, а равно и анализом основных идей марксизма, вполне опроверг эту, поистине, крючкотворскую уловку Бернштейна, который с такой бесцеремонностью обвинял учеников Маркса в «апологетизме и крючкотворстве». Это место книги Каутского особенно интересно, тем более, что некоторые русские писатели (например, г. Булгаков в журнале «Начало») поспешили повторить то извращение теории Маркса, которое преподнес Бернштейн под видом «критики» (повторяет это извращение и г. Прокопович в своей книге «Рабочее движение на Западе». СПБ. 1899).

С особенной обстоятельностью разбирает Каутский основные тенденции современного экономического развития, чтобы опровергнуть мнение Бернштейна, будто это развитие не идет в том направлении, какое охарактеризовал Маркс. Само собою разумеется, что глава «Крупное и мелкое производство», а равно и другие главы книги Каутского, посвященные политико-экономическому анализу и содержащие довольно обширный цифровой материал, не могут быть изложены здесь, и нам приходится ограничиться кратким указанием их содержания. Каутский подчеркивает, что речь идет именно о направлении развития в общем и целом, отнюдь не о частностях и поверхностных явлениях, которые не могут быть учтены во всем своем разнообразии *никакой* теорией. (Эту простую, но часто забываемую, истину напоминает читателю и Маркс в соответствующих главах «Капитала».) Подробным разбором данных германских промышленных переписей 1882 и 1895 годов Каутский показывает, что эти данные блестяще подтвердили теорию Маркса и поставили вне всякого сомнения процесс концентрации капитала и вытеснения мелкого производства. Бернштейн сам еще в 1896 году (когда он и сам еще принадлежал — иронизирует Каутский — к цеху апологетов и крючкотворцев) с полной решительностью признал этот факт, а теперь безмерно преувеличивает силу и значение мелкого производства. Например, число предприятий с числом рабочих менее 20 Бернштейн определяет в несколько сот тысяч, «прибавляя, очевидно, в своем пессимистическом усердии лишний нолик», ибо таких предприятий в Германии только 49 тысяч. И притом, кто только не зачисляется статистикой в мелкие предприниматели: и извозчики, и посыльные, и могильщики, и разносчики плодов, и швейки, хотя бы они работали у себя дома на капиталиста, и проч. и проч.! Отметим особенно важное в теоретическом отношении замечание Каутского, что мелкие торговые и промышленные предприятия (вроде названных выше) нередко являются в капиталистическом обществе лишь одной из форм относительного перенаселения: разоряющиеся мелкие производители,

но находящие занятия рабочие превращаются (иногда на время) в мелких торговцев, разносчиков, сдатчиков квартир и углов (тоже «предприятия», регистрируемые статистикой наравне со всякого рода другими предприятиями!) и т. п. Переполнение этих профессий указывает отнюдь не на жизненность мелкого производства, а на рост нищеты в капиталистическом обществе. Но Бернштейн подчеркивает и преувеличивает значение мелких «промышленников», когда это говорит, по его мнению, за него (в вопросе о крупном и мелком производстве), умалчивая о них тогда, когда это говорит против него (в вопросе о росте нищеты).

Бернштейн повторяет давно известные и русской публике рассуждения о том, что акционерные общества «позволяют» раздроблять капитал и «делают излишним» его концентрацию, и приводит некоторые цифры (ср. № 3 «Жизни» за 1899 г.) о числе мелких акций. Каутский отвечает, что эти цифры ровно ничего не доказывают, ибо мелкие акции разных обществ могут быть собственностью крупных капиталистов (что должен признать и Бернштейн). В подтверждение того, что акционерные общества *увеличивают* число имущих, Бернштейн не приводит абсолютно никаких доказательств, да и не может привести их, ибо акционерные общества на самом деле служат к тому, чтобы экспроприировать доверчивую и малоимущую публику в пользу крупных капиталистов и спекулянтов. Рост числа акций указывает лишь на то, что богатство имеет тенденцию принимать форму акций, о распределении же богатства этот рост не говорит ровно ничего. Вообще, к вопросу об увеличении числа имущих, числа собственников Бернштейн отнесся удивительно легкомысленно, что не помешало его буржуазным сторонникам превознести именно эту часть книги Бернштейна и провозгласить, что она основана на «колоссальном цифровом материале». Бернштейн оказался так искусен, — иронизирует Каутский, — что поместил этот колоссальный материал на двух страничках! Он смешивает имущих и капиталистов, хотя увеличения числа последних никто и не отрицал. Он берет данные о подоходном налоге, игнорируя фи-

скальный характер их и смешение доходов от собственности с доходом от жалованья и проч. Он сравнивает за разное время данные, полученные различными путями (например, о Пруссии) и потому несравнимые. Он доходит даже до того, что заимствует цифры о росте числа имущих в Англии (и даже печатает эти цифры жирным шрифтом, как свой главный козырь!) из фельетона какой-то уличной газетки, воспевающей юбилей королевы Виктории и обращающейся с статистикой легкомысленно до nec plus ultra*! Источник этих сведений неизвестен, да и нельзя получить таких сведений на основании данных об английском подоходном налоге, ибо эти данные не позволяют определить число плательщиков и весь доход каждого плательщика. Каутский берет из книги Кольба данные об английском подоходном налоге за 1812 и 1847 гг. и показывает, что они совершенно так же, как фельетонные данные Бернштейна, показывают (будто бы) рост числа имущих — и это за период страшного роста самой ужасной нищеты народа в Англии! Подробный разбор данных Бернштейна приводит Каутского к тому выводу, что Бернштейн не привел ни одной цифры, действительно доказывающей рост числа имущих.

Бернштейн пробует и теоретически вывести это явление: не могут же капиталисты, говорит он, сами потребить всю прибавочную стоимость, количество которой возрастает так колоссально; значит, растет число имущих, потребляющих ее. Каутскому не стоит большого труда опровергнуть это комичное рассуждение, совершенно игнорирующее теорию реализации Маркса (в русской литературе эта теория не раз излагалась уже). Особенно интересно, что Каутский опровергает его не одними теоретическими рассуждениями, а и конкретными данными, свидетельствующими о росте роскоши и мотовства в западноевропейских странах, о влиянии быстро меняющейся моды, которая так обостряет этот процесс, о массе безработных, о громадном росте «производительного потребления» прибавочной

* — крайних пределов. *Ред.*

стоимости — т. е. помещения капитала в новые предприятия, особенно европейского капитала в железнодорожные и другие предприятия России, Азии, Африки.

Бернштейн объявляет всеми оставленной «теорию нищеты» или «теорию обнищания» Маркса. Каутский показывает, что это опять извращенная утрировка противников Маркса, который подобной теории не выставлял. Маркс говорил о росте нищеты, унижения и проч., указывая наряду с этим и противодействующую тенденцию и те реальные общественные силы, которые одни только и могут порождать эту тенденцию. Слова Маркса о росте нищеты вполне оправдываются действительностью: во-первых, мы действительно видим, что капитализм имеет тенденцию порождать и усиливать нищету, которая достигает громадных размеров при отсутствии вышеуказанной противодействующей тенденции. Во-вторых, растет нищета не в физическом, а в социальном смысле, т. е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс. Бернштейн иронизировал по поводу такого понимания «нищеты», что это-де понимание в пиквикском смысле. Каутский в ответ на это показывает, что такие люди, как Лассаль, Родбертус, Энгельс, заявляли с полной определенностью о необходимости понимать нищету не только в физическом, но и в социальном смысле. В «пиквикском» клубе, — парирует он иронию Бернштейна, — собирается, как видите, недурное общество! Наконец, в-третьих, слова о росте нищеты сохраняют всю свою верность по отношению к «пограничным областям» капитализма, понимая слово пограничный и в географическом смысле (страны, в которые только начинает проникать капитализм, порождая нередко не только физическую нищету, но и прямое голодание масс населения) и в политико-экономическом смысле (кустарная промышленность и вообще отрасли народного хозяйства, в которых держатся еще отсталые способы производства).

Крайне интересна также и особенно поучительна для нас, русских, глава о «новом среднем сословии».

Если бы Бернштейн хотел только сказать, что на место падающих мелких производителей появляется новое среднее сословие — интеллигенция, то он был бы прав, говорит Каутский и указывает, что он уже несколько лет тому назад отметил важность этого явления. Капитализм во всех областях народного труда повышает с особенной быстротой число *служащих,* предъявляет все больший спрос на интеллигенцию. Эта последняя занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень. Переходное, неустойчивое, противоречивое положение рассматриваемого общественного слоя отражается в том, что среди него особенно широко распространяются те половинчатые, эклектические воззрения, та мешанина противоположных принципов и точек зрения, то стремление подниматься на словах в превыспренние области и затушевывать фразами конфликты исторических групп населения, — которые так беспощадно бичевал своими сарказмами Маркс полвека тому назад.

В главе о теории кризисов Каутский показывает, что Маркс вовсе не выставлял «теории» о десятилетнем цикле промышленных кризисов, а лишь констатировал факт. Изменение этого цикла в последнее время отмечено самим Энгельсом. Говорят, что картели предпринимателей могут противодействовать кризисам, ограничивая и регулируя производство. Но вот Америка — страна картелей, а вместо ограничения мы видим в ней громадный рост производства. Затем, ограничивая производство для внутреннего рынка, картели расширяют производство для внешнего рынка, продавая на нем товары по убыточной цене и взимая с отечественных потребителей монопольные цены. При протекционизме эта система неизбежна, а рассчитывать на смену протекционизма системой свободной торговли нет никаких оснований. Закрывая мелкие фабрики,

концентрируя и монополизируя производство, вводя усовершенствования, картели этим значительно ухудшают положение производителей. Бернштейн думает, что спекуляция, порождающая кризисы, слабеет по мере того, как условия мирового рынка превращаются из неопределимых в определимые и известные; но он забывает, что именно «неопределимые» условия новых стран дают громадный толчок спекуляции в старых странах. Каутский показывает статистическими данными рост спекуляции именно в последние годы, а также рост числа признаков, предвещающих кризис в не особенно отдаленном будущем.

Из остальной части книги Каутского отметим разбор той путаницы, в которую попадают люди, смешивающие (подобно г. С. Прокоповичу, названное сочинение) экономическую силу известных групп с их экономическими организациями, отметим указание Каутского, что Бернштейн возводит чисто временные условия данной исторической ситуации в общий закон, — опровержение неправильных взглядов Бернштейна на сущность демократии, — разъяснение статистической ошибки Бернштейна, который сопоставлял число промышленных рабочих в Германии с числом избирателей, забыв ту мелочь, что не все рабочие пользуются в Германии правом голоса (а только мужчины, достигшие 25 лет) и что не все участвуют в выборах. Мы можем только усиленно рекомендовать читателю, интересующемуся вопросом о значении книги Бернштейна и о полемике по поводу нее, обратиться к немецкой литературе и ни в каком случае не доверять тем пристрастным и односторонним отзывам сторонников эклектики, которые преобладают в русской литературе. Мы слышали, что часть рассмотренной книги Каутского предполагают перевести на русский язык[92]. Это было бы очень желательно, но знакомства с оригиналом это не заменит.

Написано в конце 1899 г.

Впервые напечатано в 1928 г.
в Ленинском сборнике VII

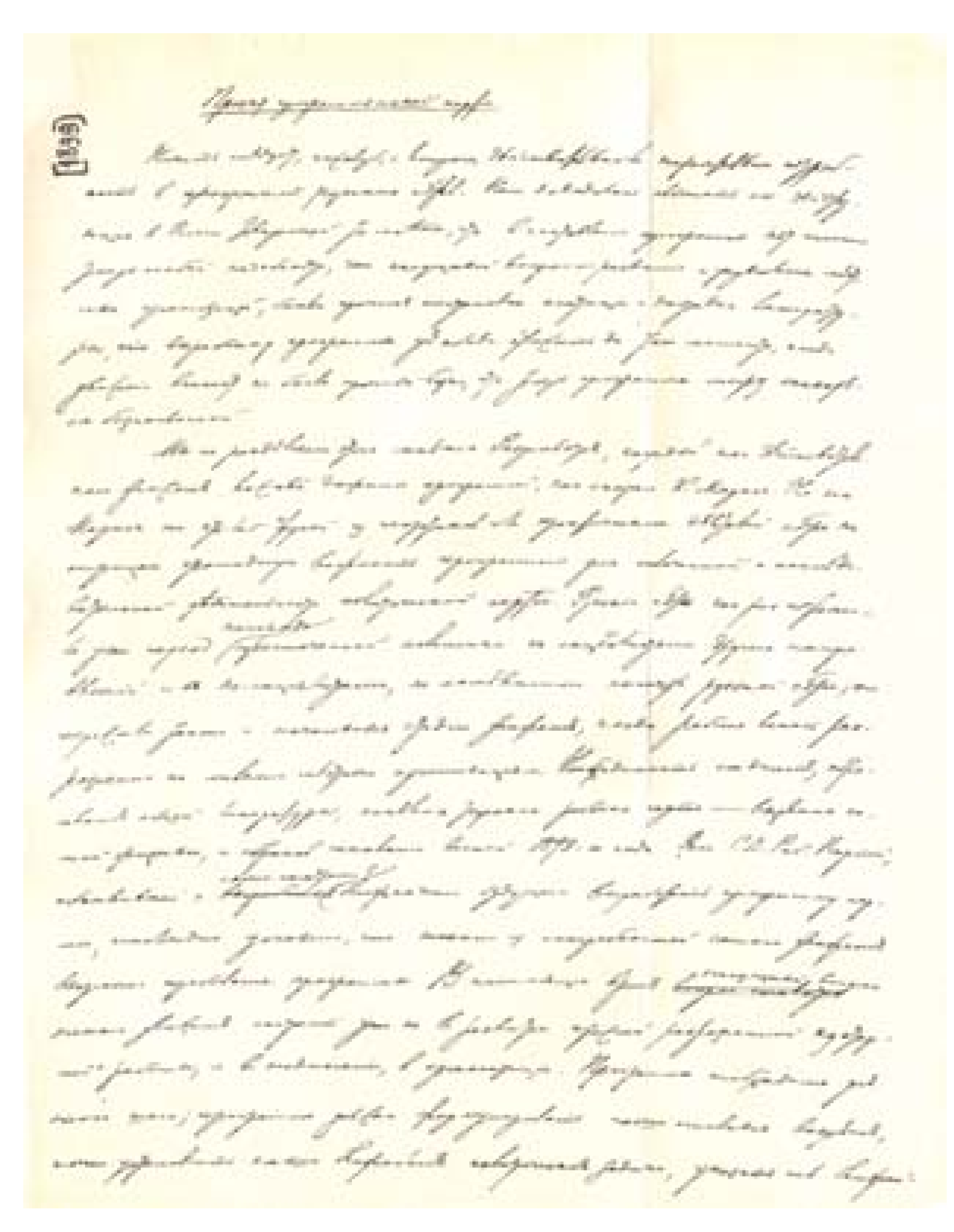
Печатается по рукописи

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ НАШЕЙ ПАРТИИ [93]

Написано в конце 1899 г.

Впервые напечатано в 1924 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том I

Печатается по рукописи

Первая страница рукописи В. И. Ленина:
„Проект программы нашей партии". — 1899 г.
Уменьшено

Начать следует, пожалуй, с вопроса, действительно ли настоятельна потребность в программе русских социал-демократов. Нам доводилось слышать от действующих в России товарищей то мнение, что в составлении программы нет именно теперь особой надобности, что насущный вопрос — развитие и укрепление местных организаций, более прочная постановка агитации и доставки литературы, что выработку программы удобнее отложить до того момента, когда движение встанет на более прочный базис, что теперь программа может оказаться беспочвенной.

Мы не разделяем этого мнения. Разумеется, «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»[94], как сказал К. Маркс. Но ни Маркс, ни кто-либо другой из теоретиков или практических деятелей социал-демократии не отрицал громадную важность программы для сплоченной и последовательной деятельности политической партии. Русские социал-демократы как раз пережили уже период наиболее ожесточенной полемики с социалистами других направлений и с несоциалистами, не хотевшими понять русской социал-демократии; они пережили также и начальные стадии движения, когда работа велась разрозненно по мелким местным организациям. Необходимость соединения, образования общей литературы, появления русских рабочих газет — вызвана самой жизнью, и основание весной 1898 года «Российской

социал-демократической рабочей партии», объявившей о своем намерении в ближайшем будущем выработать программу партии, наглядно доказало, что именно из потребностей самого движения выросло требование программы. В настоящее время насущный вопрос нашего движения состоит уже не в развитии прежней разрозненной «кустарной» работы, а в соединении, в организации. Программа необходима для этого шага; программа должна формулировать наши основные воззрения, точно установить наши ближайшие политические задачи, указать те ближайшие требования, которые должны наметить круг агитационной деятельности, придать ей единство, расширить и углубить ее, возведя агитацию из частной, отрывочной агитации за мелкие, разрозненные требования в агитацию за всю совокупность социал-демократических требований. Теперь, когда социал-демократическая деятельность встряхнула уже довольно широкий круг и интеллигентов-социалистов и сознательных рабочих, настоятельно необходимо закрепить связь между ними программой и дать, таким образом, всем им прочный базис для дальнейшей, более широкой, деятельности. Наконец, программа настоятельно необходима также и потому, что русское общественное мнение очень часто самым глубоким образом заблуждается насчет истинных задач и приемов деятельности русских социал-демократов: отчасти такие заблуждения естественно вырастают на болоте политической затхлости нашей жизни, отчасти они порождаются искусственно противниками социал-демократии. Во всяком случае считаться с этим фактом приходится. Рабочее движение, сливаясь с социализмом и политической борьбой, должно образовать партию, которая рассеяла бы все эти заблуждения, если она хочет стать во главе всех демократических элементов русского общества. Могут возразить, что настоящий момент еще и потому неудобен для составления программы, что среди самих социал-демократов возникают разногласия и начинается полемика. Мне кажется, наоборот: это еще один довод *за* необходимость программы. С одной стороны, раз полемика началась,

то можно надеяться, что при обсуждении проекта программы выскажутся все взгляды и все оттенки взглядов, можно надеяться, что обсуждение программы будет всесторонним. Полемика указывает на оживление в рядах русских социал-демократов широких вопросов о целях нашего движения, о его ближайших задачах и его тактике, а такое оживление именно, и необходимо для обсуждения проекта программы. С другой стороны, для того, чтобы полемика не осталась бесплодной, чтобы она не выродилась в личное состязание, чтобы она не повела к путанице взглядов, к смешению врагов и товарищей, для этого безусловно необходимо, чтобы в эту полемику внесен был вопрос о программе. Полемика только в том случае принесет пользу, если она выяснит, в чем собственно состоят разногласия, *насколько они глубоки,* есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах, мешают ли эти разногласия совместной работе в рядах одной партии или нет. *Только* внесение в полемику вопроса о программе может дать ответ на все эти, настоятельно требующие ответа, вопросы; — только определенное заявление обеими полемизирующими сторонами своих *программных* взглядов. Выработка общей программы партии, конечно, отнюдь не должна положить конец всякой полемике, — но она твердо установит те основные воззрения на характер, цели и задачи нашего движения, которые должны служить знаменем борющейся партии, остающейся сплоченной и единой, несмотря на частные, разногласия в среде ее членов по частным вопросам.

Итак, к делу.

Когда говорят о программе русских социал-демократов, то общие взгляды устремляются, вполне естественно, на членов группы «Освобождение труда», которые основали русскую социал-демократию и так много сделали для ее теоретического и практического развития. Наши старейшие товарищи не замедлили отозваться на запросы русского социал-демократического движения. Почти в то самое время — весной 1898 года — когда подготовлялся съезд русских социал-демократов,

положивший основание «Российской социал-демократической рабочей партии», П. Б. Аксельрод издал свою брошюру: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (Женева, 1898; предисловие помечено мартом 1898 г.) и перепечатал в приложении к ней «Проект программы русских социал-демократов», изданный группой «Освобождение труда» еще в 1885 году.

С обсуждения этого проекта мы и начнем. Несмотря на то, что он издан почти 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории. В этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм — рабочий класс, «промышленный пролетариат»; — указана та цель, которую должен ставить себе этот класс — «переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства» — «коммунистическая революция»; — указано «неизбежное предварительное условие» «переустройства общественных отношений»: «захват рабочим классом политической власти»; — указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах социал-демократов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»; — указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»; — указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «нового класса промышленного пролетариата — более восприимчивого, подвижного и развитого»; — указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее «первая политическая задача» — «низвержение абсолютизма»; — указаны «средства политической борьбы» и выставлены ее основные требования.

Все эти элементы программы, по нашему мнению, совершенно необходимы в программе социал-демократической рабочей партии, — все они выставляют такие тезисы, которые с тех пор получали все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, — в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения. Ввиду этого русские социал-демократы могут и должны, по нашему мнению, положить в основу программы русской социал-демократической рабочей партии именно проект группы «Освобождение труда», — проект, нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях.

Попытаемся наметить те из этих частных изменений, которые представляются нам целесообразными и по поводу которых желательно бы вызвать обмен мнений между всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими.

Прежде всего, должен несколько измениться, конечно, характер построения программы: в 1885 году это была программа группы заграничных революционеров, которые сумели верно определить единственный, обещающий успех, путь развития движения, но которые в то время не видели еще перед собой сколько-нибудь широкого и самостоятельного рабочего движения в России. В 1900 году речь идет уже о программе рабочей партии, основанной целым рядом русских социал-демократических организаций. Помимо тех редакционных изменений, которые необходимы ввиду этого (и на которых нет нужды останавливаться подробнее, так как они разумеются сами собой), из этого различия вытекает необходимость выставить на первый план и подчеркнуть сильнее тот экономический процесс развития, который порождает материальные и духовные условия социал-демократического рабочего движения, и ту классовую борьбу пролетариата, организовать которую ставит себе задачей социал-демократическая партия. Характеристику основных черт современного экономического строя России и его развития следовало бы поставить

во главу угла программы (ср. в программе группы «Освобождение труда»: «Капитализм сделал в России громадные успехи со времени отмены крепостного нрава. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству...») и вслед за тем очертить основную тенденцию капитализма: раскол народа на буржуазию и пролетариат, «рост нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации»[95]. Эти последние знаменитые слова Маркса повторены во втором абзаце Эрфуртской программы германской социал-демократической партии[96]; в последнее время критики, группирующиеся вокруг Бернштейна, с особенной силой напали именно на этот пункт, повторяя старые возражения буржуазных либералов и социал-политиков против «теории обнищания». По нашему мнению, полемика, которая велась по этому поводу, вполне доказала *полную несостоятельность* подобной «критики». Бернштейн сам признал верность указанных слов Маркса, как характеризующих *тенденцию* капитализма, — тенденцию, которая превращается в действительность при отсутствии классовой борьбы пролетариата против этой тенденции, при отсутствии завоеванных рабочим классом законов об охране рабочих. Именно в России мы видим в настоящее время, как указанная тенденция проявляется с громадной силой на крестьянстве и на рабочих. А затем, Каутский показал, что слова о «росте нищеты и пр.» верны не только в смысле характеристики тенденции, но также и в смысле указания на рост «социальной нищеты», т. е. рост несоответствия между положением пролетариата и уровнем жизни буржуазии, — уровнем общественных потребностей, повышающихся наряду с гигантским ростом производительности труда. Наконец, эти слова верны еще и в том смысле, что «на пограничных областях» капитализма (т. е. в тех странах и в тех отраслях народного хозяйства, в которых капитализм только возникает, встречаясь с докапиталистическими порядками) рост нищеты — и притом не только «социальной», по и самой ужасной физической нищеты, до голодания и голодной смерти включительно — принимает массовые

размеры. Всякий знает, что к России это приложимо вдесятеро больше, чем к какой-либо другой европейской стране. Итак, слова о «росте нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплуатации» необходимо должны, по нашему мнению, войти в программу, — во-1-х, потому, что они совершенно справедливо характеризуют основные и существенные свойства капитализма, характеризуют именно тот процесс, который происходит перед нашими глазами и который является одним из главных условий, порождающих рабочее движение и социализм в России; во-2-х, потому, что эти слова дают громадный материал для агитации, резюмируя целый ряд явлений, наиболее угнетающих, но и наиболее возмущающих рабочие массы (безработица, низкая заработная плата, недоедание, голодовки, драконовская дисциплина капитала, проституция, рост числа прислуги и пр. и пр.); в-3-х, потому, что этой точной характеристикой гибельного действия капитализма и необходимости, неизбежности возмущения рабочих мы отгородим себя от тех половинчатых людей, которые, «сочувствуя» пролетариату и требуя «реформ» в его пользу, стараются занять «золотую середину» между пролетариатом и буржуазией, между самодержавным правительством и революционерами. А отгородиться от этих людей именно в настоящее время особенно необходимо, если стремиться к единой и сплоченной рабочей партии, ведущей решительную и бесповоротную борьбу за политическую свободу и за социализм.

Здесь необходимо сказать пару слов о нашем отношении к Эрфуртской программе. Из вышеизложенного всякий увидел уже, что мы считаем необходимыми такие изменения в проекте группы «Освобождение труда», которые приближают программу русских социал-демократов к программе германских. Мы нисколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что хорошо, нет ничего дурного, и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее. Но подражание ни в каком случае

не должно быть простым списыванием. Подражание и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы. Забегая вперед, укажем сейчас же, что эти особенности относятся, во-1-х, к нашим политическим задачам и средствам борьбы; во-2-х, к борьбе против всех остатков патриархального, докапиталистического режима и к вызываемой этой борьбой особой постановке *крестьянского* вопроса.

После этой необходимой оговорки пойдем дальше. За указанием на «рост нищеты» должна идти характеристика *классовой борьбы* пролетариата, — указание цели этой борьбы (переход в общественную собственность всех средств производства и замена капиталистического производства социалистическим), — указание международного характера рабочего движения, — указание *политического* характера классовой борьбы и ее *ближайшей* цели (завоевание политической свободы). Признание борьбы против самодержавия за политические свободы — первой политической задачей рабочей партии особенно необходимо, но для пояснения этой задачи следует, по нашему мнению, охарактеризовать классовый характер современного русского абсолютизма и необходимость ниспровержения его не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развитая. Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения; — и в практическом отношении, чтобы охарактеризовать центральный пункт, к которому должна сводиться и около которого должна группироваться вся разнообразная деятельность социал-демократии, состоящая в пропаганде, агитации и организации.

Нам думается, следовало бы также *кроме того* посвятить особый абзац программы указанию того, что социал-демократическая рабочая партия ставит своей *задачей* поддержку всякого революционного движения против абсолютизма и борьбу против всех попыток самодержавного правительства развратить и затемнить политическое сознание народа посредством чиновничьей опеки и лжеподачек, посредством той демагогической политики, которую наши немецкие товарищи назвали «Peitsche und Zuckerbrot» (плеть и пряник). Пряник = подачки тем, кто из-за частичных и отдельных улучшений материального положения отказывается от своих политических требований и остается покорным рабом полицейского произвола (для студентов — общежития и т. п., для рабочих — стоит только вспомнить прокламации министра финансов Витте во время с.-петербургских стачек 1896 и 1897 гг.[97] или речи в защиту рабочих, произносившиеся членами от министерства внутренних дел в комиссии об издании закона 2. VI. 1897 г.). Плеть = усиленные преследования тех, кто, несмотря на эти подачки, остается борцом за политическую свободу (отдача в солдаты студентов[98]; циркуляр 12. VIII. 1897 г. о ссылке в Сибирь рабочих; усиление преследований против социал-демократии и пр.). Пряник — для приманки слабых, подкупа и развращения их; плеть — для устрашения и «обезвреження» честных и сознательных борцов за рабочее и за народное дело. Покуда существует абсолютизм (— а мы должны теперь сообразовать нашу программу именно с существованием абсолютизма, ибо падение его неизбежно вызовет такое крупное изменение политических условий, которое заставит рабочую партию существенно изменить формулировку своих ближайших политических задач) — пока существует абсолютизм, мы должны ожидать постоянного обновления и усиления этих демагогических мероприятий правительства, а след., должны систематически вести борьбу против них, разоблачая лживость полицейских радетелей народа, показывая связь правительственных реформ с рабочей борьбой, научая пролетариат пользоваться каждой реформой

для укрепления своей боевой позиции, для расширения и углубления рабочего движения. Указание же на поддержку *всех* борцов против абсолютизма необходимо в программе потому, что русская социал-демократия, неразрывно слитая с передовыми элементами русского рабочего класса, должна выкинуть *общедемократическое* знамя, чтобы сгруппировать вокруг себя все слои и элементы, способные бороться за политическую свободу или хотя бы только поддерживать чем бы то ни было такую борьбу.

Таков наш взгляд на те требования, которым должна удовлетворять *принципиальная* часть нашей программы, и на те основные положения, которые должны быть возможно точнее и рельефнее выражены в ней. Из проекта программы группы «Освобождение труда» должны отпасть, по нашему мнению (из принципиальной части), 1) указании на форму крестьянского землевладения (о крестьянском вопросе мы скажем ниже); 2) указания на причины «неустойчивости» и пр. интеллигенции; 3) пункт об «устранении современной системы политического представительства и замене ее прямым народным законодательством»; 4) пункт о «средствах политической борьбы». Мы не видим, правда, в этом последнем пункте ничего устарелого или неправильного: напротив, мы полагаем, что средства должны быть именно те, которые указаны группой «Освобождение труда» (агитация, — революционная организация, — переход «в удобный момент» к решительному нападению, не отказывающемуся, в *принципе,* и от террора), — но мы думаем, что в программе *рабочей партии* не место указаниям на средства деятельности, которые были необходимы в программе заграничной группы революционеров в 1885 году. Программа должна оставить вопрос о средствах открытым, предоставив выбор средств борющимся организациям и съездам партии, устанавливающим *тактику* партии. Но вопросы *тактики* вряд ли могут быть вводимы в программу (за исключением наиболее существенных и *принципиальных* вопросов, вроде вопроса об отношении к другим борцам против абсолютизма). Вопросы тактики будут, по мере

их возникновения, обсуждаться в газете партии и окончательно разрешаться на ее съездах. Сюда же относится, по нашему мнению, и вопрос о терроре: обсуждение этого вопроса — и, конечно, обсуждение не с принципиальной, а с тактической стороны — непременно должны поднять социал-демократы, ибо рост движения сам собой, стихийно приводит к учащающимся случаям убийства шпионов, к усилению страстного возмущения в рядах рабочих и социалистов, которые видят, что все бòльшая и бòльшая часть их товарищей замучивается насмерть в одиночных тюрьмах и в местах ссылки. Чтобы не оставлять места недомолвкам, оговоримся теперь же, что, по нашему лично мнению, террор является *в настоящее время не*целесообразным средством борьбы, что партия *(как партия)* должна отвергнуть его (впредь до изменения условий, которое могло бы вызвать и перемену тактики) и сосредоточить *все свои силы* на укреплении организации и правильной доставки литературы. Подробнее об этом говорить здесь не место. Что касается до вопроса о прямом народном законодательстве, то нам кажется, что вносить его в программу в настоящее время вовсе не следует. Принципиально связывать победу социализма с *заменой* парламентаризма прямым народным законодательством — нельзя. Это доказали, на наш взгляд, прения по поводу Эрфуртской программы и книга Каутского о народном законодательстве. Известную пользу народного законодательства Каутский признает (на основании исторического и политического анализа) при следующих условиях: 1) отсутствие противоположности между городом и деревней или перевес городов; 2) существование высокоразвитых политических партий; 3) «отсутствие чрезмерно централизованной государственной власти, самостоятельно противостоящей народному представительству». В России мы видим *совершенно противоположные* условия, и опасность вырождения «народного законодательства» в империалистический «плебисцит» была бы у нас особенно сильна. Если про Германию и Австрию Каутский говорил в 1893 году, что «для нас, восточноевропейцев, прямое народное законодательство относится

к области «государства будущего»», то про Россию нечего и говорить. Мы думаем поэтому, что теперь, при господстве в России самодержавия, нам следует ограничиться требованием «демократической конституции» и два первые пункта практической части программы группы «Освобождение труда» предпочесть двум первым пунктам практической части «Эрфуртской программы».

Переходим к практической части программы. Эта часть распадается, по нашему мнению, если не по изложению, то по существу дела, на три отдела: 1) требования общедемократических преобразований; 2) требования мер для охраны рабочих и 3) требования мер в интересах крестьян. По первому отделу вряд ли есть надобность в существенных изменениях «проекта программы» группы «Освобождение труда», требующего 1) всеобщего избирательного права; 2) жалованья представителям; 3) всеобщего, светского, дарового и обязательного образования и пр.; 4) неприкосновенности личности и жилища граждан; 5) неограниченной свободы совести, слова, собраний и пр. (сюда следовало бы, пожалуй, специально добавить: свободы стачек); 6) свободы передвижений и занятий [сюда следовало бы, может быть, добавить: «свободы переселений» и «полной отмены паспортов»]; 7) полной равноправности всех граждан и пр.; 8) замены постоянного войска всеобщим вооружением народа; 9) «пересмотра всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, не совместимых с достоинством человека». Сюда следовало бы добавить: «установление полного равенства прав женщины с мужчиной». К этому же отделу должно присоединиться требование финансовых реформ, формулированное в программе группы «Освобождение труда» в числе требований, которые «выдвинет рабочая партия, опираясь на эти основные политические права» — «устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога». Наконец, здесь же следовало бы еще быть требованию «выбора чиновников народом; предоставления каждому гражда-

нину права преследовать судом всякого чиновника, без жалобы по начальству».

По второму отделу практических требований мы находим в программе группы «Освобождение труда» общее требование «законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих». Нам думается, *рабочая партия* должна обстоятельнее и подробнее изложить требования по этому пункту, должна требовать (1) 8-часового рабочего дня; (2) запрещения ночной работы; запрещения работы детей до 14 лет; (3) непрерывного отдыха для каждого рабочего не менее 36 часов в неделю; (4) распространения фабричных законов и фабричной инспекции на все отрасли промышленности и сельского хозяйства, на казенные фабрики, на ремесленные заведения и на работающих по домам кустарей. Выбора рабочими помощников инспекторов, имеющих равные права с инспекторами; (5) учреждения промышленных и сельскохозяйственных судов во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства с выборными судьями от хозяев и от рабочих поровну; (6) безусловного запрещения повсюду расплаты товарами; (7) законодательного установления ответственности фабрикантов за все несчастные случаи и увечья рабочих, как промышленных, так и сельских; (8) законодательного установления при всех случаях найма всяких рабочих расплаты не реже одного раза в неделю; (9) отмены всех законов, нарушающих равноправность нанимателей и нанимающихся (напр., законов об уголовной ответственности фабричных и сельских рабочих за уход с работ; законов, предоставляющих нанимателям гораздо больше свободы расторгать договор найма, чем нанимающимся, и проч.). (Само собою разумеется, что мы только намечаем желательные требования, не придавая им окончательной формулировки, требуемой для проекта.) Этот отдел программы должен (в связи с предыдущим) дать основные, руководящие положения для агитации, отнюдь не стесняя, конечно, выставление агитаторами в отдельных местностях, отраслях

производства, фабриках и прочих других, несколько видоизмененных, более конкретных, более частных требований. При составлении этого отдела программы мы должны стремиться, поэтому, избежать двух крайностей: с одной стороны, надо не опустить ни одного из главных, основных требований, имеющих существенное значение для *всего* рабочего класса; с другой стороны, — надо не вдаваться в чрезмерные частности, заполнение каковыми программы было бы нерационально.

Требование «государственной помощи производительным ассоциациям», стоящее в программе группы «Освобождение труда», должно быть вовсе устранено из программы, по нашему мнению. И опыт других стран, и теоретические соображения, и особенности русской жизни (склонность буржуазных либералов и полицейского правительства заигрывать с «артелями» и с «покровительством» «народной промышленности», и т. п.) — все говорит против выставления этого требования. (Конечно, 15 лет тому назад дело обстояло во многих отношениях иначе, и *тогда* включение социал-демократами подобного требования в свою программу было естественно.)

Нам остается последний — третий — отдел практической части программы: требования по крестьянскому вопросу. В программе группы «Освобождение труда» находим одно такое требование, именно требование «радикального пересмотра наших аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.».

Мне кажется, что основная мысль, выраженная здесь, совершенно справедлива и что социал-демократическая рабочая партия действительно должна выставить в своей программе соответствующее требование (говорю: соответствующее, ибо некоторые изменения представляются мне желательными).

Я понимаю этот вопрос следующим образом. Крестьянский вопрос в России существенно отличается от крестьянского вопроса на Западе, но отличается *только*

тем, что на Западе речь идет почти исключительно о крестьянине в капиталистическом, буржуазном обществе, а в России — главным образом о крестьянине, который не менее (если не более) страдает от *докапиталистических* учреждений и отношений, страдает от *пережитков крепостничества.* Роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России — еще нет. На Западе промышленный пролетариат давно и резко отделился от деревни, причем это отделение закреплено уже соответствующими правовыми учреждениями. В России «промышленный пролетариат, по своим составным элементам и условиям существования, в высокой степени связан еще с деревней» (П. Б. Аксельрод, цитир. брош., с. 11). Правда, процесс разложения крестьянства на мелкую буржуазию и на наемных рабочих идет у нас с громадной силой, с поразительной быстротой, но этот процесс еще далеко не закончился, и — главное — этот процесс идет все еще в рамках старых, крепостнических учреждений, связывающих всех крестьян тяжелой цепью круговой поруки и фискальной общины. Таким образом, русский социал-демократ, даже если он принадлежит (как пишущий эти строки) к решительным противникам охраны или поддержки мелкой собственности или мелкого хозяйства в капиталистическом обществе, т. е. даже если и в аграрном вопросе он становится (как пишущий эти строки) на сторону тех марксистов, которых всякие буржуи и оппортунисты любят теперь ругать «догматиками» и «правоверными», — может и должен, нисколько не изменяя своим убеждениям, а, напротив, именно в силу этих убеждений — стоять за то, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства (*отнюдь не* как класса мелких собственников или мелких хозяев), *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности.* Ведь мы все, социал-демократы, объявляем, что готовы поддержать и крупную буржуазию, *поскольку она способна* на *революционную* борьбу с указанными явлениями, —

так как же мы можем отказать в такой поддержке многомиллионному классу мелкой буржуазии, сливающемуся постепенными переходами с пролетариатом? Если поддерживать либеральные требования крупной буржуазии не значит поддерживать крупную буржуазию, то ведь поддерживать демократические требования мелкой буржуазии отнюдь не значит поддерживать мелкую буржуазию: напротив, именно то развитие, которое откроет России политическая свобода, будет с особенной силой вести к гибели мелкого хозяйства под ударами капитала. Мне кажется, что по этому-то пункту среди социал-демократов не будет споров. Вопрос весь, значит, в том: 1) как выработать именно такие требования, которые бы *не сбивались* на поддержку мелких хозяйчиков в капиталистическом обществе? и 2) способно ли хоть отчасти наше крестьянство на *революционную* борьбу с остатками крепостничества и с абсолютизмом?

Начнем с второго вопроса. Наличность в русском крестьянстве революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие обрывки образования начали уже пробуждать чувство человеческого достоинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников. Известен факт все учащающихся голодовок миллионов народа, которые не могут оставаться безучастными зрителями подобных «продовольственных затруднений». Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма, — а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической

неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революционной борьбой, нисколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надувать и развращать крестьян. Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставлять *носителем* революционного движения крестьянство, что безумна была бы партия, которая *обусловила бы* революционность своего движения революционным настроением крестьянства. Ничего подобного мы ведь и не думаем предлагать русским социал-демократам. Мы говорим лишь, что рабочая партия не может, не нарушая основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, *пройти мимо* тех революционных элементов, которые есть и в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам. Сумеют ли эти революционные элементы русского крестьянства проявить себя хоть так, как проявили себя западноевропейские крестьяне при низвержении абсолютизма,— это вопрос, на который история еще не дала ответа. Если не сумеют, — социал-демократия нимало не потеряет от этого в своем добром имени и в своем движении, ибо не ее вина, что крестьянство не ответило (может быть не в силах было ответить) на ее революционный призыв. Рабочее движение идет и пойдет своим путем, несмотря ни на какие измены крупной или мелкой буржуазии. Если сумеют, — то социал-демократия, которая не оказала бы при этом поддержки крестьянству, навсегда потеряла бы свое доброе имя и право считаться передовым борцом за демократию.

Переходя к первому поставленному выше вопросу, мы должны сказать, что требование «радикального пересмотра аграрных отношений» представляется нам неотчетливым: оно могло быть достаточно 15 лет тому назад, но вряд ли можно удовлетвориться им теперь, когда мы должны и дать руководящий материал для агитации, и отгородить себя от защитников мелкого хозяйства, столь многочисленных в современном русском обществе и находящих столь «влиятельных» сторонников, как гг. Победоносцев, Витте и весьма многие

чиновники министерства внутренних дел. Мы позволим себе предложить на обсуждение товарищей такую примерно формулировку третьего отдела практической части нашей программы:

«Поддерживая всякое революционное движение против современного государственного и общественного строя, русская социал-демократическая рабочая партия объявляет, что она будет поддерживать крестьянство, поскольку оно способно на революционную борьбу против самодержавия как класс, наиболее страдающий от бесправия русского народа и от остатков крепостного права в русском обществе.

Исходя из этого принципа, русская социал-демократическая рабочая партия требует:

1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

2) Возвращения народу тех денег, которые награбили с крестьян правительство и помещики в виде выкупных платежей.

3) Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.

4) Уничтожения всех остатков крепостной зависимости крестьян от помещиков, проистекают ли эти остатки от особых законов и учреждений (напр., положение крестьян и рабочих в горнозаводских округах Урала) или от того, что крестьянские и помещичьи земли все еще не размежеваны (напр., остатки сервитутов в Западном крае[99]), или от того, что отрезка крестьянской земли помещиком ставит крестьян фактически в безвыходное положение прежних барщинных крестьян.

5) Предоставления крестьянам права требовать по суду понижения непомерно высокой арендной платы и преследовать за ростовщичество помещиков и вообще всех лиц, которые, пользуясь нуждой крестьян, заключают с ними кабальные сделки».

На мотивировке такого предложения мы должны остановиться особенно подробно — не потому, чтобы эта часть программы была наиболее важна, а потому, что

она наиболее спорна и стоит в наиболее далекой связи с общеустановленными, всеми социал-демократами признанными истинами. Вступительное положение об (условной) «поддержке» крестьянства кажется нам необходимым потому, что пролетариат не может и не должен, вообще говоря, брать на себя защиту интересов класса мелких хозяйчиков; он может лишь поддерживать его *постольку, поскольку* он революционен. А так как именно самодержавие воплощает в себе в настоящее время всю отсталость России, все остатки крепостничества, бесправия и «патриархального» угнетения, то необходимо указать, что рабочая партия поддерживает крестьянство лишь постольку, поскольку оно способно на революционную борьбу с *самодержавием.* Такое положение исключается, по-видимому, следующим положением проекта группы «Освобождение труда»: «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства». Но это — противоречие не теории, а самой жизни, ибо крестьянство (как и вообще класс мелких хозяев) отличается двойственными чертами. Не повторяя известных политико-экономических доводов, доказывающих внутренне-противоречивое положение крестьянства, напомним следующую характеристику, данную Марксом французскому крестьянству начала 50-х годов:

«... Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу, — не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого, не его

современных Севеннов, а его современной Вандеи» («Der 18. Brumaire», S. 99*). Вот именно поддержка того крестьянства, которое стремится ниспровергнуть «старый порядок», т. е. в России прежде всего и больше всего самодержавие, и необходима для рабочей партии. Русские социал-демократы всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее. В программе группы «Освобождение труда» это выражено не только в вышецитированном требовании «радикального пересмотра» и проч., но и в следующих словах: «Само собою, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности». 15 лет тому назад, когда живы еще были традиции революционного народничества, достаточно было такого заявления, но теперь мы сами должны начать обсуждение «основных принципов деятельности» в крестьянстве, если мы хотим, чтобы социал-демократическая рабочая партия сделалась передовым борцом за демократию.

Но не ведут ли предложенные нами требования к поддержке не личности крестьян, а их собственности? к укреплению мелкого хозяйства? соответствуют ли они всему ходу капиталистического развития? Рассмотрим эти вопросы, наиболее важные для марксиста.

По поводу 1-го требования и 3-го вряд ли может быть между социал-демократами разногласие *по существу дела.* Второе требование вызовет, вероятно, разногласия и по своему существу. В защиту его говорят, по нашему мнению, следующие соображения: (1) что выкупные платежи были прямым ограблением крестьян помещиками, что они платились не только за крестьянскую землю, но и за крепостное право, что правительство

* — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», стр. 99.[100] *Ред.*

собрало с крестьян *больше,* чем оно уплатило помещикам, это факт; (2) у нас нет оснований смотреть на этот факт, как на вполне законченное и сданное уже в архив истории событие, ибо так не смотрят на крестьянскую реформу сами благородные эксплуататоры, кричащие теперь о «жертвах», понесенных ими тогда; (3) именно теперь, когда голодание миллионов крестьян становится хроническим, когда правительство, соря миллионами на подарки помещикам и капиталистам, на авантюристскую внешнюю политику, выторговывает гроши от пособий голодающим, именно теперь уместно и необходимо напомнить о том, во что обошлось народу хозяйничанье самодержавного правительства, служащего интересам привилегированных классов; (4) социал-демократы не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. Насчет необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими социал-демократами никогда не было двух мнений. А вряд ли кто станет утверждать, что серьезная помощь возможна без революционных мер; (5) экспроприация удельных земель и усиленная мобилизация дворянских земель, — т. е. то, что̀ явилось бы следствием осуществления предлагаемого требования, — принесли бы лишь пользу всему общественному развитию России. *Против* предлагаемого требования нам указали бы, вероятно, главным образом, на его «неисполнимость». Если такое указание подкреплялось бы только фразами против «революционаризма» и «утопизма», то мы наперед скажем, что подобные *оппортунистические фразы* нас нисколько не испугают и мы не придадим им никакого значения. Если же такое указание будут подкреплять анализом экономических и политических условий нашего движения, то мы вполне признаем необходимость более подробного обсуждения этого вопроса и пользу полемики по поводу него. Заметим только, что это требование не стоит самостоятельно, а входит, как часть, в требование поддерживать крестьянство, *поскольку* оно революционно. Вопрос о том, как именно и с какой силой проявят себя эти элементы крестьянства, решит история. Если под

«исполнимостью» требований разуметь не общее соответствие их с интересами общественного развития, а соответствие их с данной конъюнктурой экономических и политических условий, то такой критерий был бы совершенно неправилен, как это убедительно показал Каутский в своей полемике против Розы Люксембург, указывавшей на «неисполнимость» (для польской рабочей партии) требования о независимости Польши. Каутский указал тогда (если память нам не изменяет), как на пример, на то требование Эрфуртской программы, которое говорит о выборе чиновников народом. «Исполнимость» этого требования более чем сомнительна в современной Германии, но никто из социал-демократов не предлагал ограничить свои требования узкими рамками возможного в данный момент и при данных условиях. Далее, что касается до 4-го пункта, то в принципе, вероятно, никто не будет возражать против необходимости для социал-демократов выставить требование об уничтожении всех остатков крепостной зависимости. Вопрос будет идти, вероятно, лишь о формулировании этого требования и затем о широте его, т. е. включать ли в него, напр., требование мер, устраняющих *фактическую* барщинную зависимость крестьян, созданную отрезками крестьянской земли в 1861 году? По нашему мнению, вопрос этот надо решить в утвердительном смысле. Громадное значение фактического переживания барщинного (отработочного) хозяйства вполне установлено литературой, а равно и громадная задержка общественному развитию (и развитию капитализма), создаваемая этим переживанием. Конечно, развитие капитализма ведет и приведет в конце концов «само собой, естественным путем» к устранению этих переживаний, но, во-первых, эти переживания обладают исключительной прочностью, так что на очень быстрое устранение их нельзя рассчитывать, а во-вторых — и это главное — «естественный путь» означает не что иное, как вымирание крестьян, которые *фактически* (благодаря отработкам и пр.) привязаны к земле и порабощены помещикам. Разумеется, социал-демократы не могут при таких условиях обойти этот вопрос молча-

нием в своей программе. Нас спросят: как могло бы быть осуществлено это требование? Мы думаем, что говорить об этом в программе не надо. Конечно, осуществление этого требования (зависящее, как осуществление почти всех требований этого отдела, от силы революционных элементов крестьянства) потребует всестороннего рассмотрения местных условий местными выборными, крестьянскими комитетами, — в противовес тем дворянским комитетам, которые совершали свой «законный» грабеж в 60-х годах; демократические требования программы достаточно определяют демократические учреждения, которые понадобились бы для этого. Это был бы именно «радикальный пересмотр аграрных отношений», о котором говорит программа группы «Освобождение труда». Как было уже замечено выше, мы согласны в принципе с этим пунктом проекта группы «Освобождение труда» и желали бы только (1) оговорить условия, при которых пролетариат может бороться за классовые интересы крестьянства; (2) определить *характер* пересмотра: уничтожение остатков крепостной зависимости; (3) выразить требования конкретнее. — Предвидим еще одно возражение: пересмотр вопроса об отрезных землях и т. п. должен вести к возвращению этих земель крестьянам. Это ясно. А разве это не укрепит мелкую собственность, мелкую парцеллу? разве могут социал-демократы желать замены крупного капиталистического хозяйства, которое, может быть, ведется на награбленных у крестьян землях — мелким хозяйством? Ведь это была бы *реакционная* мера! — Отвечаем: несомненно, замена крупного хозяйства мелким реакционна, и мы не должны стоять за нее. Но ведь разбираемое требование *обусловлено* целью «уничтожить остатки крепостной зависимости» — след., к дроблению крупных хозяйств оно не может вести; оно относится только к старым хозяйствам чисто барщинного, в сущности, типа, — и *по отношению к ним* крестьянское хозяйство, свободное от всяких средневековых стеснений (ср. п. 3), *не реакционно, а прогрессивно.* Конечно, разграничительную линию тут провести не легко, — но ведь мы вовсе не думаем, чтобы

какое-нибудь требование нашей программы было «легко» осуществимо. Наше дело: наметить основные принципы и основные задачи, а о частностях сумеют позаботиться те, кому доведется практически решать эти задачи.

Последний пункт по своей цели стремится к тому же, как и предыдущий: к борьбе против всех (столь обильных в русской деревне) остатков *докапиталистического способа производства.* Как известно, крестьянская аренда в России очень часто прикрывает лишь переживание барщинных отношений. Идея же этого последнего пункта заимствована нами у Каутского, который, указав на то, что по отношению к Ирландии уже либеральное министерство Гладстона провело в 1881 году закон о предоставлении суду права понижать чрезмерно высокие арендные цены, включил в число желательных требований такое: «Понижение чрезмерных арендных плат судебными учреждениями, созданными для этой цели» (Reduzierung übermäßiger Pachtzinsen durch dazu eingesetzte Gerichtshöfe). В России это было бы особенно полезно (конечно, при демократической организации таких судов) в смысле вытеснения барщинных отношений. Мы думаем, можно бы присоединить к этому и требование распространить законы о ростовщичестве на кабальные сделки: в русской деревне кабала развита так безмерно, она так тяжело давит крестьянина *в качестве рабочего,* она так громадно задерживает социальный прогресс, что борьба против нее особенно необходима. А установить кабальный, ростовщический характер сделки суду было бы, конечно, не труднее, чем установить чрезмерность арендной платы.

В общем и целом, предлагаемые нами требования сводятся, по нашему мнению, к двум основным целям: 1) уничтожение всех *докапиталистических,* крепостнических учреждений и отношений в деревне (дополнение этих требований заключается в первом отделе практической части программы); 2) сообщение классовой борьбе в деревне более открытого и сознательного характера. Нам думается, именно эти принципы должны служить руководством для социал-демократической «аграрной программы» в России; — необходимо реши-

тельно отгородить себя от столь обильных в России стремлений *сгладить* классовую борьбу в деревне. Господствующее либерально-народническое направление отличается именно этим характером, но, решительно отвергая его [как это и сделано в «Приложении к докладу русских социал-демократов на международном конгрессе в Лондоне»], не следует забывать, что мы должны выделить революционное содержание народничества. «Поскольку народничество было революционно, т. е. выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплуатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти, с соответствующими изменениями, как составной элемент, в программу русской социал-демократии» (Аксельрод: «К вопросу о современных задачах и тактике», с. 7). В русской деревне переплетаются в настоящее время две основные формы классовой борьбы: 1) борьба крестьянства против привилегированных землевладельцев и против остатков крепостничества; 2) борьба нарождающегося сельского пролетариата с сельской буржуазией. Для социал-демократов, конечно, вторая борьба имеет более важное значение, но они необходимо должны поддержать и первую борьбу, *поскольку это не противоречит* интересам общественного развития. Крестьянский вопрос не случайно занимал и занимает так много места в русском обществе и в русском революционном движении: этот факт — лишь отражение того, что и первая борьба продолжает сохранять большое значение.

В заключение необходимо предупредить одно возможное недоразумение. Мы говорили о «революционном призыве» крестьян социал-демократией. Не значит ли это разбрасываться, вредить необходимой концентрации сил на работу среди промышленного пролетариата? Нисколько; необходимость такой концентрации признают *все* русские социал-демократы, она указана и в проекте группы «Освобождение труда» в 1885 г. и в брошюре «Задачи русских социал-демократов» в 1898 г. След., нет решительно никаких оснований бояться того, что социал-демократы станут разбрасывать свои силы.

Программа ведь не инструкция: программа должна охватывать *все* движение, а на практике, конечно, приходится выдвигать на первый план то ту, то другую сторону движения. Никто не станет спорить против необходимости говорить в программе не только о промышленных, но и о сельских рабочих, хотя в то же время ни один русский социал-демократ и не думал еще звать товарищей в деревню при настоящем положении дел. Но рабочее движение само собой, даже помимо наших усилий, неизбежно поведет к распространению демократических идей в деревне. «Агитация на почве экономических интересов неизбежно приведет социал-демократические кружки в непосредственное столкновение с фактами, наглядно показывающими теснейшую солидарность интересов нашего промышленного пролетариата с крестьянскими массами» (Аксельрод, ib.*, с. 13), и вот почему «Agrarprogramm» *(в указанном смысле:* конечно, строго говоря, это вовсе не «аграрная программа») настоятельно необходима для русских социал-демократов. В нашей пропаганде и агитации мы постоянно натыкаемся на рабочих-крестьян, т. е. фабричных и заводских рабочих, которые сохраняют связи с деревней, имеют там родню, семью, ездят туда. Вопросы о выкупных платежах, о круговой поруке, об арендной плате — живо интересуют сплошь и рядом даже столичного рабочего (мы не говорим уже об уральских, напр., рабочих, в среду которых тоже начала проникать социал-демократическая пропаганда и агитация). Мы не исполнили бы своего долга, если бы не позаботились о том, чтобы дать точное руководство для социал-демократов и сознательных рабочих, попадающих в деревню. Затем, не надо забывать и деревенской интеллигенции, напр., народных учителей, которые находятся в таком приниженном, и материально и духовно, положении, которые так близко наблюдают и на себе лично чувствуют бесправие и угнетение народа, что распространение среди них сочувствия социал-демократизму не подлежит (при дальнейшем росте движения) никакому сомнению.

---

* — ibidem — там же. *Ред.*

Итак, вот каковы должны быть, по нашему мнению, составные части программы Российской социал-демократической рабочей партии: 1) указание на основной характер экономического развития России; 2) указание на неизбежный результат капитализма: рост нищеты и рост возмущения рабочих; 3) указание на классовую борьбу пролетариата, как на основу нашего движения; 4) указание на конечные цели социал-демократического рабочего движения, — на его стремление завоевать для осуществления этих целей политическую власть, — на международный характер движения; 5) указание на необходимый политический характер классовой борьбы; 6) указание на то, что русский абсолютизм, обусловливая бесправие и угнетение народа и покровительствуя эксплуататорам, является главной помехой рабочего движения, и потому завоевание политической свободы, необходимое и в интересах всего общественного развития, составляет ближайшую политическую задачу партии; 7) указание на то, что партия будет поддерживать все партии и слои населения, борющиеся против абсолютизма, будет вести войну против демагогических происков нашего правительства; 8) перечисление основных демократических требований, — затем 9) требований в пользу рабочего класса и 10) требований в пользу крестьян с объяснением общего характера этих требований.

Вполне сознавая трудность задачи дать вполне удовлетворительную формулировку программы без ряда совещаний с товарищами, мы считаем, однако, необходимым взяться за это дело, полагая, что откладывать его (по вышеуказанным причинам) нельзя, и надеясь, что нам придут на помощь и все теоретики партии (во главе их члены группы «Освобождение труда»), и все практически работающие в России социалисты (а не одни только социал-демократы: слышать мнение социалистов других фракций нам было бы очень желательно, и мы не отказались бы от напечатания их отзывов), и все сознательные рабочие.

ПОПЯТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Редакция «Рабочей Мысли» издала «Отдельное приложение к «Рабочей Мысли»» (сентябрь 1899), желая «рассеять всю ту массу недоразумений и неопределенностей, которые существуют относительно направления «Рабочей Мысли» (вроде «отрицания» нами «политики», например)». (От редакции.) Мы очень рады тому, что «Рабочая Мысль» открыто ставит, наконец, вопросы программные, которых она как будто не хотела знать до сих пор, но мы решительно протестуем против того, что «направление «Рабочей Мысли» есть направление передовых русских рабочих» (как заявляет там же редакция). Нет, если редакция «Рабочей Мысли» хочет идти по тому пути, который намечается (пока только *намечается)* в названном издании, то это значит, что она неверно понимает ту программу, которую выработали основатели русской социал-демократии и которой держались до сих пор все русские социал-демократы, действовавшие в России; это значит, что она делает *шаг назад* против той ступени теоретического и практического развития, которой уже достигла русская социал-демократия.

Направление «Рабочей Мысли» излагается в передовой статье «Отдельного приложения»: «Наша действительность» (подписано *Р. М.).* Эту статью мы и должны теперь разобрать со всей подробностью.

Уже с самого начала статьи оказывается, что *Р. М. прямо неверно* изображает «нашу действительность» вообще и наше рабочее движение в частности,

Первая страница оригинала статьи В. И. Ленина
«Попятное направление в русской социал-демократии». — 1899 г.
Уменьшено

обнаруживает непомерно узкое понимание рабочего движения и стремление закрывать глаза на те высшие формы его, которые оно уже выработало под руководством русских социал-демократов. В самом деле: «наше рабочее движение, — говорит *Р. М.* в самом начале статьи, — носит зачатки разнообразнейших форм организации», начиная от стачечных сообществ и вплоть до легальных (разрешенных законом) обществ. — И только? — спросит в недоумении читатель. Неужели *Р. М.* не заметил в России никаких *более высоких,* более передовых форм организации рабочего движения? Очевидно, он не хочет замечать их, потому что на следующей же странице он повторяет свое положение еще в гораздо более решительной форме: «Задачи движения данной минуты, настоящее рабочее дело русских рабочих, — говорит он, — сводится к улучшению рабочими своего положения *всеми возможными способами»,* и в перечисление этих способов входят опять-таки *только* стачечные организации и легальные общества! Итак, русское рабочее движение *сводится,* будто бы, к стачкам и легальным обществам! Да ведь это же прямая *неправда!* Русское рабочее движение уже 20 лет тому назад основало более широкую организацию, выставило более широкие задачи (мы скажем об этом сейчас подробнее). Русское рабочее движение создало такие организации, как С.-Петербургский[101] и Киевский[102] «Союзы борьбы», Еврейский рабочий союз[103] и др. *Р. М.* говорит, правда, что еврейское рабочее движение носит «особый политический характер», является исключением. Но это опять-таки неправда, ибо если бы Еврейский рабочий союз стоял «особо», то он *не соединился бы* с рядом русских организаций и не образовал бы «Российскую социал-демократическую рабочую партию». Основание этой партии есть крупнейший шаг русского рабочего движения *в его слиянии* с русским революционным движением. Этот шаг ясно доказал, что русское рабочее движение *не сводится* к стачкам и законным обществам. Как могло произойти, что русские социалисты, пишущие в «Раб. Мысли», не хотят видеть этого шага, не хотят понять его значения?

Произошло это оттого, что *Р. М.* не понимает ни отношения русского рабочего движения к социализму и революционному движению в России, ни политических задач русского рабочего класса. «Характернейшим показателем направления нашего движения, — пишет *Р. М.,* — служат, конечно, требования, предъявляемые рабочими». Мы спрашиваем, почему же это к показателям *нашего движения* не причисляются требования *социал-демократов* и социал-демократических организаций? На каком основании *Р. М.* отделяет рабочие требования от требований русских социал-демократов? А это отделение *Р. М.* проводит во всей своей статье, как и вообще редакция «Раб. Мысли» проводит это в каждом номере своей газеты. Чтобы разъяснить эту ошибку «Раб. Мысли», мы должны разъяснить общий вопрос об отношении *социализма* к *рабочему движению.* Во всех европейских странах социализм и рабочее движение существовали сначала отдельно друг от друга. Рабочие вели борьбу с капиталистами, устраивали стачки и союзы, а социалисты стояли в стороне от рабочего движения, создавали учения, критикующие современный капиталистический, буржуазный строй общества и требующие замены этого строя другим, высшим социалистическим строем. Отделение рабочего движения от социализма вызывало слабость и неразвитость и того и другого: учения социалистов, не слитые с рабочей борьбой, оставались лишь утопиями, добрыми пожеланиями, не влиявшими на действительную жизнь; рабочее движение оставалось мелочным, раздробленным, не приобретало политического значения, не освещалось передовой наукой своего времени. Поэтому во всех европейских странах мы видим, что все сильнее и сильнее проявлялось стремление *слить* социализм и рабочее движение в единое *социал-демократическое* движение. Классовая борьба рабочих превращается при таком слиянии в *сознательную борьбу пролетариата* за свое освобождение от эксплуатации его со стороны имущих классов, вырабатывается высшая форма социалистического рабочего движения: *самостоятельная рабочая социал-демократическая партия.* Направление

социализма к слиянию с рабочим движением есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата.

Совершенно так же шло дело и в России. И у нас социализм существовал очень долго, в течение многих десятилетий, *в стороне* от борьбы рабочих с капиталистами, от рабочих стачек и пр. С одной стороны, социалисты не понимали теории Маркса, считали ее неприменимой к России; с другой стороны, русское рабочее движение оставалось еще в совершенно зачаточной форме. Когда в 1875 г. образовался «Южнорусский рабочий союз» и в 1878 г. «Северно-русский рабочий союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма. Но русские социалисты не остановились на своей неразвитой, ошибочной теории. Они пошли вперед, восприняли теорию Маркса, выработали в приложении к России теорию рабочего социализма, теорию русских социал-демократов. Основание русской социал-демократии — главная заслуга группы «Освобождение труда», Плеханова, Аксельрода и их друзей*. Со времени основания русской социал-демократии (1883 г.) русское рабочее движение, при всяком широком проявлении его, прямо сближалось с русскими социал-демократами, стремилось слиться с ними. Основание «Российской социал-демократической рабочей партии» (весной 1898 г.) знаменует крупнейший шаг на пути к этому слиянию. В настоящее время — *главная* задача всех русских социалистов и всех сознательных русских рабочих

* Слияние русского социализма и русского рабочего движения исторически прослежено в брошюре одного нашего товарища «Красное знамя в России. Очерк истории русского рабочего движения». Брошюра эта скоро появится в печати[104].

упрочить это слияние, укрепить и сорганизовать «Рабочую социал-демократическую партию». Кто не хочет знать этого слияния, кто стремится искусственно провести какое-то разделение между рабочим движением и социал-демократией в России, тот приносит не пользу, а *вред* делу рабочего социализма и рабочего движения в России.

Пойдем далее. «Что касается до широких требований, — пишет *Р. М.,* — до политических требований, то только в требованиях петербургских ткачей... 1897 г. мы видим первый и еще мало сознательный случай предъявления нашими рабочими подобных широких политических требований». Мы опять-таки должны сказать, что это *безусловно неверно.* Печатая подобные фразы, редакция «Рабочей Мысли» обнаруживает, во-1-х, непростительное для социал-демократа забвение истории русского революционного и рабочего движения, а во-2-х, непростительно узкое понимание рабочего дела. Широкие политические требования предъявлены русскими рабочими и в майском листке С.-Петербургского союза борьбы 1898 г. и в газетах «С.-Петербургском Рабочем Листке» и «Рабочей Газете», которую передовые организации русских социал-демократов признали в 1898 г. официальным органом «Российской социал-демократической рабочей партии». Игнорируя это, «Раб. Мысль» пятится назад и вполне оправдывает то мнение, что она является представительницей не передовых рабочих, а низших, неразвитых слоев пролетариата *(Р. М.* сам указывает в своей статье на то, что «Раб. Мысли» уже указывали на это обстоятельство). Низшие слои пролетариата не знают истории русского революционного движения, и *Р. М.* не знает ее. Низшие слои пролетариата не понимают отношения между рабочим движением и социал-демократией, и *Р. М.* не понимает этого отношения. Почему русские рабочие в 90-х годах не образовали своих особых организаций отдельно от социалистов, как в 70-х годах? Почему не предъявили они отдельно от социалистов свои политические требования? *Р. М.* объясняет это, очевидно, тем, что «русские рабочие еще очень

мало подготовлены к этому» (стр. 5 его статьи), но таким объяснением он только лишний раз подтверждает то мнение, что он вправе говорить лишь как представитель низших слоев пролетариата. Низшие слои рабочих во время движения 90-х годов не сознавали политического характера движения. Но, тем не менее, все знают (и *Р. М.* сам говорит это), что рабочее движение 90-х годов получило широкое политическое значение. Произошло это оттого, что характер движению придали, как и везде, как и всегда, передовые рабочие, за которыми рабочая масса шла потому, что они доказали ей свою готовность и свое уменье служить рабочему делу, что они сумели приобрести ее полное доверие. А эти передовые рабочие были социал-демократами; многие из них даже лично принимали участие в тех спорах между народовольцами и социал-демократами, которые характеризовали переход русского революционного движения от крестьянского и заговорщицкого социализма к социализму рабочему. Понятно поэтому, отчего эти передовые рабочие не отстранялись теперь от социалистов и революционеров в особые организации. Такое отстранение имело смысл и было необходимо тогда, когда социализм отстранялся от рабочего движения. Такое отстранение было бы невозможно и бессмысленно, раз передовые рабочие видели перед собой рабочий социализм и *социал-демократические* организации. *Слияние* передовых рабочих с социал-демократическими организациями было вполне естественно и неизбежно. Это было результатом того крупного исторического факта, что в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии.

Как безмерно узко понимание политической борьбы «Раб. Мыслью», это видно из следующего. Говоря о широких политических требованиях, *Р. М.* пишет: «А для того, чтобы такая политическая борьба могла бы рабочими вестись вполне сознательно и самостоятельно, необходимо, чтобы велась она самими рабочими

организациями, чтобы эти политические требования рабочих опирались на сознанные ими их общие политические потребности и интересы минуты» (это заметьте!), «чтобы эти требования были требованиями самих рабочих (цеховых) организаций, чтобы они были ими выработаны действительно сообща и также сообща выставлены этими рабочими организациями, по их частной инициативе...» И дальше следует пояснение, что ближайшими общими политическими требованиями рабочих все еще пока (!!) остаются 10-часовой рабочий день и восстановление праздников, уничтоженных законом 2. VI. 1897. — И после этого редакция «Раб. Мысли» может еще удивляться, что ее обвиняют в отрицании политики! Да разве это сведение политики к борьбе цеховых союзов за отдельные реформы не есть отрицание политики? Разве это не есть отказ от основного завета всемирной социал-демократии, что социал-демократы должны стремиться организовать классовую борьбу пролетариата в самостоятельные политические рабочие партии, борющиеся за демократию *как средство* завоевания политической власти пролетариатом и устройства им социалистического общества? С каким-то безграничным легкомыслием наши новейшие извратители социал-демократизма выбрасывают за борт все, что̀ дорого для социал-демократов, что дает право видеть в рабочем движении всемирно-историческое движение. Им нет дела до того, что вековой опыт европейского социализма и европейской демократии учит необходимости стремиться к образованию самостоятельных рабочих политических партий. Им нет дела до того, что история русского революционного движения долгим и трудным путем выработала соединение социализма с рабочим движением, соединение великих социальных и политических идеалов с классовой борьбой пролетариата. Им пет дела до того, что передовые русские рабочие уже положили основание «Российской социал-демократической рабочей партии». Долой все это! Освободим себя от слишком широкого идейного багажа и от слишком тяжелого и требовательного исторического опыта, — и пускай «остаются пока» одни цеховые союзы

(возможность устройства которых в России пока еще ничем не доказана, если не считать легальных обществ), пускай эти цеховые союзы «по частной инициативе» вырабатывают требования, требования «минуты», требования маленьких и мелких реформ!! Что это такое? Ведь это какая-то проповедь попятного движения! Ведь это какая-то пропаганда разрушения социализма!

И заметьте, что «Рабочая Мысль» излагает не только ту мысль, чтобы местные организации сами вырабатывали местные формы борьбы и частные поводы агитации, приемы ее и пр. — против этой мысли никто не стал бы возражать. Никогда русские социал-демократы не заявляли ни малейших претензий на то, чтобы стеснять в этом отношении самостоятельность рабочих. Нет, «Раб. Мысль» хочет *совершенно отодвинуть* великие политические задачи русского пролетариата и ограничиться «пока» «только» «интересами минуты». До сих пор русские социал-демократы хотели, опираясь на каждое требование минуты, агитируя по поводу него, организовать пролетариат для борьбы с самодержавием, как его ближайшей цели. Теперь «Раб. Мысль» хочет *ограничить* борьбу пролетариата мелкой борьбой за мелкие требования. Очень хорошо зная, что он отступает от мнений всей русской социал-демократии, *Р. М.* дает следующий ответ обвинителям «Раб. Мысли». Говорят, что ниспровержение царизма есть ближайшая задача русского рабочего движения. Какого именно рабочего движения, — спрашивает *Р. М., — «стачечного движения? обществ взаимопомощи? рабочих кружков?»* (страница 5 статьи). Мы ответим ему на это: говорите только за себя, за свою группу, за представляемые ею низшие слои пролетариата одной местности, но не смейте говорить за передовых русских рабочих! Низшие представители пролетариата часто не знают того, что борьбу за ниспровержение самодержавия может вести только революционная партия. *Р. М.* тоже не знает этого. Но передовые русские рабочие знают это. Низшие представители пролетариата часто не знают того, что русское рабочее движение не ограничивается стачечной

борьбой, обществами взаимопомощи и рабочими кружками, что русское рабочее движение давно стремится сорганизоваться в революционную партию и доказало это стремление на деле. *Р. М.* тоже не знает этого. Но передовые русские рабочие знают это.

Р. М. старается представить свое полное непонимание социал-демократизма в виде особого понимания «нашей действительности». Присмотримся поближе к его мнениям по этому вопросу.

«О самом понятии самодержавия... — пишет *Р. М.* — ... мы здесь распространяться не станем, предполагая в каждом нашем собеседнике самое отчетливое и ясное представление о подобных вещах». Мы сейчас увидим, что *Р. М.* сам имеет до последней степени неотчетливое и неясное понятие о подобных вещах, но сначала отметим еще одно обстоятельство. Принадлежат ли рабочие к собеседникам *Р. М.?* Конечно, да. А если да, то откуда же взять им самое отчетливое понятие о самодержавии? Очевидно, что для этого необходима самая широкая и систематическая пропаганда идей политической свободы вообще, необходима агитация, связывающая с каждым отдельным проявлением полицейского насилия и чиновнического гнета «отчетливое представление» (в умах рабочих) о самодержавии. Кажется, это ясно. А если да, то может ли быть успешна чисто местная пропаганда и агитация против самодержавия? не является ли безусловно необходимым *организовать* ее по всей России в одну планомерную деятельность? то есть в деятельность одной партии? Отчего же *Р. М.* в числе ближайших задач русского рабочего движения не указывает задачу организовать систематическую пропаганду и агитацию против самодержавия? Только оттого, что он имеет самое *не*отчетливое и *не*ясное представление о задачах русского рабочего движения и русской социал-демократии.

Р. М. переходит далее к объяснению того, что самодержавие представляет огромную «личную силу» (по-военному вымуштрованная бюрократия) и огромную «экономическую силу» (финансовые средства). Не останавливаясь на «неотчетливых» сторонах его объясне-

ния (а «неотчетливого» тут очень много), переходим прямо к главнейшему:

«Так вот, — спрашивает *Р. М.* русскую социал-демократию, — не ниспровержение ли этой-то личной силы и не захват ли этой экономической силы советуется в данную минуту русским рабочим поставить первой и ближайшей задачей своих теперешних (зачаточных) организаций? (о революционерах, говорящих, что эту задачу должны взять на себя кружки передовых рабочих, мы и не говорим)».

Мы с удивлением протираем глаза и перечитываем два и три раза это чудовищное место. Неужели мы не ошиблись? Нет, мы не ошиблись: *Р. М. действительно не знает того, что называется ниспровержением самодержавия.* Это невероятно, но это факт. Да и можно ли считать это невероятным после обнаруженной *Р. М.* путаницы мысли?

Р. М. смешивает захват власти революционерами и ниспровержение самодержавия революционерами.

Старые русские революционеры (народовольцы) стремились к захвату власти революционной партией. Захватив власть, «партия ниспровергла бы личную силу» самодержавия, — думали они, — т. е. вместо чиновников назначила своих агентов, «захватила бы экономическую силу», т. е. все финансовые средства государства, и произвела бы социальный переворот. Народовольцы (старые) действительно стремились к «ниспровержению личной и к захвату экономической силы» самодержавия, если уже употреблять, по примеру *Р. М.,* эти неуклюжие выражения. Русские социал-демократы решительно восстали против этой революционной теории. Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях: «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и «Наши разногласия» (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма. Но что такое низвержение абсолютизма? Чтобы разъяснить это для *Р. М.,* необходимо ответить сначала на вопрос: что такое самодержавие? Самодержавие (абсолютизм,

неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением.* Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа. От этого бесправия страдает весь народ, но имущие классы (особенно богатые помещики и капиталисты) оказывают очень сильное влияние на чиновничество. Рабочий же класс страдает вдвойне: и от бесправия всего русского народа, и от угнетения рабочих капиталистами, которые заставляют правительство служить их интересам.

Что же значит ниспровержение абсолютизма? Это значит отказ царя от неограниченной власти; предоставление народу права выбирать своих представителей для издания законов, для надзора за действием чиновников, для надзора за собиранием и расходованием государственных средств. Такая форма правления, когда народ участвует в законодательстве и управлении, называется *конституционной* формой правления (конституция = закон об участии народных представителей в законодательстве и управлении государством). Итак, ниспровержение самодержавия означает замену самодержавной формы правления — конституционной формой правления. Таким образом, для ниспровержения самодержавия никакого «ниспровержения личной силы и захвата экономической силы» не требуется, а требуется заставить царское правительство отказаться от своей неограниченной власти и созвать из народных представителей земский собор для выработки конституции («завоевать демократическую» [народную, составленную в интересах народа] «конституцию», как сказано в проекте программы русских социал-демократов, изданном в 1885 г. группой «Освобождение труда»).

Почему ниспровержение самодержавия должно быть первой задачей русского рабочего класса? Потому, что при самодержавии рабочий класс не может широко развить своей борьбы, не может завоевать себе никаких

прочных позиций ни в экономической, ни в политической области, не может создать прочных, массовых организаций, развернуть пред всеми трудящимися массами знамя социальной революции и научить их бороться за нее. Только при политической свободе возможна решительная борьба всего рабочего класса против класса буржуазии, и конечная цель этой борьбы состоит в том, чтобы пролетариат завоевал политическую власть и организовал социалистическое общество. Вот это завоевание политической власти организованным и прошедшим длинную школу борьбы пролетариатом и будет, действительно, «ниспровержением личной и захватом экономической силы» буржуазного правительства, но *этот* захват власти русские социал-демократы никогда не ставили ближайшей задачей русских рабочих. Русские социал-демократы всегда говорили, что только при политической свободе, при широкой и массовой борьбе русский рабочий класс сумеет выработать организации для этой окончательной победы социализма.

Но каким путем может русский рабочий класс ниспровергнуть самодержавие? Ведь вот редакторы «Раб. Мысли» подтрунивают даже над группой «Освобождение труда», которая основала русскую социал-демократию и сказала в своей программе, что «борьба против самодержавия обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии». «Раб. Мысли» (см. № 7 ее и разбираемую статью) это кажется смешным: ниспровержение самодержавия — рабочими кружками! Мы ответим на это редакторам «Раб. Мысли»: над кем смеетесь? Над собой смеетесь! Редакторы «Раб. Мысли» жалуются на то, что русские социал-демократы *не по-товарищески* с ними полемизируют. Пускай читатели сами судят, на чьей стороне мы видим нетоварищескую полемику: на стороне ли старых русских социал-демократов, которые определенно высказали свои взгляды и прямо говорят, какие взгляды «молодых» и почему они считают их ошибочными; — или на стороне «молодых», которые, *не называя* своих противников, шпыняют

из-за угла то «автора немецкой книги о Чернышевском» (Плеханова, причем смешивают его с некоторыми легальными писателями, без малейшего основания к тому), то группу «Освобождение труда», цитируя *с искажением* отрывки ее программы и не выставляя против нее сколько-нибудь определенной своей программы. Да! Мы признаем долг товарищества, долг поддержки всех товарищей, долг терпимости к мнениям товарищей, *но для нас долг товарищества вытекает из долга перед русской и перед международной социал-демократией, а не наоборот.* Мы признаем за собой товарищеские обязанности перед «Раб. Мыслью» не потому, что редакторы ее наши товарищи, а мы считаем редакторов «Раб. Мысли» нашими товарищами лишь потому и постольку, поскольку они работают в рядах русской (а следовательно, и международной) социал-демократии. И потому, если мы убеждены, что «товарищи» пятятся назад от социал-демократической программы, что «товарищи» суживают и уродуют задачи рабочего движения, тогда мы считаем своим *долгом* высказать свое убеждение с полной определенностью и без всяких недомолвок!

Мы сказали сейчас, что редакторы «Раб. Мысли» искажают взгляды группы «Освобождение труда». Пусть читатель судит сам. «Мы готовы не понять тех наших товарищей, — пишет *Р. М.,* — которые свою программу «освобождения труда» считают простым ответом на вопрос: «откуда взять силы для борьбы с самодержавием?» (в другом месте: «наши революционеры смотрят на движение рабочих, как на лучшее средство ниспровержения самодержавия»). Откройте проект программы русских социал-демократов, изданный группой «Освобождение труда» в 1885 г. и перепечатанный П. Б. Аксельродом в его брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (Женева, 1898 г.), — и вы увидите, что *в основу* программы поставлено полное освобождение труда от гнета капитала, переход в общественную собственность всех средств производства, захват рабочим классом политической власти, образование революционной *рабочей*

партии. Что *Р. М.* извращает эту программу, что он *не хочет* понять ее, — это ясно. Он цепляется за слова П. Б. Аксельрода в начале брошюры, где он сказал, что программа группы «Освобождение труда» «явилась ответом» на вопрос: где взять силы на борьбу с самодержавием? Но ведь это же *исторический факт,* что программа группы «Освобождение труда» явилась ответом и на этот вопрос русских революционеров, и на этот вопрос всего русского революционного движения. И если программа группы «Освобождение труда» дала ответ на этот вопрос, неужели это значит, что рабочее движение было для этой группы «Освобождение труда» лишь средством? Ведь это *«непонимание» Р. М.* свидетельствует лишь о незнакомстве с общеизвестными фактами деятельности группы «Освобождение труда».

Далее. Как это «ниспровержение самодержавия» может быть задачей рабочих кружков. *Р. М.* не понимает этого. Откройте программу группы «Освобождение труда»: «Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма, — сказано там, — русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно стройное целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти, в удобный момент, к. общему, решительному на него нападению». Именно этой тактике и следовали русские организации, основавшие весной 1898 г. «Российскую социал-демократическую рабочую партию». И они доказали, что такие организации являются в России крупной политической силой. Если эти организации образуют одну партию и будут вести широкую агитацию против неограниченного правительства, используя при этом все элементы либеральной оппозиции, то задача завоевания политической свободы будет несомненно достижима для такой партии. Если редакторы «Раб. Мысли» «готовы не понять» этого, то мы «готовы» посоветовать им: поучитесь, господа, ибо сами по себе эти вещи вовсе не очень трудны для понимания.

Вернемся однако к *Р. М.,* которого мы оставили на рассуждениях о борьбе против самодержавия. Собственный взгляд *Р. М.* на этот вопрос еще яснее иллюстрирует новое, попятное, направление «Раб. Мысли».

«Конец самодержавия ясен» — пишет *Р. М.* «Борьба с самодержавием является для всех жизненных общественных элементов одним из условий их здорового развития». Отсюда следует, пожалуй, подумает читатель, что борьба с самодержавием необходима и для рабочего класса? Нет, погодите. У *Р. М.* своя логика и своя терминология. Под словом борьба он, посредством прибавления слова: «общественная» (борьба), понимает нечто совсем особое. Описавши *легальную оппозицию,* которую оказывают правительству многие слои русского населения, *Р. М.* заключает: «Ведь и борьба за земское и городское общественное самоуправление, и борьба за общественную школу, и борьба за общественную помощь голодающему населению и т. д. есть борьба с самодержавием». «Необходимость общественной борьбы с самодержавием чиновников очевидна для всех сознательных прогрессивных слоев и групп населения. Более того. Эта общественная борьба, по какому-то странному недоразумению не обращая на себя благосклонного внимания многих русских революционных писателей, как мы видели, уже ведется русским обществом и не со вчерашнего дня». «Настоящий вопрос в том, как этим отдельным общественным слоям... вести эту» (это заметьте!) «борьбу с самодержавием возможно успешнее... А главный для нас вопрос: — как должны вести эту общественную (!) борьбу с самодержавием наши рабочие...»

В этих рассуждениях *Р. М.* опять-таки сгружено неимоверное количество путаницы и ошибок.

Во-1-х, *Р. М.* смешивает *легальную оппозицию* с борьбой против самодержавия, с борьбой за ниспровержение самодержавия. Производит он это непростительное для социалиста смешение посредством употребляемого им без пояснения выражения «борьба с самодержавием»: выражение это может значить (с оговоркой) и борьбу *против* самодержавия, но может значить

также и борьбу против отдельных мер самодержавия на почве того же самодержавного строя.

Во-2-х, *Р. М.,* относя легальную оппозицию к общественной борьбе с самодержавием и говоря, что наши рабочие должны вести «эту общественную борьбу», сбивается, таким образом, на то, чтобы наши рабочие вели не революционную борьбу против самодержавия, а легальную оппозицию самодержавию, т. е. сбивается на безобразное опошление социал-демократии и смешение ее с самым дюжинным и убогим российским либерализмом.

В-3-х, *Р. М.* говорит *прямую неправду* про русских социал-демократических писателей — [*Р. М.,* правда, предпочитает «по-товарищески» пускать упреки без адреса. Но если он имеет в виду не социал-демократов, то в его словах нет никакого смысла], — будто они не обращают внимания на легальную оппозицию. Напротив, и группа «Освобождение труда», и П. Б. Аксельрод в частности, и «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии», и брошюра «Задачи русских социал-демократов» (изданная «Российской социал-демократической рабочей партией» и названная Аксельродом *комментарием* к «Манифесту») — все они не только обратили внимание на легальную оппозицию, но и выяснили ее отношение к социал-демократии с полной точностью.

Поясним все это. Какую «борьбу с самодержавием» ведут наши земства, либеральные общества вообще, либеральная печать? Ведут ли они борьбу против самодержавия, борьбу за ниспровержение самодержавия? *Нет, такой борьбы они никогда не вели и не ведут.* Такую борьбу ведут лишь революционеры, нередко выходящие из среды либерального общества и опирающиеся на сочувствие общества. Но вести революционную борьбу — это вовсе не то же самое, что сочувствовать революционерам и оказывать им поддержку; борьба против самодержавия вовсе не то же самое, что легальная оппозиция самодержавию. Русские либералы выражают свое недовольство самодержавием лишь в такой форме, которую *разрешает* само самодержавие,

т. е. которую самодержавие признает неопасной для самодержавия. Крупнейшим проявлением либеральной оппозиции были только *ходатайства* либералов к царскому правительству о привлечении народа к управлению. И либералы терпеливо сносили всякий раз те грубые полицейские отказы, которые получались на такие ходатайства, сносили те беззаконные и дикие преследования, которыми награждало жандармское правительство даже за законные попытки заявить свое мнение. Превращать либеральную оппозицию просто-напросто в общественную борьбу с самодержавием значит прямо *извращать* дело, потому что русские либералы *никогда* не сорганизовывали революционной партии для борьбы за ниспровержение самодержавия, хотя они всегда могли и могут найти для этого и материальные средства и заграничных представителей русского либерализма. А *Р. М.* не только извращает дело, но и припутывает к этому имя великого русского социалиста, Н. Г. Чернышевского. «Союзниками рабочих по этой борьбе, — пишет *Р. М.,* — являются все передовые слои русского общества, отстаивающие свои общественные интересы и учреждения, ясно понимающие свои общие выгоды, «никогда не забывающие» (цитирует *Р. М.* Чернышевского), сколь велика «разница в том, — по независимому ли решению правительства или *по формальному требованию общества* делается какая-либо перемена». Если относить этот отзыв ко всем представителям «общественной борьбы», как ее понимает *Р. М.,* т. е. ко всем русским либералам, то это *прямая фальшь.* Формальных требований правительству никогда не предъявляли русские либералы, и именно поэтому русские либералы никогда не играли и никак не могут теперь играть *самостоятельной* революционной роли. Союзниками рабочего класса и социал-демократии не могут быть «все передовые слои общества», а только революционные партии, основываемые членами этого общества. Либералы же вообще могут и должны служить лишь *одним из источников* добавочных сил и средств для революционной рабочей партии (как это и сказал П. Б. Аксельрод с полной

ясностью в названной выше брошюре). Н. Г. Чернышевский именно потому и высмеивал беспощадно «передовые слои русского общества», что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды под ударами самодержавного правительства. *Р. М.* в этом случае так же бессмысленно цитирует Чернышевского, как бессмысленны надерганные во второй статье «Отдельного приложения» отрывки цитат из Чернышевского, стремящиеся показать, будто Чернышевский не был утопистом и будто русские социал-демократы не оценили всего значения «великого русского социалиста». Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-Демократ»[105], изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса. Редакция же «Раб. Мысли» обнаружила только свое неумение дать сколько-нибудь связную и всестороннюю оценку Чернышевского, его сильных и слабых сторон.

«Настоящий вопрос» русской социал-демократии состоит вовсе не в том, как либералам вести «общественную борьбу» (под которой *Р. М.,* как мы видели, разумеет легальную оппозицию), а в том, как организовать революционную, борющуюся за ниспровержение абсолютизма рабочую партию, которая могла бы опереться на *все* оппозиционные элементы в России, которая могла бы *использовать* все проявления оппозиции для своей революционной борьбы. Для этого необходима именно революционная рабочая партия, потому что только рабочий класс может быть в России решительным и последовательным борцом за демократию, потому что без энергического воздействия такой партии либеральные элементы «могут остаться в состоянии вяло бездействующей, дремлющей силы» (П. Б. Аксельрод, цитированная брошюра, с. 23). Говоря, что наши «наиболее передовые слои» ведут «действительную (!!) общественную борьбу с самодержавием» (стр. 12 статьи *Р. М.),* что «главный для нас вопрос, как должны вести *эту общественную борьбу* с самодержавием наши

рабочие», — говоря такие вещи, *Р. М.,* в сущности, совершенно отступает от социал-демократии. Нам приходится только серьезно посоветовать редакторам «Раб. Мысли» хорошенько подумать над тем, куда они хотят идти и где их настоящее место: среди ли революционеров, которые несут в трудящиеся классы знамя социальной революции и хотят организовать их в политическую революционную партию, или среди либералов, которые ведут свою «общественную борьбу» (т. е. легальную оппозицию). Ведь в теории «общественной самодеятельности» рабочих, в теории «общественной взаимопомощи» и цеховых союзов, ограничивающихся «пока» рабочим днем в 10 часов, в теории «общественной борьбы» с самодержавием земств, либеральных обществ и проч., — в этой теории нет ровно ничего социалистического, ничего такого, чего не признали бы либералы! Ведь в сущности вся программа «Раб. Мысли» (поскольку можно тут говорить о программе) клонится к тому, чтобы оставить русских рабочих в их неразвитости и раздробленности и чтобы сделать их *хвостом либералов!* Некоторые фразы *Р. М.* особенно странны. «Вся беда только в том, — изрекает *Р. М.,* — что, беспощадно преследуемая политической полицией, наша революционная интеллигенция принимает борьбу с этой политической полицией за политическую борьбу с самодержавием». Какой смысл может иметь такое заявление? Политическая полиция потому и называется политической, что она преследует врагов самодержавия и борцов против него. Поэтому и «Раб. Мысль», пока она еще не совершила своего превращения в либералов, борется с политической полицией, — как борются с ней и все русские революционеры, и социалисты, и все сознательные рабочие. Из того факта, что политическая полиция беспощадно преследует социалистов и рабочих, что самодержавие обладает «стройной организацией», «умелыми и ловкими государственными деятелями» (стр. 7 статьи *Р. М.),* из этого факта может следовать только два вывода: трусливый и убогий либерал выведет отсюда, что наш народ вообще и рабочие в частности еще мало подготовлены к борьбе и что надо

возложить все упование на «борьбу» земств, либеральной печати и т. п., ибо это есть «действительная борьба с самодержавием», а не только борьба с политической полицией. Социалист и всякий сознательный рабочий выведет отсюда, что рабочая партия должна всеми силами стремиться тоже к «стройной организации», к выработке из передовых рабочих и из социалистов «умелых и ловких революционных деятелей», которые бы поставили рабочую партию на высоту передового борца за демократию и сумели привлечь к ней все оппозиционные элементы.

Редакторы «Раб. Мысли» не замечают, что они встали на наклонную плоскость, по которой они катятся к первому выводу!

Или еще: «Поражает нас в этих программах» — т. е. в программах социал-демократов, — пишет *Р. М.,* — «и вечное выставление ими на 1-ый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при полном игнорировании ими... важности участия рабочих» в законодательных собраниях фабрикантов, в присутствиях по фабричным делам, в городском общественном самоуправлении (стр. 15). Если не выставлять на 1-ый план преимущества парламента, то откуда же узнают рабочие о политических правах и политической свободе? Если молчать об этих вопросах, — как молчит газета «Раб. Мысль», — то не значит ли это поддерживать среди низших слоев рабочих политическое невежество? Что касается до участия рабочих в городском общественном управлении, то ни один социал-демократ никогда и нигде не отрицал пользы и важности деятельности рабочих-социалистов в городском самоуправлении, но смешно говорить об этом в России, где никакое открытое проявление социализма невозможно, где увлечение рабочих городским самоуправлением (если бы оно и было возможно) означало бы на деле отвлечение передовых рабочих от социалистического рабочего дела к либерализму.

«Отношение передовых слоев рабочих, — говорит *Р. М.,* — к такому (самодержавному) правительству... так же понятно, как и отношение рабочих к фабрикантам».

Значит, — следует отсюда по здравому человеческому смыслу, — передовые слои рабочих — не менее сознательные социал-демократы, чем социалисты из интеллигентов, и потому стремление «Раб. Мысли» разделять тех и других нелепо и вредно. Значит, русский рабочий класс создал уже и самостоятельно выдвинул элементы для образования самостоятельной политической рабочей партии. Но редакторы «Раб. Мысли» из факта политической сознательности передовых слоев рабочих делают вывод... о том, что необходимо тащить этих передовиков назад, чтобы топтаться на одном месте! «Какую борьбу желательно, чтобы вели рабочие?» — спрашивает *Р. М.* и отвечает: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которую «ведут» рабочие «в данную минуту»!!! Трудно в более резкой форме выразить тот бессмысленный и беспринципный оппортунизм, которым заражены редакторы «Раб. Мысли», увлеченные модной «бернштейниадой»! Желательно то, что возможно, а возможно то, что есть в данную минуту! Ведь это все равно, как если бы человеку, который собрался идти в далекий и трудный путь, на котором ждет его масса препятствий и масса врагов, если бы такому человеку на вопрос: куда идти? ответили: желательно идти туда, куда возможно, а возможно идти туда, куда идешь в данную минуту! Вот это именно нигилизм, но только не революционный, а оппортунистический нигилизм, который проявляют либо анархисты, либо буржуазные либералы! «Призывая» русских рабочих к «частной» и «политической» борьбе (причем под политической борьбой разумеется не борьба против самодержавия, а только «борьба за улучшение положения всех рабочих»), *Р. М.* прямо призывает русское рабочее движение и русскую социал-демократию сделать *шаг назад,* призывает, в сущности, рабочих отделиться от социал-демократов и выбросить таким образом за борт все приобретения европейского и русского опыта! Для борьбы за улучшение своего положения и только для такой борьбы рабочие не имеют никакой нужды в социалистах. Во всех странах найдутся рабочие, которые ведут борьбу за улучшение

своего положения, ничего не зная о социализме или даже враждебно относясь к нему.

«В заключение, — пишет *Р. М.,* — пару слов о нашем понимании рабочего социализма». После вышеизложенного читателю уже не трудно представить себе, каково это «понимание». Это просто сколок с «модной» книги Бернштейна. На место классовой борьбы пролетариата наши «молодые» социал-демократы ставят «общественную и политическую самодеятельность рабочих». Если мы вспомним, как понимает *Р. М. общественную* «борьбу» и «политику», то для нас ясно будет, что это прямой возврат к «формуле» некоторых легальных русских писателей. Вместо того, чтобы точно указать цель (и сущность) социализма: переход земли, фабрик и пр., вообще всех средств производства в собственность всего общества и замену капиталистического производства производством по общему плану в интересах всех членов общества, вместо этого *Р. М.* указывает сначала на развитие цеховых и потребительных союзов и лишь мимоходом говорит, что социализм ведет к полному обобществлению всех средств производства. Зато печатается жирнейшим шрифтом, что «социализм есть лишь дальнейшее высшее развитие современной общественности» — фраза, заимствованная у Бернштейна, которая не только не уясняет, а затемняет значение и суть социализма. Все либералы и все буржуа безусловно стоят за «развитие современной общественности», так что все они обрадуются заявлению *Р. М.* Но тем не менее буржуа — *враги* социализма. Дело в том, что в «современной общественности» очень много различных сторон, и употребляющие это общее выражение имеют в виду один — одну, другой — другую сторону. Следовательно, вместо выяснения рабочим понятия классовой борьбы и социализма, *Р. М.* только приводит туманные и сбивающие с толку фразы. Наконец, вместо того, чтобы указать то средство, которое современный социализм выставил для осуществления социализма — завоевание политической власти организованным пролетариатом — вместо этого *Р. М.* говорит только о переходе производства под их (рабочих)

общественное управление или под управление демократизованной общественной власти, демократизованной «путем их (рабочих) деятельного участия в присутствиях по разбору всевозможных фабрично-заводских дел, в третейских судах, во всяких собраниях, комиссиях и совещаниях по выработке рабочих законов, путем участия рабочих в общественном самоуправлении и, наконец, в общем представительном учреждении страны». Таким образом, редакторы «Раб. Мысли» относят к рабочему социализму только такой, который достигается *мирным* путем, исключая путь революционный. Это сужение социализма и сведение его к дюжинному буржуазному либерализму составляет опять-таки громадный шаг назад против взглядов всех русских и громаднейшего, подавляющего большинства европейских социал-демократов. Рабочий класс предпочел бы, конечно, *мирно* взять в свои руки власть (мы уже сказали раньше, что этот захват власти может быть произведен только организованным рабочим классом, прошедшим школу классовой борьбы), но *отказываться* от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практической-политической точки зрения, *безрассудством* и означало бы лишь позорную уступку пред буржуазией и всеми имущими классами. Очень вероятно — даже наиболее вероятно — что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием. Тогда рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции. Вот почему программа «рабочего социализма» и говорит вообще о завоевании политической власти, *не определяя* способа этого завоевания, ибо выбор этого способа зависит от будущего, которое с точностью мы определить не можем. Но ограничивать деятельность пролетариата во всяком случае одной только мирной «демократизацией», повторяем, значит совершенно произвольно суживать и опошлять понятие рабочего социализма.

Мы не будем разбирать так же подробно других статей «Отдельного приложения». О статье по поводу 10-ти-

летия смерти Чернышевского мы уже сказали. Что же касается до пропаганды редакторами «Раб. Мысли» бернштейниады, за которую так ухватились во всем миро все враги социализма вообще и буржуазные либералы, в особенности, и против которой решительно высказалось (на съезде в Ганновере) подавляющее большинство немецких социал-демократов и немецких сознательных рабочих, — что касается до бернштейниады, то подробно говорить о ней здесь не место. Нас занимает здесь *русская* бернштейниада, и мы уже показали, какую безграничную путаницу мысли, какое отсутствие всякого намека на самостоятельные воззрения, какой решительный шаг назад против взглядов русской социал-демократии представляет из себя «наша» бернштейниада. О немецкой же бернштейниаде предоставим говорить лучше немцам же. Заметим только еще, что русская бернштейниада стоит еще бесконечно ниже, чем немецкая. У Бернштейна, несмотря на все его ошибки и несмотря на очевидное стремление его пятиться назад и в теоретическом и в политическом отношении, осталось еще настолько ума и настолько добросовестности, что он, не придя сам ни к какой новой теории или программе, *отказался предлагать изменения* в программе немецкой социал-демократии и в последний, решительный момент заявил, что принимает резолюцию Бебеля, резолюцию, торжественно провозгласившую на весь мир, что германская социал-демократия остается при своей старой программе и своей старой тактике. А наши русские бернштейнианцы? Не сделав и сотой доли того, что сделал Бернштейн, они доходят до того, что прямо-таки знать не хотят того факта, что все русские социал-демократические организации положили в 1898 г. основание «Российской социал-демократической рабочей партии», выпустили ее «Манифест» и объявили ее официальным органом «Рабочую Газету» и что все эти произведения стоят всецело на почве «старой» программы русских социал-демократов. Наши бернштейнианцы как будто бы и не сознают того, что если они отвергли эти старые воззрения и пришли к новым, то их нравственный долг,

долг перед всей русской социал-демократией и перед темп социалистами и рабочими, которые вложили все свои силы в подготовку и образование «Российской социал-демократической рабочей партии» и которые наполняют теперь большей частью русские тюрьмы, — этот долг требует, чтобы представители новых взглядов не ограничивались шпынянием из-за угла каких-то «наших революционеров» вообще, а прямо и открыто заявили, с кем именно и в чем именно они не согласны, какие именно новые воззрения и новую программу ставят они на место старых.

Нам остается рассмотреть еще один и едва ли не самый важный вопрос: как *объяснить* возникновение подобного попятного направления в русской социал-демократии? Одними личными качествами редакторов «Раб. Мысли», одним влиянием модной бернштейниады объяснить дело, по нашему мнению, нельзя. Дело объясняется, по нашему мнению, главным образом особенностью в историческом развитии русской социал-демократии, которая породила — и *временно должна была* породить — узкое понимание рабочего социализма.

В 80-х и начале 90-х годов, когда начинали практически работать в России социал-демократы, они видели перед собой, во-1-х, народовольцев, которые упрекали их в том, что они отстраняются от политической борьбы, завещанной русским революционным движением, и с которыми социал-демократы вели упорную полемику, а, во-2-х, российское либеральное общество, которое тоже недовольно было поворотом революционного движения от народовольчества к социал-демократии. Полемика и с теми и с другими вертелась около вопроса о политике. Воюя против узкого понимания народовольцев, сводивших политику к заговорщичеству, социал-демократы могли высказываться и высказывались иногда вообще против политики (ввиду того, что господствовало определенное узкое понимание политики). С другой стороны, в либеральных и радикальных салонах буржуазного «общества» социал-демократы могли слышать нередко сожаления о том, что революционеры оставили террор: люди, дрожавшие больше всего за свою шкуру и

не оказавшие в решительный момент поддержки тем героям, которые наносили удары самодержавию, эти люди лицемерно обвиняли социал-демократов в политическом индифферентизме и жаждали возрождения партии, которая бы таскала для них каштаны из огня. Естественно, что социал-демократы проникались ненавистью к подобным людям и их фразам и уходили в более мелкую, но зато и более серьезную работу пропаганды среди фабрично-заводского пролетариата. Узкий характер этой работы вначале был неизбежен, отражаясь и в узких заявлениях некоторых социал-демократов. Эта узость не пугала, однако, и тех социал-демократов, которые нисколько не забывали широких исторических целей русского рабочего движения. Что за беда, если узки иногда *слова* социал-демократов: зато широко *их дело.* Зато они не уходят в бесполезные заговоры, не якшаются с Балалайкиными[106] буржуазного либерализма, а идут в тот класс, который один только является истинно революционным классом, и содействуют развитию его сил! С каждым шагом расширения социал-демократической пропаганды, думали они, эта узость будет сама собой отпадать. В значительной степени так и вышло на самом деле. От пропаганды стали переходить к широкой агитации. Широкая агитация, естественно, стала выделять все большее число сознательных передовых рабочих; стали образовываться революционные организации (С.-Петербургский, Киевский и другие «Союзы борьбы», Еврейский рабочий союз). Эти организации, естественно, стали стремиться к слиянию, что им, наконец, и удалось: они соединились и положили основание «Российской социал-демократической рабочей партии». Казалось бы, для старой узости не осталось уже теперь никакой почвы, и она будет окончательно отброшена. Но вышло иначе: распространение агитации привело социал-демократов в соприкосновение с низшими, наименее развитыми слоями пролетариата; привлечение этих слоев требовало от агитатора уменья приспособляться к самому низкому уровню понимания, приучало ставить на первый план «требования и интересы данной минуты» и отодвигать широкие

идеалы социализма и политической борьбы. Раздробленный, кустарный характер социал-демократической работы, крайне слабая связь между кружками разных городов, между русскими социал-демократами и их заграничными товарищами, обладающими и более солидными знаниями и более богатым революционным опытом и более широким политическим кругозором, естественно, вели к тому, что эта *(совершенно необходимая)* сторона социал-демократической деятельности безмерно преувеличивалась и могла в сознании отдельных лиц привести к забвению остальных сторон, тем более, что с каждым крахом наиболее сознательные рабочие и интеллигенты выбывали из строя действующей армии и прочная революционная традиция и преемственность не могли еще выработаться. Вот в этом-то безмерном преувеличении одной стороны социал-демократической работы и видим мы главную причину печального отступления от идеалов русской социал-демократии. Прибавьте сюда увлечение модной книжкой, незнание истории русского революционного движения и детскую претензию на оригинальность, — и вы получите все элементы, образующие «попятное направление в русской социал-демократии».

Таким образом, на вопросе об отношении передовых слоев пролетариата к низшим его слоям и о значении социал-демократической работы в тех и других слоях нам приходится остановиться поподробнее.

История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих, своих Прудонов и Вальянов, Вейтлингов и Бебелей. И наше русское рабочее движе-

ние обещает не отстать в этом отношении от европейского. В то время, как образованное общество теряет интерес к честной, нелегальной литературе, среди рабочих растет страстное стремление к знанию и к социализму, среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии. Та газета, которая хотела бы стать органом всех русских социал-демократов, должна стоять поэтому на уровне передовых рабочих; она не только не должна искусственно понижать своего уровня, а, напротив, постоянно поднимать его, следить за всеми тактическими, политическими и теоретическими вопросами всемирной социал-демократии. Только тогда запросы рабочей интеллигенции будут удовлетворяться, и она сама возьмет в свои руки русское рабочее дело, а *следовательно,* и русское революционное дело.

За численно небольшим слоем передовиков идет широкий слой средних рабочих. И эти рабочие жадно стремятся к социализму, принимают участие в рабочих кружках, читают социалистические газеты и книги, участвуют в агитации, отличаясь от предыдущего слоя только тем, что они не могут стать вполне самостоятельными руководителями социал-демократического рабочего движения. В той газете, которая была бы органом партии, средний рабочий не поймет некоторых статей, не даст себе полного отчета в сложном теоретическом или практическом вопросе. Из этого вовсе не следует, что газета должна была бы понизиться к уровню массы своих читателей. Напротив, газета должна именно поднимать их уровень и помогать выделению из среднего

слоя рабочих — рабочих-передовиков. Поглощенный *местной* практической деятельностью, интересуясь всего более хроникой рабочего движения и ближайшими вопросами агитации, такой рабочий должен с каждым своим шагом связывать мысль о всем русском рабочем движении, о его исторической задаче, о конечной цели социализма, и потому газета, массу читателей которой составляют средние рабочие, необходимо должна связывать с каждым местным и узким вопросом — социализм и политическую борьбу.

Наконец, за средним слоем идет масса низших слоев пролетариата. Очень возможно, что социалистическая газета будет вовсе или почти вовсе недоступна им (ведь и на западе Европы число социал-демократов-избирателей гораздо больше, чем число читателей социал-демократических газет), но из этого нелепо было бы выводить, что газета социал-демократов должна приспособляться к возможно более низкому уровню рабочих. Из этого следует только, что на такие слои должны действовать иные средства агитации и пропаганды: брошюры, написанные наиболее популярно, устная агитация и — главное — листки по поводу местных событий. Социал-демократы не должны ограничиваться даже и этим: очень возможно, что первые шаги по пробуждению сознания в низших слоях рабочих должны пасть на долю легальной просветительной деятельности. Для *партии* очень важно использовать эту деятельность, направлять ее именно туда, где она наиболее требуется, направить легальных деятелей на распашку той нови, которую засеют потом социал-демократические агитаторы. Агитация среди низших слоев рабочих должна предоставлять, конечно, наибольший простор личным особенностям агитатора и особенностям места, профессии и проч. «Не надо смешивать тактику и агитацию», — говорит Каутский в книге против Бернштейна. — «Способ агитации должен приспособляться к индивидуальным и местным условиям. В агитации надо предоставить каждому агитатору выбирать те средства, которые имеются у него в распоряжении: один агитатор производит наибольшее впечатление

благодаря своему одушевлению, другой — благодаря своему едкому сарказму, третий — благодаря уменью приводить массу примеров и пр. Сообразуясь с агитатором, агитация должна сообразоваться также и с публикой. Агитатор должен говорить так, чтобы его понимали; он должен исходить из того, что хорошо известно слушателям. Все это разумеется само собой и применимо не к одной только агитации среди крестьян. С извозчиками надо говорить иначе, чем с матросами, с матросами иначе, чем с наборщиками. *Агитация* должна быть *индивидуализирована,* но наша *тактика,* наша политическая *деятельность* должна быть *едина»* (S. 2—3). Эти слова передового представителя социал-демократической теории содержат превосходную оценку агитации в общей деятельности партии. Эти слова показывают, как неосновательны опасения тех, кто думает, что образование революционной партии, ведущей политическую борьбу, помешает агитации, оттеснит ее на второй план или стеснит свободу агитаторов. Напротив, только организованная партия может широко вести агитацию, давать необходимое руководство (и материал) для агитаторов по всем экономическим и политическим вопросам, использовать каждый местный успех агитации для назидания всех русских рабочих, направлять агитаторов в такую среду или в такие местности, где они могут действовать с наибольшим успехом. Только в организованной партии люди, обладающие способностями агитаторов, будут в состоянии посвятить себя всецело этому делу, — к выигрышу и для агитации и для остальных сторон социал-демократической работы. Отсюда видно, что тот, кто за экономической борьбой забывает политическую агитацию и пропаганду, забывает необходимость организовать рабочее движение в борьбу политической партии, тот, помимо всего прочего, лишает себя даже возможности поставить прочно и успешно привлечение наиболее низких слоев пролетариата к рабочему делу.

Но такое преувеличение одной стороны деятельности в ущерб другим и даже с стремлением выкинуть вовсе за борт эти другие стороны грозит еще несравненно более

вредными последствиями для русского рабочего движения. Низшие слои пролетариата могут быть прямо развращены, если они слышат такую клевету, будто основатели русской социал-демократии видят в рабочих только средство для ниспровержения самодержавия, если они слышат приглашения ограничиться восстановлением праздников и цеховыми союзами, оставив в стороне конечные цели социализма и ближайшие задачи политической борьбы. Такие рабочие могут всегда попасться (и будут попадаться) на удочку любой подачки со стороны правительства и буржуазии. Под влиянием проповеди «Рабочей Мысли» низшие слои пролетариата, совершенно неразвитые рабочие, могут проникнуться тем буржуазным и глубоко реакционным убеждением, что кроме прибавки платы и восстановления праздников («интересы минуты») рабочий не может и не должен интересоваться ничем более, что рабочий народ может и должен одними своими силами, одной своей «частной инициативой» вести рабочее дело, не стремясь слить его с социализмом, не стремясь превратить рабочее дело в передовое и насущное дело всего человечества. Самые неразвитые рабочие, повторяем, могут быть развращены таким убеждением, но мы уверены, что передовые русские рабочие, те, которые руководят рабочими кружками и всей социал-демократической деятельностью, те, которые наполняют теперь наши тюрьмы и места ссылки, начиная от Архангельской губернии и до Восточной Сибири, — что эти рабочие с негодованием отвергнут подобную теорию. Сводить все движение к интересам минуты — значит спекулировать на неразвитость рабочих, играть на руку их худшим страстям. Это значит искусственно разрывать связь между рабочим движением и социализмом, между вполне определившимися политическими стремлениями передовых рабочих и стихийными проявлениями протеста масс. И вот поэтому попытка «Рабочей Мысли» выступить с особым направлением заслуживает особенного внимания и требует особенно энергичного протеста. Пока «Рабочая Мысль», приспособляясь, видимо, к низшим слоям пролетариата, старательно обходила вопрос

о конечной цели социализма и политической борьбе, но не заявляла о своем особом направлении — многие социал-демократы только качали головой, надеясь, что с развитием и расширением своей работы члены группы «Раб. Мысли» сами легко освободятся от своей узости. Но когда люди, исполнявшие до сих пор полезную работу приготовительного класса, начинают шуметь на всю Европу, цепляясь за модные теории оппортунизма, и заявлять, что они желают всю русскую социал-демократию засадить на много лет (если не навсегда) в приготовительный класс, — когда, другими словами, люди, полезно трудившиеся до сих пор над бочонком меда, начинают с «публичным оказательством» вливать в него ковши дегтя, — тогда мы должны решительно восстать против этого попятного направления!

Русская социал-демократия и в лице ее основателей, членов группы «Освобождение труда», и в лице тех русских социал-демократических организаций, которые основали «Российскую социал-демократическую рабочую партию», признавала всегда два следующие основные положения: 1) Сущность социал-демократии: организация классовой борьбы пролетариата с целью завоевать политическую власть, передать все средства производства в руки всего общества и заменить капиталистическое хозяйство социалистическим; 2) Задача русской социал-демократии: организовать русскую рабочую революционную партию, которая ставит своей ближайшей целью — ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы. Кто отступает от этих основных положений (точно формулированных в программе группы «Освобождение труда» и выраженных в «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии»), тот отступает от социал-демократии.

Написано в конце 1899 г.

*Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале
«Пролетарская Революция» № 8—9*

*Печатается по рукописи,
переписанной неизвестной рукой
и просмотренной В. И. Лениным*

О ПРОМЫШЛЕННЫХ СУДАХ

Промышленными судами называются суды, состоящие из выборных от рабочих и хозяев (фабрикантов в промышленности) и разбирающие дела и споры, которые возникают так часто из-за условий найма, из-за определения платы за обыкновенную и сверхурочную работу, из-за расчета рабочих не по правилам, из-за вознаграждения за порчу материалов, из-за неправильного наложения штрафов и т. д., и т. д. В большинстве западноевропейских государств такие суды существуют, в России — нет, и мы намерены рассмотреть, какие выгоды приносят они рабочим и почему желательно учреждение промышленных судов кроме обыкновенных судов, в которых судит один, назначенный правительством или выбранный имущими классами, судья, без всяких выборных от хозяев и от рабочих.

Первая выгода промышленного суда состоит в том, что он гораздо доступнее для рабочих. Чтобы обращаться с жалобой в обыкновенный суд, надо писать прошение (для этого приходится часто обратиться к адвокату), надо платить пошлины, надо долго ждать сроков, надо являться на суд, отрываясь от работы и отрывая свидетелей, надо дожидаться потом, когда дело перейдет, по жалобе недовольных тяжущихся, в высший суд, где дело еще раз перерешается. Неудивительно, что рабочие так неохотно обращаются в обыкновенные суды! Промышленные же суды состоят из хозяев и рабочих, выбранных в судьи. Заявить словесно

жалобу своему же выборному товарищу для рабочего вовсе не трудно. Заседания промышленных судов назначаются обыкновенно по праздникам или вообще в такое время, когда рабочие свободны и им не приходится отрываться от занятий. Производятся дела в промышленных судах гораздо быстрее.

Вторая выгода промышленных судов для рабочих состоит в том, что судьи в них гораздо более понимают в фабрично-заводских делах, что судьи притом не сторонние чиновники, а местные люди, знающие условия жизни рабочих и условия местного производства, притом половина судей — рабочие, которые всегда отнесутся справедливо к рабочему, а не будут смотреть на него, как на пьяницу, нахала и невежду (как смотрят на рабочих большей частью судьи-чиновники, которые берутся из класса буржуазии, из класса имущих людей и которые сохраняют почти всегда связи с буржуазным обществом, с фабрикантами, директорами, инженерами, а от рабочих точно отгорожены китайской стеной). Судьи-чиновники заботятся больше всего о том, чтобы дело было гладко по бумагам: только бы в бумагах было все в порядке, а больше ни до чего нет дела чиновнику, который стремится лишь получать свое жалованье и выслуживаться перед начальством. От этого так безобразно много бывает всегда в чиновничьих судах бумажной волокиты, сутяжничества и крючкотворства: написал как-нибудь не так в бумаге, не сумел когда следует занести в протокол — пропало дело, хотя бы и справедливое было дело. Когда судьями бывают выборные от фабрикантов и от рабочих, то им вовсе нет надобности увеличивать бумажную волокиту: служат они не из-за жалованья, от тунеядцев-чиновников они не зависят. Заботятся они не о том, чтобы получше еще получить местечко, а о том, чтобы уладить споры, которые мешают фабрикантам вести свое производство безостановочно, которые мешают рабочим спокойно продолжать свою работу и менее бояться придирок и несправедливых обид от хозяев. А потом, — чтобы разбирать споры между хозяевами и рабочими, надо хорошо, по своему опыту, знать фабричную жизнь.

Судья-чиновник заглянул в рабочую книжку, прочитал правило, — и больше слушать ничего не хочет: нарушено, дескать, правило, так и отвечай, а я больше знать ничего не знаю. А выборные судьи из хозяев и рабочих смотрят не на одни только бумажки, а и на то, как дело в жизни бывает. Иногда ведь правило-то остается преспокойно стоять на бумаге, а на деле выходит совсем иначе. Судья-чиновник часто, если бы даже и хотел, если бы даже с полным вниманием разбирался в делах, не может понять, в чем суть, потому что он не знает обычаев, не знает способов составления расценка, не знает, какими способами дожимают часто рабочего мастера и не нарушая правил и расценка (например, переводят на другую работу, дают другой материал и пр. и пр.). Выборные судьи, которые сами работают или сами ведут фабричные дела, сразу разбираются во всех таких вопросах, они легко понимают, чего собственно хочет рабочий, они заботятся не об одном соблюдении правил, а о том, чтобы уладить все так, чтобы рабочего не могли притеснять в обход правилам, чтобы не могло быть и поводов для обмана и произвола. Вот недавно было в газетах известие, что рабочих-шапочников чуть-чуть не осудили, по жалобе хозяина, за кражу — они пользовались обрезками шапок; хорошо, что нашлись честные адвокаты, которые собрали сведения и доказали, что такой уж обычай в этом промысле и что рабочие не только не воры, но даже и правил-то никаких не нарушили. Но ведь обыкновенному, простому рабочему, получающему самую маленькую плату, почти никогда не добраться до хорошего адвоката, и поэтому, как знает всякий рабочий, судьи-чиновники очень часто постановляют по рабочим делам самые жестокие и бессмысленно жестокие приговоры. От судей-чиновников никогда нельзя ждать полной справедливости: мы уже сказали, что эти судьи принадлежат к буржуазному классу и наперед бывают предубеждены верить всему, что говорит фабрикант, и не верить словам рабочего. Судья смотрит в закон: договор личного найма (один человек нанимается за плату сделать что-либо другому или служить у него).

И ему все равно, нанимается ли к фабриканту инженер, врач, директор фабрики или нанимается чернорабочий; судья думает (благодаря своей бумажной душе и своей буржуазной тупости), что чернорабочий точно так же хорошо должен знать свои права и уметь оговорить все, что требуется, в договоре, как директор, врач, инженер. А в промышленном суде в судьях состоят (наполовину) выборные от рабочих, которые очень хорошо понимают, что рабочий-новичок или молодой чувствует себя часто на фабрике и в конторе словно в темном лесу и даже в мыслях того не имеет, что он заключает «свободный договор» и может «предусмотреть» в нем все желательные для него условия. Возьмем, для примера, хоть такой случай: хочет рабочий жаловаться на несправедливую браковку или на штрафы. Нечего и думать о том, чтобы жаловаться на это чиновнику-судье или чиновнику — фабричному инспектору. Чиновник будет твердить одно: *закон* предоставляет фабриканту право штрафовать рабочих и браковать плохую работу, и уж это фабрикантово, дескать, дело определять, когда работа плоха, когда рабочий провинился. Поэтому-то рабочие так редко и обращаются в суды с подобными жалобами: они терпят злоупотребления, терпят, а кончают стачкой, когда чаша их терпения переполнится. Если же среди судей сидели бы выборные от рабочих, тогда рабочим несравненно легче было бы добиваться правды и защиты и по таким делам и по всем самым мелким фабричным спорам и обидам. Ведь это богатому чиновнику-судье кажется, что такие мелочи и внимания не стоят (кипяток какой-нибудь для чая, или машину лишний раз вычистить, или что-нибудь подобное), а для рабочего-то это вовсе не мелочи; только сами рабочие и могут судить о том, какую иногда массу притеснений, обиды и унижений вызывают самые мелкие и на первый взгляд пустяшные, безобидные правила и порядки на фабриках.

Третья выгода промышленных судов для рабочих — та, что рабочие учатся в них и посредством их знакомству с законами. Обыкновенно рабочие (в массе) не знают законов и не могут знать их, хотя с них тем не менее

взыскивают чиновники и чиновнические судьи за незнание законов. Если рабочий, когда ему чиновник укажет закон, ответит, что он не знал о таком законе, то чиновник (и судья) либо засмеется, либо обругается: «отговариваться незнанием закона никто не имеет права» — вот что говорит основной русский закон. Всякий чиновник и судья *предполагает* поэтому, что каждым рабочий знает законы. Но ведь такое предположение — буржуазная ложь, ложь, сочиненная людьми имущими и капиталистами против неимущих, такая же ложь, как и предположение, что рабочий заключает с хозяином «свободный договор». На самом деле рабочему, который с малых лет забирается на фабрику, едва-едва выучившись грамоте (а очень и очень многие и грамоте-то не могут выучиться!), законов узнать некогда и не от кого и, пожалуй, незачем, — потому что, если законы применяют, не спрашивая его, чиновники из буржуазии, то мало пользы принесут рабочему законы! Буржуазные классы, которые обвиняют рабочих в незнании законов, сами ровно ничего не сделали для того, чтобы облегчить рабочим приобретение такого знания, и потому действительно виноваты в незнании рабочими законов не столько сами рабочие, сколько их эксплуататоры (= грабители), которые владеют всей собственностью, живут чужим трудом и одни только хотят пользоваться образованием и наукой. Никакая школа и никакие книжки не дадут и не могут дать рабочим знания законов, потому что книжки читать могут только очень и очень немногие рабочие из массы задавленных капиталом миллионов трудящегося народа, школой пользуются но той же причине тоже немногие, да и те, кто проходит школу, умеют большей частью только читать, писать и считать; а этого еще мало, чтобы разобраться в такой сложной и трудной области, как русские законы. Рабочие могут ознакомиться с законами только тогда, когда им придется самим применять эти законы и слышать и видеть суд по этим законам. Рабочие, например, могли бы лучше знать законы, если бы их назначали в присяжные заседатели (обязывая фабрикантов платить им прежнюю плату и за те дни, которые

они проводят в суде), но в буржуазном обществе устроено так, что присяжными могут быть только люди из имущего класса (да еще крестьяне, вышколенные «общественной службой», т. е. на деле службой в низших полицейских должностях); неимущие же, пролетарии, должны только подчиняться чужому суду, а сами судить не имеют права! Когда устраиваются промышленные суды, то рабочие сами выбирают в них судьями своих товарищей, и эти выборы повторяются через определенные сроки; таким образом, выборные из рабочих сами применяют законы и получают возможность ознакомиться с ними на практике, то есть не только прочитать напечатанные в книжке законы (это ведь далеко еще не значит ознакомиться с законами), но и на деле убедиться в том, к каким случаям и как именно применяются те или другие законы и какое влияние оказывают они на рабочих. А потом и кроме выборных судей и остальные рабочие гораздо легче знакомятся с законами при устройстве промышленных судов, потому что с судьями из своих товарищей рабочий всегда легко может переговорить и получить от него нужные сведения. Так как промышленный суд доступнее рабочим, чем суд чиновников, то рабочие несравненно чаще посещают его, слушают разбор тех дел, в которых участвуют их родственники и знакомые, и таким образом знакомятся с законами. А рабочему человеку крайне важно не из книжек только, а из самой жизни познакомиться с законами, чтобы понять, в чьих интересах составлены эти законы, в чьих интересах действуют люди, применяющие законы. Ознакомившись с законами, всякий рабочий ясно увидит, что это — интересы имущего класса, собственников, капиталистов, буржуазии, и что рабочему классу никогда не добиться себе прочного и коренного улучшения своей судьбы, пока он сам не добьется права выбирать своих выборных для участия в составлении законов и в надзоре за их исполнением.

Далее (в-четвертых), хорошая сторона промышленных судов состоит в том, что они приучают рабочих принимать самостоятельное участие в общественных,

государственных делах (потому что суд есть государственное учреждение, деятельность суда есть одна из частей государственной деятельности), приучают рабочих выбирать более разумных, честных и твердо стоящих за рабочее дело товарищей на такие должности, в которых деятельность этих рабочих видна всему рабочему классу, на такие должности, в которых представители рабочих могут заявлять нужды и требования всех рабочих. Интерес класса капиталистов, интерес всей буржуазии состоит в том, чтобы оставить рабочих невежественными и раздробленными, чтобы удалять скорее тех рабочих, которые умнее других и которые пользуются своим умом и своими знаниями не для того, чтобы сделаться изменником рабочему делу, выслуживаясь пред мастерами, хозяевами и полицейскими, а пользуются для того, чтобы помочь и остальным рабочим приобрести больше знаний и научиться сообща стоять за рабочее дело. Но чтобы таких передовых рабочих, которые так нужны для рабочего дела, знали все рабочие и доверяли им, для этого очень важно, чтобы все видели деятельность этого рабочего, чтобы все знали о том, умеет ли он выражать действительные нужды и желания рабочих и стоять за них. Вот если бы рабочие могли выбирать таких людей в судьи, тогда лучших людей из рабочих знали бы все, им больше доверяли бы, и рабочее дело от этого получило бы громадную пользу. Посмотрите на наших землевладельцев, промышленников и купцов: ведь они не удовлетворяются тем, что каждый из них может поехать к губернатору или министру и заявить ему свои просьбы; они добиваются еще, чтобы выборные из них заседали и в суде (суды с сословными представителями) и принимали прямое участие в управлении (напр., выбираемые дворянами предводители дворянства, попечители школ и пр.; выбираемые купцами члены фабричных присутствий, члены биржевых и ярмарочных комитетов и проч.). Рабочий же класс в России остается совсем бесправным: на него смотрят, как на вьючный скот, который должен работать на других и молчать, не смея заявить свои нужды и свои желания. Если бы рабочие

выбирали постоянно своих товарищей в промышленные суды, то они получили бы хоть некоторую возможность участвовать в общественных делах и заявлять не только мнения отдельных рабочих, Петра, Сидора или Ивана, а заявлять мнения и требования всех рабочих. И рабочие не относились бы тогда к судам с таким недоверием, как они относятся к судам чиновников: они видели бы, что там есть их товарищи, которые постоят за них.

Затем (в-пятых), выгода промышленных судов для рабочих состоит в том, что эти суды вызывали бы больше огласки фабричных дел и всех случаев фабричной жизни. Теперь мы видим, что и фабриканты и правительство изо всех сил стараются скрывать от глаз общества то, что происходит в фабричном мире: о стачках запрещают печатать, отчеты фабричных инспекторов о положении рабочих тоже перестали печатать, всякое злоупотребление стараются замолчать и уладить поскорее дело «келейно», чиновничьим порядком, всякие собрания рабочих преследуются. Неудивительно, что масса рабочих часто очень плохо знакома с тем, что делается на других фабриках или даже на других отделениях той же фабрики. Промышленные суды, в которые рабочие могли бы часто обращаться, в которых дела велись бы в свободное для рабочих время и гласно, т. е. в присутствии рабочей публики, принесли бы много пользы рабочим и тем, что способствовали бы огласке всякого злоупотребления, облегчали тем рабочим борьбу против разных фабричных безобразий, приучали рабочих думать о порядках не своей только фабрики, но и о порядках на всех фабриках, о положении всех рабочих*.

* Конечно, не надо забывать при этом, что промышленные суды могут быть только одним из средств и путей огласки, далеко не главным путем. Настоящая и полная огласка фабричной жизни, положения рабочих и их борьбы может быть дана только свободными рабочими газетами и свободными народными собраниями, обсуждающими все государственные дела. Точно так же и представительство рабочих в промышленных судах есть только одно из средств представительства, но далеко не главное средство: настоящее представительство рабочих интересов и нужд возможно только во всенародном представительном учреждении (парламенте), которое бы издавало законы и надзирало за их исполнением. Мы еще будем говорить ниже о том, возможны ли промышленные суды при теперешних порядках в России.

Наконец, нельзя обойти молчанием и еще одной выгоды промышленных судов: они приучают фабрикантов, директоров, мастеров к приличному обращению с рабочими, как с равноправными гражданами, а не как с холопами. Всякий рабочий знает, как часто фабриканты и мастера позволяют себе безобразно грубое обращение с рабочими, ругань и т. п. Жаловаться на это рабочему трудно, а давать отпор удается только там, где все рабочие уже довольно развиты и сумеют поддержать товарища. Фабриканты и мастера говорят, что наши рабочие очень невежественны и грубы — потому с ними и приходится обращаться грубо. В рабочем классе у нас, действительно, много еще следов крепостного права, мало образования и много грубости, — этого нельзя отрицать. Но только кто виноват в этом больше всех? Виноваты именно фабриканты, мастера, чиновники, которые держат себя с рабочими, как бары с крепостными, которые не хотят признать в рабочем равного себе человека. Рабочие обращаются с вежливой просьбой или вопросом — и встречают отовсюду грубость, ругань, угрозы. Не очевидно ли, что если фабриканты обвиняют при этом рабочих в грубости, то они валят с больной головы на здоровую? Промышленные суды быстро стали бы отучать наших эксплуататоров от грубого обращения: в суде были бы судьями рабочие рядом с фабрикантами, которые бы вместе обсуждали дела и подавали голоса. Судьи-фабриканты должны были бы видеть в судьях-рабочих ровню себе, а не наймитов. Перед судом были бы тяжущиеся и свидетели и из фабрикантов и из рабочих: фабриканты приучились бы вести правильные переговоры с рабочими. Это очень важно для рабочих, потому что в настоящее время такие переговоры крайне редко удаются: фабрикант и знать не хочет того, чтобы рабочие выбирали своих депутатов, и рабочим один путь остается для разговора: стачка, а это путь трудный и часто очень тяжелый. Потом, если бы в числе судей были и рабочие, — тогда рабочие могли бы свободно обращаться в суд с жалобами на грубость обращения. Судьи-рабочие всегда встали бы на их сторону, и при-

зыв фабриканта или мастера к суду за грубость отбил бы у них охоту держать себя с нахальством и надменностью.

Таким образом, промышленные суды, состоящие из выборных от хозяев и рабочих поровну, имеют очень важное значение для рабочих и приносят им много пользы: они гораздо доступнее для рабочих, чем обыкновенные суды, в них меньше волокиты и бумажности, в них судьи понимают условия фабричной жизни и судят более справедливо, они знакомят рабочих с законами, они приучают рабочих к выборам своих представителей и к участию в государственных делах, они расширяют огласку фабричного быта и рабочего движения, они приучают фабрикантов к приличному обращению с рабочими и к правильным переговорам с рабочими, как с равными им людьми. Неудивительно поэтому, что рабочие во всех европейских странах требуют учреждения промышленных судов, требуют, чтобы эти суды существовали не только для фабрично-заводских рабочих (у немцев, французов такие-то суды уже есть), но и для рабочих, работающих по домам на капиталистов (для кустарей), и для сельских рабочих. Никакие назначаемые правительством чиновники *(ни судьи, ни фабричные инспектора) никогда* не могут заменить собою таких учреждений, в которых бы *участвовали сами рабочие:* разъяснять это, после всего сказанного нами выше, нет надобности. Всякий рабочий притом и сам по своему опыту знает, чего ему ждать от чиновников; всякий рабочий прекрасно поймет, что если ему скажут, будто чиновники нисколько не хуже сумеют позаботиться о рабочих, чем выборные от самих рабочих, то это будет ложь и обман. Такой обман очень выгоден правительству, которое хочет оставить рабочих невежественными, бесправными и бессловесными рабами капиталистов, и поэтому-то так часто и можно слышать эти лживые уверения от чиновников или от писателей, защищающих фабрикантов и правительство.

Необходимость и польза для рабочих промышленных судов настолько очевидны, что ее признали давным-давно *даже русские чиновники.* Правда, это было так

давно, что об этом многие позабыли! Это было тогда, когда наши крестьяне были освобождены из крепостной зависимости (в 1861 г., более 38 лет тому назад). Около того же времени русское правительство решило заменить также новыми законы о ремесленниках и фабричных рабочих: слишком уже ясно было тогда, что с освобождением крестьян нельзя оставить старые законы о рабочих; когда вырабатывались эти старые законы, из рабочих многие были крепостными. И вот правительство назначило комиссию из нескольких чиновников, поручив им изучить немецкие и французские (и других стран) законы о фабричных рабочих и составить проект изменения русских законов о ремесленниках и фабричных рабочих. Комиссия была составлена из очень важных лиц. Но все же таки они принялись за работу и напечатали целых пять книг, в которых изложили иностранные законы и предложили новый закон для России. По этому предлагаемому комиссией закону, *вводились промышленные суды с выборными судьями от фабрикантов и от рабочих поровну.* Напечатан был этот проект в 1865 году, т. е. 34 года тому назад. Ну, и что же сделали с этим проектом закона? — спросит рабочий. Почему же правительство, которое само поручило этим чиновникам выработать проект необходимых изменений, не ввело в России промышленных судов?

С проектом этой комиссии наше правительство поступило так, как оно всегда поступает со всеми сколько-нибудь хорошими для народа и для рабочих проектами. Чиновников правительство наградило жалованьем за труды на пользу царя и отечества; чиновникам повесили на шею ордена, дали высшие чины и более доходные места. А составленный ими проект положили себе преспокойно «под сукно», как говорят в канцеляриях. Так этот проект и лежит по сю пору под сукном. Правительство и думать перестало о том, чтобы дать рабочим право выбирать своих же товарищей-рабочих в промышленные суды.

Но ведь нельзя же сказать, что правительство с тех пор ни разу не вспоминало о рабочих. Правда, оно вспо-

минало о них не по своей доброй воле, а исключительно под давлением грозных рабочих волнений и стачек, но все же вспоминало. Оно издало законы о запрещении детской работы на фабриках, о запрещении ночной работы женщин в известных производствах, о сокращении рабочего дня, о назначении фабричных инспекторов. Как ни крючкотворчески составлены эти законы, как ни много лазеек оставляют они фабрикантам для нарушения и обхода законов, но все же некоторую долю пользы они приносят. Так вот, почему же правительство предпочло не вводить промышленные суды, хотя такой закон был уже вполне разработан, а вводить новые законы и новых чиновников — фабричных инспекторов? Причина тому совершенно ясная, и рабочим очень важно вполне понять эту причину, потому что на этом примере можно понять всю политику русского правительства по отношению к рабочему классу.

Вместо промышленных судов правительство назначило новых чиновников потому, что промышленные суды подняли бы сознательность рабочих, повысили в них сознание своих прав, своего человеческого и гражданского достоинства, приучили их самостоятельно думать о государственных делах и об интересах всего рабочего класса, приучили бы их к выборам своих более развитых товарищей на должность представителей рабочих, подорвали бы таким образом хотя отчасти хозяйничанье одних только самовластных чиновников. А этого-то и боится пуще всего наше правительство. Оно готово даже дать рабочим кое-какие подачки — (конечно, небольшие подачки и притом так, чтобы одной рукой, у всех на глазах, торжественно дать и благодетелем себя назвать, а другой рукой тайком опять понемногу отнять! На примере фабричного закона 2-го июня 1897 г. рабочие уже знают эту уловку!) — готово дать подачки, лишь бы оставить неприкосновенным чиновничье самовластье и не дать проснуться сознанию рабочих, не дать развиться их самостоятельности. Этой ужасной для него опасности правительство легко избегает, назначая новых чиновников: чиновники — его послушные слуги. Чиновникам (например, фабричным

инспекторам) ничего не стоит запретить печатать их отчеты, им ничего не стоит запретить говорить рабочим об их правах и злоупотреблениях хозяев, их ничего не стоит превратить в фабричных урядников, предписав им сообщать полиции о каждом неудовольствии и волнении рабочих.

Поэтому до тех пор, пока остаются в России теперешние политические порядки, — то есть бесправие народа, произвол не ответственных перед народом чиновников и полиции, — до тех пор рабочие не могут надеяться на учреждение полезных для них промышленных судов. Правительство очень хорошо понимает, что промышленные суды очень быстро заставили бы рабочих перейти и к более коренным требованиям. Выбирая своих представителей в промышленные суды, рабочие скоро увидели бы, что этого недостаточно, так как помещики и фабриканты, эксплуатирующие рабочих, посылают своих представителей в очень многие государственные учреждения, гораздо более высокие; рабочие потребовали бы непременно всенародного представительства. Добиваясь огласки фабричных дел и рабочих нужд в судах, рабочие скоро увидели бы, что этого недостаточно, потому что настоящую огласку в наше время могут дать только газеты и народные собрания, и рабочие потребовали бы свободы собраний, свободы слова и свободы печати. *Вот поэтому-то правительство и похоронило проект введения в России промышленных судов!*

С другой стороны, предположим на минуту, что правительство умышленно, желая обмануть рабочих, ввело бы теперь же промышленные суды, сохраняя в неизменности теперешние политические порядки. Была ли бы рабочим польза от этого? Никакой пользы бы не было: рабочие даже сами не стали бы выбирать в эти суды своих наиболее сознательных, честных и преданных рабочему делу товарищей, потому что они знают, что за всякое открытое и честное слово в России могут схватить человека по простому приказу полиции, бросить его, без суда и следствия, в тюрьму или сослать в Сибирь!

Следовательно, требование промышленных судов с выборными от рабочих составляет только одну частичку более широкого и более коренного требования: требования политических прав народу, т. е. права участвовать в управлении государством и заявлять открыто о народных нуждах не только в газетах, но и в народных собраниях.

Написано в конце 1899 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 8—9

Печатается по рукописи, переписанной рукой Н. К. Крупской

О СТАЧКАХ [107]

Рабочие стачки сделались в России в последние годы чрезвычайно частыми. Не осталось ни одной промышленной губернии, где бы не было по нескольку стачек. А в крупных городах стачки не прекращаются вовсе. Понятно поэтому, что и сознательные рабочие и социалисты все чаще задаются вопросом о значении стачек, о способах ведения стачек, о задачах участия социалистов в стачках.

Мы хотим попытаться изложить некоторые наши соображения по этим вопросам. В первой статье мы думаем сказать о значении стачек в рабочем движении вообще; во второй статье — о русских законах против стачек, в третьей — о том, как велись и ведутся стачки в России и как следует относиться к ним сознательным рабочим.

I

Прежде всего следует поставить вопрос, чем объясняется возникновение и распространение стачек. Всякий, кто припомнит все случаи стачек, известные ему по личному опыту, по рассказам других или из газет, — сразу увидит, что стачки возникают и распространяются там, где возникают и распространяются крупные фабрики. Из крупнейших фабрик, занимающих по нескольку сот (а иногда и тысяч) рабочих, вряд ли найдется хоть одна, на которой не было бы стачки рабочих.

Когда в России было мало крупных фабрик и заводов, было мало и стачек, а с тех пор, как быстро растут крупные фабрики и в старинных фабричных местностях и в новых городах и селах, — с тех пор все чаще становятся стачки.

Отчего это происходит, что крупное фабричное производство всегда ведет к стачкам? Происходит это оттого, что капитализм необходимо ведет к борьбе рабочих с хозяевами, а когда производство становится крупным, эта борьба необходимо становится стачечной борьбой.

Поясним это.

Капитализмом называется такое устройство общества, когда земля, фабрики, орудия и пр. принадлежат небольшому числу землевладельцев и капиталистов, а масса народа не имеет никакой или почти никакой собственности и должна поэтому наниматься в работники. Землевладельцы и фабриканты нанимают рабочих, заставляют их производить те или другие продукты, которые они и продают на рынке. При этом фабриканты платят рабочим только такую плату, чтобы рабочие едва-едва могли просуществовать на нее со своими семьями, а все, что производит рабочий сверх такого количества продуктов, фабрикант кладет в свой карман, это составляет его прибыль. Таким образом, при капиталистическом хозяйстве масса народа работает по найму у других людей, работает не на себя, а на хозяев за плату. Понятно, что хозяева стараются всегда понизить плату: чем меньше они отдадут рабочим, тем больше останется у них прибыли. Рабочие же стараются получить как можно больше платы, чтобы можно было кормить всю семью сытной и здоровой пищей, жить в хорошем жилище, одеваться не по-нищенски, а как все одеваются. Таким образом, между хозяевами и рабочими идет постоянная борьба из-за заработной платы: хозяин волен нанять какого ему угодно рабочего, и он поэтому ищет самого дешевого. Рабочий волен наняться к какому ему угодно хозяину и ищет самого дорогого, который заплатил бы подороже. Работает ли рабочий в деревне или в городе, нанимается ли он к помещику, к богатому мужику, к подрядчику или

к фабриканту, — он всегда торгуется с хозяином, борется с ним из-за платы.

Но может ли рабочий в одиночку вести эту борьбу? Рабочего народу становится все больше: крестьяне разоряются и бегут из деревень в города и на фабрики. Помещики и фабриканты вводят машины, которые отнимают работу у рабочих. В городах все больше становится безработных, в деревнях — все больше нищих; голодный народ сбивает плату все ниже и ниже. Рабочему становится невозможно в одиночку бороться с хозяином. Если рабочий потребует хорошей платы или станет не соглашаться на понижение платы, — то хозяин ответит: ступай прочь, много голодных-то за воротами, они рады работать и за низкую плату.

Когда разорение народа доходит до такой степени, что и в городах и в деревнях всегда есть массы безработного народа, когда фабриканты скапливают громадные богатства и мелкие хозяйчики вытесняются миллионерами, — тогда отдельный рабочий становится *совершенно бессильным* перед капиталистом. Капиталист получает возможность совершенно задавить рабочего, загнать его до смерти на каторжной работе, да и не его одного, а также и его жену и его детей. И в самом деле, взгляните на те промыслы, в которых рабочие еще не добились себе защиты закона и в которых рабочие не могут оказывать сопротивления капиталистам, — и вы увидите безмерно длинный рабочий день, доходящий до 17—19 час, вы увидите надрывающихся за работой детей с 5—6-летнего возраста, вы увидите поколение постоянно голодающих и вымирающих мало-помалу с голоду рабочих. Пример: те рабочие, которые работают у себя по домам на капиталистов; да всякий рабочий припомнит еще много и много других примеров! Даже при рабстве и при крепостном праве никогда не было такого страшного угнетения рабочего народа, до какого доходят капиталисты, если рабочие не могут оказывать им сопротивления, не могут завоевать себе законов, ограничивающих произвол хозяев.

И вот, чтобы не дать довести себя до такого крайнего положения, рабочие начинают отчаянную борьбу. Видя,

что поодиночке каждый из них совершенно бессилен и что ему грозит гибель под гнетом капитала, рабочие начинают поднимать сообща восстания против своих хозяев. Начинаются рабочие стачки. Сначала рабочие часто не понимают даже, чего они добиваются, не сознают, *зачем* они это делают: они просто ломают машины, разрушают фабрики. Они хотят только дать почувствовать фабрикантам свое возмущение, они пробуют свои совместные силы, чтобы выйти из невыносимого положения, не зная еще, отчего именно их положение так безнадежно и к чему они должны стремиться.

Во всех странах возмущение рабочих начиналось с отдельных восстаний — бунтов, как их у нас называет полиция и фабриканты. Во всех странах эти отдельные восстания породили, с одной стороны, более или менее мирные забастовки, а с другой стороны, всестороннюю борьбу рабочего класса за свое освобождение.

Какое же значение имеют забастовки (или стачки) в борьбе рабочего класса? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны сначала поподробнее остановиться здесь на забастовках. Если плата рабочего определяется, — как мы видели, — договором между хозяином и рабочим, если отдельный рабочий оказывается при этом совершенно бессильным, то ясно, что рабочие необходимо должны сообща отстаивать свои требования, необходимо должны устраивать стачки, чтобы помешать хозяевам понизить плату или чтобы добиться себе более высокой платы. И действительно, нет ни одной страны с капиталистическим устройством, в которой не было бы рабочих стачек. Во всех европейских государствах и в Америке рабочие везде чувствуют себя бессильными в одиночку и могут оказывать сопротивление хозяевам только сообща, либо устраивая стачки, либо угрожая стачкой. И чем дальше развивается капитализм, чем быстрее растут крупные фабрики и заводы, чем сильнее мелкие капиталисты вытесняются крупными — тем более настоятельной становится нужда в совместном сопротивлении рабочих, потому что тем острее становится безработица, тем сильнее конкуренция между капиталистами, стремящимися

производить товары как можно дешевле (а для этого и рабочим надо платить как можно дешевле), тем сильнее колебания промышленности и кризисы*. Когда промышленность процветает, фабриканты получают большие прибыли и не думая делиться ими с рабочими; во время же кризиса фабриканты стараются свалить убытки на рабочих. Необходимость стачек в капиталистическом обществе настолько признана всеми в европейских странах, что там закон не запрещает устройство стачек, только в России остались дикие законы против стачек (об этих законах и о применении их мы будем говорить в другой раз).

Но, вытекая из самой сущности капиталистического общества, стачки означают начало борьбы рабочего класса против этого устройства общества. Когда против богатых капиталистов стоят отдельные неимущие рабочие, то это означает полное порабощение рабочих. Но, когда эти неимущие рабочие соединяются, — дело меняется. Никакие богатства не принесут никакой пользы капиталистам, если они не найдут рабочих, согласных прилагать свой труд к их орудиям и материалам и производить новые богатства. Когда рабочие поодиночке имеют дело с хозяевами, они остаются настоящими рабами, вечно работая из куска хлеба на чужого человека, вечно оставаясь покорным и бессловесным наймитом. Но, когда рабочие сообща заявляют свои требования и отказываются подчиняться тому, у кого толстая мошна, тогда рабочие перестают быть рабами, они становятся людьми, они начинают требовать, чтобы их труд не шел только на обогащение кучки тунеядцев, а давал возможность работающим жить по-человечески. Рабы начинают заявлять требование сделаться хозяевами, — работать и жить не так, как хотят помещики и капиталисты, а так, как хотят

---

* Подробнее о кризисах в промышленности и о их значении для рабочих мы поговорим когда-либо в другой раз. Теперь же заметим только, что в последние годы в России промышленные дела шли превосходно, промышленность «процветала», но теперь (конец 1899 г.) замечаются уже ясные признаки того, что это «процветание» кончится кризисом: заминкой в сбыте товаров, банкротствами фабрикантов, разорением мелких хозяев и страшными бедствиями рабочих (безработицей, понижением платы и т. д.).

сами трудящиеся. Стачки потому и внушают всегда такой ужас капиталистам, что они начинают колебать их господство. «Все колеса остановятся, если захочет того твоя сильная рука», — говорит о рабочем классе одна песня немецких рабочих. И в самом деле: фабрики, заводы, помещичьи хозяйства, машины, железные дороги и пр. и пр., это все как бы колеса одного громадного механизма, — механизм этот добывает разные продукты, обрабатывает их, доставляет куда следует. Весь этот механизм двигает *рабочий,* который возделывает землю, добывает руду, выделывает товары на фабриках, строит дома, мастерские, железные дороги. Когда рабочие отказываются работать, весь этот механизм грозит остановиться. Каждая стачка напоминает капиталистам, что настоящими хозяевами являются не они, а рабочие, которые все громче и громче заявляют свои права. Каждая стачка напоминает рабочим, что их положение не безнадежно, что они не одиноки. Посмотрите, какое громадное влияние оказывает стачка и на стачечников и на рабочих соседних или близких фабрик или фабрик того же производства. В обыкновенное, мирное время рабочий молча несет свою лямку, не перечит хозяину, не рассуждает о своем положении. Во время стачки он громко заявляет свои требования, он припоминает хозяевам все их притеснения, он заявляет свои права, он думает не о себе одном и не о своей только получке — он думает и о всех товарищах, которые бросили работу вместе с ним и которые стоят за рабочее дело, не боясь лишений. Всякая стачка приносит с собой для рабочего массу лишений и таких страшных лишений, которые можно сравнить только с бедствиями войны: голодание семей, потеря заработка, часто арест, высылка из того города, где он обжился и имеет занятие. И несмотря на все эти бедствия, рабочие презирают тех, кто отступает от всех товарищей и идет на сделку с хозяином. Несмотря на бедствия стачки, рабочие соседних фабрик всегда испытывают подъем духа, когда видят, что их товарищи начали борьбу. «Люди, которые терпят такие бедствия, чтобы сломить сопротивление одного единственного буржуа, сумеют сломить и силу всей

буржуазии»,— говорил один великий учитель социализма, Энгельс, про стачки английских рабочих[108]. Часто стоит только забастовать одной фабрике, — и немедленно начинается ряд стачек на целой массе фабрик. Так велико нравственное влияние стачек, так заразительно действует на рабочих вид их товарищей, которые хоть на время становятся из рабов равноправными людьми с богачами! Всякая стачка наводит рабочих с громадной силой на мысль о социализме — о борьбе всего рабочего класса за свое освобождение от гнета капитала. Очень часто бывало так, что до крупной стачки рабочие какой-нибудь фабрики или какого-нибудь производства, какого-нибудь города почти не знали и не думали о социализме, — но после стачки среди них все сильнее распространяются кружки, союзы и все больше и больше рабочих делается социалистами.

Стачка учит рабочих понимать, в чем сила хозяев и в чем сила рабочих, учит думать не об одном только своем хозяине и не об одних только ближайших товарищах своих, а о всех хозяевах, о всем классе капиталистов и о всем классе рабочих. Когда фабрикант, наживший себе миллионы трудом нескольких поколений рабочих, не соглашается на самую скромную прибавку к плате или даже пытается еще более понизить плату и, в случае сопротивления рабочих, выбрасывает на мостовую тысячи голодных семей, — тогда рабочие ясно видят, что весь класс капиталистов есть враг всему классу рабочих, что рабочие могут надеяться только на себя и на свое объединение. Очень часто бывает, что фабрикант старается всеми силами обмануть рабочих, выставить себя их благодетелем, прикрыть свою эксплуатацию рабочих какой-нибудь пустой подачкой, какими-нибудь лживыми обещаниями. Всякая стачка всегда одним ударом разрушает весь этот обман, показывая рабочим, что их «благодетель» есть волк в овечьей шкуре.

Но стачка открывает глаза рабочим не только на капиталистов, а также и на правительство и на законы. Точно так же, как фабриканты стараются себя выставить благодетелями рабочих, так чиновники и их

прихвостни стараются уверить рабочих, что царь и царское правительство заботится о фабрикантах и о рабочих одинаково, по справедливости. Законов рабочий не знает, с чиновниками, особенно высшими, он дела не имеет, и потому часто верит всему этому. Но вот случилась стачка. На фабрику являются прокурор, фабричный инспектор, полиция, часто и войско. Рабочие узнают, что они нарушили закон: фабрикантам закон дозволяет и собираться и открыто говорить о том, как бы понизить плату рабочим, а рабочие за совместный уговор объявляются преступниками! Рабочих выгоняют из их квартир; полиция закрывает лавки, из которых рабочие могли бы получать в долг припасы, солдат стараются натравить на рабочих, даже когда рабочие держат себя совсем спокойно и мирно. Солдатам приказывают даже стрелять в рабочих, и когда они убивают безоружных рабочих, стреляя в спину убегающим, то сам царь посылает свою благодарность войску (так благодарил царь солдат, которые убили в 1895 г. в Ярославле рабочих-стачечников)[109]. Всякому рабочему становится ясно, что царское правительство — его злейший враг, защищающий капиталистов и связывающий рабочих по рукам и ногам. Рабочий начинает понимать, что законы издаются в интересах одних только богатых, что и чиновники защищают их же интересы, что рабочему народу затыкают рот и не дают возможности заявить о своих нуждах, что рабочий класс необходимо должен добиваться себе права стачек, права издавать рабочие газеты, права участвовать в народном представительстве, которое должно издавать законы и надзирать за их исполнением. И правительство очень хорошо само понимает, что стачки открывают глаза рабочим, и потому-то оно так и боится стачек, стремится во что бы то ни стало затушить их как можно скорее. Один немецкий министр внутренних дел, который особенно прославился тем, что всеми силами преследовал социалистов и сознательных рабочих, недаром заявил однажды перед народными представителями: «из-за каждой стачки выглядывает гидра (чудовище) революции»[110]; с каждой стачкой крепнет

и развивается в рабочих сознание, что правительство его враг, что рабочий класс должен подготовлять себя к борьбе с ним за народные права.

Итак, стачки приучают рабочих к объединению, стачки показывают им, что только сообща могут они вести борьбу против капиталистов, стачки научают рабочих думать о борьбе всего рабочего класса против всего класса фабрикантов и против самовластного, полицейского правительства. Вот поэтому-то социалисты и называют стачки «школой войны», школой, в которой рабочие учатся вести войну против своих врагов за освобождение всего народа и всех трудящихся от гнета чиновников и гнета капитала.

Но «школа войны» еще не есть самая война. Когда среди рабочих широко распространяются стачки, то некоторые рабочие (и некоторые социалисты) начинают думать, что рабочий класс может и ограничиться одними стачками и стачечными кассами или обществами, что посредством одних стачек рабочий класс может добиться серьезного улучшения своего положения или даже своего освобождения. Видя, какую силу представляет из себя соединение рабочих и даже мелкие стачки их, некоторые думают, что стоит рабочим устроить всеобщую стачку по всей стране — и рабочие могут добиться от капиталистов и правительства всего, чего хотят. Такое мнение высказывали рабочие и других стран, когда рабочее движение только начиналось и рабочие были еще очень неопытны. *Но это мнение ошибочно.* Стачки, это — *одно* из средств борьбы рабочего класса за свое освобождение, но не единственное средство, и если рабочие не обратят внимания на другие средства борьбы, то они замедлят этим рост и успехи рабочего класса. В самом деле, для успеха стачек нужны кассы, чтобы из них содержать рабочих во время стачек. Такие кассы рабочие (обыкновенно рабочие отдельных промыслов, отдельных ремесл или цехов) и устраивают во всех странах, но у нас в России это особенно трудно, потому что полиция выслеживает их и захватывает деньги, арестует рабочих. Конечно, рабочие умеют и скрываться от полиции; конечно, устройство таких касс

полезно, и мы не хотим отсоветовать рабочим заниматься этим. Но нельзя надеяться, чтобы при запрещении законом рабочих касс они могли привлечь массу членов; а при малом числе членов рабочие кассы не очень-то много принесут пользы. Затем, даже и в тех странах, в которых свободно существуют рабочие союзы, и у них есть громадные кассы, — даже и в них рабочий класс никак не может ограничиться в своей борьбе одними стачками. Стоит только произойти заминке в промышленных делах (кризису, который, например, теперь приближается и в России), — и фабриканты даже нарочно вызывают стачки, потому что им выгодно прекратить иногда на время работу, выгодно разорить рабочие кассы. Одними стачками и стачечными обществами рабочие поэтому никак не могут ограничиваться. Во-вторых, стачки успешно проходят только там, где рабочие уже довольно сознательны, где они умеют выбрать время для стачек, умеют предъявить требования, имеют связи с социалистами, чтобы добывать листки и брошюры. А таких рабочих еще немного в России, и необходимо направить все силы на то, чтобы увеличить их число, чтобы познакомить с рабочим делом массы рабочих, познакомить их с социализмом и рабочей борьбой. Эту задачу должны взять на себя социалисты и сознательные рабочие вместе, образуя для этого социалистическую рабочую партию. В-третьих, стачки показывают рабочим, как мы видели, что правительство — его враг, что с ним нужно вести борьбу. И во всех странах стачки действительно научили постепенно рабочий класс вести борьбу с правительствами за права рабочих и за права всего народа. Вести такую борьбу может только, как мы уже сейчас и сказали, социалистическая рабочая партия, распространяя среди рабочих верные понятия о правительство и о рабочем деле. Мы в другой раз будем говорить особо о том, как ведутся у нас в России стачки и как должны пользоваться ими сознательные рабочие. Теперь же мы должны указать, что стачки есть, как уже замечено выше, «школа войны», а не самая война, стачки — только одно средство борьбы, только одна форма

рабочего движения. От отдельных стачек рабочие могут и должны перейти и действительно переходят во всех странах к борьбе всего рабочего класса за освобождение всех трудящихся. Когда все сознательные рабочие становятся социалистами, т. е. стремящимися к такому освобождению, когда они соединяются между собой по всей стране, чтобы распространять среди рабочих социализм, чтобы учить рабочих всем средствам борьбы против их врагов, когда они составляют социалистическую рабочую партию, борющуюся за освобождение всего народа от гнета правительства и освобождение всех трудящихся от гнета капитала, — тогда только рабочий класс вполне примыкает к тому великому движению рабочих всех стран, которое объединяет всех рабочих и поднимает красное знамя со словами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Написано в конце 1899 г.

*Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале
«Пролетарская Революция» № 8— 9*

*Печатается по рукописи,
переписанной рукой Н. К. Крупской*

РЕЦЕНЗИЯ [111]

С. Н. Прокопович. Рабочее движение на Западе

«обратиться к социальной науке и якобы ее заключению, что капиталистический строй общества неудержимо стремится к собственной гибели в силу развивающихся в нем противоречий. Нужные разъяснения мы находим в «Эрфуртской программе» Каутского» (147). Прежде чем указывать содержание приводимой г. Прокоповичем выписки, отметим следующую странность, крайне характерную для г. Прокоповича и подобных ему преобразователей теории. Почему это наш «критический исследователь», обращаясь к «социальной науке», ищет «разъяснений» в популярной книжке Каутского и только? Неужели он воображает, что в этой книжке вся «социальная наука» и заключается? Он прекрасно знает, что Каутский — «верный хранитель традиций Маркса» (I, 187), что именно в политико-экономических трактатах этого последнего надо искать изложения и обоснования «заключений» определенной школы «социальной науки», но поступает так, как будто бы он не знал даже и этого. Что должны мы думать об «исследователе», который ограничивается выходками против «хранителей» теории, не решаясь ни разу во всей своей книге посчитаться открыто и прямо с самой этой теорией?

В выписанном г. Прокоповичем месте Каутский говорит о том, что технический переворот и накопление капитала все быстрее и быстрее идут вперед, расширение производства необходимо по самым основным свойствам капитализма и необходимо непрерывно, а расширение

рынка между тем «в течение некоторого времени идет слишком медленно»; «близок, по-видимому, тот момент, когда рынок европейской промышленности не только перестанет далее расширяться, но начнет даже сужаться. Это событие будет означать не что иное, как банкротство всего капиталистического общества». Г-н Прокопович «критикует» «заключения социальной науки» *(т. е.* указание Каутского на *один* из выведенных Марксом законов развития): «В этой обосновке неизбежности гибели капиталистического общества главную роль играет противоположение «постоянного стремления к расширению производства — все более и более медленному расширению рынка и, наконец, его сокращению». Это противоречие, по Каутскому, должно погубить капиталистический строй общества. Но ведь» (слушайте!) «расширение производства предполагает «производительное потребление» части прибавочной стоимости, — т. е. первоначально ее реализацию, затем затрату ее на машины, постройки и т. д. для нового производства. Другими словами, расширение производства находится в теснейшей связи с наличностью рынка для произведенных уже товаров; поэтому постоянное расширение производства при относительном сокращении рынка — вещь невозможная» (148). И г. Прокопович так доволен своим экскурсом в область «социальной науки», что на следующей же строке говорит с снисходительным пренебрежением о «научной» (в кавычках) обосновке веры и т. д. Подобная наездническая критика была бы возмутительна, если бы она не была прежде всего и больше всего забавна. Добрый г. Прокопович слышал звон, да не понял, откуда он. Г-н Прокопович слышал об абстрактной теории реализации, которая в последнее время горячо обсуждалась в русской литературе, причем роль «производительного потребления» подчеркивалась особенно ввиду ошибок народнической экономии. Не понявши хорошенько этой теории, г. Прокопович вообразил, что она *отрицает* (!) в капитализме те основные и элементарные противоречия, на которые указывает здесь Каутский. Послушать г. Прокоповича, так придется думать, что

Шестая страница рецензии В. И. Ленина на книгу
С. Н. Прокоповича. (Рукопись.) — Конец 1899 г.
Уменьшено

«производительное потребление» может развиваться *совершенно независимо* от личного потребления (а в личном потреблении преобладающую роль играет потребление масс), т. е. что капитализм не включает в себе никакого противоречия между производством и потреблением. Это просто абсурд, и против подобного извращения ясно высказался Маркс и его русские сторонники*. Из того, что «расширение производства предполагает производительное потребление», не только но вытекает та буржуазно-апологетическая теория, на которую сбивается наш «критический исследователь», а, напротив, вытекает именно присущее капитализму и долженствующее привести его к гибели противоречие между стремлением к безграничному росту производства и ограниченностью потребления.

Стоит отметить также по поводу изложенного следующее интересное обстоятельство. Г-н Прокопович — ярый сторонник Бернштейна, журнальные статьи которого он цитирует и переводит на протяжении нескольких страниц. Бернштейн в своей известной книге: «Die Voraussetzungen etc.»** рекомендует даже немецкой публике г. С. Прокоповича, как своего русского сторонника, причем, однако, делает оговорку, смысл которой тот, что г. Прокопович — более бернштейнианец, чем сам Бернштейн. И вот, прекурьезно, что и Бернштейн, и его русский перепеватель, оба искажают теорию реализации, но *в диаметрально-противоположных направлениях,* так что они *взаимно побивают друг друга.* Бернштейн, во-первых, усмотрел у Маркса «противоречие» в том, что он, восставая против теории кризисов Родбертуса, в то же время объявляет «последней причиной всех действительных кризисов бедность и ограниченность потребления масс». На самом же деле тут нет никакого противоречия, как я имел уже случай показать в других местах («Этюды», стр. 30***; «Развитие

* Ср. мою статью в «Научном Обозрении», 1899, август, особенно с. 1572, и «Развитие капитализма в России», стр. 16 и след. (Настоящий том, стр. 67—87, особенно стр. 78; Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 42—45 и след. *Ред.)*

** — «Предпосылки и т. д.». *Ред.*

*** См. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 159—160. *Ред.*

капитализма в России», стр. 19*). Во-вторых, Бернштейн рассуждает совершенно так же, как у нас г. В. В., что громадный рост прибавочного продукта необходимо должен означать увеличение числа имущих (или повышение благосостояния рабочих), ибо не могут же сами капиталисты и их слуги (sic!**) «потребить» весь прибавочный продукт («Die Voraussetzungen etc.», S. 51—52). Это наивное рассуждение совершенно игнорирует роль производительного потребления, *как и указал Каутский в своей книге против Бернштейна* (Kautsky: «Gegen Bernstein», II Abschnitt*** — параграф об «употреблении прибавочной стоимости»). Но вот является рекомендованный Бернштейном русский бернштейнианец и говорит как раз обратное, читает наставление Каутскому насчет роли «производительного потребления» и при этом утрирует открытие Маркса до такого абсурда, как будто производительное потребление может развиваться совершенно независимо от личного потребления! как будто реализация прибавочной стоимости посредством обращения ее на производство средств производства устраняет зависимость в конечном счете производства от потребления, а следовательно, противоречие между первым и вторым! Читатель может судить по этому примеру, действительно ли «исследования» заставили г. Прокоповича «растерять добрую половину теоретических предпосылок», или эта «растерянность» нашего «критического исследователя» происходит от каких-либо иных причин.

Другой пример. На трех страничках (25—27) «исследовал» наш автор вопрос о крестьянских товариществах в Германии. Приведя перечень разных видов товариществ и статистические данные о быстром развитии их (особенно молочных товариществ), г. Прокопович рассуждает: «Тогда как ремесленник уже почти лишен корней в современном экономическом строе, крестьянин продолжает прочно (!) держаться в нем». Не правда ли,

* См. Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 47—48. *Ред.*

** — так! *Ред.*

*** — Каутский: «Против Бернштейна», II отдел. *Ред.*

как это просто? Недоедание немецких крестьян, истощение их чрезмерной работой, массовое бегство из деревень в города, все это, должно быть, выдумки. Достаточно указать на быстрый рост товариществ (особенно молочных, которые ведут к отнятию молока у крестьянских детей и к усилению зависимости крестьян от капиталистов), чтобы доказать «прочность» крестьянства. «Развитие капиталистических отношений в обрабатывающей промышленности, губя ремесленника, улучшает положение крестьянина. Оно» [положение?] «препятствует проникновению капитализма в сельское хозяйство». Ново! До сих пор думали, что именно развитие капитализма в обрабатывающей промышленности является главной силой, порождающей и развивающей капитализм в сельском хозяйстве. Но г. Прокопович, подобно своим немецким образцам, мог бы с полным правом сказать про себя: nous avons changé tout ça, мы все это переделали! Только верно ли это будет, господа? Действительно ли переделали вы *хоть что-нибудь,* действительно ли доказали ошибочность хоть одного основного положения «разносимой» вами теории и заменили его более верным положением? Не возвращались ли вы, наоборот, к старым предрассудкам?

... «С другой стороны, развитие обрабатывающей промышленности обеспечивает крестьянину побочные заработки»... Возрождение доктрины г. В. В. и компании о подсобных заработках крестьянства! О том, что эти «заработки» в массе случаев выражают превращение крестьянина в наемного рабочего, г. Прокопович считает лишним упомянуть. Он предпочитает закончить свое «исследование» звонкой фразой: «Жизненные соки не покинули еще класс крестьянства». Правда, именно по отношению к Германии Каутский показал, что сельскохозяйственные товарищества являются переходной стадией *к капитализму,* — но ведь мы видели уже, как уничтожил Каутского страшный г. Прокопович!

Возрождение народнических взглядов (народнических именно оттенка г. В. В.) мы видим не только в указанном месте, но и в очень многих других местах

«критического исследования» г. Прокоповича. Читатель знает, вероятно, какую известность (печальную известность) снискал себе г. В. В. своим непомерным сужением и опошлением учения так называемого «экономического» материализма: в «переделке» г. В. В. это учение состояло не в том, что все факторы сводятся в последнем счете к развитию производительных сил, а в том, что можно пренебрегать многими, крайне важными (хотя и производными в последнем счете), факторами. Совершенно подобное искажение преподносит нам и г. Прокопович, пытаясь изобличить Каутского в том, что он будто бы не понимает значения «материальных сил» (144), причем сам г. Прокопович беззаботно смешивает «экономические организации» (145) с «экономической силой» (146 и 149 особенно). Мы не можем, к сожалению, с достаточной обстоятельностью остановиться на разборе этой ошибки г. Прокоповича и должны отослать читателя к вышеупомянутой книге Каутского против Бернштейна (Abschnitt III, § a), где подробно разобраны оригиналы перепевов г. Прокоповича. Мы надеемся также, что читатель, внимательно читающий книгу г. Прокоповича, легко убедится в том, что разносимая нашим «критическим исследователем» теория (г. Прокопович и здесь, впрочем, скромненько умалчивает о взглядах основателей теории и воздерживается от их разбора, предпочитая ограничиваться выписками из речей и статей современных последователей этой теории), что теория совершенно неповинна в этом безобразном сужении «экономического» материализма (ср., например, заявления авторитетных бельгийских деятелей на стр. 74, 90, 92, 100 во второй части).

По поводу выписок, приводимых г. Прокоповичем, необходимо заметить, что он выхватывает зачастую отдельные места, давая читателю извращенное представление о взглядах и аргументах, не представленных в русской литературе. Наездническая критика г. Прокоповича ввиду этого последнего обстоятельства производит особенно отталкивающее впечатление. В некоторых случаях читателю книги г. Прокоповича небесполезно будет справиться даже с переведенной недавно

на русский язык книгой профессора Геркнера: «Рабочий труд в Западной Европе» (СПБ. 1899 г., издание журнала «Образование»). Например, в примечании на стр. 24 (I части) г. Прокопович пишет, что на конгрессе 1892 г. «принято сочувственное устройству производительных товариществ постановление» — следует цитата, которая, во-первых, не вполне подтверждает слова автора, а во-вторых, *оборвана* как раз на том месте, где говорится, что необходимо «особенно бороться с верой, будто бы товарищества в состоянии оказывать влияние на капиталистические отношения производства и т. д.» (Геркнер, Примечания, стр. XI—XII, примечание 6 к IX главе). С таким же успехом, как в разобранном выше случае, уничтожает г. Прокопович Каутского на стр. 56, 150, 156, 198 и многих других. Совершенно пустяковинны утверждения г. Прокоповича, будто Либкнехт в 60-х годах отказывался до поры до времени от своих идеалов, изменял им и т. п. (111, 112). До каких геркулесовых столпов доходит беззастенчивость и самоуверенность нашего «исследователя», с основательностью суждений которого мы уже несколько ознакомились, — показывает такая, например, фраза (направленная опять-таки не против основателя теории, а против «хранителя» ее): «Мы поступили бы совершенно неосновательно, если бы вздумали критиковать всю эту концепцию рабочего движения с точки зрения ее соответствия истинному ходу развития рабочего движения, — с точки зрения *научности* ее (курсив г. Прокоповича). В ней нет и не может быть (sic!) ни грана науки» (156). Вот какая решительная критика! весь этот марксизм даже и критиковать не стоит — и баста. Очевидно, перед нами либо человек, которому суждено совершить гигантский переворот в науке, «ни грана которой» «не может быть» в господствующей в Германии теории, либо... либо — как бы это помягче выразиться? — либо человек, повторяющий по «растерянности» чужие словечки. Г-н Прокопович с таким усердием молится самоновейшему божку, в тысячный раз провозгласившему эти словечки, что не жалеет своего лба. У Бернштейна, изволите видеть, есть «недостаток теоретических взглядов» (198), состоящий

в том, что он как будто бы — можете себе представить? — верит в необходимость научной теории, определяющей цели деятелей. «Критические исследователи» свободны от такой странной веры. «Наука станет свободна, — изрекает г. Прокопович, — лишь тогда, когда будет признано, что она должна *служить* целям партии, но не *определять* их. Необходимо признать, что наука не может ставить целей практической партии» (197). Заметим, что именно от этих взглядов своего сторонника и отрекался Бернштейн. «Принципиальная программа, — неизбежно ведущая к догматизму, — только помеха на пути здорового развития партии... Теоретические принципы хороши в пропаганде, но не в программе» (157). «Программы не нужны, вредны». «Личность сама может быть программой, если она чувствительная, тонко угадывающая потребности времени»... Читатель думает, вероятно, что я продолжаю цитировать исследование г. Прокоповича? Нет, я цитирую теперь газету «Новое Время»[112], которая поместила недавно обратившие на себя общее внимание статьи о программе... не партии, конечно, — а о программе нового министра внутренних дел...

В каком отношении находится проповедуемая г. Прокоповичем свобода беспринципности... то бишь «свобода науки» к воззрениям большинства тех западноевропейских деятелей, о которых храбро пишет наш храбрый критик, это видно из следующих цитат из той же книги г. Прокоповича:... «Конечно, без измены принципам» (159)... «Нисколько не нарушая своей независимости, верности принципам»... «Я отрицаю компромисс лишь в том случае... если он ведет к отречению от принципов или хотя бы к замалчиванию принципов» (171)... «Не внося беспринципности» (174)... «Конечно, не продавая души, в данном случае — принципов» (176)... «Теперь принципы установлены твердо» (183)... (Необходим) «компас, который избавил бы от блужданья ощупью», против «близорукого эмпиризма», против того, чтобы «беззаботно относиться к принципам» (195)... «Главное значение принадлежит принципиальной, теоретической части»... (103 части II) и т. д.

В заключение — еще парочку цитат: «Если бы немецкий социал-демократизм был выражением социализма, а не выступающего на защиту своих интересов в современном обществе пролетариата, впервые познающего свое значение, то — поелику не все же немцы идеалисты — рядом с этой преследующей идеалистические задачи партией мы видели бы еще более сильную партию — рабочую, представляющую практические интересы неидеалистической части немецкого пролетариата»... «Если бы социализм играл в этом движении не роль простого знака, отличающего одну, определенную организацию, если бы он был движущей идеей, принципом, требующим от членов партии известного специфического служения — в таком случае социалистическая партия отделилась бы от общей рабочей, и масса пролетариата, стремящегося к лучшему благоустройству на почве существующего строя и мало думающего об идеальном будущем, образовала бы самостоятельную рабочую партию». Читатель опять, вероятно, думает, что это — цитаты из исследования г-на Прокоповича? Нет, это — цитаты из «Очерков теоретической экономии» г-на В. В. (СПБ. 1895, стр. 248, 249—250). «Наш известный» г. В. В. уже пять лет тому назад предвосхитил результаты новейшего «критического исследования» г. Прокоповича...

Довольно, однако. Мы, конечно, не стали бы так долго заниматься подобным «исследованием», повторяющим известную песенку: «наше время не время широких задач», повторяющим проповедь «малых дел» и «отрадных явлений», если бы имя г. С. Прокоповича не было уже рекомендовано всей Европе, если бы «растерянность» не возводилась многими в наше время в какую-то заслугу, если бы не распространялась мода походя лягать «ортодоксию» и «догму»...

Написано в конце 1899 г.

Впервые напечатано в 1928 г.
в Ленинском сборнике VII

Печатается по рукописи

ПО ПОВОДУ «PROFESSION DE FOI» [113]

Составленное Киевским комитетом «Profession de foi»*, несмотря на то, что оно является лишь черновым проектом, на разработку и отделку которого, по словам Киевского комитета, положительно не было времени, дает, однако, возможность составить достаточно точное представление о взглядах Киевского комитета, и эти взгляды должны, без сомнения, вызвать энергичный протест тех русских социал-демократов, которые стоят на точке зрения старых принципов социал-демократии, провозглашенных в России группой «Освобождение труда», излагавшихся неоднократно в изданиях РСДРП и подтвержденных ее Манифестом. Взгляды Киевского комитета, несомненно, *отражают* значительное влияние того нового направления «молодых русских социал-демократов», которое в крайнем своем развитии слилось с бернштейнианством и дало такие продукты, как знаменитое отдельное приложение к «Рабочей Мысли» (сентябрь 1899 г.) и не менее знаменитое «Credo»*.

Нельзя сказать, чтобы «Profession de foi» вполне подходило к этому оппортунистскому и реакционному направлению, но «Profession de foi» делает такие серьезные шаги в эту сторону, знаменует такую смуту в основных идеях социал-демократизма, такое шатание революционной мысли, что мы считаем долгом предостеречь

* — символ веры, программа, изложение миросозерцания. *Ред.*

киевских товарищей и подробно разобрать их уклонение от издавна установленных принципов и международной, и русской социал-демократии.

Уже первая фраза «Profession de foi» возбуждает самое серьезное недоумение. «Признавая ближайшей общей задачей рабочего движения в России борьбу за политические права пролетариата, Комитет не считает, однако, возможным в настоящий момент обращаться к массе рабочих с призывом к политическим действиям, иначе говоря, вести *политическую* агитацию, так как русский рабочий в массе еще не созрел для политической борьбы». Мы не касаемся формулировки этого места; нам важны лишь мысли, изложенные здесь и повторенные (это заметьте) неоднократно в других местах «Profession de foi». А мысли эти таковы, что нам остается только спросить себя: «Неужели писавшие это — социал-демократы?».

«Русский рабочий в массе еще не созрел для политической борьбы»! Если это верно, то это равносильно смертному приговору над всей социал-демократией, ибо это значит, что русский рабочий в массе еще не созрел для социал-демократизма. В самом деле, нигде в мире не было и нет такой социал-демократии, которая не была бы нераздельно и неразрывно связана с политической борьбой. Социал-демократия без политической борьбы — это река без воды, это какое-то вопиющее противоречие, это какое-то возвращение либо к утопическому социализму наших прапрадедов, пренебрегавших «политикой», либо к анархизму, либо к тред-юнионизму.

Первое profession de foi всемирного социализма, «Коммунистический манифест» установил уже ту, ставшую с тех пор азбучной, истину, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, что рабочее движение только тогда перерастает стадию зародышевого состояния и детства, только тогда становится *классовым* движением, когда переходит к политической борьбе. Первое profession de foi русского социал-демократизма, брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», вышедшая в 1883 г., подтверждала эту истину

в применении к России и показала, как именно и почему именно русское революционное движение должно привести к слиянию социализма и политической борьбы, к слиянию стихийного движения рабочих масс с революционным движением, к слиянию классовой борьбы и политической борьбы. Становясь на точку зрения социализма и классовой борьбы и отвергая в то же время возможность «призывать в настоящий момент широкие массы к политическим действиям», Киевский комитет, в сущности, сходит совершенно с принципов социал-демократизма, и желание остаться на почве этих принципов приводит его к ряду вопиющих противоречий:

в самом деле, как же возможно говорить о «политическом воспитании» рабочих, если не признается возможным вести политическую агитацию и политическую борьбу? Неужели среди социал-демократов нужно еще доказывать, что не может быть никакого политического воспитания *вне* политической борьбы и политических действий? Неужели можно думать, что политически воспитать рабочие массы могут какие-нибудь занятия или книги и т. п., помимо политической деятельности и политической борьбы? Неужели русские социал-демократы должны вернуться к точке зрения крепостников, которые говорили, что сперва нужно воспитать крестьян, а потом освободить их, или к точке зрения наших, пресмыкающихся пред правительством, писак, которые говорят, что сперва надо воспитать народ, а потом уже дать ему политические права? Как можно «ставить своей задачей» пробуждать сознание необходимости борьбы за политические права и в то же время не считать возможным призывать рабочих к политическим действиям, не считать возможным вести политическую агитацию? Пробуждать сознание необходимости политической борьбы и в то же время не призывать к политической борьбе?! Что это? Как это? И подобная путаница вовсе не результат недомолвок или недоделанности чернового наброска, а естественный и неизбежный результат той двойственности и половинчатости, которая проникает собою все воз-

зрения Киевского комитета: с одной стороны, он хочет оставаться на почве издавна установленных основных принципов международной и русской социал-демократии, с другой — увлекается теми модными бернштейнианскими словечками «необходимости», «постепенности» (отдел I «Profession de foi» Киевского комитета, в конце), «непосредственно экономического характера движения», о невозможности политической агитации и борьбы, о необходимости держаться твердой почвы действительных потребностей и нужд (как будто бы борьба за политическую свободу не вызывается самой действительной потребностью и нуждой!), одним словом, теми модными словечками, из которых сплетаются такие модные произведения, как «Credo» и отдельное приложение к «Рабочей Мысли». Остановимся по существу на том положении, в котором, как в фокусе, концентрируются все слабые стороны разбираемого «Profession de foi», именно на положении, что «невозможно в настоящий момент обращаться к массе рабочих с призывом к политическим действиям», иначе говоря, вести политическую агитацию, так как русский рабочий еще не созрел для политической борьбы. Это последнее утверждение совершенно неверно, к счастью (говорим: к счастью, ибо, будь оно верно, оно должно бы было неизбежно привести русских марксистов и социал-демократов в то болото тред-юнионистского и буржуазно-либерального опошления, в которое их стараются свалить авторы «Credo», «Рабочей Мысли» и многочисленные приспешники их в нашей легальной литературе). Русский рабочий в массе не только созрел для политической борьбы, но уже много раз проявлял свою зрелость и много раз совершал акты политической борьбы и притом нередко совершал их стихийно.

В самом деле, разве массовое распространение воззваний, в которых порицается правительство, бичуется правительство, не есть акт политической борьбы? Разве русский рабочий в массе не расправлялся «своими средствиями» с чересчур зазнавшимися полицейскими и солдатами, разве он не освобождал силой своих арестованных товарищей? Разве он не боролся во многих

местах в прямой уличной схватке с войсками и полицией? Разве русский рабочий в массе не поставлял в течение более чем 20 лет своих лучших, самых развитых и самых честных и смелых товарищей в ряды революционных кружков и организаций? Но в угоду модной доктрине буржуазного опошления, мы, представители революционной социал-демократической партии, должны позабыть все это и признать невозможным призыв рабочих масс к политическим действиям! Нам возразят, пожалуй, что приведенные факты зачастую являются скорее стихийными взрывами, чем политической борьбой. А разве наши стачки — ответим мы — не представляли только одних стихийных взрывов до тех пор, пока революционные кружки социалистов не взялись за широкую агитацию, за призыв рабочих масс к классовой борьбе, к сознательной борьбе против своих угнетателей? Разве можно указать в истории хоть одно народное, хоть одно классовое движение, которое бы не начиналось со стихийных неорганизованных взрывов, которое бы без сознательного вмешательства интеллигентных представителей данного класса принимало организованную форму, создавало политические партии? Если неудержимое стихийное влечение рабочего класса к политической борьбе проявляется до сих пор, по большей части, лишь в неорганизованных взрывах, то только «Московские Ведомости»[114] и «Гражданин»[115] сделают отсюда вывод, что русский рабочий в массе не созрел еще для политической агитации. Социалист же сделает отсюда тот вывод, что давным-давно назрела необходимость политической агитации, самого широкого призыва рабочих масс к политическим действиям, к политической борьбе; не делая этого призыва, мы не исполняем своего долга и, в сущности, перестаем быть социал-демократами, потому что экономические и профессиональные организации без политической борьбы всегда и везде проповедовались ярыми сторонниками буржуазии; поэтому нельзя назвать иначе, как преступным и позорным, то систематическое замалчивание политической борьбы и политических задач русского рабочего класса, которое мы видели, например, в газете

«Рабочая Мысль». Это замалчивание равносильно развращению политического сознания рабочих, которые видят и чувствуют политический гнет, которые стихийно восстают против него, а у своих руководителей-социалистов встречают либо равнодушие, либо даже полемику против идей политической борьбы. Нельзя не назвать равнодушием и крайней узостью, когда нам говорят, что проводить в массу идеи политической свободы надо «постепенно», — должно быть, до сих пор мы слишком торопились проводить в массу эти идеи, нас надо умерять и сдерживать!! Или когда нам говорят, что «политически освещать положение рабочего класса» надо лишь «поскольку для этого есть повод в каждом отдельном случае», как будто «поводы» для политической агитации не даются нам самыми будничными, массовыми, повсеместными фактами из жизни рабочих?!

Стремление ограничить политическую агитацию наличностью поводов в каждом отдельном случае либо не имеет смысла, либо выражает лишь стремление сделать шаг назад по направлению к «Credo» и «Рабочей Мысли», стремление сузить и без того слишком узкие рамки нашей пропагандистской и агитационной деятельности. Нам возразят еще, пожалуй, что рабочие *массы* не поймут еще идеи политической борьбы, идеи, доступной лишь для более развитых отдельных рабочих. На это возражение, которое так часто доводится слышать от «молодых» русских социал-демократов, мы ответим, что, во-первых, социал-демократия всегда и везде была и *не может не быть* представительницей сознательных, а не бессознательных рабочих, что не может быть ничего опаснее и преступнее демагогического заигрывания с неразвитостью рабочих. Если критерием деятельности брать то, что сейчас же непосредственно доступно в наибольшей степени самой широкой массе, то придется проповедовать антисемитизм или агитировать, скажем, на почве обращения к отцу Иоанну Кронштадтскому.

Задача социал-демократии — развивать политическое сознание масс, а не тащиться в хвосте политически

бесправной массы; во-вторых, — и это главное — неверно, что массы не поймут идеи политической борьбы. Эту идею поймет самый серый рабочий, при том условии, конечно, если агитатор или пропагандист сумеет подойти к нему так, чтобы сообщить ему эту идею, сумеет передать ее понятным языком и опираясь на известные ему факты обыденной жизни. А это условие ведь необходимо и для передачи условий экономической борьбы: и в этой области серый рабочий из низших и средних слоев массы не в состоянии усвоить общей идеи экономической борьбы; эту идею усваивают немногие интеллигентные рабочие, за которыми масса идет, руководимая инстинктом и непосредственным ближайшим интересом.

То же самое и в области политики: общую идею политической борьбы усвоит, конечно, только интеллигентный рабочий, за которым пойдет масса, ибо она прекрасно чувствует свое политическое бесправие (как признает в одном месте «Profession de foi» Киевского комитета), и самые непосредственные повседневные интересы постоянно приводят ее в столкновение с всяческими проявлениями политического гнета. Ни в одном политическом или социальном движении, ни в одной стране никогда не было и быть не могло иного отношения между массой данного класса или народа и немногочисленными интеллигентными представителями его, кроме именно такого: всегда и везде вождями известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители. И в русском рабочем движении не может быть иначе. А потому игнорирование интересов и запросов этого передового слоя рабочих, стремление *опуститься* до уровня понимания низших слоев (вместо того, чтобы постоянно *поднимать* уровень сознания рабочих) необходимо должно оказать глубоко вредное действие и подготовить почву для проникновения в рабочую среду всяких не социалистических и не революционных идей.

Чтобы закончить разбор взглядов Киевского комитета на политическую борьбу: крайне странным и в то же время крайне характерным для всего «Profession de

foi» образом, Комитет, не считая возможным призывать в настоящий момент широкие массы рабочих к политическим действиям, признает желательным устройство *частичных* демонстраций с чисто агитационной целью (а не в видах воздействия на правительство) «по поводам, доступным пониманию широких масс». Социалисты призывают рабочих *не* оказывать воздействия на правительство!!! Дальше некуда идти... Непостижимо только, как это возможны демонстрации, *не* оказывающие воздействия на правительство. Уж не рекомендовать ли рабочим демонстрировать в четырех стенах своих каморок, заперев наперед двери? или, может, демонстрировать показыванием кукиша в кармане: это уж, наверно, не окажет столь зловредного и пагубного «воздействия на правительство»! Что такое означает «частичная демонстрация», мы тоже отказываемся понять. Не означает ли это: профессиональная, только по профессиональным вопросам (еще раз: при чем же тут социализм?) или, может быть, по частичным политическим поводам, а не против всей политической системы, против самодержавия вообще? Но если так, разве это — не чистейшие идеи «Credo» и крайнего оппортунизма, крайнего принижения, затемнения политического сознания и политических задач рабочего класса? Если так, то не повторить ли уж нам «крылатое слово» одного «молодого» столичного социал-демократа: «преждевременно дискредитировать среди рабочих самодержавие»?

Крайняя узость взглядов сквозит в «Profession de foi» не только по вопросу о «политике». «Агитационное воздействие на массу — читаем мы — в настоящее время может выразиться только, во-первых, в содействии экономической борьбе пролетариата; поэтому Комитет пользуется каждым случаем столкновения рабочих с хозяевами или каждым крупным фактом злоупотребления со стороны хозяев для обращения к рабочим с воззванием, выясняющим рабочим их положение, призывая к протесту, принимая руководящую роль при стачках, формулируя их требования, указывая наилучшие пути их достижения, развивая всем этим

в рабочем классе самосознание» — и только, больше об экономической борьбе нам ничего не говорят. И это — profession de foi! Перечитайте внимательно это место: это опять язык «Credo» и мысли «Credo» (чем паки и паки иллюстрируется глубокое заблуждение редакции «Рабочего Дела», упорно желающей прикрывать взгляды «молодых экономистов» и видеть в них только уклонение отдельных личностей).

Для социалиста экономическая борьба служит базисом для организации рабочих в революционную партию, для сплочения и развития их классовой борьбы против всего капиталистического строя. Если же брать экономическую борьбу как нечто самодовлеющее, то в ней нет ничего социалистического, и опыт всех европейских стран показывает нам массу примеров не только социалистических, но и противосоциалистических профессиональных союзов.

Задача буржуазного политика — «содействовать экономической борьбе пролетариата», задача социалиста — заставить экономическую борьбу содействовать социалистическому движению и успехам революционной рабочей партии. Задача социалиста — содействовать неразрывному слиянию экономической и политической борьбы в единую классовую борьбу социалистических рабочих масс. Таким образом, расплывчатые выражения «Profession de foi» Киевского комитета открывают настежь двери для бернштейновских идей и узаконяют непозволительно узкое отношение к экономической борьбе.

Агитационное воздействие на массу должно состоять в самой широкой агитации и экономической, и политической по всем поводам и проявлениям всяческого гнета, агитации, которою мы должны пользоваться для привлечения все большего числа рабочих в ряды революционной социал-демократической партии, для поощрения всевозможных проявлений политической борьбы, для организации этой борьбы из ее стихийных форм в форму борьбы единой политической партии. Агитация должна, таким образом, служить *средством* широкого распространения политического протеста

и более организованных форм политической борьбы. В настоящее же время рамки нашей агитации слишком узки, круг затрагиваемых ею вопросов слишком ограничен, и наша обязанность — не узаконять этой узости, а стараться освободиться от нее, стараться углубить и расширить нашу агитационную деятельность.

В разбираемом «Profession de foi» эта узость ведет не только к разобранным выше теоретическим заблуждениям, но и к сужению практических задач. Такое сужение видно в желании поставить «ближайшей очередной задачей обследование положения рабочих на местных фабриках и заводах путем вопросных листков и другими способами». Мы, разумеется, ничего не можем возразить против вопросных листков вообще, которые составляют необходимую принадлежность агитации, — но заниматься обследованием значит непроизводительно затрачивать и без того бедные революционные силы.

Многое можно ведь почерпнуть и из легальных наших обследований. Ближайшей очередной задачей следовало бы поставить расширение агитации и пропаганды (особенно политической), тем более, что распространяющийся среди наших рабочих прекрасный обычай посылать самостоятельные корреспонденции в социалистические газеты обеспечивает достаточное обилие материала.

Еще больше сужение видно в том, что по вопросу о кассах признаются желательными только «профессиональные стачечные» кассы, и ни слова не говорится о том, чтобы эти кассы входили, как звенья, в социал-демократическую партию, служили для политической борьбы.

Ограничивать наши конспиративные кассы одной экономической деятельностью — это стремление естественно для авторов «Credo», но непонятно в «Profession de foi» Комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

По вопросу о легальных обществах положения «Profession de foi» не менее узки и точно так же выражают

стремление делать уступки пресловутой бернштейниаде; оказывать содействие возникновению касс со стороны Комитета социал-демократической партии значит, опять-таки, разбрасывать силы и стирать грань между культурнической и революционной работой: революционная партия может и должна пользоваться легальными обществами для укрепления и упрочения *своей* работы, как очагами для агитации, удобными прикрытиями сношений и проч. и проч., — но и только. Тратить силы социалистов на содействие возникновению обществ донельзя нерационально, придавать самостоятельное значение этим обществам — неправильно, думать, что в легальных обществах возможна «полная независимость от участия и давления хозяев», — просто смешно.

Наконец, и на организационных планах Киевского комитета отразилась узость его взглядов и их специфическая особенность. Правда, мы вполне согласны с Киевским комитетом в том, что несвоевременно сейчас объявлять о возобновлении партии и выбирать новый ЦК, но мы считаем совершенно ошибочным мнение о «непосредственно экономическом характере движения», о том, что русский пролетариат еще «не подготовлен для политической агитации». Ошибочно было бы также дожидаться, пока «местные группы окрепнут, увеличатся численно, закрепят связи с рабочей средой», — такое укрепление часто ведет к немедленному краху.

Нет, мы должны немедленно взяться за дело объединения и начать его с литературного объединения, с создания общего русского органа, который должен попытаться подготовить возобновление партии, служа органом для всей России, собирая корреспонденции и материалы от кружков всех местностей, давая место для обсуждения спорных вопросов, расширяя рамки нашей пропаганды и агитации, посвящая специальное внимание вопросам организационным, тактическим и техническим приемам ведения дела, удовлетворяя всем запросам наиболее развитых рабочих и постоянно поднимая низшие слои пролетариата (привлекаемые рабочими корреспонденциями и проч.) до более и более со-

знательного участия в социалистическом движении и политической борьбе.

Только таким путем, по нашему убеждению, могут быть подготовлены фактические условия для объединения и воссоздания партии, и только прямая и открытая полемика против узкого «экономизма» и все более распространяющихся бернштейновских идей может обеспечить правильное развитие русского рабочего движения и русской социал-демократии.

Написано в конце 1899 г. или в начале 1900 г.

*Впервые напечатано в 1928 г.
в Ленинском сборнике VII*

*Печатается по рукописному тексту,
переписанному неизвестной рукой*

ПРОЕКТ ЗАЯВЛЕНИЯ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»[116] И «ЗАРИ»[117]

Предпринимая издание двух социал-демократических органов: научно-политического журнала и общерусской рабочей газеты, мы считаем необходимым сказать несколько слов о нашей программе, о том, к чему мы стремимся и как понимаем свои задачи.

Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии; все говорит, по-видимому, за то, что наше движение находится в критической стадии: оно так широко разлилось и пустило в самых различных углах России так много здоровых ростков, что теперь с неудержимой силой сказывается его стремление упрочиться, принять высшую форму, выработать определенную физиономию и организацию. В самом деле, последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением идей социал-демократизма в нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет совершенно самостоятельное, стихийное движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, проявляя жадное стремление к социализму. Кружки рабочих и социал-демократов интеллигентов появляются повсюду, появляются местные агитационные листки, растет спрос на социал-демократическую литературу, неизмеримо обгоняя предложение ее, — и усиленные правительственные преследования не в силах задержать этого движения.

Битком набиты тюрьмы, переполнены места ссылки, чуть не каждый месяц слышишь о «провалах» социалистов во всех концах России, о поимке транспортов, о взятии агитаторов, о конфискации литературы и типографий, — но движение не останавливается, а все растет, захватывает более широкий район, проникает все глубже в рабочий класс, привлекает все больше и больше общественное внимание. И все экономическое развитие России, вся история русской общественной мысли и русского революционного движения ручаются за то, что социал-демократическое рабочее движение будет расти несмотря на все препятствия и преодолеет их.

Главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время, это его раздробленность, его кустарный, если можно так выразиться, характер: местные кружки возникают и действуют почти совершенно независимо от кружков в других местах и даже (что особенно важно) от кружков, действовавших и действующих одновременно в тех же центрах; не устанавливается традиции и преемственности, и местная литература всецело отражает эту раздробленность, отражает отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией. Современный период и кажется нам критическим именно потому, что движение перерастает это кустарничество и эту раздробленность, настойчиво требуя перехода к высшей, более объединенной, лучше и более организованной форме, над созданием которой мы и считаем себя обязанными трудиться. Само собой разумеется, что в известный период движения, в начале его, эта раздробленность совершенно неизбежна, что отсутствие преемственности совершенно естественно создается при таком поразительно быстром и повсеместном росте движения после долгого периода революционного затишья. Несомненно также, что разнообразие местных условий, различие положения рабочего класса в тех или других районах, наконец, и особенности во взглядах местных деятелей будут существовать всегда и что именно это разнообразие свидетельствует о жизненности движения и о здоровом

росте его. Все это так, но ведь раздробленность и неорганизованность вовсе не являются необходимым следствием этого разнообразия. Сохранение преемственности движения, объединение его отнюдь не исключают разнообразия, — напротив, они создадут даже более широкую арену и свободное поприще для него. В современный же момент движения раздробленность начинает прямо-таки обнаруживать вредное действие и грозит совратить движение на ложную дорогу: узкий практицизм, оторванный от теоретического освещения движения в его целом, способен разрушить связь между социализмом и революционным движением в России, с одной стороны, и между стихийным рабочим движением, с другой стороны. Что эта опасность не вымышлена, это доказывают такие литературные произведения, как *«Credo»,* которое уже вызвало вполне законный протест и осуждение, далее, как «Отдельное приложение к «Рабочей Мысли»» (сентябрь 1899 г.). Это приложение наиболее рельефно выразило тенденцию, проникающую всю газету «Рабочая Мысль», в нем начинает проявляться особое направление в русской социал-демократии и притом такое направление, которое способно принести прямой вред и с которым необходима борьба. А русская легальная литература с той пародией на марксизм, которая способна только развращать общественное сознание, еще усиливает этот разброд и эту анархию, благодаря которой знаменитый (знаменитый своим банкротством) Бернштейн мог печатно перед всем миром заявить такую неправду, будто большинство действующих в России социал-демократов стоит за него.

Было бы еще преждевременно судить о том, насколько глубока эта рознь, насколько вероятно образование особого направления (мы отнюдь не склонны решать эти вопросы уже теперь в утвердительном смысле, отнюдь не теряем еще надежды на возможность *совместной* работы), но закрывать глаза на серьезность положения было бы еще гораздо вреднее, чем преувеличивать эту рознь, и мы от всей души приветствуем возобновление литературной деятельности группой

«Освобождение труда» и начатую ею борьбу против попыток извращения и опошления социал-демократизма[118].

Практический вывод из всего этого такой: необходимо нам, русским социал-демократам, объединиться и направить все усилия на образование единой и крепкой партии, ведущей борьбу под знаменем революционной социал-демократической программы, охраняющей преемственность движения и систематически поддерживающей организованность его. Этот вывод не нов. Его сделали уже русские социал-демократы 2 года тому назад, когда представители крупнейших социал-демократических организаций России собрались на съезд 1898 г. весной, образовав Российскую социал-демократическую рабочую партию, опубликовав «Манифест» ее, и признали «Рабочую Газету» официальным органом партии. Признавая себя членами Российской социал-демократической рабочей партии, мы вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему весьма важное значение как открытому, публичному заявлению тех целей, к которым должна стремиться наша партия. Поэтому для нас, как членов партии, вопрос о ближайших и непосредственных наших задачах ставится таким образом: какой план деятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно более прочного возобновления партии? Некоторые товарищи (и даже некоторые группы и организации) держатся того мнения, что для этой цели следует возобновить выбор центрального учреждения партии и поручить ему возобновить издание органа партии[119]. Такой план мы считаем ошибочным или, по крайней мере, рискованным. Создать и упрочить партию — значит создать и упрочить объединение всех русских социал-демократов, а такого объединения нельзя попросту декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, общую литературу партии, общую не только в том смысле, чтобы она служила всему русскому движению, а не отдельным районам, чтобы она обсуждала вопросы всего движения в целом

и помогала борьбе сознательных пролетариев, а не одни лишь местные вопросы, но общую также и в том смысле, чтобы она объединяла все наличные литературные силы, чтобы она выражала все оттенки мнений и взглядов среди русских социал-демократов не как изолированных работников, а как товарищей, связанных общей программой и общей борьбой в рядах одной организации. Необходимо выработать, во-вторых, организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработана будет такая организация, когда создана будет русская социалистическая почта, партия получит прочное существование, только тогда партия станет реальным фактом, а следовательно, и могущественной политической силой. Первой половине этой задачи, т. е. выработке общей литературы, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к возобновлению деятельности партии.

Из такого характера нашей задачи естественно вытекает и та программа, по которой должны вестись издаваемые нами органы. В них должно быть уделено много места вопросам теоретическим, т. е. и общей теории социал-демократизма и ее применению к русской действительности. Неотложность широкого обсуждения этих вопросов именно в настоящее время не подлежит сомнению и не требует пояснений после того, что было сказано выше. Само собой разумеется, что в неразрывной связи с вопросами общей теории должно стоять и ознакомление с рабочим движением на Западе, его историей и его современным состоянием. Далее мы ставим своей целью систематическое обсуждение всех вопросов политики: социал-демократическая рабочая партия должна откликаться на все вопросы, выдвигаемые жизнью во всех областях, на вопросы и внутренней и международной политики, и мы должны стремиться к тому, чтобы каждый социал-демократ и каждый

сознательный рабочий составил себе определенные взгляды по всем основным вопросам, — без этого условия невозможна широкая и планомерная пропаганда и агитация. Обсуждение вопросов теории и политики будет связано с выработкой программы партии, необходимость которой была признана уже съездом 1898 г., и мы намерены в недалеком будущем опубликовать проект программы, всестороннее обсуждение которого должно дать достаточный материал для будущего съезда, пред которым встанет задача принятия программы[120]. Затем особенно насущной задачей мы признаем обсуждение вопросов организации и способов практического ведения дела. Отсутствие преемственности и раздробленность, о которых было говорено выше, особенно вредно отражаются на современном состоянии партийной дисциплины, организации и конспиративной техники. Надо прямо и открыто признать, что в этом отношении мы, социал-демократы, отстали от старых деятелей русского революционного движения и от других организаций, действующих в России, и надо приложить все силы, чтобы пополнить недочеты в этом отношении. Широкое привлечение к движению масс рабочей и интеллигентной молодежи, учащение провалов и изощрение правительственных преследований делают настоятельно необходимой пропаганду принципов и приемов партийной организации, дисциплины и конспиративной техники.

Такая пропаганда, если ее поддержат все отдельные группы и все более опытные товарищи, может и должна повести к выработке из молодых социалистов и рабочих умелых руководителей революционного движения, способных преодолевать все препятствия, которые ставит нашей работе гнет самодержавного полицейского государства, и отвечать на запросы рабочей массы, стихийно рвущейся к социализму и политической борьбе. Наконец, анализ этого стихийного движения (как в рабочих массах, так и в нашей интеллигенции) должен быть, в связи с намеченными выше темами, одной из главнейших наших задач: мы должны разобраться в том интеллигентном общественном движении, которым

ознаменована в России вторая половина 90-х годов и которое совмещает в себе различные и иногда разнородные течения; мы должны тщательно изучать положение рабочего класса во всех областях народного хозяйства, изучать формы и условия его пробуждения, его начинающейся борьбы, чтобы связать в одно неразрывное целое марксистский социализм, начавший уже пускать корни на русской почве, и русское рабочее движение, связать русское революционное движение со стихийным подъемом народных масс. И только тогда, когда осуществится такая связь, в России может создаться социал-демократическая рабочая партия, потому что социал-демократия не состоит в одном служении стихийному рабочему движению (как склонны думать иногда у нас некоторые современные «практики»), социал-демократия состоит в соединении социализма с рабочим движением. И только такое соединение дает возможность русскому пролетариату исполнить его первую политическую задачу: освободить Россию от гнета самодержавия.

Что касается до распределения намеченных нами тем и вопросов между журналом и газетой, то это распределение будет определяться исключительно различиями в объеме этих изданий, а также различиями в их характере: журнал должен служить преимущественно пропаганде, газета преимущественно агитации. Но и в журнале и в газете необходимо отражение всех сторон движения, и мы особенно хотели бы подчеркнуть наше отрицательное отношение к такому плану, чтобы рабочая газета помещала на своих страницах исключительно то, что непосредственно и ближайшим образом затрагивает стихийное рабочее движение, отдавая все относящееся к области теории социализма, к области науки, политики, вопросов партийной организации и прочее в орган «для интеллигентов». Напротив, необходимо именно соединение всех конкретных фактов и проявлений рабочего движения с указанными вопросами, необходимо освещение теорией каждого частного факта, необходима пропаганда вопросов политики и партийной организации среди самых широких масс

рабочего класса, необходимо внесение этих вопросов в агитацию. Та форма агитации, которая почти исключительно господствовала до сих пор у нас — именно агитация посредством местных листков — становится недостаточной: она узка, ибо затрагивает только местные и главным образом экономические вопросы. Надо попытаться создать более высокую форму агитации — посредством газеты, регистрирующей периодически и рабочие жалобы, и рабочие стачки, и другие формы пролетарской борьбы, и все проявления политического гнета во всей России, и делающей определенные выводы из каждого такого факта применительно к конечным целям социализма и к политическим задачам русского пролетариата. «Раздвинуть рамки и расширить содержание нашей пропагандистско-агитационной деятельности» — эти слова П. Б. Аксельрода должны послужить лозунгом, определяющим в ближайшем будущем деятельность русских социал-демократов, и мы принимаем этот лозунг в программу своих органов.

Здесь является естественно следующий вопрос: если предполагаемые нами органы должны служить целям объединения всех русских социал-демократов и сплочению их в одну партию, то они должны отражать все оттенки взглядов, все местные особенности, все разнообразие практических приемов. Как совместить это объединение разнородных точек зрения с редакционной цельностью органов? Должны ли быть эти органы простым сводом разнообразных воззрений или они должны иметь самостоятельное, совершенно определенное направление?

Мы решаем эти вопросы во втором смысле и надеемся, что орган определенного направления может быть вполне пригодным (как мы скажем ниже) и для отражения различных точек зрения и для товарищеской полемики между сотрудниками. По своим воззрениям мы вполне разделяем все основные идеи марксизма (как они выразились в «Коммунистическом манифесте» и в программах западноевропейских социал-демократов) и стоим за последовательное развитие этих идей в духе Маркса и Энгельса, решительно отвергая то

половинчатые, оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Бернштейна. Мы видим задачу социал-демократии в организации классовой борьбы пролетариата, в содействии этой борьбе, в указании ее необходимой конечной цели, в анализе условий, определяющих способ ведения этой борьбы. «Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих»[121]. Но, не отделяя социал-демократии от рабочего движения, мы не должны забывать, что ее задача — представлять интересы этого движения во всех странах, в общем и целом, что она отнюдь не должна впадать в слепое преклонение перед тем или другим отдельным фазисом, в котором находится это движение в то или другое время, в том или другом месте. Мы считаем обязанностью социал-демократии поддержку всякого революционного движения против существующего государственного и общественного строя и видим ее цель в завоевании политической власти рабочим классом, в экспроприации экспроприаторов и устройстве социалистического общества. Мы решительно отвергаем всякую попытку ослабить или затушевывать революционность социал-демократии, которая есть партия социальной революции, беспощадно враждебная всем классам, стоящим на почве современного общественного строя. В частности исторической задачей русской социал-демократии мы считаем ниспровержение самодержавия: русская социал-демократия призвана стать передовым борцом русской демократии, призвана осуществить ту цель, которую ставит перед ней все общественное развитие России и которую завещали ей славные деятели русского революционного движения. Только неразрывно связывая экономическую и политическую борьбу, только распространяя политическую пропаганду и агитацию в более и более широкие слои рабочего класса, может социал-демократия исполнить свое призвание.

С указанной точки зрения (которая в самых общих чертах была указана здесь, так как подробное изложение и обоснование ее делалось уже не раз и группой «Освобождение труда», и «Манифестом» Российской

социал-демократической рабочей партии, и «комментарием» к нему — брошюрой «Задачи русских социал-демократов»*, «Рабочее дело в России» (обоснование программы российской социал-демократии)) мы и будем освещать все теоретические и практические вопросы, с указанными идеями мы будем стараться связать все проявления рабочего движения и демократического протеста в России.

Но, ведя свою литературную работу с точки зрения определенного направления, мы отнюдь не намерены выдавать всех частностей своих взглядов за взгляды всех русских социал-демократов, отнюдь не намерены отрицать существующих разногласий, затушевывать или оттирать их. Напротив, мы хотим сделать наши органы — органами *обсуждения* всех вопросов всеми русскими социал-демократами со взглядами самых различных оттенков. Полемику между товарищами на страницах наших органов мы не только не отвергаем, а, напротив, готовы уделить ей очень много места. Открытая полемика перед всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают представители различных взглядов, представители различных местностей или различных «профессий» революционного движения. Мы считаем даже одним из недочетов современного движения — отсутствие открытой полемики между заведомо расходящимися взглядами, стремление держать под спудом разногласия, касающиеся очень существенных вопросов.

Более того: признавая в русском рабочем классе и в русской социал-демократии передового борца за демократию, за политическую свободу, мы считаем необходимым стремиться к тому, чтобы сделать наши органы *общедемократическими* органами, — не в том смысле, чтобы мы хоть на минуту соглашались забыть

* См. *В. И. Ленин.* Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 433—470. *Ред.*

о классовом антагонизме между пролетариатом и другими классами, не в том смысле, чтобы мы допускали хоть малейшее затушевывание классовой борьбы, — нет, а в том смысле, чтобы мы выдвигали и обсуждали *все* демократические вопросы, не ограничиваясь одними узкопролетарскими вопросами, выдвигали и обсуждали все случаи и проявления политического гнета, показывали связь между рабочим движением и политической борьбой во всех ее формах, привлекали всех честных борцов против самодержавия, каких бы взглядов они ни были, к каким бы классам они ни принадлежали, привлекали их к поддержке рабочего класса, как единственной революционной и бесповоротно враждебной абсолютизму силы. Поэтому, обращаясь прежде всего к русским социалистам и сознательным рабочим, мы не хотим ограничиться исключительно ими. Мы призываем также и всех, кого давит и гнетет современный политический строй России, кто стремится к освобождению русского народа от его политического рабства, мы призываем их к поддержке изданий, которые посвящают свои силы организации рабочего движения в революционную политическую партию, мы предлагаем им страницы наших органов для разоблачения всех гнусностей и преступлений русского самодержавия. Мы делаем этот призыв, убежденные в том, что знамя политической борьбы, поднимаемое русской социал-демократией, может и должно стать общенародным знаменем.

Задачи, которые мы себе ставим, в высшей степени широки и всеобъемлющи, и мы не решились бы взяться за такие задачи, если бы мы не вынесли из всего своего опыта непреклонной уверенности в том, что это насущные задачи всего движения, если б мы не заручились сочувствием и обещанием всесторонней и постоянной поддержки во-1) со стороны нескольких организаций Российской социал-демократической рабочей партии и отдельных групп работающих в разных городах русских социал-демократов; во-2) со стороны группы «Освобождение труда», которая основала русскую социал-демократию и всегда стояла во главе ее теоретиков

и ее литературных представителей; в-3) со стороны целого ряда лиц, не принадлежащих к организациям, но сочувствующих социал-демократическому рабочему движению и оказывавших ему немало услуг. Мы приложим все свои силы к тому, чтобы исполнить надлежащим образом выбираемую нами часть общей революционной работы, и мы стремимся к тому, чтобы все русские товарищи смотрели на наши издания, как на свой орган, в который *каждая* группа сообщала бы все сведения о движении, с которым бы она делилась своими взглядами, своими запросами на литературу, своим опытом, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что она вносит в движение, и всем, что она выносит из него. Только при таком условии возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа. Русской социал-демократии становится уже тесно в том подполье, в котором ведут свою работу отдельные группы и разрозненные кружки; ей пора уже выйти на дорогу открытой проповеди социализма, на дорогу открытой политической борьбы, — и создание общерусского социал-демократического органа должно быть *первым шагом* на *этом пути.*

Написано в конце марта —
начале апреля 1900 г.

Впервые напечатано в 1925 г.
в Ленинском сборнике IV

Печатается по рукописи,
переписанной неизвестной рукой

КАК ЧУТЬ НЕ ПОТУХЛА «ИСКРА»?

Приехал я сначала в Цюрих, приехал один и не видевшись раньше с Арсеньевым (Потресовым). В Цюрихе П. Б. встретил меня с распростертыми объятиями, и я провел 2 дня в очень задушевной беседе. Беседа была как между давно не видавшимися друзьями: обо всем и о многом прочем, без порядка, совершенно не делового характера. По деловым вопросам П. Б. вообще мало что mitsprechen kann[*]; заметно было, что он тянет сторону Г. В., заметно по тому, как он настаивал на устройстве типографии для журнала в Женеве. Вообще же П. Б. очень «льстил» (извиняюсь за выражение), говорил, что для них *все* связано с нашим предприятием, что это для них возрождение, что «мы» теперь получим возможность и против крайностей Г. В. спорить — это последнее я особенно заметил, да и вся последующая «гистория» показала, что это особенно замечательные слова были.

Приезжаю в Женеву. Арсеньев предупреждает, что надо быть очень осторожным с Г. В., который страшно возбужден расколом[122] и подозрителен. Беседы с этим последним действительно сразу показали, что он действительно подозрителен, мнителен и rechthaberisch до nec plus ultra[**]. Я старался соблюдать осторожность, обходя «больные» пункты, но это постоянное держание себя настороже не могло, конечно,

---

[*] — может сказать. *Ред.*

[**] — всегда считает себя донельзя правым. *Ред.*

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«Как чуть не потухла «Искра»?»—1900 г.
Уменьшено

не отражаться крайне тяжело на настроении. От времени до времени бывали и маленькие «трения» в виде пылких реплик Г. В. на всякое замечаньице, способное хоть немного охладить или утишить разожженные (расколом) страсти. Были «трения» и по вопросам тактики журнала: Г. В. проявлял всегда абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы и притом неискренность, именно неискренность. Наши заявления, что мы обязаны быть *елико возможно* снисходительны к Струве, ибо *мы сами* не без вины в его эволюции: мы сами, и *Г. В. в том числе,* не восстали тогда, когда надо было восстать (1895, 1897). Г. В. абсолютно не хотел признать своей, хотя бы малейшей, вины, отделываясь явно негодными аргументами, *отстраняющими,* а не разъясняющими вопрос. В товарищеской беседе между будущими соредакторами эта... дипломатичность поражала крайне неприятно: зачем обманывать себя, говоря, что в 1895 г. ему, Г. В., будто бы было «приказано» (??) «не стрелять» (в Струве), а он привык делать, что приказано (похоже на то!)[123]. Зачем обманывать себя, уверяя, что в 1897 г. (когда Струве писал в «Новом Слове» о своей цели опровергнуть одно из основных положений марксизма) он, Г. В., не выступал против, ибо абсолютно не понимает (и никогда не поймет) полемики в одном журнале между сотрудниками[124]. Эта неискренность страшно раздражала тем более, что Г. В. старался в спорах представить дело так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве, будто мы хотим «все примирить» и проч. Горячие споры шли и о полемике на страницах журнала вообще: Г. В. был против этого и слушать не хотел наших аргументов. К «союзникам» он проявлял ненависть, доходившую до неприличия (заподозревание в шпионстве, обвинение в гешефтмахерстве, в прохвостничестве, заявления, что он бы «расстрелял», не колеблясь, подобных «изменников» и т. п.). Самые отдаленные намеки на то, что и он впал в крайности (напр., мой намек на опубликование частных писем[125] и на неосторожность этого приема), приводили Г. В. прямо в отчаянное возбуждение и заметное раздражение.

Очевидно, недовольство росло и в нем и в нас. В нем оно выразилось, между прочим, в следующем: у нас был проект редакционного заявления («От редакции»)*, в коем говорилось о задачах и программе изданий: написано оно было в «оппортунистическом» (с точки зрения Г. В.) духе: допускалась полемика между сотрудниками, тон был скромный, делалась оговорка насчет возможности мирного окончания спора с «экономистами» и т. п. Подчеркивалась в заявлении и наша принадлежность к партии и желание работать над ее объединением. Г. В. прочел это заявление, когда меня еще не было, вместе с Арсеньевым и В. И., прочел и ничего не возразил по существу. Он выразил только желание исправить слог, приподнять его, оставив весь ход мысли. Для этой цели А. Н. и оставил у него заявление. Когда я приехал, Г. В. не сказал мне об этом ни слова, а через несколько дней, когда я был у него, передал мне заявление обратно — вот, мол, при свидетелях, в целости передаю, не потерял. Я спрашиваю, почему он не произвел в нем намеченных изменений. Он отговаривается: это-де можно и потом, это недолго, сейчас не стоит. Я взял заявление, исправил его сам (это был черновик, еще в России набросанный) и второй раз (при В. И.) прочитал его Г. В., причем уже *я прямо* попросил его взять эту вещь и исправить ее. Он опять отговорился, свалив эту работу на сидевшую рядом В. И. (что было совсем странно, ибо В. И. об этом мы не просили, да и не смогла бы она исправить, «приподнимая» тон и придавая заявлению характер манифеста).

Так шло дело до съезда (съезда всей группы «Освобождение труда», Г. В., П. Б. и В. И. и нас двоих за отсутствием нашего третьего[126]). Наконец, приехал П. В., и устроился съезд. По вопросу об отношении нашем к Еврейскому союзу (Бунду) Г. В. проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря,

* См. настоящий том, стр. 322—333. *Ред.*

что наша цель — вышибить этот Бунд из партии, что евреи — сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя «в пленение» «колену гадову» и пр. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели и Г. В. остался всецело при своем, говоря, что у нас просто недостает знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями. Никакой резолюции по этому вопросу принято не было. Читали вместе на съезде «заявление»: Г. В. держал себя странно, молчал, никаких изменений не предложил, не восстал против того, что там допускается полемика, вообще точно отстранялся, именно отстранялся, не желал участвовать и только вскользь, мимоходом, бросил ядовитое и злое замечание, что он-то бы (они-то бы, т. е. группа «Освобождение труда», в коей он диктатор) уж, конечно, не такое заявление написал. Вскользь брошенное, кстати прибавленное к какой-то фразе иного содержания, это замечание Г. В. меня особенно неприятно поразило: идет совещание соредакторов, и вот один из соредакторов (которого *два* раза просили дать свой проект заявления или проект исправления нашего заявления) не предлагает никаких изменений, а только саркастически замечает, что он-то бы уж, конечно, не так писал (не так робко, скромно, оппортунистически — хотел он сказать). Это уже ясно показало, что нормальных отношений между ним и нами не существует. Далее — обхожу менее важные вопросы съезда — ставится вопрос об отношении к Бобо и Мих. Ив. Мы стоим за *условное* приглашение (нас неизбежно толкала на это резкость Г. В.: мы хотели этим показать, что желаем иного отношения. Невероятная резкость Г. В. просто как-то инстинктивно толкает на протест, на защиту его противников. Вера Ивановна очень тонко заметила, что Г. В. всегда полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику). Г. В. очень холодно и сухо заявляет о своем полном несогласии и демонстративно молчит в течение всех наших довольно долгих разговоров с П. Б. и В. И., которые не прочь и

согласиться с нами. Все утро это проходит под какой-то крайне тяжелой атмосферой: дело безусловно принимало такой вид, что Г. В. ставит ультиматум — или он или приглашать этих «прохвостов». Видя это, мы оба с Арсеньевым решили уступить и с самого начала вечернего заседания заявили, что «по настоянию Г. В.» отказываемся. Встречено это заявление было молчанием (точно это и само собою подразумевалось, что мы не можем не уступить!). Нас порядочно раздражила эта «атмосфера ультиматумов» (как формулировал позже Арсеньев) — желание Г. В. властвовать неограниченно проявлялось очевидно. Раньше, когда мы частным образом беседовали о Бобо (Г. В., Арсеньев, В. И. и я, в лесу, гуляя вечером), Г. В. заявил после горячего спора, кладя мне руку на плечо: «я ведь, господа, не ставлю условий, там обсудим все это на съезде сообща и решим вместе». Тогда это меня очень тронуло. Но оказалось, что на съезде вышло как раз обратное: на съезде Г. В. отстранился от товарищеского обсуждения, сердито молчал и своим молчанием явно *«ставил условие».* Для меня это было резким проявлением неискренности (хотя я сразу и не сформулировал еще так ясно своих впечатлений), а Арсеньев прямо заявил: «я ему не забуду этой уступки!». Наступает суббота. Я не помню уже точно, о чем говорили в этот день, но вечером, когда мы шли все вместе, разгорелся новый конфликт. Г. В. говорил, что надо заказать одному лицу (которое еще не выступало в литературе, но в коем Г. В. хочет видеть философский талант. Я этого лица не знаю; известно оно своим слепым преклонением пред Г. В.)[127] статью на философскую тему, и вот Г. В. говорит: я ему посоветую начать статью замечанием против Каутского — хорош-де гусь, который уже «критиком» сделался, пропускает в «Neue Zeit»* философские статьи «критиков» и не дает полного простора «марксистам» (сиречь Плеханову). Услышав о проекте такой резкой выходки против Каутского (приглашенного уже в сотрудники журнала), Арсеньев возмутился

* — «Новое Время»[128]. *Ред.*

и горячо восстал против этого, находя это неуместным. Г. В. надулся и озлобился, я присоединился к Арсеньеву. П. Б. и В. И. молчали. Через полчасика Г. В. уехал (мы шли его провожать на пароход), причем последнее время он сидел молча, чернее тучи. Когда он ушел, у нас всех сразу стало как-то легче на душе и пошла беседа «по-хорошему». На другой день, в воскресенье (сегодня 2 сентября, воскресенье. Значит, это было *только* неделю тому назад!!! А мне кажется, что это было с год тому назад! Настолько уже это отошло далеко!), собрание назначено не у нас, на даче, а у Г. В. Приезжаем мы туда, — Арсеньев приехал сначала, я после. Г. В. высылает П. Б. и В. И. сказать Арсеньеву, что он, Г. В., отказывается от соредакторства, а хочет быть простым сотрудником: П. Б. ушел, В. И. совсем растерянно, сама не своя, бормочет Арсеньеву: «Жорж недоволен, не хочет»... Вхожу я. Мне отпирает Г. В. и подает руку с несколько странной улыбкой, затем уходит. Я вхожу в комнату, где сидят В. И. и Арсеньев со странными лицами. Ну, что же, господа? — говорю я. Входит Г. В. и зовет нас в свою комнату. Там он заявляет, что лучше он будет сотрудником, простым сотрудником, ибо иначе будут только трения, что он смотрит на дело, видимо, иначе, чем мы, что он понимает и уважает нашу, партийную, точку зрения, но встать на нее не может. Пусть редакторами будем мы, а он сотрудником. Мы совершенно опешили, выслушав это, прямо-таки опешили и стали отказываться. Тогда Г. В. говорит: ну, если вместе, то как же мы голосовать будем; сколько голосов? — Шесть. — Шесть неудобно. — «Ну, пускай у Г. В. будет 2 голоса, — вступается В. И., — а то он всегда один будет, — два голоса по вопросам тактики». Мы соглашаемся. Тогда Г. В. берет в руки бразды правления и начинает в тоне редактора распределять отделы и статьи для журнала, раздавая эти отделы то тому, то другому из присутствующих — тоном, не допускающим возражений. Мы сидим все, как в воду опущенные, безучастно со всем соглашаясь и не будучи еще в состоянии переварить происшедшее. Мы чувствуем, что

оказались в дураках, что наши замечания становятся все более робкими, что Г. В. «отодвигает» их (не опровергает, а отодвигает) все легче и все небрежнее, что «новая система» de facto* всецело равняется полнейшему господству Г. В. и что Г. В., отлично понимая это, не стесняется господствовать вовсю и не очень-то церемонится с нами. Мы сознавали, что одурачены окончательно и разбиты наголову, но еще не реализовали себе вполне своего положения. Зато, как только мы остались одни, как только мы сошли с парохода и пошли к себе на дачу, — нас обоих сразу прорвало, и мы разразились взбешенными и озлобленнейшими тирадами против Г. В.

Но, прежде чем излагать содержание этих тирад и то, к чему они привели, я сделаю сначала маленькое отступление и вернусь назад. Почему нас так возмутила идея полного господства Плеханова (независимо от *формы* его господства)? Раньше мы всегда думали так: редакторами будем мы, а они — ближайшими участниками. Я предлагал так формально и ставить с самого начала (еще с России), Арсеньев предлагал не ставить формально, а действовать лучше «по-хорошему» (что сойдет-де на то же), — я соглашался. Но оба мы были согласны, что редакторами должны быть мы как потому, что «старики» крайне нетерпимы, так и потому, что они не смогут аккуратно вести черную и тяжелую редакторскую работу: только эти соображения для нас и решали дело, идейное же их руководство мы вполне охотно признавали. Разговоры мои в Женеве с ближайшими товарищами и сторонниками Плеханова из молодых (члены группы «Социал-демократ»[129], старинные сторонники Плеханова, работники, не рабочие, а работники, простые, деловые люди, всецело преданные Плеханову), разговоры эти вполне укрепили меня (и Арсеньева) в мысли, что именно так должны мы ставить дело: эти сторонники сами заявляли нам, без обиняков, что редакция желательна в Германии, *ибо это сделает нас независимее от Г. В.,* что

* — фактически, на деле. *Ред.*

если старики будут держать в руках фактическую редакторскую работу, это будет равносильно страшным проволочкам, а то и провалу дела. И Арсеньев по тем же соображениям стоял *безусловно* за Германию.

Я остановился, в своем описании того, как чуть было не потухла «Искра», на нашем возвращении домой вечером в воскресенье 26 августа нового стиля. Как только мы остались одни, сойдя с парохода, мы прямо-таки разразились потоком выражений негодования. Нас точно прорвало, тяжелая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно темная, кругом ходили грозы и блистали молнии. Мы ходили и возмущались! Помнится, начал Арсеньев заявлением, что личные отношения к Плеханову он считает теперь раз навсегда прерванными и никогда не возобновит их: деловые отношения останутся, — лично я с ним fertig*. Его обращение оскорбительно — до такой степени, что заставляет нас подозревать его в очень «нечистых» мыслях по отношению к нам (т. е., что он мысленно приравнивает нас к Streber'ам**). Он нас третирует и т. д. Я поддерживал всецело эти обвинения. Мою «влюбленность» в Плеханова тоже как рукой сняло, и мне было обидно и горько до невероятной степени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, vénération, ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка». А на деле вышло именно так, что мы получили пинок: нас припугнули, как детей, припугнули тем, что взрослые нас покинут и оставят одних, и, когда мы струсили (какой позор!), нас с невероятной бесцеремонностью отодвинули. Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западней для наивных «пижонов»: это не могло подлежать никакому

* — покончил. *Ред.*
** — карьеристам. *Ред.*

сомнению, ибо если бы Плеханов искренне боялся соредакторства, боялся затормозить дело, боялся породить лишние трения между нами, — он бы никоим образом не мог, минуту спустя, обнаружить (и грубо обнаружить), что его соредакторство совершенно равносильно его единоредакторству. Ну, а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело, становясь в интимнейшие с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, — тут уже нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний. Это открытие — это было для нас настоящим открытием! — поразило нас как громом потому, что мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это — мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте неспособно заставить забыть его *отталкивающие* качества. Возмущение наше было бесконечно велико: идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами, как свергнутый кумир: самым резким обвинениям не было конца. Так нельзя! решили мы. Мы не хотим и не будем, *не можем* работать вместе при таких условиях. Прощай, журнал! Мы бросаем все и едем в Россию, а там наладим дело заново, и ограничимся газетой. Быть пешками в руках этого человека мы не хотим; товарищеских отношений он не допускает, не понимает. Брать *на себя* редакторство мы не решаемся, да притом это было бы теперь просто противно, это выходило бы именно так, как будто бы мы гнались только за редакторскими местечками, как будто бы мы были Streber'ами, карьеристами, как будто бы и в нас говорило такое же тщеславие, только калибром пониже... Трудно описать с достаточной

точностью наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал всю свою жизненную работу. И все оттого, что мы были раньше влюблены в Плеханова: не будь этой влюбленности, относись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны, — мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха, такой «нравственной бани», по совершенно верному выражению Арсеньева. Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый. Младшие товарищи «ухаживали» за старшим из громадной любви к нему, — а он вдруг вносит в эту любовь атмосферу интриги и заставляет их почувствовать себя не младшими братьями, а дурачками, которых водят за нос, пешками, которые можно двигать по произволу, а то так даже и неумелыми Streber'ами, которых надо посильнее припугнуть и придавить. И влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться «без сентиментальности», надо держать камень за пазухой. Бесконечное количество таких горьких слов говорили мы в тот вечер. Внезапность краха вызывала, естественно, немало и преувеличений, но в основе своей эти горькие слова были верны. Ослепленные своей влюбленностью, мы держали себя в сущности как *рабы,* а быть рабом — недостойная вещь, и обида этого сознания во сто крат увеличивалась еще тем, что нам открыл глаза «он» самолично на нашей шкуре...

Мы пошли, наконец, по своим комнатам спать с твердым решением завтра же высказать Плеханову наше возмущение, отказаться от журнала и уехать, оставив одну газету, а журнальный материал издавать брошюрами: дело от этого не пострадает, мол, а мы избавимся от ближайших отношений к «этому человеку».

На другой день просыпаюсь раньше обыкновенного: меня будят шаги по лестнице и голос П. Б., который стучится в комнату Арсеньева. Я слышу, как Арсеньев

откликается, отворяет дверь — слышу это и думаю про себя: хватит ли духу у Арсеньева сказать все сразу? а лучше сразу сказать, необходимо сразу, не тянуть дела. Умывшись и одевшись, вхожу к Арсеньеву, который умывается. Аксельрод сидит на кресле с несколько натянутым лицом. «Вот, NN, — обращается ко мне Арсеньев, — я сказал П. Б. о нашем решении ехать в Россию, о нашем убеждении, что так вести дело нельзя». Я вполне присоединяюсь, конечно, и поддерживаю Арсеньева. Аксельроду мы, не стесняясь, рассказываем все, настолько не стесняясь, что Арсеньев даже говорит, что мы подозреваем, что Плеханов считает нас Streber'ами. Аксельрод вообще полусочувствует нам, горько качая головой и являя вид до последней степени расстроенный, растерянный, смущенный, но тут энергично протестует и кричит, что это-то уж неправда, что у Плеханова есть разные недостатки, но этого-то нет, что тут уже не он несправедлив к нам, а мы — к нему, что до сих пор он готов был сказать Плеханову: «видишь, что ты наделал — расхлебывай сам, я умываю руки», а теперь он не решается, ибо видит и у нас несправедливое отношение. Его уверения, конечно, произвели на нас мало впечатления, и бедный П. Б. имел совсем жалкий вид, убеждаясь, что наше решение — твердо.

Мы вышли вместе и пошли предупреждать В. И. Надо было ждать, что она примет известие о «разрыве» (ведь дело принимало именно вид разрыва) особенно тяжело. Я боюсь даже — говорил накануне Арсеньев — совершенно серьезно боюсь, что она покончит с собой...

Никогда не забуду я того настроения духа, с которым выходили мы втроем: «мы точно за покойником идем», сказал я про себя. И действительно, мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты. Точно проклятье какое-то! Все налаживалось к лучшему — налаживалось после таких долгих невзгод и неудач, — и вдруг налетел вихрь — и конец, и все опять рушится. Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе,

когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека] — неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и с чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?

Это впечатление не проходило и во время разговора с В. И. Она не проявляла особенно резко возбуждения, но видно было, что угнетена была страшно, и упрашивала, молила почти что, нельзя ли нам все же отказаться от нашего решения, нельзя ли попробовать, может быть, на деле не так страшно, за работой наладятся отношения, за работой не так видны будут отталкивающие черты его характера... Это было до последней степени тяжело — слушать эти искренние просьбы человека, слабого пред Плехановым, но человека безусловно искреннего и страстно преданного делу, человека, с «героизмом раба» (выражение Арсеньева) несущего ярмо плехановщины. До такой степени тяжело было, что ей-богу временами мне казалось, что я расплачусь... Когда идешь за покойником, — расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления, отчаяния...

Ушли мы от П. Б. и В. И. Ушли, пообедали, отправили в Германию письма, что мы туда едем, чтобы *машину приостановили,* даже телеграмму об этом отправили (еще *до* разговора с Плехановым!!), и ни у одного из нас не шевельнулось сомнение в нужности того, что мы делали.

После обеда идем опять в назначенный час к П. Б. и В. П., у коих уже должен был быть Плеханов. Подходим, они все трое выходят. Здороваемся молча — впрочем Плеханов старается вести сторонний разговор (мы просили П. Б. и В. И. предупредить его, так что он уже все знает) — возвращаемся в комнату и садимся. Арсеньев начинает говорить — сдержанно, сухо и кратко, что мы отчаялись в возможности вести дело при таких отношениях, *какие* определились вчера, что решили уехать в Россию посоветоваться с тамошними

товарищами, ибо на себя уже не берем решения, что от журнала приходится пока отказаться. Плеханов очень спокоен, сдержан, очевидно, вполне и безусловно владеет собой, ни следа нервности Павла Борисовича или Веры Ивановны [бывал и не в таких передрягах! думаем мы со злостью, глядя на него!]. Он допрашивает, в чем же собственно дело. «Мы находимся в атмосфере ультиматумов», — говорит Арсеньев и развивает несколько эту мысль. «Что же вы боялись, что ли, что я после первого номера стачку вам устрою перед вторым?» — спрашивает Плеханов, наседая на нас. Он думал, что мы этого не решимся сказать. Но я тоже холодно и спокойно отвечаю: «отличается ли это от того, что сказал А. Н.? Ведь он это самое и сказал». Плеханова, видимо, немного коробит. Он не ожидал такого тона, такой сухости и прямоты обвинений. — «Ну, решили ехать, так что ж тут толковать, — говорит он, — мне тут нечего сказать, мое положение очень странное: у вас все впечатления да впечатления, больше ничего: получились у вас такие впечатления, что я дурной человек. Ну, что же я могу с этим поделать?» — Наша вина может быть в том, — говорю я, желая отвести беседу от этой «невозможной» темы, — что мы чересчур размахнулись, не разведав брода. — «Нет, уж если говорить откровенно, — отвечает Плеханов, — ваша вина в том, что вы (может быть в этом сказалась и нервность Арсеньева) придали чрезмерное значение таким впечатлениям, которым придавать значение вовсе не следовало». Мы молчим и затем говорим, что вот-де брошюрами можно пока ограничиться. Плеханов сердится: «я о брошюрах не думал и не думаю. *На меня не рассчитывайте.* Если вы уезжаете, то я ведь сидеть сложа руки не стану и могу вступить до вашего возвращения в иное предприятие».

Ничто так не уронило Плеханова в моих глазах, как это его заявление, когда я вспоминал его потом и обдумывал его всесторонне. Это была такая грубая угроза, так плохо рассчитанное запугиванье, что оно могло только «доконать». Плеханова, обнаружив его

«политику» по отношению к нам: достаточно-де будет их хорошенько припугнуть...

Но на угрозу мы не обратили *ни малейшего внимания.* Я только сжал молча губы: хорошо, мол, ты так — ну à la guerre comme à la guerre*, но дурак же ты, если не видишь, что мы теперь уже не те, что мы за одну ночь совсем переродились.

И вот, увидав, что угроза не действует, Плеханов пробует другой маневр. Как же не назвать в самом деле маневром, когда он стал через несколько минут, тут же, говорить о том, что разрыв с нами равносилен для него полному отказу от политической деятельности, что он отказывается от нее и уйдет в научную, чисто научную литературу, ибо если-де он уж с нами не может работать, то, значит, ни с кем не может... Не действует запугивание, так, может быть, поможет лесть!.. Но *после* запугивания это могло произвести только отталкивающее впечатление... Разговор был короткий, дело не клеилось; Плеханов перевел, видя это, беседу на жестокость русских в Китае, но говорил почти что он один, и мы вскоре разошлись.

Беседа с П. Б. и В. И., после ухода Плеханова, не представляла уже из себя ничего интересного и существенного: П. Б. извивался, стараясь доказать нам, что Плеханов тоже убит, что теперь на нашей душе грех будет, если мы так уедем, и пр. и пр. В. И. в интимной беседе с Арсеньевым признавалась, что «Жорж» всегда был такой, признавалась в своем «героизме раба», призналась, что «это для него урок будет», если мы уедем.

Остаток вечера провели пусто, тяжело.

На другой день, вторник 28 августа н. ст., надо уезжать в Женеву и оттуда в Германию. Рано утром будит меня (обыкновенно поздно встающий) Арсеньев. Я удивляюсь: он говорит, что спал плохо и что придумал последнюю возможную комбинацию, чтобы хоть кое-как наладить дело, чтобы из-за порчи *личных* отношений не дать погибнуть серьезному *партийному* предприятию. Издадим *сборник,* — благо материал уже

* — коль война, так по-военному. *Ред.*

намечен, связи с типографией налажены. Издадим сборник пока при теперешних неопределенных редакторских отношениях, а там увидим: от сборника одинаково легок переход и к журналу и к брошюрам. Если же Плеханов заупрямится, — тогда черт с ним, мы будем знать, что сделали все, что могли... Решено.

Идем сообщать Павлу Борисовичу и Вере Ивановне и встречаем их: они шли к нам. Они, конечно, охотно соглашаются, и П. Б. берет на себя поручение переговорить с Плехановым и побудить его согласиться.

Приезжаем в Женеву и ведем *последнюю беседу* с Плехановым. Он берет топ такой, будто вышло лишь печальное недоразумение на почве нервности: участливо спрашивает Арсеньева о его здоровье и почти обнимает его — тот чуть не отскакивает. Плеханов соглашается на сборник: мы говорим, что по вопросу об организации редакторского дела возможны три комбинации (1. мы редакторы, он — сотрудник; 2. мы все соредакторы; 3. он — редактор, мы — сотрудники), что мы обсудим в России все эти три комбинации, выработаем проект и привезем сюда. Плеханов заявляет, что он решительно отказывается от 3-ей комбинации, решительно настаивает на совершенном исключении *этой* комбинации, на первые же *обе* комбинации *соглашается.* Так и порешили: пока, *впредь до представления* нами проекта нового редакторского режима, оставляем старый порядок (соредакторы все шесть, причем 2 голоса у Плеханова).

Плеханов выражает затем желание разузнать хорошенько, в чем же собственно дело-то было, чем мы недовольны. Я замечаю, что может быть лучше будет, если мы больше внимания уделим тому, что будет, а не тому, что было. Но Плеханов настаивает, что надо же выяснить, разобрать. Завязывается беседа, в которой участвуем почти только Плеханов и я — Арсеньев и П. Б. молчат. Беседа ведется довольно спокойно, даже вполне спокойно. Плеханов говорит, что он заметил, будто Арсеньев был раздражен отказом его насчет Струве, — я замечаю, что он, напротив, ставил нам условия — вопреки своему прежнему заявлению в лесу, что он условий не ставит. Плеханов защищается:

я-де молчал не потому, что ставил условия, а потому, что для меня вопрос был ясен. Я говорю о необходимости допускать полемику, о необходимости между нами голосований — Плеханов допускает последнее, но говорит: по частным вопросам, конечно, голосование, по основным — невозможно. Я возражаю, что именно разграничение основных и частных вопросов будет не всегда легко, что именно об этом разграничении необходимо будет голосовать между соредакторами. Плеханов упирается, говорит, что это уже дело совести, что различие между основными и частными вопросами дело ясное, что тут голосовать нечего. Так на этом споре — допустимо ли голосование между соредакторами по вопросу о разграничении основных и частных вопросов — мы и застряли, не двигаясь ни шагу дальше. Плеханов проявил всю свою ловкость, весь блеск своих примеров, сравнений, шуток и цитат, невольно заставлявших смеяться, но этот вопрос так-таки и замял, не сказав прямо: нет. У меня получилось убеждение, что он именно не мог уступить здесь, по этому пункту, не мог отказаться от своего «индивидуализма» и от своих «ультиматумов», ибо он по подобным вопросам не стал бы голосовать, а стал бы именно ставить ультиматумы.

В тот же день вечером я уехал, не видавшись больше ни с кем из группы «Освобождение труда». Мы решили не говорить о происшедшем никому, кроме самых близких лиц, — решили соблюсти аппарансы[130], — не дать торжествовать противникам. По внешности — как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла, — только внутри порвалась какая-то струна, и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие, с постоянным расчетом: по формуле si vis pacem, para bellum[*].

Небезынтересно только отметить вечером того же дня один разговор, который я вел с ближайшим товарищем и сторонником Плеханова, членом группы «Социал-демократ». Я не сказал ему ни слова о происшедшем,

[*] — если хочешь мира, готовься к войне. *Ред.*

сказал, что журнал намечен, статьи назначены — пора за дело. Беседовал с ним о том, как практически наладить дело: он всецело высказывался за то, что старики решительно неспособны на редакторскую работу. Беседовал о «3-х комбинациях» и прямо спросил его: какая, по его мнению, всех лучше? Он прямо и не колеблясь ответил: 1-ая (мы — редакторы, они — сотрудники), но-де, вероятно, журнал будет Плеханова, газета — ваша.

По мере того, как мы отходили подальше от происшедшей истории, мы стали относиться к ней спокойнее и приходить к убеждению, что дело бросать совсем не резон, что бояться нам взяться за редакторство *(сборника)* пока нечего, а взяться необходимо именно нам, ибо иначе нет абсолютно никакой возможности заставить правильно работать машину и не дать делу погибнуть от дезорганизаторских «качеств» Плеханова.

По приезде в N[131], 4 или 5 сентября, мы уже выработали проект *формальных* отношений между нами (я начал писать этот проект еще дорогой, в вагоне ж. д.), и проект этот делал нас — редакторами, их — сотрудниками с правом голоса по всем редакционным вопросам[*]. Этот проект и решено было обсудить совместно с Егором (Мартовым), а затем преподнести им.

Искра начала *подавать надежду* опять разгореться.

Написано в начале сентября (н. ст.) 1900 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в Ленинском сборнике I

Печатается по рукописи

---

[*] См. следующий документ. *Ред.*

ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ

1. Ввиду солидарности основных взглядов и тождества практических задач заграничной группы «Социал-демократ» и русской группы, издающей сборник «Зарю» и газету «Искру», названные организации заключают между собою союз.

2. Обе группы оказывают друг другу всестороннюю поддержку —

во-1-х, в литературном отношении. Группа «Освобождение труда» принимает ближайшее редакционное участие в сборнике «Заря» и газете «Искра»*;

во-2-х, в деле доставки и распространения литературы, расширения и упрочения революционных связей и приискания материальных средств.

3. Заграничными представителями группы «Искры» являются группа «Социал-демократ» и особые агенты «Искры».

4. Письма и посылки, адресуемые из-за границы для группы «Искры», направляются по адресу группы «Социал-демократ». В тех случаях, когда за границей есть кто-либо из членов группы «Искры», — вся корреспонденция пересылается ему. Если же за границей не находится в данное время ни одного члена группы «Искры», то группа «Социал-демократ» и особые агенты «Искры» берут на себя ее дела.

Написано в начале сентября (н. ст.) 1900 г.

Впервые напечатано в 1940 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 3

Печатается по рукописи

* Условия этого участия определены особым соглашением[132].

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ»

ОТ РЕДАКЦИИ

Предпринимая издание политической газеты — «Искра», мы считаем необходимым сказать несколько слов о том, к чему мы стремимся и как понимаем свои задачи.

Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии. Последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением социал-демократических идей среди нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет самостоятельно возникшее движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, начинает с жадностью стремиться к социализму. Кружки рабочих и социал-демократов интеллигентов появляются повсюду, распространяются местные агитационные листки, растет спрос на социал-демократическую литературу, далеко обгоняя предложение, а усиленные правительственные преследования не в силах удержать этого движения. Битком набиты тюрьмы, переполнены места ссылки, чуть не каждый месяц слышно о «провалах» во всех концах России, о поимке транспортов, о конфискации литературы и типографий, но движение все растет, захватывает все больший район, все глубже проникает в рабочий класс, все больше привлекает общественное внимание. И все экономическое развитие России, вся история русской общественной мысли и русского революционного

Россійская
Соціалдемократическая
Рабочая Партія

„Изъ искры возгорится пламя".
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Предпринимая изданіе политической газеты — „Искра", мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, къ чему мы стремимся и какъ понимаемъ свои задачи.

Первая страница отдельного листка
«Заявление редакции «Искры»». — 1900 г.

Уменьшено

движения ручаются за то, что социал-демократическое рабочее движение будет расти, несмотря на все препятствия, и в конце концов — преодолеет их.

Но, с другой стороны, главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время, — его раздробленность, его, так сказать, кустарный характер: местные кружки возникают и действуют независимо друг от друга и даже (что особенно важно) независимо от кружков, действовавших и действующих в тех же центрах; не устанавливается традиции, нет преемственности, и местная литература всецело отражает раздробленность и отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией.

Несоответствие этой раздробленности с запросами, вызываемыми силою и широтой движения, создает, по нашему мнению, критический момент в его развитии. В самом движении с неудержимой силой сказывается потребность упрочиться, выработать определенную физиономию и организацию, а между тем в среде практически действующих социал-демократов необходимость такого перехода к высшей форме движения сознается далеко не везде. В довольно широких кругах наблюдается, наоборот, шатанье мысли, увлечение модной «критикой марксизма» и «бернштейниадой», распространение взглядов так называемого «экономического» направления и в неразрывной связи с этим — стремление задержать движение на его низшей стадии, стремление отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии, ведущей борьбу во главе всего народа. Что подобного рода шатанье мысли наблюдается среди русских социал-демократов, что узкий практицизм, оторванный от теоретического освещения движения в его целом, грозит совратить движение на ложную дорогу, *это факт;* в этом не могут усомниться люди, непосредственно знакомые с положением дел в большинстве наших организаций. Да есть и литературные произведения, подтверждающие это: стоит назвать хотя бы «Credo», вызвавшее уже вполне законный протест, «Отдельное приложение к «Рабочей Мысли»» (сентябрь 1899), столь рельефно выразившее тенденцию,

проникающую *всю* газету «Рабочая Мысль», или наконец — воззвание петербургской «Группы самоосвобождения рабочего класса»[133], составленное в духе того же «экономизма». И *совершенно неверно* утверждение «Рабочего Дела», что «Credo» представляет собою не больше, как мнение единичных лиц, что направление «Рабочей Мысли» выражает лишь сумбурность и бестактность ее редакции, а не особое направление в самом ходе русского рабочего движения.

А рядом с этим в произведениях писателей, которых читающая публика, с большим или меньшим основанием, считала до сих пор видными представителями «легального» марксизма, все более и более обнаруживается поворот к воззрениям, сближающимся с буржуазной апологетикой. Результатом всего этого и является тот разброд и та анархия, благодаря которым экс-марксист или вернее экс-социалист Бернштейн, перечисляя свои успехи, мог печатно заявить, не встречая возражений, будто большинство действующих в России социал-демократов состоит из его последователей.

Мы не хотим преувеличивать опасность положения, но закрывать на нее глаза было бы неизмеримо вреднее; вот почему мы от всей души приветствуем решение группы «Освобождение труда» возобновить ее литературную деятельность и начать систематическую борьбу против попыток извращения и опошления социал-демократизма.

Практический вывод из всего этого такой: мы, русские социал-демократы, должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии. Именно эта задача была намечена уже съездом 1898 года, образовавшим Российскую социал-демократическую рабочую партию и опубликовавшим ее «Манифест».

Мы признаем себя членами этой партии, вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему важное значение, как открытому заявлению ее целей. Поэтому для нас, как членов партии, вопрос о ближайшей и непосредственной нашей задаче ставится таким

образом: какой план деятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно более прочного возобновления партии?

Обычный ответ на этот вопрос состоит в том, что необходимо снова выбрать центральное учреждение и поручить ему возобновить орган партии. Но в переживаемый нами период разброда такой простой путь едва ли был бы целесообразен.

Создать и упрочить партию значит создать и упрочить объединение всех русских социал-демократов, а — по указанным выше причинам — такого объединения нельзя декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключающее ту разноголосицу и путаницу, которая — будем откровенны! — царит среди русских социал-демократов в настоящее время; необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой. Необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработается такая организация, когда будет создана русская социалистическая почта, партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а следовательно, и могущественной политической силой. Первой половине этой задачи, т. е. выработке общей, принципиально выдержанной литературы, способной идейно объединить революционную социал-демократию, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к восстановлению деятельности партии.

Как мы уже говорили, идейное объединение русских социал-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экономистами»,

бернштейнианцами и «критиками». Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм, и нам вряд ли есть надобность добавлять, что мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса и решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и многих других. Но, обсуждая все вопросы с своей определенной точки зрения, мы вовсе не отвергаем полемику между товарищами на страницах нашего органа. Открытая полемика пред всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают не только представители различных взглядов, но даже представители различных местностей или различных «профессий» революционного движения. Мы считаем даже, как уже было замечено выше, одним из недочетов современного движения отсутствие открытой полемики между заведомо расходящимися взглядами, стремление держать под спудом разногласия, касающиеся очень серьезных вопросов.

Мы не станем подробно перечислять тех вопросов и тем, которые входят в программу нашего органа, ибо эта программа сама собою вытекает из общего понятия о том, чем должна быть издаваемая, при данных условиях, политическая газета.

По мере наших сил мы будем стремиться к тому, чтобы все русские товарищи смотрели на наше издание как на свой орган, в который каждая группа сообщала бы все сведения о движении, с которым бы она делилась

своим опытом, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что она вносит в движение и что она выносит из него. Только при таком условии возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа. Только такой орган способен вывести движение на широкий путь политической борьбы. «Раздвинуть рамки и расширить содержание нашей пропагандистско-агитационной и организаторской деятельности» — эти слова П. Б. Аксельрода должны стать лозунгом, определяющим в ближайшем будущем деятельность русских социал-демократов, и мы принимаем этот лозунг в программу своего органа.

Мы обращаем свой призыв не только к социалистам и сознательным рабочим. Мы призываем также всех, кого гнетет и давит современный политический строй, мы предлагаем им страницы наших изданий для разоблачения всех гнусностей русского самодержавия.

Кто понимает социал-демократию, как организацию, служащую исключительно стихийной борьбе пролетариата, тот может удовлетвориться только местной агитацией и «чисто рабочей» литературой. Мы не так понимаем социал-демократию: мы понимаем ее как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом.

* *
*

Газета будет выходить в объеме около 1—2 печатных листов номер.

Срок выхода, ввиду условий русской нелегальной печати, заранее не определяется.

Нам обещаны — сотрудничество нескольких выдающихся представителей международной социал-демократии, ближайшее участие группы «Освобождение труда» (Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич) и поддержка со стороны нескольких организаций Российской социал-демократической рабочей партии, а также отдельных групп русских социал-демократов.

Написано в августе, позднее 23 (5 сентября) 1900 г.

Напечатано в 1900 г. отдельным листком в издании «Искры»

Печатается по тексту листка

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія

МАЙСКІЕ ДНИ ВЪ ХАРЬКОВѢ

Изданіе „ИСКРЫ“.

Типографія „Искры“ Январь 1901

Обложка брошюры «Майские дни в Харькове». — 1901 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «МАЙСКИЕ ДНИ В ХАРЬКОВЕ»

Предлагаемая брошюра представляет из себя описание знаменитой маевки 1900 г. в Харькове, составленное Харьковским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии на основании описаний самих рабочих. Она прислана нам в виде корреспонденции, но мы сочли необходимым издать ее отдельно, как вследствие ее значительного объема, так и ввиду того, чтобы как можно легче было распространить ее в возможно большем количестве и возможно шире. Через полгода русские рабочие будут праздновать первое мая первого года нового века, — и пора позаботиться о том, чтобы это празднество охватило как можно больше центров, чтобы оно было как можно внушительнее не только числом своих участников, но и их организованностью, их сознательностью, их решимостью начать бесповоротную борьбу за политическое освобождение русского народа, а тем самым и за свободное поприще классового развития пролетариата и открытой борьбы его за социализм. Пора начать готовиться к новой маевке, и одной из важных подготовительных мер должно быть ознакомление с тем, чего уже достигло социал-демократическое движение в России, рассмотрение того, что еще недостает нашему движению вообще и маевке в частности, и как мы должны пополнить эти недочеты, как добиться лучших результатов.

Харьковская маевка показывает, какой крупной политической демонстрацией способно стать празднование рабочего праздника и чего недостает нам для

того, чтобы это празднование действительно стало великой общерусской демонстрацией сознательного пролетариата. Что придало майским дням в Харькове характер выдающегося события? Массовое участие рабочих в забастовке, громадные тысячные собрания на улицах, развертывающие красные знамена, провозглашающие требования, указанные в прокламациях, революционный характер этих требований: 8-часовой рабочий день и политическая свобода. Сказка о том, будто русские рабочие не доросли еще до политической борьбы, будто их главное дело — чисто экономическая борьба, лишь понемногу и потихоньку дополняемая частичной политической агитацией за отдельные политические реформы, а не за борьбу против всего политического строя России, — эта сказка решительно опровергается харьковской маевкой. Но мы хотим здесь обратить внимание на другую сторону дела. Доказав еще и еще раз политические способности русских рабочих, маевка в Харькове показывает в то же время, чего нам недостает для полного развития этих способностей.

Харьковские социал-демократы постарались подготовить маевку, распространив брошюры и листки заранее; был составлен рабочими и план общей демонстрации и речей на Конной площади. Отчего не удался этот план? Харьковские товарищи отвечают на это так: оттого, что силы «главного штаба» сознательных социалистов-рабочих были распределены неравномерно, в одном заводе много, в других мало; оттого, далее, что план рабочих «был известен властям», принявшим, разумеется, все меры для разъединения рабочих. Вывод ясен: нам недостает *организации.* Масса рабочих всколыхнулась уже и готова идти за социалистическими вождями, но «главному штабу» не удалось еще сорганизовать крепкого ядра, правильно распределяющего все наличные силы сознательных рабочих, обеспечивающего настолько конспиративную (тайную) постановку дела, чтобы заранее составленные планы действия оставались неизвестны не только властям, но и всем, стоящим вне организации. Эта организация должна

быть *революционной* организацией: она должна быть составлена из людей, вполне ясно сознавших задачи социал-демократического рабочего движения и решившихся на бесповоротную борьбу с современным политическим строем, она должна соединить в себе то социалистическое знание и тот революционный опыт, который выработали уроки многих десятилетий в русской революционной интеллигенции, с тем знанием рабочей среды и умением агитировать в массе и вести ее за собой, которое свойственно передовикам-рабочим. Не о проведении искусственно сочиненной грани между интеллигентами и рабочими, не о создании «чисто рабочей» организации, а именно о таком соединении должны мы заботиться прежде всего и больше всего. Мы позволим себе напомнить здесь следующие слова Г. Плеханова:

«Необходимым условием этой (агитационной) деятельности является сплочение уже готовых революционных сил. Кружковой пропагандой могут заниматься люди, ничем не связанные между собой, даже не подозревающие существования один другого. Конечно, отсутствие организации всегда отзывается и на пропаганде, но оно не делает ее невозможной. В эпохи же сильного общественного возбуждения, когда политическая атмосфера насыщена электричеством и когда то здесь, то там, по самым различным, самым непредвиденным поводам происходят все более и более частые вспышки, свидетельствующие о приближении революционной бури, — короче, когда надо агитировать или оставаться за флагом, в такие эпохи *только организованные* революционные силы могут иметь серьезное влияние на ход событий. Отдельная личность становится тогда бессильной, революционное дело оказывается по плечу только единицам высшего порядка: *революционным организациям»* (Г. Плеханов. «О задачах социалистов в борьбе с голодом», стр. 83).

В истории русского рабочего движения наступает именно такая эпоха возбуждения и вспышек по самым различным поводам, и, если мы не хотим остаться «за флагом», мы должны направить все усилия на создание

общерусской организации, способной руководить всеми отдельными вспышками, и таким образом достигнуть того, чтобы приближающаяся буря (о которой говорит также харьковский рабочий в конце брошюры) была не стихийной бурей, а сознательным движением пролетариата, восставшего во главе всего народа против самодержавного правительства.

Кроме наглядного указания на недостаточную сплоченность и подготовленность наших революционных организаций, харьковская маевка дает еще одно не менее важное практическое указание. «С первомайским праздником и манифестацией, — говорится в брошюре, — неожиданно переплелись различные практические требования, предъявленные без соответствующей подготовки и поэтому, конечно, осужденные, в общем, на неудачу». Возьмем, напр., требования рабочих железнодорожных мастерских: из 14 требований 11 представляют из себя требования отдельных мелких улучшений, вполне достижимых и при современных политических порядках: увеличение платы, сокращение рабочего времени, устранение злоупотреблений. Наряду с этими требованиями, как бы совершенно однородные с ними, стоят три такие требования: 4) ввести 8-часовой рабочий день; 7) гарантировать неприкосновенность личности рабочих после майских событий; 10) учредить комиссию из рабочих и администрации для разбора всяких недоразумений между обеими сторонами. Первое из этих требований (п. 4) есть общее требование всемирного пролетариата; выставление этого требования указывает, по-видимому, на то, что передовые харьковские рабочие понимают свою солидарность со всемирным социалистическим рабочим движением. Но именно поэтому подобное требование не следует ставить в числе частных требований, между требованиями, чтобы мастера лучше обращались и чтобы плату повысили на 10 процентов. Требования об увеличении платы и об улучшении обращения могут быть предъявляемы (и должны быть предъявляемы) рабочими отдельных ремесл к их хозяевам; это — требования цеховые, требования отдельных разрядов рабочих. Требование

же 8-часового рабочего дня есть требование всего пролетариата, обращенное не к отдельным хозяевам, а к государственной власти, как к представительнице всего современного общественного и политического строя, ко всему классу капиталистов, владеющих всеми средствами производства. Требование 8-часового рабочего дня приобрело особое значение: оно есть заявление солидарности с международным социалистическим движением. Мы должны позаботиться о том, чтобы рабочие сознали эту разницу, чтобы они не сводили требование 8-часового рабочего дня на уровень такого же требования, как требование бесплатных билетов или удаление сторожа. В течение всего года рабочие то здесь, то там предъявляют постоянно различные частные требования хозяевам и борются за них: помогая этой борьбе, социалисты должны всегда указывать на ее связь с борьбой пролетариата всех стран за свое освобождение. И день первого мая должен быть днем торжественного заявления того, что рабочие сознают эту связь и решительно примыкают к этой борьбе.

Возьмем десятое требование об учреждении комиссии для разбора недоразумений. Такая комиссия из выборных от рабочих и от администрации могла бы, конечно, принести много пользы, но только при условии полной свободы выборов и полной независимости депутатов. Какая польза будет от комиссии, если будут рассчитывать тех рабочих, которые поведут борьбу против выбора ставленников начальства, которые будут резко нападать на администрацию, разоблачая все ее притеснения? А таких рабочих не только будут рассчитывать, но и арестовывать. Значит, для того, чтобы такая комиссия принесла пользу рабочим, нужно, во-первых, чтобы депутаты не зависели от начальства фабрики; это достижимо только при существовании свободного союза рабочих, союза, охватывающего много фабрик, имеющего свою кассу и готового отстоять своих депутатов. Комиссия может быть полезна только при объединении многих фабрик, по возможности всех фабрик данного ремесла. Далее, для этого нужно,

во-вторых, чтобы личность рабочих была неприкосновенна, т. е. чтобы их не могли арестовать по произволу полиции и жандармерии. Это требование — гарантировать неприкосновенность личности рабочих — и было предъявлено (п. 7). Но спрашивается, от кого же могут требовать рабочие гарантирования неприкосновенности личности и свободы союзов (необходимой, как мы видели, для успеха комиссий)? Только от государственной власти, потому что отсутствие неприкосновенности личности и свободы союзов зависит от основных законов русского государства, и даже больше того: зависит от формы государственного правления в России. По форме правления Россия есть неограниченная монархия. Царь — самодержавен, он один издает законы и назначает всех высших чиновников без всякого участия народа и народных представителей. При таком государственном устройстве личность не может быть неприкосновенна, союзы граждан вообще, а рабочих в особенности, не могут быть свободны. Поэтому требование от самодержавного правительства, чтобы оно гарантировало неприкосновенность личности (и свободу союзов), не имеет никакого смысла: такое требование равносильно требованию политических прав для народа, а самодержавное правительство потому и называется самодержавным, что означает политическое бесправие народа. Гарантировать неприкосновенность личности (и свободу союзов) возможно будет только тогда, когда в издании законов и во всем государственном управлении будут участвовать *народные представители.* Пока нет народного представительства, даже те маленькие уступки, которые дает рабочим одной рукой самодержавное правительство, оно будет всегда отнимать другой рукой. Харьковская маевка еще и еще раз наглядно показала это: губернатор, по требованию массы рабочих, освободил арестованных, а затем через несколько дней по приказу из Петербурга снова похватали десятки рабочих! Губернское и фабричное начальство «гарантирует» неприкосновенность депутатов, а жандармерия хватает их и бросает в одиночные тюрьмы или высылает из города! Какая

может быть польза народу от такого гарантирования?

И вот почему рабочие должны требовать от царя созыва народных представителей, созыва земского собора. В прокламации, распространенной в Харькове перед первым мая этого года, было заявлено это требование, и мы видели, что часть передовых рабочих вполне усвоила себе его значение. Мы должны позаботиться о том, чтобы *все* передовые рабочие ясно поняли необходимость этого требования, чтобы они распространили его не только среди рабочих масс, но и среди всех слоев народа, приходящих в соприкосновение с рабочими и с интересом допытывающихся, из-за чего борются социалисты и «городские» рабочие? В настоящем году на вопросы фабричного инспектора, что собственно нужно рабочим, только один голос крикнул: «конституции», и этот голос был так одинок, что корреспондент несколько посмеивается, говоря: «один пролетарий *выпалил»*. Другой корреспондент прямо говорит, что «в данном случае» этот ответ был «полукомическим» (см. «Рабочее движение в Харькове», отчет «Харьковского комитета Российской социал-демократической рабочей партии», изданный «Рабочим Делом». Женева, сентябрь 1900 г., стр. 14). Собственно говоря, ничего смешного в таком ответе не было: смешным могло показаться только несоответствие этого одиноко заявленного требования изменить весь государственный строй с требованиями сократить на полчаса рабочий день и производить в рабочие часы получку. Но связь между этими последними требованиями и требованием конституции есть несомненно, и если мы добьемся (а мы несомненно добьемся этого), чтобы эту связь сознали массы, то крик: «конституции!» будет уже не одинок, а раздастся из уст тысяч и сотен тысяч, и тогда этот крик будет уже не смешным, а грозным. Рассказывают, что некто, проезжая во время майских дней по Харькову, спросил извозчика, чего собственно хотят рабочие, и тот ответил: «Требуют, вишь, восьми часов работы и своей газеты». Этот извозчик понял уже, что рабочие не удовлетворятся какими-

нибудь подачками, что они хотят чувствовать себя свободными людьми, хотят свободно и открыто заявлять о своих нуждах и бороться за них. Но в его ответе не видно еще сознания того, что рабочие борются за свободу всего народа, за его право участвовать в управлении государством. Когда требование, чтобы царь созвал народных представителей, будет с полною сознательностью и непоколебимой твердостью повторено рабочими массами во всех промышленных городах и фабричных местностях России, когда рабочие достигнут того, чтобы все городское население и весь приходящий в города деревенский люд поняли, чего хотят социалисты и за что борются рабочие, тогда от нас недалек уже будет великий день освобождения народа от полицейского самовластия!

Написано между 5 (18) октября и 3 (16) ноября 1900 г.

Напечатано в январе 1901 г. в брошюре, изданной «Искрой»

Печатается по тексту брошюры

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Из искры возгорится пламя!“ Ответ декабристов Пушкину

№ 1. ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА № 1.

НАСУЩНЫЯ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНІЯ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ЛИБКНЕХТЪ.

Первая страница
№ 1 газеты «Искра». — Декабрь 1900 г.

НАСУЩНЫЕ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

Русская социал-демократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы. Это заявляли больше 15 лет тому назад представители русской социал-демократии, члены группы «Освобождение труда», это заявили два с половиной года тому назад и представители русских социал-демократических организаций, образовавшие весной 1898 года Российскую социал-демократическую рабочую партию. Но, несмотря на эти неоднократные заявления, вопрос о политических задачах социал-демократии в России снова выступает на очередь в настоящее время. Многие представители нашего движения выражают сомнение в правильности указанного решения вопроса. Говорят, что преобладающее значение имеет экономическая борьба, отодвигают на второй план политические задачи пролетариата, суживают и ограничивают эти задачи, заявляют даже, что разговоры об образовании самостоятельной рабочей партии в России просто повторение чужих слов, что рабочим надо вести одну экономическую борьбу, предоставив политику интеллигентам в союзе с либералами. Это последнее заявление нового символа веры (пресловутое «Credo») сводится уже прямо к признанию русского пролетариата несовершеннолетним и к полному отрицанию социал-демократической программы. А «Рабочая Мысль» (особенно в «Отдельном приложении»)

высказалась в сущности в том же смысле. Русская социал-демократия переживает период колебаний, период сомнений, доходящих до самоотрицания. С одной стороны, рабочее движение отрывается от социализма: рабочим помогают вести экономическую борьбу, но им вовсе не разъясняют при этом или недостаточно разъясняют социалистических целей и политических задач всего движения в целом. С другой стороны, социализм отрывается от рабочего движения: русские социалисты опять начинают все больше и больше говорить о том, что борьбу с правительством должна вести одними своими силами интеллигенция, ибо рабочие ограничиваются лишь экономической борьбой.

Троякого рода обстоятельства подготовили, по нашему мнению, почву для этих печальных явлений. Во-первых, в начале своей деятельности русские социал-демократы ограничивались одной кружковой пропагандистской работой. Перейдя к агитации в массах, мы не всегда могли удержаться от того, чтобы не впасть в другую крайность. Во-вторых, в начале своей деятельности нам приходилось очень часто отстаивать свое право на существование в борьбе с народовольцами, которые понимали под «политикой» деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщической борьбы. Отвергая такую политику, социал-демократы впадали в крайность, отодвигая на второй план политику вообще. В-третьих, разрозненно действуя в местных мелких рабочих кружках, социал-демократы недостаточно обращали внимание на необходимость организации революционной партии, объединяющей всю деятельность местных групп и дающей возможность правильно поставить революционную работу. А преобладание разрозненной работы естественно связано с преобладанием экономической борьбы.

Все указанные обстоятельства породили увлечение одной стороной движения. «Экономическое» направление (поскольку тут можно говорить о «направлении») создало попытки возвести эту узость в особую теорию, попытки воспользоваться для этой цели модной

бернштейниадой, модной «критикой марксизма», проводящей старые буржуазные идеи под новым флагом. Лишь эти попытки породили опасность ослабления связи между русским рабочим движением и русской социал-демократией, как передовым борцом за политическую свободу. И самая насущная задача нашего движения состоит в укреплении этой связи.

Социал-демократия есть соединение рабочего движения с социализмом, ее задача — не пассивное служение рабочему движению на каждой его отдельной стадии, а представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели, его политических задач, охрана его политической и идейной самостоятельности. Оторванное от социал-демократии, рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий, изменяет великому завету: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»[134]. Во всех странах был такой период, когда рабочее движение и социализм существовали отдельно друг от друга и шли особой дорогой, — и во всех странах такая оторванность приводила к слабости социализма и рабочего движения; во всех странах только соединение социализма с рабочим движением создавало прочную основу и для того и для другого. Но в каждой стране это соединение социализма с рабочим движением вырабатывалось исторически, вырабатывалось особым путем, в зависимости от условий места и времени. В России необходимость соединения социализма и рабочего движения теоретически провозглашена уже давно, — но практически это соединение вырабатывается лишь в настоящее время. Процесс этой выработки есть очень трудный процесс, и нет ничего особенно удивительного в том, что он сопровождается разными колебаниями и сомнениями.

Какой же урок вытекает для нас из прошлого?

История всего русского социализма привела к тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба

против самодержавного правительства, завоевание политической свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием. С другой стороны, история показала, что в России оторванность социалистической мысли от передовых представителей трудящихся классов гораздо больше, чем в других странах, и что при такой оторванности русское революционное движение осуждено на бессилие. Отсюда сама собою вытекает та задача, которую призвана осуществить русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением. Много уже сделано в этом отношении русской социал-демократией; но еще больше остается сделать. С ростом движения поприще деятельности для социал-демократии становится все шире, работа все разностороннее, все большее число деятелей движения сосредоточивает свои силы на осуществлении различных частных задач, которые выдвигаются повседневными нуждами пропаганды и агитации. Это явление совершенно законное и неизбежное, но оно заставляет обращать особое внимание на то, чтобы частные задачи деятельности и отдельные приемы борьбы не возводились в нечто самодовлеющее, чтобы подготовительная работа не возводилась на степень главной и единственной работы.

Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса — наша главная и основная задача. Всякий, кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению. Отодвигают же ее, во-первых, те, кто зовет революционеров на борьбу с правительством силами отдельных заговорщических кружков, оторванных от рабочего движения. Отодвигают эту задачу, во-вторых, те, кто суживает содержание и размах политической пропаганды, агитации и организации, кто считает возможным и уместным угощать рабочих «политикой» только

в исключительные моменты их жизни, только в торжественных случаях, кто слишком заботливо разменивает политическую борьбу против самодержавия на требование отдельных уступок от самодержавия и недостаточно заботится о том, чтобы эти требования отдельных уступок возвести в систематическую и бесповоротную борьбу революционной рабочей партии против самодержавия.

«Организуйтесь!», повторяет рабочим на разные лады газета «Рабочая Мысль», повторяют все сторонники «экономического» направления. И мы, конечно, всецело присоединяемся к этому кличу, но мы непременно добавим к нему: организуйтесь не только в общества взаимопомощи, стачечные кассы и рабочие кружки, организуйтесь также и в политическую партию, организуйтесь для решительной борьбы против самодержавного правительства и против всего капиталистического общества. Без такой организации пролетариат не способен подняться до сознательной классовой борьбы, без такой организации рабочее движение осуждено на бессилие, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на нем великую историческую задачу: освободить себя и весь русский народ от его политического и экономического рабства. Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им. И русский рабочий класс показал уже, что он способен выдвигать таких людей: широко разлившаяся борьба русских рабочих за 5—6 последних лет показала, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, как самые отчаянные правительственные преследования не уменьшают, а увеличивают число рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и к политической борьбе. Съезд наших товарищей в 1898 г. верно поставил задачу, а не повторил чужие слова, не выразил одно только увлечение «интеллигентов»... И мы должны решительно взяться за выполнение этих задач, поставив

на очередь вопрос о программе, организации и тактике партии. Как мы смотрим на основные положения нашей программы, мы уже сказали, а подробно развивать эти положения здесь, конечно, не место. Вопросам организационным мы намерены посвятить ряд статей в ближайших номерах. Это одни из самых больных наших вопросов. Мы сильно отстали в этом отношении от старых деятелей русского революционного движения; надо прямо признать этот недочет и направить свои силы на выработку более конспиративной постановки дела, на систематическую пропаганду правил ведения дела, приемов надувания жандармов и обхода сетей полиции. Надо подготовлять людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо подготовлять организацию, настолько крупную, чтобы в ней можно было провести строгое разделение труда между различными видами нашей работы. Что касается, наконец, до вопросов тактики, то мы ограничимся здесь следующим: социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, — она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях. При крепкой организованной партии отдельная стачка может превратиться в политическую демонстрацию, в политическую победу над правительством. При крепкой организованной партии восстание в отдельной местности может разрастись в победоносную революцию. Мы должны помнить, что борьба с правительством за отдельные требования, отвоевание отдельных уступок, это — только мелкие стычки с неприятелем, это — небольшие схватки на форпостах, а решительная схватка еще впереди. Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров

в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеева: «подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»[135].

Написано в октябре — начале ноября 1900 г.

Напечатано в декабре 1900 г. в газете «Искра» № 1

Печатается по тексту газеты

КИТАЙСКАЯ ВОЙНА

Россия заканчивает войну с Китаем: мобилизован целый ряд военных округов, затрачены сотни миллионов рублей, десятки тысяч войска отправлены в Китай, дан ряд сражений, одержан ряд побед, — побед, правда, не столько над регулярными войсками неприятеля, сколько над китайскими повстанцами и еще более над безоружными китайцами, которых топили и избивали, не останавливаясь перед умерщвлением детей и женщин, не говоря уже о грабеже дворцов, домов и лавок. И русское правительство, вместе с холопствующими перед ним газетами, торжествует победу, ликует по поводу новых подвигов доблестного воинства, ликует по поводу поражения китайской дикости европейскою культурою, по поводу новых успехов русской «цивилизаторской миссии» на Дальнем Востоке.

Не слышно только во всем этом ликовании голоса сознательных рабочих, этих передовых представителей многомиллионного рабочего народа. А всю тяжесть новых победоносных походов несет на себе именно рабочий народ: у него отнимают работников для отправки за тридевять земель, с него собирают особо повышенные подати на миллионные расходы. Попробуем же разобраться в вопросе: как должны относиться социалисты к этой войне? в чьих интересах она ведется? каково настоящее значение той политики, которой следует русское правительство?

Правительство наше уверяет, прежде всего, что оно даже не ведет войны с Китаем: оно только подавляет восстание, усмиряет мятежников, помогает законному китайскому правительству восстановить законный порядок. Война не объявлена, но суть дела от этого нимало не меняется, так как война все равно ведется. Чем же вызвано нападение китайцев на европейцев, этот мятеж, усмиряемый с таким рвением англичанами, французами, немцами, русскими, японцами и проч.? «Враждой желтой расы к белой расе», «ненавистью китайцев к европейской культуре и цивилизации», — уверяют сторонники войны. Да, китайцы, действительно, ненавидят европейцев, но только каких европейцев они ненавидят, и за что? Не европейские народы ненавидят китайцы — с ними у них не было столкновений, — а европейских капиталистов и покорные капиталистам европейские правительства. Могли ли китайцы не возненавидеть людей, которые приезжали в Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизацией только для обмана, грабежа и насилия, которые вели с Китаем войны для того, чтобы получить право торговать одурманивающим народ опиумом (война Англии и Франции с Китаем в 1856 г.), которые лицемерно прикрывали политику грабежа распространением христианства? Эту политику грабежа давно уже ведут по отношению к Китаю буржуазные правительства Европы, а теперь к ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги. И ради наживы кучки капиталистов буржуазные правительства вели бесконечные войны, морили полки солдат в нездоровых тропических странах, бросали миллионы собранных с народа денег, доводили население до отчаянных восстаний и до

голодной смерти. Вспомните восстания индийских туземцев против Англии[136] и голод в Индии, или теперешнюю войну англичан с бурами[137].

И вот теперь жадные лапы европейских капиталистов потянулись к Китаю. Потянулось чуть ли не прежде всех и русское правительство, которое теперь так распинается о своем «бескорыстии». Оно «бескорыстно» взяло у Китая Порт-Артур и стало строить железную дорогу в Маньчжурию под охраной русских войск. Одно за другим, европейские правительства так усердно принялись грабить, то бишь, «арендовать» китайские земли, что недаром поднялись толки о разделе Китая. И если называть вещи их настоящим именем, то надо сказать, что европейские правительства (и русское едва ли не первое из них) уже начали раздел Китая. Но они начали раздел не открыто, а исподтишка, как воры. Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот мнимый мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, дерзающих поднять руку на цивилизованных европейцев. Занятие Ньючжуана и введение русских войск в пределы Маньчжурии, — это временные меры, заявляет российское самодержавное правительство в своей циркулярной ноте державам от 12-го августа 1900 года; эти меры «вызваны исключительно необходимостью отражать агрессивные действия китайских мятежников»; они «отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных планах, совершенно чуждых политике императорского правительства».

Бедное императорское правительство! Оно так христиански бескорыстно, а его так несправедливо обижают! Оно бескорыстно захватило несколько лет тому назад Порт-Артур и теперь бескорыстно захватывает Маньчжурию, оно бескорыстно наводнило пограничные с Россией области Китая сворой подрядчиков, инженеров и офицеров, доводивших своим обращением

даже известных своею покорностью китайцев до возмущения. На постройке китайской дороги рабочим-китайцам платили по 10 коп. в день на их содержании, — это ли еще не бескорыстие со стороны России?

Но чем же объяснить, что наше правительство ведет эту безумную политику в Китае? Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах (некоторые заводы, производящие предметы вооружения, припасы для войск и т. п., работают теперь вовсю и принанимают сотни новых поденщиков). Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе. Им нужна политика приключений, потому что в ней можно выслужиться, сделать карьеру, прославить себя «подвигами». Интересам этой кучки капиталистов и чиновных пройдох наше правительство, не колеблясь, приносит в жертву интересы всего народа. Самодержавное царское правительство и в этом случае, как и всегда, оказывается правительством безответственных чиновников, раболепствующих перед тузами-капиталистами и дворянами.

Какая польза русскому рабочему классу и всему рабочему народу от завоеваний в Китае? Тысячи разоренных семей, у которых отняты работники на войну, громадный рост государственных долгов и расходов, увеличение налогов, усиление власти капиталистов — эксплуататоров рабочих, ухудшение положения рабочих, еще большее вымирание крестьянства, голод в Сибири — вот что обещает принести и уже приносит с собою китайская война. Вся русская печать, все газеты и журналы находятся в рабстве, они не смеют ничего печатать без разрешения правительственных чиновников, — и потому мы не имеем точных сведений о том, во что обходится народу китайская война, но несомненно, что она требует денежных расходов во *много сотен миллионов рублей.* Есть сведения, что правительство сразу выдало на войну 150 миллионов

рублей по неопубликованному указу, да затем текущие расходы на войну поглощают по *одному миллиону рублей* каждые три или четыре дня. И эти бешеные деньги бросает правительство, которое бесконечно урезывало пособия голодающим крестьянам, торгуясь из-за каждой копейки, которое не находит денег на народное образование, которое, как любой кулак, выжимает соки из рабочих на казенных заводах, из мелких служащих в почтовых учреждениях и проч.!

Министр финансов Витте заявлял, что к 1-му января 1900 г. в казначействе имеется свободная наличность в 250 млн. руб., — теперь уже этих денег нет, они ушли на войну, правительство ищет займов, увеличивает налоги, отказывается от необходимых расходов за недостатком денег, приостанавливает постройку железных дорог. Царскому правительству грозит банкротство, а оно бросается в политику завоеваний, — политику, которая не только требует громадных денежных средств, но и грозит вовлечь в еще более опасные войны. Набросившиеся на Китай европейские державы начинают уже ссориться из-за дележа добычи, и никто не в состоянии сказать, как кончатся эти ссоры.

Но политика царского правительства в Китае представляет из себя не только надругательство над народными интересами, — она стремится развратить политическое сознание народных масс. Правительства, которые держатся только силой штыков, которым приходится постоянно сдерживать или подавлять народное возмущение, давно уже сознали ту истину, что народного недовольства не устранить ничем; надо попытаться отвлечь это недовольство от правительства на кого-нибудь другого. Разжигают, напр., вражду к евреям: площадные газеты травят евреев, как будто бы еврейский рабочий не страдает точно так же, как русский, от гнета капитала и полицейского правительства. В настоящее время поднят в печати поход против китайцев, кричат о дикой желтой расе, о ее вражде к цивилизации, о просветительных задачах России, о том, с каким воодушевлением идут в бой русские солдаты, и проч. и проч. Пресмыкающиеся перед пра-

вительством и перед денежным мешком журналисты из кожи лезут вон, чтобы разжечь ненависть в народе к Китаю. Но китайский народ ничем и никогда не притеснял русского народа: китайский народ сам страдает от тех же зол, от которых изнемогает и русский, — от азиатского правительства, выколачивающего подати с голодающих крестьян и подавляющего военной силой всякое стремление к свободе, — от гнета капитала, пробравшегося и в Срединное царство.

Русский рабочий класс начинает выбиваться из той политической забитости и темноты, в которой находится масса народа. На всех сознательных рабочих лежит поэтому долг — всеми силами восстать против тех, кто разжигает национальную ненависть и отвращает внимание рабочего народа от его истинных врагов. Политика царского правительства в Китае есть преступная политика, еще более разоряющая народ, еще более развращающая и угнетающая его. Царское правительство не только держит наш народ в рабстве, — оно посылает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 году, когда русские войска подавляли революцию в Венгрии). Оно не только помогает русским капиталистам эксплуатировать своих рабочих и связывает руки рабочим, чтобы они не смели соединяться и защищаться, оно посылает солдат грабить другие народы ради интересов кучки богачей и знати. Чтобы избавиться от нового ярма, которое взваливает война на рабочий народ, есть только одно средство: созыв народных представителей, которые положили бы конец самовластию правительства и заставили его считаться с интересами не одной только придворной шайки.

Написано в сентябре —
октябре 1900 г.

Напечатано в декабре 1900 г.
в газете «Искра» № 1

Печатается по тексту газеты

РАСКОЛ В ЗАГРАНИЧНОМ СОЮЗЕ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ [138]

Весной настоящего года в Швейцарии состоялся съезд членов Союза русских социал-демократов, приведший к расколу Союза. Меньшинство членов, имея во главе группу «Освобождение труда», основавшую Союз и бывшую до осени 1898 года редактором изданий Союза, образовало особую организацию под названием: Русская революционная организация «Социал-демократ». Большинство, в том числе редакция органа «Рабочее Дело», продолжает называть себя Союзом. Съезд русских социал-демократов, бывший весной 1898 года и образовавший «Российскую социал-демократическую рабочую партию», признал Союз заграничным представителем нашей партии. Как должны мы смотреть на вопрос о представительстве теперь, когда заграничный Союз раскололся? Мы не станем входить в подробности вопроса о причинах раскола. Отметим лишь неверность столь распространенного и столь тяжкого обвинения, будто Плеханов захватил типографию Союза. На самом деле распорядитель типографии отказался только выдать ее целиком одной из частей расколовшегося Союза, и обе стороны вскоре сами поделили между собой типографию. Наиболее существенен, с нашей точки зрения, тот факт, что «Рабочее Дело» было неправо по существу полемики: оно ошибочно отрицало существование «экономического» направления, оно держалось ошибочной тактики замалчивать крайности этого направления и воздерживаться от открытой борьбы с ними.

Ввиду этого мы, — нисколько не отрицая заслуг «Рабочего Дела», которое много потрудилось над изданием литературы и организацией доставки ее, — отказываемся признать одну из частей расколовшейся организации заграничным представителем нашей партии. До решения следующего съезда партии вопрос этот должен остаться открытым. Официальными заграничными представителями русской социал-демократии являются в настоящее время русские члены постоянного международного комитета, учрежденного Парижским международным социалистическим конгрессом осенью настоящего года[139]. От России в комитет выбраны два члена: Г. В. Плеханов и Б. Кричевский (один из редакторов «Рабочего Дела»). Пока между обеими фракциями русских социал-демократов не состоится примирения или соглашения, мы намерены вести все относящиеся к представительству России сношения с Г. В. Плехановым. Наконец, мы должны подать свой голос по вопросу о том, кого бы мы желали видеть секретарем от России в постоянном международном комитете. В настоящее время, когда социал-демократию стараются, под знаменем «критики марксизма», развратить буржуазной идеологией и политикой кротости и смирения по отношению к вооруженным с ног до головы врагам (буржуазным правительствам), на этом важном посту особенно необходим человек, способный устоять против течения и сказать влиятельное слово против шатания мысли. По этой причине, а равно и по указанным выше соображениям, мы подаем свой голос за Г. В. Плеханова.

Написано в ноябре, не позднее 25 (8 декабря) 1900 г.

Напечатано в декабре 1900 г. в газете «Искра» № 1

Печатается по тексту газеты

ЗАПИСЬ 29 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА

29/XII. 1900. Суббота, 2 ч. ночи.

Мне хотелось бы записать свои впечатления от сегодняшней беседы с «близнецом». Это было знаменательное и «историческое» в своем роде собрание (Арсеньев, Велика, близнец + жена + я), по крайней мере историческое в моей жизни, подводящее итог целой — если не эпохе, то странице жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь.

По первоначальной передаче дела Арсеньевым я понимал так, что близнец идет к нам и хочет делать шаги с своей стороны — оказалось как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, что Арсеньеву очень уже хотелось того, чем «манил» близнец, именно политического материала, корреспонденций etc.[*], а «чего хочется, тому верится», и Арсеньев верил в возможность того, чем манил близнец, хотел верить в искренность близнеца, в возможность приличного modus vivendi[**] с ним.

И именно это собрание окончательно и бесповоротно опровергло такую веру. Близнец показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом. Он приехал *с полной уверенностью в нашем бессилии* — так формулировал сам Арсеньев результаты переговоров, и это форму-

[*] — et cetera — и так далее. *Ред.*
[**] — способа ужиться. *Ред.*

лирование было совершенно верно. Близнец явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия *сдачи,* и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего «критика».

На мои запросы (с которых началась деловая часть вечера), почему он, близнец, не хочет идти просто в сотрудники, он отвечал с полной решительностью, что для него это психологически невозможно работать на журнал, в коем его «разделывают под орех» (буквальное его выражение), что не думаем же мы, что мы будем его ругать, а он нам будет «политические статьи писать» (буквально!), что о сотрудничестве могла бы идти речь только при условии полной равноправности (т. е. равноправности, очевидно, критиков и ортодоксальных), что после заявления* его товарищ и друг[140] не захотел даже ехать на свидание с Арсеньевым, что его, близнеца, отношение определяется не столько заявлением, и даже вовсе не заявлением, а тем, что раньше он хотел ограничиться ролью «благожелательного пособничества», а теперь он не намерен ограничиться этим, а хочет быть и редактором (близнец почти так и сказал!!). Все это выпалил близнец не сразу, переговоры о его сотрудничестве тянулись изрядно долго (слишком долго, по мнению Арсеньева и Велики), но из них мне с полной ясностью вырисовалось, что с этим джентльменом каши не сваришь.

Он стал затем настаивать на своем предложении: почему не основать 3-его политического органа на равных правах, это выгодно и ему и нам (для газеты материал, «заработаем» кое-что на даваемых на это ресурсах), он предполагает, что тут на обложке не должно стоять ничего социал-демократического, ничего указывающего на нашу фирму, что мы должны (не формально, а нравственно должны) давать в этот орган и весь свой общеполитический материал.

---

* См. настоящий том, стр. 354—360. *Ред.*

Дело стало ясно, и я прямо сказал, что об основании 3-его органа не может быть и речи, что дело сводится тут к вопросу о том, социал-демократия ли должна вести политическую борьбу или либералы самостоятельно и самодовлеюще (я выразился яснее и определеннее, точнее). Близнец понял, озлился и заявил, что после того, как я высказался с anerkennenswerter Klarheit* (буквальные слова!), нечего и говорить об этом, а надо говорить только о заказах — о заказах сборников: это тот же журнал 3-его рода (стал говорить я). Ну, тогда заказ одной лишь *наличной* брошюры — заявил близнец. Какой? спросил я. К чему это знать — нахально ответила жена. Если в принципе решите за, тогда мы решим, а если нет, тогда не к чему и знать. Я спросил об условиях печатанья: издание-де NN и больше ничего, о фирме Вашей не должно быть упомянуто, кроме Verlag'a** не должно быть связи с Вашей фирмой — заявил близнец. Я заспорил и против этого, требуя указания нашей фирмы — Арсеньев стал возражать мне, и разговор пресекся.

В заключение — сговорились отложить решение, — на близнеца наседали еще Арсеньев и Велика, требовали от *него* объяснений, спорили, я больше молчал, смеялся (так, что близнец ясно это видел), и разговор быстро пришел к концу.

Впервые напечатано в 1924 г.
в Ленинском сборнике I

Печатается по рукописи

---

* — с заслушивающей признательности ясностью. *Ред.*
** — издательства. *Ред.*

К ПРОЕКТУ СОГЛАШЕНИЯ СО СТРУВЕ [141]

Представители социал-демократической группы «Заря» — «Искра» и группы демократической оппозиции «Свобода» согласились между собой в следующем:

1) Группа «Заря» издает при журнале того же имени особое приложение под названием «Современное Обозрение», в редактировании которого принимает участие группа «Свобода».

2) Редактирование происходит на следующем основании: каждая из сторон имеет право veto* по отношению к материалам и статьям другой стороны.

3) Программа издания: а) материалы и документы, касающиеся деятельности правительства**, правительственных, общественных и сословных учреждений и т. п.

b) статьи по вопросам внутренней общественной жизни России, внутренней и внешней политики правительства.

c) внутренние обозрения.

4) Обе стороны обязываются заботиться о доставлении материалов для «Современного Обозрения». Но редакция «Зари» может помещать в своих специальных изданиях имеющийся в ее собственном распоряжении материал по указанным в § 3 темам в тех случаях, когда он более подходит по своему характеру к этим изданиям.

---

* — запрещения. *Ред.*

** Текст, данный петитом, написан рукой А. Н. Потресова. *Ред.*

5) Группа «Заря» берет на себя все заботы по изданию, перевозке и распространению «Современного Обозрения». С своей стороны, группа X оплачивает все вызываемые этим расходы.

6) В случае ликвидации названного предприятия обе стороны делят пополам наличные экземпляры «Современного Обозрения».

Примечание. Редакция «Зари» имеет право печатать на обложках «Современного Обозрения» объявления о своих изданиях.

Написано в январе,
ранее 17(30) 1901 г.

Печатается впервые, по рукописи

ОТДАЧА В СОЛДАТЫ 183-х СТУДЕНТОВ*

11-го января в газетах опубликовано правительственное сообщение от министерства народного просвещения об отдаче в солдаты 183-х студентов киевского университета «за учинение скопом беспорядков». Временные правила 29-го июля 1899 г. — эта угроза студенчеству и обществу — приводятся в исполнение менее, чем через полтора года после их издания, и правительство точно спешит оправдаться за применение невиданной карательной меры, выступая с целым обвинительным актом, не жалея красок на изображение студенческих злодейств.

Злодейства одно другого ужаснее. Летом — общестуденческий съезд в Одессе с программой организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни. За эти преступные политические цели все студенты-делегаты были арестованы, документы отобраны. Но брожение не утихает, а растет и настойчиво обнаруживается во *многих* высших учебных заведениях. Студенты хотят свободно и самостоятельно обсуждать и ведать свои общие дела. Их начальство, — с тем бездушным формализмом, которым искони отличается русское чиновничество, — отвечает мелкими придирками, доводит недовольство до крайних размеров и невольно наталкивает мысль

* Номер был сверстан, когда появилось правительственное сообщение.

не погрязшей еще в тине буржуазного прозябания молодежи на протест против всей системы полицейского и чиновнического самовластья.

Киевские студенты требуют удаления профессора, занявшего место уехавшего товарища. Начальство противится, доводит молодежь до «сборищ и демонстраций» и... уступает. Студенты собирают сходку для обсуждения того, почему возможны такие гнусности, как изнасилование двумя белоподкладочниками одной девушки (так гласит слух). Начальство приговаривает главных «виновников» к карцеру. Те отказываются подчиниться. Их увольняют. Толпа демонстративно провожает на вокзал уволенных. Собирается новая сходка, студенты остаются до вечера, отказываясь уйти, пока не явится ректор. Являются вицегубернатор и начальник жандармского управления с отрядом солдат, окруживших университет и вошедших в аудиторию, и — приглашают ректора. Студенты требуют — вы думаете, может быть, конституции? нет, они требуют, чтобы не применяли наказание карцером и приняли обратно уволенных. Участников сходки переписывают и распускают по домам.

Вдумайтесь в это поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований — и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества. Ничем так не выдает себя наше «всемогущее» правительство, как этим переполохом. Лучше всяких «преступных воззваний» оно показывает этим, — показывает всякому, имеющему глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, — что оно чувствует себя совершенно непрочным и верит только в силу штыка л нагайки, охраняющих его от народного возмущения. Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедилось в том, что оно окружено горючим материалом, что достаточно малейшей искорки, достаточно протеста против карцера, чтобы зажечь пожар. А если так, то понятно, что расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! «Фельдфебеля в Вольтеры дать!»[142] — эта формула нисколько не устарела.

Напротив, XX веку суждено увидеть ее настоящее осуществление.

На многие мысли и сопоставления наводит эта новая карательная мера, новая своей попыткой воскресить давным-давно отжившее старое. Поколения три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества. Дворянчиков отдавали в солдаты, чтобы заставить их служить и выслуживаться до офицера в отмену вольности дворянства. Крестьянина отдавали в солдаты как в долголетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки «зеленой улицы»[143] и т. п. Но вот уже более четверти века, как у нас существует «всеобщая» воинская повинность, введение которой прославлено в свое время, как великая демократическая реформа. Всеобщая не на бумаге только, но и на деле воинская повинность, несомненно, есть демократическая реформа: она порывает с сословностью и вводит равноправность граждан. Но если бы это было так на самом деле, разве могла бы тогда отдача в солдаты служить наказанием? И если правительство превращает воинскую повинность в наказание, не доказывает ли оно этим, что мы стоим гораздо ближе к рекрутчине, чем к *всеобщей* воинской повинности? Временные правила 1899 г. срывают фарисейскую маску и разоблачают азиатскую сущность даже тех наших учреждений, которые всего больше походят на европейские. В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги, — льготы и изъятия. Неудивительно, что отдача в эту школу произвола и насилия может быть наказанием и даже очень тяжелым наказанием,

приближающимся к лишению прав. Правительство рассчитывает в этой школе обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибется ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции? Конечно, не всем студентам под силу пройти полный курс такой школы. Одних сломит тяжелая лямка, погубит столкновение с военными властями, других — слабых и дряблых — запугает казарма, но третьих она закалит, расширит их кругозор, заставит их продумать и прочувствовать их освободительные стремления. Они испытают теперь всю силу произвола и угнетения на собственном опыте, когда все их человеческое достоинство будет поставлено в зависимость от усмотрения фельдфебеля, способного зачастую умышленно поглумиться над «образованным». Они увидят, каково на деле положение простого народа, они изболеются за те надругательства и насилия, которых ежедневными свидетелями заставят их быть, и поймут, что те несправедливости и придирки, от которых страдают студенты, это — капля в море народного угнетения. Кто поймет это, тот выйдет из военной службы с Аннибаловой клятвой[144] борьбы вместе с передовым классом народа за освобождение народа от деспотизма.

Но не меньше жестокости нового наказания возмущает его унизительность. Правительство делает вызов всем, в ком осталось еще чувство порядочности, объявляя протестовавших против произвола студентов простыми дебоширами, — вроде того, как оно объявило ссыльных рабочих-стачечников людьми порочного поведения. Взгляните на правительственное сообщение: его пестрят слова: беспорядок, буйства, бесчинства, беззастенчивость, разнузданность. С одной стороны, признание преступных политических целей и стремления к политическим протестам; с другой — третирование студентов, как простых дебоширов, нуждающихся в уроках дисциплины. Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы

исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29-го июля 1899 года.

Но ответить правительству обязано не одно студенчество. Правительство само позаботилось сделать из этого происшествия нечто гораздо большее, чем чисто студенческую историю. Правительство обращается к общественному мнению, точно хвастаясь энергичностью своей расправы, точно издеваясь над всеми освободительными стремлениями. И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации. Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку. Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов. И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен прийти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и разъяснить самым широким массам, что это — ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и

разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластье полиции и чиновников.

Как организовать этот протест, это должны решить местные социал-демократические организации и рабочие группы. Раздача, разбрасывание, расклейка листков, устройство собраний, на которые были бы приглашаемы по возможности все классы общества, — таковы наиболее доступные формы протеста. Но было бы желательно, чтобы там, где есть крепкие и прочно поставленные организации, была сделана попытка более широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации. Хорошим образчиком может служить харьковская демонстрация 1-го декабря прошлого года перед редакцией «Южного Края». Праздновался юбилей этой паскудной газеты, травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей все зверства нашего правительства. Перед редакцией собралась толпа, которая торжественно предавала разодранию номера «Южного Края», привязывала их к хвостам лошадей, обертывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с кликами: «долой продажную прессу!». Вот какого чествования поистине заслуживают но только редакции продажных газет, но и все наши правительственные учреждения. Юбилей начальственного благоволения празднуют они лишь изредка, — юбилея народной расправы заслуживают они всегда. Всякое проявление правительственного произвола и насилия есть законный повод для такой демонстрации. И пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа!

Написано в январе 1901 г.

Напечатано в феврале 1901 г.
в газете «Искра» № 2

Печатается по тексту газеты

СЛУЧАЙНЫЕ ЗАМЕТКИ [145]

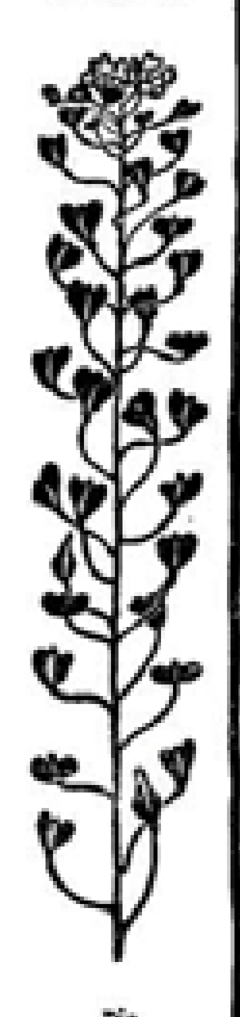
*Написано в конце января —
начале февраля 1901 г.*

*Напечатано в апреле 1901 г.
в журнале «Заря» № 1
Подпись: Т. Х.*

Печатается по тексту журнала

№ 1

Апрѣль
1901-го г.

Die
Morgenrothe
Heft 1
April 1901

ЗАРЯ

Соціаль-демократическій научно-политическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи Г. В. Плеханова, В. И. Засуличъ и П. Б. Аксельрода.

Цѣна 2 руб.

Stuttgart
J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)
1901

Обложка № 1 журнала «Заря». — Апрель 1901 г.

I. БЕЙ, НО НЕ ДО СМЕРТИ

23 января в Нижнем Новгороде особое присутствие московской судебной палаты *с участием сословных представителей* разбирало дело об убийстве крестьянина Тимофея Васильевича Воздухова, отправленного в часть «для вытрезвления» и избитого там четырьмя полицейскими служителями: Шелеметьевым, Шульпиным, Шибаевым и Ольховиным и исп. должн. околоточного надзирателя Пановым до такой степени, что Воздухов на другой же день умер в больнице.

Такова несложная фабула этого простого дела, бросающего яркий свет на то, что делается обыкновенно и постоянно в наших полицейских правлениях.

Насколько можно судить по чрезвычайно кратким газетным отчетам, все происшествие представляется в таком виде. 20 апреля Воздухов приехал на извозчике в губернаторский дом. Вышел смотритель губернаторского дома, который показал на суде, что Воздухов был без шапки, выпивши, но не пьян, жаловался на какую-то пароходную пристань, не выдавшую билета на проезд (?). Смотритель велел постовому городовому Шелеметьеву отвезти Воздухова в часть. Воздухов был настолько мало выпивши, что спокойно разговаривал с Шелеметьевым и по приезде отчетливо объяснил околоточному надзирателю Панову свое имя и звание. Несмотря на это, Шелеметьев — очевидно, с ведома Панова, только что опросившего Воздухова, — *«вталкивает»* последнего не в арестантскую, где находилось

несколько пьяных, а в находящуюся рядом с арестантской *«солдатскую».* Вталкивая, он задевает шашкой за дверной крюк, обрезывает себе немного руку, воображает, что шашку держит Воздухов, и бросается его бить, крича, что ему порезали руку. Бьет со всего размаха, бьет в лицо, в грудь, в бока, бьет так, что Воздухов все падает навзничь, все стукается головой об пол, просит пощады. «За что бьете?» — говорил он, по словам сидевшего в арестантской свидетеля (Семахина). — «Не виноват я. Простите, Христа ради!» По словам этого же свидетеля, Воздухов пьян не был, скорее пьян был Шелеметьев. О том, что Шелеметьев «обучает» (выражение обвинительного акта!) Воздухова, узнают его товарищи, Шульпин и Шибаев, которые пили в полиции с первого же дня пасхи (20 апреля — вторник, третий день пасхи). Они являются в солдатскую вместе с пришедшим из другой части Ольховиным, бьют Воздухова кулаками, топчут ногами. Является и околоточный надзиратель Панов, бьет книгой по голове, бьет кулаками. «Уж так били, так били, — говорила одна арестованная женщина, — что у меня инда все брюхо от страстей переболело». Когда «обучение» было кончено, околоточный надзиратель прехладнокровно приказывает Шибаеву обмыть на лице у избитого кровь — так все-таки приличнее; неравно увидит начальство! — и втолкнуть его в арестантскую. «Братцы! — говорит Воздухов другим арестованным — видите, как полиция дерется? Будьте свидетелями, я подам жалобу!» Но жалобу ему не удается подать: на другой день утром его нашли в совершенно бессознательном состоянии и отправили в больницу, где он через 8 часов и умер, не приходя в себя. Вскрытие обнаружило у него перелом десяти ребер, кровоподтеки по всему телу и кровоизлияние в мозг.

Палата приговорила Шелеметьева, Шульпина и Шибаева к 4 годам каторги, а Ольховина и Панова — *к месячному аресту,* признав их виновными только в «обиде»...

С этого приговора мы и начнем наш разбор. Приговоренные к каторге обвинялись по 346-й и 1490-й

ч. 2 статьям Уложения о наказаниях. Первая из этих статей гласит, что чиновник, причинивший раны или увечье при отправлении своей должности, подлежит высшей мере наказания, «за сие преступление определенного». А ст. 1490-я ч. 2-ая определяет за истязание, когда последствием его была смерть, каторгу от 8 до 10 лет. Вместо *высшей меры* суд сословных представителей и коронных судей *понижает* наказание *на две степени* (6 степень: каторга 8—10 лет; 7 степень — от 4 до 6 лет), т. е. устанавливает максимальное понижение, допустимое законом в случае смягчающих вину обстоятельств, и кроме того назначает *низшую* меру наказания в этой низшей степени. Одним словом, суд сделал все, что только мог, для смягчения участи подсудимых, и даже больше, чем мог, так как закон о «высшей мере наказания» был обойден. Мы вовсе не хотим, конечно, сказать, чтобы «высшая справедливость» требовала именно десяти, а не четырех лет каторги; важно то, что убийц признали убийцами и осудили на каторгу. Но нельзя не отметить прехарактерной тенденции суда коронных судей и сословных представителей: когда они судят чинов полиции, они готовы оказывать им всякое снисхождение; когда они судят за проступки против полиции, они проявляют, как известно, непреклонную суровость*.

* Кстати, вот еще один факт для суждения о мере наказания, налагаемого за разные преступления нашими судами. Через несколько дней после суда над убийцами Воздухова московский военно-окружной суд судил солдата, служившего в местной артиллерийской бригаде и укравшего из цейхгауза 50 шаровар и несколько сапожного товара в то время, как он был часовым при этом цейхгаузе. Приговор — четыре года *каторги.* Жизнь человека, вверенного полиции, сто̀ит столько же, сколько 50 шаровар и несколько штук сапожного товара, вверенных часовому. В этом оригинальном «уравнении», как солнце в малой капле вод, отражается весь строй нашего полицейского государства. Личность против власти — ничто. Дисциплина внутри власти — все... впрочем, виноват: «все» только для мелких сошек. Мелкий вор — на каторгу, а крупный вор, все эти тузы, министры, директора банков, строители железных дорог, инженеры, подрядчики и пр., хапающие десятки и сотни тысяч казенного имущества, они расплачиваются в самом редком и самом худшем случае ссылкой на житье в отдаленные губернии, где можно жить припеваючи на награбленные деньги (банковые воры в Западной Сибири) и откуда легко удрать и за границу (жандармский полковник Меранвиль де сен-Клэр).

Вот господину околоточному надзирателю... ну, как же не оказать ему снисхождения! Он встретил привезенного Воздухова, он, очевидно, велел направить его не в арестантскую, а сначала — для обучения — в солдатскую, он участвовал в избиении и кулаками своими и книгой (должно быть, сводом законов), он распоряжался уничтожением следов преступления (смыть кровь), он рапортовал ночью 20 апреля вернувшемуся приставу этой части, Муханову, что «во вверенной ему части все обстоит благополучно» (буквально!), — но он ничего не имеет общего с убийцами, он виноват только в оскорблении действием, только в простой обиде действием, наказуемой арестом. Вполне естественно, что этот невиновный в убийстве джентльмен, г. Панов, и в настоящее время служит в полиции, занимая должность полицейского урядника. Г-н Панов только перенес свою полезную распорядительную деятельность по «обучению» простонародья из города в деревню. Скажите по совести, читатель, может ли урядник Панов иначе понять приговор палаты, как совет: — вперед скрывать получше следы преступления, «обучать» так, чтобы следов не было. Ты велел смыть кровь с лица умирающего, — это очень хорошо, но ты допустил Воздухову умереть, — это, братец, неосмотрительно; вперед будь осторожнее и крепко заруби себе на носу первую и последнюю заповедь русского Держиморды: «бей, но не до смерти!».

С общечеловеческой точки зрения приговор палаты над Пановым есть прямая насмешка над правосудием; он показывает чисто холуйское стремление свалить всю вину на низших полицейских служителей и выгородить их непосредственного начальника, с ведома, одобрения и при участии которого происходило зверское истязание. С юридической же точки зрения, этот приговор — образец той казуистики, на которую способны судьи-чиновники, и сами-то не очень далеко ушедшие от околоточного. Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли — говорят дипломаты. Закон дан для того, чтобы извращать понятие вины и

ответственности — могут сказать наши юристы. Какое, в самом деле, тончайшее судейское искусство нужно для того, чтобы подвести участие в истязании под простую обиду действием! Мастеровой, который утром 20 апреля сшиб, может быть, шапку с Воздухова, виноват, оказывается, в том же самом проступке — и даже еще слабее: не проступке, а «нарушении», — как и Панов. Даже за простое участие в драке (а не в избиении беспомощного человека), если кому-либо причинена смерть, полагается более строгое наказание, чем то, которому подвергли околоточного. Судейские крючкотворы воспользовались, во-первых, тем, что за истязание при отправлении должности закон назначает несколько наказаний, предоставляя судье, смотря по обстоятельствам дела, выбор между тюрьмой от 2-х месяцев и ссылкой в Сибирь на житье. Не стеснять судью чрезмерно формальными определениями, предоставлять ему известный простор — это, конечно, очень разумное правило, и за это не раз уже хвалили русское законодательство и подчеркивали его либерализм наши профессора уголовного права. Они забывали только при этом ту мелочь, что для применения разумных постановлений нужны судьи, не сведенные на положение простых чиновников, нужно участие представителей общества в суде и общественного мнения — в обсуждении дела. А во-вторых, на помощь суду пришел здесь товарищ прокурора, который *отказался* от обвинения Панова (и Ольховина) в истязании и жестокостях и просил подвергнуть их наказанию только за причинение обиды. Товарищ прокурора сослался в свою очередь на заключение экспертов, отвергших особую мучительность и продолжительность нанесенных Пановым побоев. Юридический софизм, как видите, не отличается особой замысловатостью: так как Панов бил меньше остальных, то *можно* сказать, что его побои не были *особо* мучительны; а если они не были особо мучительны, то *можно* заключить, что они не относились к «истязаниям и жестокостям», а если они не относились к истязаниям и жестокостям, то значит это было простое оскорбление действием. Все

улаживается к общему удовольствию, и г. Панов остается в рядах блюстителей порядка и благочиния*... Мы затронули сейчас вопрос об участии в суде представителей общества и роли общественного мнения. Этот вопрос вообще прекрасно иллюстрируется данным делом. Прежде всего: почему разбирал дело не суд присяжных, а суд коронных судей с сословными представителями? Потому, что правительство Александра III, вступив в беспощадную борьбу со всеми и всяческими стремлениями общества к свободе и самостоятельности, очень скоро признало опасным суд присяжных. Реакционная печать объявила суд присяжных «судом улицы» и открыла против него травлю, которая, к слову сказать, продолжается и по сю пору. Правительство приняло реакционную программу: победив революционное движение 70-х годов, оно беззастенчиво объявило представителям общества, что считает их «улицей», чернью, которая не смеет вмешиваться не только в законодательство, но и в управление государством, которая

* Вместо разоблачения безобразий во всем их объеме перед судом и перед обществом у нас предпочитают замазывать дела на суде и отделываться циркулярами и приказами, полными пышных, но пустых фраз. Например, орловским полицмейстером издан на днях приказ, которым, в подтверждение прежних распоряжений, предлагается приставам лично, а равно чрез своих помощников, настойчиво внушать нижним полицейским чинам отнюдь не допускать грубого обращения и каких-либо насильственных действий при задержании пьяных на улицах и водворении их для вытрезвления при частях, разъяснив нижним чинам, что на обязанности полиции лежит, между прочим, и охранение пьяных, которые без очевидной опасности для них не могут быть предоставлены самим себе, почему нижние полицейские чины, поставленные самим законом в качестве ближайших защитников и охранителей обывателей, при задержании и доставлении пьяного в часть не только не должны прибегать к какому-либо грубому и нечеловечному обращению с ними, а, напротив, прилагать все зависящие от них меры к охранению лиц, доставляемых ими под стражу впредь до вытрезвления. Приказ предупреждает нижних полицейских чинов, что только таким сознательным и законным отношением к своим служебным обязанностям они вправе рассчитывать на доверие и уважение к ним населения и что, напротив того, всякое допущение полицейскими чинами произвола и жестокого обращения с пьяными, равно как причинение им каких-либо насильственных действий, несовместимых с долгом чинов полиции, обязанных служить примером порядочности и добрых нравов, неминуемо влекут за собою строгую кару закона, и виновные в допущении таковых поступков нижние полицейские чины будут предаваемы без всякого снисхождения суду. — Проект картинки для сатирического журнала: оправданный по обвинению в убийстве околоточный надзиратель читает приказ о том, что он должен служить примером порядочности и добрых нравов!

должна быть изгнана из святилища, где над русскими обывателями чинят суд и расправу — по методу господ Пановых. В 1887 году был издан закон, по которому дела о преступлениях, совершенных должностными лицами и против должностных лиц, изъяты из ведения суда присяжных и переданы суду коронных судей с сословными представителями. Как известно, эти сословные представители, слитые в одну коллегию с судьями-чиновниками, представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства. Это — один из тех законов, которые длинной вереницей тянутся через всю новейшую реакционную эпоху русской истории, объединенные одним общим стремлением: восстановить «твердую власть». Давлением обстоятельств власть вынуждена была во второй половине XIX века прийти в соприкосновение с «улицей», а состав этой улицы изменялся с поразительной быстротой, и темных обывателей заменяли граждане, начинающие сознавать свои права, способные даже выставлять борцов за права. И, почувствовав это, власть с ужасом отпрянула назад и делает теперь судорожные усилия оградить себя китайской стеной, замуроваться в крепость, недоступную ни для каких проявлений общественной самодеятельности... Но я несколько отклонился от своей темы.

Итак, благодаря реакционному закону, улица была устранена от суда над представителями власти. Чиновников судили чиновники. Это сказалось не только на приговоре, но и на всем характере предварительного и судебного следствия. Суд улицы ценен именно тем, что он вносит живую струю в тот дух канцелярского формализма, которым насквозь пропитаны наши правительственные учреждения. Улица интересуется не только тем, даже не столько тем, — обидой, побоями, или истязаниями будет признано данное деяние, какой род и вид наказания будет за него назначен, сколько тем, чтобы до корня вскрыть и публично осветить все общественно-политические нити преступления и его значение, чтобы вынести из суда уроки общественной

морали и практической политики. Улица хочет видеть в суде не «присутственное место», в котором приказные люди применяют соответственные статьи Уложения о наказаниях к тем или другим отдельным случаям, — а публичное учреждение, вскрывающее язвы современного строя и дающее материал для его критики, а следовательно, и для его исправления. Улица своим чутьем, под давлением практики общественной жизни и роста политического сознания, доходит до той истины, до которой с таким трудом и с такой робостью добирается сквозь свои схоластические путы наша официально-профессорская юриспруденция: именно, что в борьбе с преступлением неизмеримо большее значение, чем применение отдельных наказаний, имеет изменение общественных и политических учреждений. По этой причине и ненавидят — да и не могут не ненавидеть — суд улицы реакционные публицисты и реакционное правительство. По этой причине сужение компетенции суда присяжных и ограничение гласности тянутся красной нитью через всю пореформенную историю России, причем реакционный характер «пореформенной» эпохи обнаруживается *на другой же день* после вступления в силу закона 1864 года, преобразовавшего нашу «судебную часть»*. И именно на данном деле с особенной силой сказался недостаток «суда улицы». Кто мог бы на этом суде заинтересоваться общественной стороной дела и постараться выставить ее со всей выпуклостью? Прокурор? Чиновник, имеющий ближайшее отношение к полиции, — разделяющий ответственность за содержание арестантов и обращение с ними, — в некоторых случаях даже начальник полиции? Мы видели, что товарищ прокурора даже отказался от обвинения Панова в истязании. Гражданский истец, если бы жена

* Либеральные сторонники суда присяжных, полемизируя в легальной печати против реакционеров, нередко отрицают категорически политическое значение суда присяжных, усиливаясь доказать, что они вовсе не по политическим соображениям стоят за участие в суде общественных элементов. Отчасти это может зависеть, несомненно, от того политического недомыслия, которым часто страдают именно юристы, несмотря на их специальные занятия «государственными» науками. Но главным образом объясняется это необходимостью говорить эзоповским языком, невозможностью открытого заявления своих симпатий к конституции.

убитого, выступавшая на суде свидетельницей Воздухова, предъявила гражданский иск к убийцам? Но где же было ей, простой бабе, знать, что существует какой-то гражданский иск в уголовном суде? Да если бы она и знала это, в состоянии ли была бы она нанять адвоката? Да если бы и была в состоянии, нашелся ли бы адвокат, который мог бы и захотел бы обратить общественное внимание на разоблачаемые этим убийством порядки? Да если бы и нашелся такой адвокат, могли ли бы поддержать в нем «гражданский пыл» такие «делегаты» общества, как сословные представители? Вот волостной старшина — я имею в виду провинциальный суд — конфузящийся своего деревенского костюма, не знающий, куда деть свои смазные сапоги и свои мужицкие руки, пугливо вскидывающий глаза на его превосходительство председателя палаты, сидящего за одним столом с ним. Вот городской голова, толстый купчина, тяжело дышащий в непривычном для него мундире, с цепью на шее, старающийся подражать своему соседу, предводителю дворянства, барину в дворянском мундире, с холеной наружностью, с аристократическими манерами. А рядом — судьи, прошедшие всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящие дьяки в приказах поседелые, полные сознания важности выпавшей им задачи: судить представителей власти, которых недостоин судить суд улицы. Не отбила ли бы эта обстановка охоту говорить у самого красноречивого адвоката, не напомнила ли бы она ему старинное изречение: «не мечите бисера перед...»?

И вышло так, что дело прогнали точно на курьерских, точно желая поскорее сбыть его с рук*, точно боясь копнуть хорошенько всю эту мерзость: можно жить около отхожего места, привыкнуть, не замечать, обжиться, но стоит только приняться его чистить — и вонь непременно восчувствуют тогда все обитатели не только данной, но и соседних квартир.

* О том, чтобы скорее довести дело до суда, никто и не подумал. Несмотря на замечательную простоту и ясность дела, происшествие 20 апреля 1899 года разбиралось в суде только 23 января 1901 года. Суд *скорый,* правый и милостивый!

Посмотрите, какую массу естественно напрашивающихся вопросов никто не потрудился даже выяснить. Зачем ездил Воздухов к губернатору? Обвинительный акт — этот документ, воплощающий стремление обвинительной власти раскрыть все преступление — не только не отвечает на этот вопрос, но даже прямо заминает его, говоря, будто Воздухов «был задержан в нетрезвом виде во дворе губернаторского дома городовым Шелеметьевым». Это дает даже повод думать, будто Воздухов бесчинствовал и где? во дворе губернатора! А на самом деле Воздухов *приехал к губернатору на извозчике жаловаться* — это факт установленный. На что он жаловался? Смотритель губернаторского дома, Птицын, говорит, что Воздухов жаловался на какую-то пароходную пристань, где ему отказали в выдаче билета на проезд (?). Свидетель Муханов, бывший приставом той части, где били Воздухова (а теперь состоящий начальником губернской тюрьмы в г. Владимире), говорит, что от жены Воздухова он слышал, что она с мужем пьянствовала и что *их били в Нижнем и в речной полиции и в Рождественской полицейской части, и об этих побоях и хотел Воздухов заявить губернатору.* Несмотря на явное противоречие в показаниях этих свидетелей, суд не принимает ровно никаких мер для выяснения вопроса. Напротив, всякий имел бы полное право заключить, что суд *не хочет* выяснять этого вопроса. Жена Воздухова была свидетельницей на суде, но ее никто не поинтересовался спросить, действительно ли били ее и мужа в нескольких полицейских частях Нижнего? при какой обстановке их арестовывали? в каких помещениях били? кто бил? действительно ли муж хотел жаловаться губернатору? не говорил ли муж еще кому-либо об этом своем намерении? Свидетель Птицын, который, будучи чиновником канцелярии губернатора, очень может быть не склонен был выслушивать от непьяного — но подлежащего все же вытрезвлению! — Воздухова жалобы на полицию, который поручил *пьяному* городовому Шелеметьеву отвезти для вытрезвления в часть жалобщика, этот интересный свидетель не был подвергнут перекрестному

допросу. Извозчик Крайнов, который привез Воздухова к губернатору и отвез потом в часть, опять-таки не расспрашивается о том, не говорил ли ему Воздухов, зачем он едет? что именно высказывал он Птицыну? не слышал ли еще кто-либо этого разговора? Суд ограничивается прочтением краткого показания неявившегося Крайнова (удостоверяющего, что пьян Воздухов не был, а только немного выпивши), и товарищ прокурора нисколько не думает о том, чтобы добиться явки этого важного свидетеля. Если принять во внимание, что Воздухов — запасный унтер-офицер, значит, человек бывалый, законы и порядки немного знающий, что он даже после последнего смертельного боя говорит товарищам: «я подам жалобу», — то становится более чем вероятным, что он ездил к губернатору именно жаловаться на полицию, что свидетель Птицын лгал, выгораживая полицию, что лакеи судьи и лакей прокурор не хотели разоблачать этой щекотливой истории.

Далее. Почему и за что били Воздухова? Обвинительный акт опять-таки изображает это *так,* как только можно было изобразить выгоднее... для подсудимых. «Поводом к истязанию» послужил будто бы порез руки Шелеметьева, когда он вталкивал Воздухова в солдатскую. Вопрос в том, почему вталкивали спокойно говорившего и с Шелеметьевым и с Пановым Воздухова (предположим, что надо было непременно его *вталкивать!)* не в арестантскую, а сначала в солдатскую? Он отправлен для вытрезвления, — в арестантской есть уже несколько пьяных, — туда же попадает потом и Воздухов, зачем же Шелеметьев, «представив» его Панову, толкает в *солдатскую?* Очевидно, именно для того, чтобы избить. В арестантской есть народ, а в солдатской Воздухов будет один, а к Шелеметьеву придут на помощь товарищи и г. Панов, которому в настоящий момент «вверена» первая часть. Истязание было вызвано, значит, не случайным поводом, а совершено по заранее обдуманному намерению. Предположить можно только одно из двух: либо всех, присылаемых в часть для вытрезвления (хоть бы и держащих себя вполне прилично и спокойно), отправляют сначала

в солдатскую для «обучения», либо Воздухова повели бить *именно за то, что он ездил к губернатору жаловаться на полицию.* Газетные отчеты о деле так кратки, что категорически высказаться за последнее предположение (которое ничуть не невероятно) трудно, но предварительное и судебное следствие, конечно, могли бы досконально выяснить этот вопрос. Суд, разумеется, не обратил на этот вопрос никакого внимания. Говорю: «разумеется», ибо равнодушие судей отражает здесь не только чиновнический формализм, но и просто обывательский взгляд русского человека. «Нашли, чему удивляться! Убили пьяного мужика в части! То ли еще у нас бывает!» И обыватель указывает вам десятки случаев, несравненно более возмутительных и притом проходящих для виновников безнаказанно. Указания обывателя совершенно справедливы, и тем не менее он совершенно неправ и обнаруживает своим рассуждением только крайнюю обывательскую близорукость. Не потому ли у нас возможны несравненно более возмутительные случаи полицейского насилия, что это насилие составляет повседневную и обычную практику любой полицейской части? И не потому ли бессильно наше негодование против исключительных случаев, что мы созерцаем с привычным равнодушием «нормальные» случаи? — что наше равнодушие невозмутимо даже тогда, когда такое привычное и обычное явление, как битье пьяного (якобы пьяного) «мужика» в части, вызывает протест со стороны самого этого (казалось бы, привычного) мужика, расплачивающегося жизнью за продерзостную попытку принести смиреннейшую жалобу губернатору?

Есть и другое основание, не позволяющее пройти мимо этого, самого обычного, случая. Давно уже сказано, что предупредительное значение наказания обусловливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым. С этой стороны тоже небезынтересно данное дело. Противозаконное и дикое битье в полиции происходит в Россий-

ской империи — без преувеличения можно сказать — ежедневно и ежечасно*. А до суда доходит оно в совершенно исключительных и крайне редких случаях. Это нисколько не удивительно, ибо преступником является та самая полиция, которой вверено в России раскрытие преступлений. Но это обязывает нас с тем бòльшим, хотя бы и не обычным, вниманием останавливаться на тех случаях, когда суду приходится приподнять завесу, прикрывающую обычное дело.

Обратите внимание, например, на то, как бьют полицейские. Их пятеро или шестеро, работают они с зверской жестокостью, многие пьяны, у всех шашки. Но ни один из них ни разу не ударяет жертву шашкой. Они — люди опытные и прекрасно знают, как надо бить. Удар шашкой — улика, а избить кулаками — поди, потом, докажи, что били в полиции. «Избит в драке, взяли избитого» — и все шито-крыто. Даже в настоящем деле, когда случайно избили до смерти («и дернула же его нелегкая умереть; мужик был здоровеннейший, кто бы мог этого ожидать?»), обвинению приходилось свидетельскими показаниями доказывать, что «Воздухов до отправления его в часть был совершенно здоров». Очевидно, убийцы, утверждавшие все время, что они вовсе и не били, говорили, что привезли

* Эти строки были уже написаны, когда газеты принесли еще одно подтверждение правильности такого утверждения. На другом конце России, в Одессе — городе, состоящем на столичном положении, — мировой судья оправдал некоего М. Клинкова, обвинявшегося, по протоколу околоточного надзирателя Садукова, в буйстве во время ареста в части. На суде обвиняемый, а также четыре свидетеля его показали следующее: Садуков задержал в пьяном виде и доставил в участок М. Клинкова. Вытрезвившись, Клинков стал требовать, чтобы его освободили. В ответ на это один городовой схватил его за шиворот и стал бить, потом явилось еще трое городовых, и все четверо стали истязать его, нанося удары в лицо, голову, грудь и бока. Под градом сыпавшихся на него ударов Клинков, облитый кровью, свалился на пол, и тогда его стали уже бить лежачего с еще бòльшим остервенением. Как показали Клинков и его свидетели, истязанием его руководил Садуков, поощрявший городовых. Избитый Клинков потерял сознание, и когда пришел в себя, то был выпущен из участка. Немедленно Клинков отправился к врачу, которым был освидетельствован. Мировой судья посоветовал Клинкову подать жалобу на Садукова и городовых прокурору, на что Клинков ответил, что жалоба прокурору уже подана им, причем свидетелями истязания его выступают двадцать человек.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что М. Клинкову не удастся добиться предания суду и осуждения городовых за истязание. Били не до смерти, — и если, паче чаяния, ответят, то пустяками.

избитого. А найти свидетелей в подобном деле — вещь невероятно трудная. По счастливой случайности оказалось еще, что окошечко из арестантской в солдатскую не совсем заделано: правда, вместо стекла вставлен жестяной лист с наверченными дырами, и дыры из солдатской завешены кожею, но, когда просунешь палец, кожа поднимается, и из арестантской можно тогда видеть, что делается в солдатской. Только поэтому на суде удалось вполне восстановить картину «обучения». Но такой беспорядок, как неплотно заделанное окно, мог быть, конечно, только в прошлом веке; в XX веке, наверное уже, окошечко из арестантской в солдатскую в первой кремлевской части Нижнего Новгорода заделано наглухо... А раз нет свидетелей, то только бы попал человек в солдатскую!

Ни в одной стране нет такого обилия законов, как в России. У нас на все есть законы. Есть и особый устав о содержании под стражею, в котором обстоятельно расписано, что задержание законно только в особых помещениях, подчиненных особому надзору. Закон, как видите, соблюдается: при полиции есть особая «арестантская». Но *до* арестантской «принято» «вталкивать» в «солдатскую». И хотя роль солдатской, как настоящего застенка, вполне ясна из данных всего процесса, тем не менее судебная власть и не подумала остановить свое внимание на этом явлении. Не от прокуроров же, в самом деле, ждать разоблачения безобразий нашего полицейского самовластья и борьбы с ним!

Мы коснулись вопроса о свидетелях в подобных делах. В лучшем случае свидетелями могут быть только люди, находящиеся в руках полиции; стороннему человеку лишь при совершенно исключительных условиях удастся наблюдать полицейское «учение» в части. А на тех свидетелей, которые в руках полиции, возможно полицейское воздействие. Было оно и в данном деле. Свидетель Фролов, находившийся во время убийства в арестантской, на предварительном следствии показал сначала, что Воздухова били и полицейские и околоточный; потом снял оговор с околоточного Панова; на суде же заявил, что никто из полиции Возду-

хова не бил, что его наущали показать против полиции Семахин и Баринов (другие арестанты, бывшие главными свидетелями обвинения), что полиция его не наущала и не подучивала. Свидетели Фадеев и Антонова показали, что никто в солдатской до Воздухова и пальцем не дотрагивался: там все сидели смирно и тихо, и никакой ссоры не было.

Как видите, явление опять самое обычное. И судебная власть отнеслась к нему опять-таки с привычным равнодушием. Есть закон, карающий за ложное показание пред судом довольно строго; возбуждение преследования против этих двоих лжесвидетелей пролило бы еще побольше света на полицейское бесчинство, от которого почти совершенно беззащитны те, кто имеет несчастье попадать в полицейские лапы (а несчастье это случается регулярно и постоянно с сотнями тысяч «простого» народа), — но суд думает только о применении статьи такой-то, а вовсе не об этой беззащитности. И эта деталь процесса, как и все остальные, показывает ясно, какая это всеохватывающая и крепкая сеть, какая это застарелая язва, для избавления от которой нужно избавление от всей системы полного самовластия полиции и полной бесправности народа.

Лет тридцать пять тому назад с одним известным русским писателем, Ф. М. Решетниковым, случилась неприятная история. Отправился он в С.-Петербурге в дворянское собрание, ошибочно воображая, что там дают концерт. Городовые не пустили его и прикрикнули: «Куда ты лезешь? кто ты такой?» — «Мастеровой!» — грубо отвечал рассердившийся Ф. М. Решетников. Результатом такого ответа — рассказывает Гл. Успенский — было то, что Решетников ночевал в части, откуда вышел избитый, без денег и кольца. «Довожу об этом до сведения вашего превосходительства, — писал Решетников в прошении с.-петербургскому обер-полицмейстеру. — Я ничего не ищу. Я только об одном осмеливаюсь утруждать вас, чтобы пристава, квартальные, их подчаски и городовые *не били народ*... Этому народу и так придется много получить всякой всячины»[146].

Скромное желание, которым так давно уже осмеливался утруждать русский писатель начальника столичной полиции, осталось и по сие время невыполненным, и остается *невыполнимым* при наших политических порядках. Но в настоящее время взоры всякого честного человека, измученного созерцанием зверства и насилия, привлекает к себе новое могучее движение в народе, собирающее силы, чтобы смести с лица русской земли всякое зверство и осуществить лучшие идеалы человечества. За последние десятилетия ненависть к полиции во много раз возросла и окрепла в массах простого народа. Развитие городской жизни, рост промышленности, распространение грамотности, все это заронило и в темные массы стремление к лучшей жизни и сознание человеческого достоинства, а полиция осталась такой же самоуправной и зверской. К ее зверству прибавилась только большая утонченность сыска и травля нового, самого страшного врага: всего, что несет в народные массы луч сознания своих прав и веру в свои силы. Оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу.

II. ЗАЧЕМ УСКОРЯТЬ ПРЕВРАТНОСТЬ ВРЕМЕН?

Интересный проект приняло Орловское губернское дворянское собрание, и еще интереснее были прения по поводу этого проекта.

Суть дела вот в чем. Губернский предводитель дворянства, М. А. Стахович, внес доклад, предлагая заключить договор с финансовым ведомством о предоставлении орловским дворянам должностей сборщиков. При введении винной монополии открывается в губернии 40 должностей сборщиков денег с казенных винных лавок. Вознаграждение сборщикам — 2 180 руб. в год (900 руб. жалованья, 600 руб. разъездных и 680 руб. на стражника). Так вот хорошо бы дворянам эти места занять, а для этого составить артель и войти в договор с казной. Вместо требуемого залога (3—5 тысяч) делать вычеты первое время по 300 руб. в год с каждого сбор-

щика и составить из этих денег дворянский капитал в обеспечение питейного ведомства.

Проект, как видите, отличается несомненной практичностью и доказывает, что наше высшее сословие в совершенстве обладает чутьем насчет того, где бы можно урвать казенного пирога. Но именно эта практичность и показалась многим благородным помещикам чрезмерной, неприличной, недостойной дворянина. Разгорелись прения, которые с особенной ясностью обнаружили три точки зрения на вопрос.

Первая — точка зрения практицизма. Кормиться надо, сословие нуждается,... все же заработок,... не отказать же бедным дворянам в помощи? Да и притом ведь сборщики могут содействовать отрезвлению народа! Вторая точка зрения — романтиков. Служить по питейной части, чуть-чуть повыше целовальников, в подчинении у простых управляющих складами, «часто лиц низших сословий»!? — и полились горячие речи о великом призвании дворянства. Мы намерены остановиться именно на этих речах, но сначала укажем третью точку зрения — мужей государственных. С одной стороны, нельзя не сознаться, что как будто и зазорно, но с другой стороны, надо признаться, что выгодно. Можно однако и капитал приобрести и невинность соблюсти: управляющий акцизными сборами может назначать и без залогов, и те же 40 дворян могут получить места по ходатайству губернского предводителя дворянства — без всякой артели и договора, а то ведь, пожалуй, «министр внутренних дел остановит постановление в ограждение правильности общего государственного строя». Это мудрое мнение, вероятно, восторжествовало бы, если бы предводитель дворянства не сделал два существенно важных заявления: во-1-х, что договор уже представлялся в совет министра финансов, который признал его возможным и в принципе согласился на него. А, во-2-х, что «добыть эти места путем одного только ходатайства губернского предводителя дворянства нельзя». И доклад был принят.

Бедные романтики! Они потерпели поражение. А как они красиво говорили.

«До сих пор дворянство выставляло только руководителей. Доклад же предлагает образовать какую-то артель. Соответствует ли это прошлому, настоящему и будущему дворянства? По закону о сборщиках в случае обнаруженной растраты со стороны сидельца, дворянин должен стать за стойку. Лучше умереть, чем занять такую должность!»

Фу ты, господи, сколько в человеке благородства! Лучше умереть, чем торговать водкой! Вот торговать хлебом — это благородное занятие, особенно в неурожайные годы, когда можно нажиться на счет голодающих. А еще более благородное занятие — ростовщичествовать хлебом, ссужать его зимой голодным крестьянам под летнюю работу и рассчитывать эту работу втрое дешевле против вольных цен. Именно в той центрально-черноземной полосе, к которой принадлежит Орловская губерния, наши помещики с особенным усердием всегда занимались и занимаются этим благороднейшим видом ростовщичества. Ну, а для того, чтобы хорошенько отделить благородное ростовщичество от неблагородного, надо, конечно, как можно громче кричать о недостойном дворянина занятии целовальника.

«Нужно строго охранять наше призвание, выраженное в известном высочайшем манифесте, — бескорыстно служить народу. Корыстное служение этому противоречит»... «У сословия, имеющего в прошлом такие заслуги, как ратная служба его предков, вынесшего на своих плечах великие реформы императора Александра II, есть почва для исполнения и в будущем своих обязанностей перед государством».

Да, бескорыстная служба! Раздача поместий, пожалование населенных имений, т. е. подарки тысяч десятин земли и тысяч крепостных душ, образование класса крупных землевладельцев, имеющих сотни, тысячи и десятки тысяч десятин земли и доводящих миллионы крестьян своей эксплуатацией до полной нищеты, — вот проявления этого бескорыстия. Но особенно мила ссылка на «великие» реформы Александра II. Например, освобождение крестьян — с каким бескорыстием наши благородные дворяне ободрали их как липку: заставили

выкупать их собственную землю, заставили платить за нее втридорога против настоящей цены, награбили себе крестьянской земли в виде всяческих отрезков, пообменивали свои песочки, овраги и пустоши на хорошие крестьянские земли, а теперь еще имеют наглость хвастаться подобными подвигами!

«Патриотического сфера питейного дела ничего не представляет»... «Наши традиции основаны не на рублях, а на государственной службе. Дворянство не должно превращаться в биржу».

Зелен виноград! Превращаться в биржу дворянство «не должно», потому что на бирже требуются солидные капиталы, а господа вчерашние рабовладельцы прожились в пух и прах. Для широкой массы их не превращение в биржу, а подчинение бирже, подчинение рублю стало давно совершившимся фактом. И в погоне за рублем «высшее сословие» давно уже занимается такими высокопатриотическими делами, как производство сивухи, устройство сахароваренных и других заводов, участие во всяческих дутых торгово-промышленных предприятиях, обивание порогов у представителей высших придворных сфер, у великих князей, министров и проч. и проч. ради добывания концессий и правительственных гарантий для таких предприятий, ради выпрашивания себе подачек в виде льгот дворянскому банку, премий за вывоз сахара, кусочков (в тысячи десятин!) какой-нибудь башкирской земли, выгодных и теплых «доходных местечек» и т. п.

«Дворянская этика носит на себе следы истории, социального положения...» — и следы конюшни, приучившей дворян к насилиям и надругательствам над мужиком. Впрочем, вековая привычка властвовать выработала в дворянах и нечто более тонкое: уменье облекать свои эксплуататорские интересы в пышные фразы, рассчитанные на одурачение темного «простонародья». Слушайте дальше:

«Зачем ускорять превратность времен? Пусть это будет предрассудок, но старые традиции не позволяют помогать этой превратности...»

В этих словах г-на Нарышкина (одного из мужей совета, отстаивавших государственную точку зрения) видно верное классовое чутье. Конечно, боязнь должности сборщика (или даже целовальника) есть, по нынешним временам, предрассудок, но разве не благодаря предрассудкам темных масс крестьянства держится неслыханно бесстыдная эксплуатация крестьян помещиками в нашей деревне? Предрассудки вымирают и без того; зачем же ускорять их вымирание, открыто сближая дворянина с целовальником, облегчая для крестьянина посредством этого сопоставления процесс (и без того уже начавшийся процесс) усвоения той простой истины, что благородный помещик такой же ростовщик, грабитель и хищник, как и любой деревенский мироед, только неизмеримо более сильный, сильный своим землевладением, своими, веками сложившимися, привилегиями, своей близостью к царской власти, своей привычкой к господству и умением прикрывать свое нутро Иудушки целой доктриной романтизма и великодушия?

Да, г. Нарышкин, несомненно, муж совета, и его устами вещает государственная мудрость. Я не удивляюсь, что «маршал» орловского дворянства отвечал ему — с такой изысканностью выражений, которая сделала бы честь английскому лорду, — следующее:

«Возражать против тех авторитетов, которые мы здесь слышали, было бы смелостью с моей стороны, если бы я не был убежден, что, возражая против их мнений, я не возражаю против их убеждений».

Вот это верно, и притом в гораздо более широком смысле верно, чем воображал г. Стахович, который, поистине, нечаянно правду сказал. Убеждения у господ дворян одинаковы у всех — начиная от практиков и кончая романтиками. Все твердо верят в свое «священное право» на сотни или тысячи десятин земли, награбленной предками или пожалованной грабителями, в право эксплуатировать крестьян и играть господствующую роль в государстве, в право на самые жирные (а при нужде и нежирные) куски казенного пирога,

т. е. народных денег. Расходятся же они только в мнениях о целесообразности отдельных мероприятий, и их прения при обсуждении этих мнений так же поучительны для пролетариата, как и всякий домашний спор в лагере эксплуататоров. В таких спорах наглядно выступает различие между общими интересами всего класса капиталистов или землевладельцев и интересами отдельных личностей или отдельных групп; в таких спорах пробалтывается нередко то, что, вообще говоря, тщательно скрывается.

Но помимо этого орловский эпизод проливает еще некоторый свет и на характер пресловутой питейной монополии. Каких только благ ни ждала от нее наша официальная и официозная пресса: и увеличения казенных доходов и улучшения продукта и уменьшения пьянства! А на деле вместо увеличения доходов до сих пор получилось только удорожание вина, запутанность бюджета, невозможность точно определить финансовые результаты всей операции; вместо улучшения продукта получилось ухудшение, и вряд ли правительству удастся особенно импонировать публике тем сообщением об успешных результатах «дегустации» новой «казенки», которое обошло недавно все газеты. Вместо уменьшения пьянства — увеличение числа мест тайной продажи вина, увеличение полицейских доходов с этих мест, открытие винных лавок вопреки воле населения, ходатайствующего о противном*, усиление пьянства на улицах**. А главное — какое новое гигантское

* Недавно, например, газеты сообщали, что в Архангельской губернии некоторые селения еще в 1899 году составили приговоры, чтобы у них не открывали винных лавок. Правительство, вводящее там именно теперь питейную монополию, ответило, *конечно,* отказом: очевидно, из попечительства о народной трезвости!

** Мы уже не говорим о том, какую массу денег потеряли от казенной монополии крестьянские общества. Прежде они взимали плату с содержателей винных лавок. Казна отняла у них этот источник дохода, не вознаградив их ни единой копейкой! В своей интересной книге «Das hungernde Rußland» (Reiseeindrücke, Beobachtungen und Untersuchungen. Von C. Lehmann und Parvus. Stuttgart. Dietz Verlag. 1900) (К. Леман и Парвус. «Голодающая Россия» (Путевые впечатления, наблюдения и исследования. Штутгарт. Издание Дитца. 1900). *Ред.)* Парвус справедливо называет это *ограблением мирских касс.* Он сообщает, что по расчету самарского губернского земства потеря всех крестьянских обществ губернии от введения винной монополии составила за три года (1895—1897) *3 150 000 рублей!*

поприще для чиновничьего самодурства и произвола, подхалимства и хищения открывает это создание новой отрасли многомиллионного казенного хозяйства, создание целой армии новых чиновников! Это настоящее нашествие целых туч чиновнической саранчи, подлизывающейся, интригующей, грабящей, изводящей паки и паки моря чернил и горы бумаги. Орловский проект — не что иное, как попытка облечь в законные формы то стремление урвать более или менее жирные кусочки казенного пирога, которое охватывает нашу провинцию и неминуемо грозит стране — при условии чиновнического самовластия и общественной безгласности — дальнейшим усилением произвола и хищения. Вот маленький примерчик: еще осенью проскользнула в газетах заметка о «строительном анекдоте в области винной монополии». В Москве сооружаются три винных склада, которые должны обслуживать всю губернию. На постройку этих складов министерством было ассигновано 1 637 000 руб. И вот оказывается, что «определилась потребность в дополнительном кредите в размере *двух с половиной миллионов»*[*]. Очевидно, здесь должностные лица, которым вверено было казенное имущество, хапнули немножко побольше, чем 50 шаровар и несколько штук сапожного товара!

III. ОБЪЕКТИВНАЯ СТАТИСТИКА

Наше правительство привыкло обвинять своих противников в тенденциозности — и не только революционеров, но и либералов. Случалось ли вам, например, видеть отзывы официальной печати о либеральных (легальных, конечно) органах? В органе министерства финансов, «Вестнике Финансов»[147], бывали иногда обзоры печати, и всякий раз, когда ведший эти обзоры чиновник говорил об оценке бюджета или голода или какой-либо правительственной меры в одном из на-

[*] Курсив автора. См. «С.-Петербургские Ведомости», 1900, № 239 от 1-го сентября.

ших либеральных (толстых) журналов, он всегда с негодованием отмечал их «тенденциозность», противопоставляя ей «объективное» указание не только на «темные стороны», но и на «отрадные явления». Это, разумеется, — не более как маленький примерчик, но он иллюстрирует обычное отношение правительства, обычное стремление его кичиться своей «объективностью».

Попробуем сделать удовольствие этим строгим и беспристрастным судьям. Попробуем обратиться к статистике. Мы возьмем, конечно, не статистику тех или иных фактов общественной жизни: известно, что факты и регистрируются людьми пристрастными и обобщаются учреждениями иногда решительно «тенденциозными» — вроде земства. Нет, мы возьмем статистику... законов. Смеем думать, ни один самый ярый сторонник правительства не решится утверждать, что может быть что-либо объективнее и беспристрастнее статистики законов — простого подсчета того, что само правительство постановляет, совершенно независимо от всяких соображений о расхождении между словом и делом, постановлением и исполнением и т. п.?

Итак, к делу.

При правительствующем сенате издается, как известно, «Собрание узаконений и распоряжений правительства», периодически вещающее о каждом мероприятии правительства. Вот эти данные мы и возьмем, и посмотрим, *о чем* правительство узаконяет и распоряжается. Именно: о чем. Мы не позволим себе критики начальственных велений, — мы только подсчитаем число «оных», относящихся до той или другой области. В январских газетах перепечатано из названного правительственного издания содержание № 2905 до 2929 за прошлый год и № 1—66 за текущий. Итого 91 узаконение и распоряжение за период от 29-го декабря 1900 г. до 12-го января 1901 г. — как раз на рубеже столетий. По своему характеру, эти 91 узаконение представляют особенное удобство для «статистической» обработки: среди них нет никаких особенно выдающихся законов, ничего такого, что отодвигало бы совершенно

на задний план все остальное и налагало особую печать на данный период внутреннего управления. Все — узаконения сравнительно мелкие, удовлетворяющие текущим запросам, возникающим постоянно и регулярно. Мы застаем таким образом правительство в его будничном виде, а это еще раз гарантирует нам объективность «статистики».

Из 91-го узаконения 34, т. е. более трети, трактуют об одном и том же предмете: о продлении сроков для оплаты капитала по акциям или для взноса денег за акции различных торгово-промышленных акционерных обществ. Чтение этих узаконений можно рекомендовать читателям газет для освежения в своей памяти списка производств в нашей промышленности и названия различных фирм. Совершенно аналогично содержание второй группы узаконений: об изменении уставов торгово-промышленных обществ. Сюда относится 15 узаконений, реформирующих статуты товарищества чайной торговли бр. К. и С. Поповых, товарищества картонно-тольного производства А. Науман и К°, товарищества кожевенного производства и торговли кожевенными, холщевыми и полотняными товарами под фирмою И. А. Осипов и К°, и т. д. и т. д. Наконец, к этого же рода узаконениям надо прибавить еще 11, из которых шесть посвящены удовлетворению тех или других нужд торговли и промышленности (учреждение общественного банка и общества взаимного кредита, назначение цен процентным бумагам, принимаемым в залог при казенных подрядах, правила обращения по железным дорогам вагонов, принадлежащих частным лицам, инструкция для маклеров Борисоглебской хлебной биржи), и пять — учреждают при четырех заводах и одном руднике шесть новых должностей городовых и две должности конно-полицейского урядника.

Итак, 60 узаконений из 91, т. е. две трети, посвящены самому непосредственному удовлетворению различных практических нужд наших капиталистов и (отчасти) охране их от рабочих возмущений. Бесстрастный язык цифр свидетельствует, что по преобладающему харак-

теру своих будничных узаконений и распоряжений наше правительство — верный слуга капиталистов, играющий по отношению ко всему классу капиталистов совершенно ту же роль, какую играет какая-нибудь, скажем, постоянная контора съезда железозаводчиков или канцелярия синдиката сахарозаводчиков по отношению к капиталистам отдельных отраслей производства. Конечно, то обстоятельство, что пустяшное изменение устава какого-нибудь товарищества или продление срока для оплаты его акций составляют предмет особых узаконений, зависит просто от тяжеловесности нашей государственной машины; достаточно маленького «усовершенствования механизма», и все это отойдет в область ведения местных учреждений. Но, с другой стороны, тяжеловесность механизма, чрезмерная централизация, необходимость самому правительству сунуть во все свой нос — все это явления общие, распространяющиеся на всю нашу общественную жизнь, а вовсе не на одну только сферу торговли и промышленности. Поэтому сопоставление числа узаконений того или другого рода может вполне служить приблизительным показателем того, о чем наше правительство думает и заботится, чем интересуется.

Вот, например, частными обществами, если они не преследуют нравственно столь почтенной и политически столь безопасной цели наживы, наше правительство интересуется уже несравненно менее (если не считать проявлением интереса стремление затормозить, запретить, закрыть и пр.). За «отчетный» период — пишущий эти строки состоит на службе и потому надеется, что читатель простит ему употребление бюрократических терминов — утверждены уставы двух обществ (общества вспомоществования нуждающимся учащимся Владикавказской мужской гимназии и Владикавказского о-ва учебно-воспитательных прогулок и путешествий) и всемилостивейше разрешено изменить уставы трех (ссудосберегательной и вспомогательной касс служащих и рабочих на Людиновском и Сукремльском заводах и на Мальцевской железной дороге;

первого общества хмелеводства; благотворительного общества поощрения женского труда), 55 узаконений о торгово-промышленных обществах и 5 — о всяких других. В сфере торгово-промышленных интересов «мы» стремимся стоять на высоте задачи, стремимся делать все возможное для облегчения союзов между купцами и промышленниками (стремимся, но не делаем, ибо тяжеловесность машины и безграничная волокита ставят очень тесные пределы «возможному» в полицейском государстве). В сфере же некоммерческих союзов мы принципиально стоим за гомеопатию. Ну, общество хмелеводства или поощрения женского труда — это еще ничего себе. А вот учебно-воспитательные прогулки... Господь их знает, о чем они на прогулках говорить будут и не будет ли затруднен неослабный надзор со стороны инспекции? Нет уже, знаете ли с огнем надо обращаться осторожнее.

Школы. Учреждены целых три школы. И притом какие школы! Низшая школа скотников в имении его императорского высочества великого князя Петра Николаевича при селе Благодатном. Что села великих князей все должны быть благодатные, — в этом я давно уже не сомневался. Но теперь я не сомневаюсь и в том, что просвещением младшего брата могут искренно и от всей души интересоваться и увлекаться даже самые высокие персоны. Далее: утверждены уставы Дергачевской сельской ремесленной учебной мастерской и Асановской низшей сельскохозяйственной школы. Жаль, что у нас нет под руками никакого справочника, чтобы посмотреть, не принадлежат ли каким-нибудь высоким персонам и эти благодатные села, в которых с такой энергией культивируется народное образование и... помещичье хозяйство. Впрочем, я утешаю себя тем, что подобные справки не входят в число обязанностей статистика.

Вот и все узаконения, выражающие «попечения правительства о народе». Группировку я производил, как видите, по самым льготным принципам. Почему, например, общество хмелеводства не есть коммерческое общество? Только разве потому, что там иногда, может

быть, говорят не об одной коммерции? Или школа скотников — кто ее, собственно говоря, разберет, действительно ли это школа или только усовершенствованный скотный двор?

Остается последняя группа узаконений, выражающих попечение правительства о самом себе. Сюда относится втрое большее число узаконений (22), чем то, которое мы отнесли к двум предыдущим рубрикам. Здесь — ряд административных реформ, одна другой радикальнее: переименование селения Платоновского в селение Николаевское; изменение уставов, штатов, правил, списков, времени открытия заседания (некоторых уездных съездов) и проч.; увеличение содержания повивальным бабкам, состоящим при частях войск Кавказского военного округа; определение размера денежного отпуска на ковку и лечение строевых казачьих лошадей; изменение устава частной торговой школы в Москве, правила о стипендии имени надворного советника Даниила Самуиловича Полякова в Козловском коммерческом училище. Я не знаю, впрочем, правильно ли я классифицировал сии последние узаконения: действительно ли они выражают попечение правительства о самом себе, а не о торгово-промышленных интересах? Прошу снисхождения у читателя — ведь это первый опыт статистики узаконений; до сих пор никто не пытался еще возвести эту область знания на степень строгой науки, — никто, не исключая даже профессоров русского государственного права.

Наконец, одно узаконение должно быть выделено в особую самостоятельную группу как по своему содержанию, так и потому, что это — первое мероприятие правительства в новом столетии: «об увеличении площади лесов, предназначенных для развития и улучшения императорской охоты». Великий дебют, достойный великой державы!

Теперь надо подвести поверочный итог. Статистика без этого не обходится.

Полсотни узаконений и распоряжений, посвященных отдельным торгово-промышленным компаниям и

предприятиям; два десятка административных переименований и преобразований; два вновь созданных и три реформированных частных общества; три школы, приготовляющие помещичьих служащих; шесть городовых и два конно-полицейских урядника при заводах. Можно ли сомневаться, что столь богатая и разносторонняя законодательно-административная деятельность гарантирует нашему отечеству быстрый и неуклонный прогресс в XX веке?

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО [148]

Минуло сорок лот со времени освобождения крестьян. Вполне естественно, что наше общество с особенным одушевлением празднует день 19-го февраля — день падения старой, крепостной России, начало эпохи, которая сулила народу свободу и благосостояние. Но не надо забывать, что в хвалебных речах празднующих, наряду с искренней враждой к крепостничеству и всем его проявлениям, есть масса лицемерия. Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей: «освобождение крестьян с землей *при помощи* государственного выкупа». А на самом деле это было освобождение крестьян *от* земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены — посажены на четвертной или нищенский надел[149]. На самом деле, крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены. Сами помещики десять лет спустя после освобождения признавались перед правительственными чиновниками, исследовавшими положение сельского хозяйства, что крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными

людьми: их оставили на двадцать лет временнообязанными[150], их оставили — и они по сию пору остаются — низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства. Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа; напротив, она является величайшим историческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства. Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки *вынуждено* было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу. Но, взявшись за освобождение, правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников; правительство но остановилось даже перед такой гнусностью, как подтасовка людей, призванных осуществить реформу, — хотя эти люди были призваны из числа дворян же! Мировые посредники первого призыва были распущены и заменены людьми, не способными отказать крепостникам в объегоривании крестьян и при самом размежевании земли. И великая реформа не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказывавшихся принимать уставные грамоты[151]. Не удивительно, что лучшие люди того времени, сдавленные цензурным намордником, встретили эту великую реформу проклятьем молчания...

«Освобожденный» от барщины, крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» идти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подряжаясь зимой — за ссуду хлеба голодающей семье — на летнюю работу. Отработки и кабала — вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать

на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом.

А к этому помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создававших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавившая даже, напр., французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией, — эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полу крепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и проч. Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Так стоит дело в нашей деревне и сейчас. Спрашивается, в чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьянина? От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение

земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.), в общественную собственность. Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение на счет большинства. Вот почему социал-демократы всегда будут бороться против таких бессмысленных и вредных учреждений, как неотчуждаемость крестьянских наделов, круговая порука, запрещение свободного выхода из крестьянской общины и свободного приема в нее лиц каких угодно сословий! Но наш крестьянин страдает, как мы видели, не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества. Беспощадная борьба против этих пут, неизмеримо ухудшающих положение крестьянства и связывающих его по рукам и ногам, не только возможна, но и необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладет на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины. И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка должна выразиться, коротко говоря, *во внесении классовой борьбы в деревню.*

Мы видели, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом. И, несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение. Что мы должны пользоваться всеми представляющимися

нам поводами для развития классового самосознания в сельскохозяйственных наемных рабочих, что мы должны обратить внимание поэтому на переселение в деревню городских рабочих (напр., механиков, занимаемых при паровых молотилках, и т. п.), на рынки найма сельскохозяйственных рабочих — это понятно само собой, это аксиома для всякого социал-демократа.

Но наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и принижения десятков миллионов «простонародья», — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса.

Признание бедствий крестьянина сделалось теперь (в более или менее общей форме) почти всеобщим, фраза о «недостатках» реформы 1861 г. и о необходимости государственной помощи стала ходячей истиной. Наш долг указывать на то, что эти бедствия происходят именно от классового угнетения крестьянства, что правительство — верный защитник классов-угнетателей, что не помощи от него, а избавления от его гнета, завоевания политической свободы должны добиваться те, кто искренне и серьезно хочет коренного улучшения положения крестьян. Говорят о чрезмерной высоте выкупных платежей, о благодетельной мере понижения и пересрочки их правительством. Мы скажем на это, что все эти выкупные платежи — не что иное, как прикрытое законными формами и чиновническими фразами ограбление крестьян помещиками и правительством, не что иное, как дань крепостникам за освобождение их рабов. Мы выдвинем требование немедленной и полной отмены выкупных платежей и оброчных сборов, требование вернуть народу те сотни миллионов, которые годами выколачивало царское правительство для

удовлетворения аппетитов рабовладельцев. Говорят о малоземелье крестьян, о необходимости государственной помощи для расширения крестьянского землевладения. Мы скажем на это, что именно *благодаря* государственной помощи — помощи помещикам, разумеется, — крестьяне лишились в такой массе случаев необходимейшей для них земли. Мы выдвинем требование вернуть крестьянам те отрезки, посредством которых продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т. о. на деле тот же крепостной труд. Мы выдвинем требование учредить крестьянские комитеты для исправления тех вопиющих несправедливостей, которые наделали по отношению к освобождаемым рабам учрежденные царской властью дворянские комитеты. Мы потребуем учреждения судов, которые бы имели право понижать безмерно высокую плату за землю, взимаемую помещиками благодаря безвыходности положения крестьян, — судов, перед которыми крестьянин имел бы право преследовать за ростовщичество тех, кто заключает кабальные сделки, пользуясь крайней нуждой другого. Мы будем стараться всегда и по всяким поводам разъяснять крестьянам, что люди, говорящие им об опеке или помощи от современного государства, — либо дурачки, либо шарлатаны и худшие враги их, что крестьянству нужно прежде всего избавление от произвола и гнета власти чиновников, нужно прежде всего признание их полной и безусловной равноправности во всех отношениях со всеми другими сословиями, полной свободы передвижения и переселения, свободы распоряжения землей, свободы распоряжения всеми мирскими делами и мирскими доходами. Самые обыденные факты из жизни любой русской деревни могут дать всегда тысячи поводов для агитации во имя указанных требований. Эта агитация должна исходить из местных, конкретных, наиболее назревших нужд крестьян, но не останавливаться на этих нуждах, а неустанно расширять кругозор крестьян, неустанно развивать их политическое сознание, указывать на особое место, занимаемое в государстве помещиками и крестьянами, указывать на единственное средство избавления де-

ревни от висящего над ней гнета произвола и угнетения — созыв народных представителей, низвержение самовластья чиновников. Нелепо и вздорно утверждение, будто это требование политической свободы недоступно сознанию рабочих: не только рабочие, пережившие годы прямой борьбы с фабрикантами и полицией, постоянно видящие произвольные аресты и преследования лучших из их рядов, не только эти зараженные уже социализмом рабочие, но и всякий толковый крестьянин, хоть сколько-нибудь задумывающийся над тем, что он видит вокруг себя, в состоянии будет понять и усвоить, за что борются рабочие, усвоить идею земского собора, освобождающего всю страну от всевластия ненавистных чиновников. И агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу — внести классовую борьбу в деревню, — когда с каждым разоблачением того или другого «экономического» зла она сумеет связать определенные политические требования.

Но спрашивается, может ли социал-демократическая рабочая партия внести в свою программу требования, подобные вышеуказанным? Может ли она взять на себя агитацию в крестьянстве? Не поведет ли это к тому, что мы разбросаемся и направим в сторону от главного и единственно надежного русла движения наши революционные силы, и без того столь немногочисленные?

Такие возражения основаны на недоразумении. Да, мы непременно должны внести в свою программу требования об освобождении нашей деревни от всех пережитков рабства, требования, способные вызвать в лучшей части крестьянства если не самостоятельную политическую борьбу, то сознательную поддержку освободительной борьбы рабочего класса. Мы сделали бы ошибку, если бы стали отстаивать меры, способные задержать общественное развитие или искусственно оградить мелкое крестьянство от роста капитализма, от развития крупного производства, но еще более гибельна была бы ошибка, если бы мы не сумели воспользоваться рабочим движением для распространения

в крестьянстве тех демократических требований, которых не исполнила реформа 19-го февраля 1861 г. благодаря ее искажению помещиками и чиновниками. Включить такие требования необходимо для нашей партии, если она хочет встать во главе всего народа на борьбу с самодержавием*. Но такое включение вовсе не предполагает, чтобы мы стали звать активные революционные силы из города в деревню. Об этом не может быть и речи. Не подлежит никакому сомнению, что все боевые элементы партии должны стремиться к городам и фабрично-заводским центрам, что только промышленный пролетариат способен на бесповоротную и массовую борьбу против самодержавия, что только этот пролетариат способен вынести на своих плечах такие средства борьбы, как устройство открытой демонстрации или постановка правильно выходящей и широко распространяемой *народной* политической газеты. Не для того, чтобы отозвать из города в деревню убежденных социал-демократов, не для того, чтобы приковать их к деревне, должны мы внести в свою программу крестьянские требования, — нет, а для того, чтобы дать руководство для деятельности тем силам, которые *не могут* найти себе приложения иначе как в деревне, для того, чтобы использовать для дела демократии и политической борьбы за свободу те связи с деревней, которые в силу обстоятельств имеются у немалого числа преданных социал-демократии интеллигентов и рабочих и которые по необходимости расширяются и растут вместе с ростом движения. Мы давно уже переросли ту стадию, когда мы были маленьким отрядом добровольцев, когда весь запас социал-демократических сил исчерпывался кружками молодежи, поголовно «ходивших к рабочим». Наше движение располагает теперь целой армией, армией рабочих, затронутых борьбой за социализм и за свободу, — армией интеллигентов, принимавших и принимающих

* Проект социал-демократической программы со включением вышеуказанных требований составлен уже нами. Мы надеемся после обсуждения и переработки этого проекта при содействии группы «Освобождение труда» опубликовать в одном из ближайших номеров проект программы нашей партии.

участие в движении и разбросанных уже в настоящее время по всем концам России, — армией сочувствующих, с верой и надеждой взирающих на рабочее движение и готовых оказать ему тысячи услуг. И перед нами стоит великая задача: организовать все эти армии, организовать так, чтобы мы способны были не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому не опасные) удары, а преследовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линии, травить самодержавное правительство везде, где оно сеет угнетение и пожинает ненависть. А разве возможно достигнуть этой цели, не занося в многомиллионную массу крестьянства семена классовой борьбы и политического сознания? И не говорите, что такое занесение невозможно: оно не только возможно, оно уже происходит, оно идет тысячами путей, ускользающих от нашего внимания и нашего воздействия. Оно пойдет неизмеримо шире и быстрей, когда мы сумеем дать лозунг для такого воздействия и выкинем знамя освобождения русского крестьянства от всех остатков позорного крепостного права. Приходящий в города деревенский люд и теперь уже с любопытством и интересом присматривается к непонятной для него борьбе рабочих и разносит весть о ней по всяким захолустьям. Мы можем и должны добиться того, что это любопытство сторонних зрителей будет сменяться если не полным пониманием, то хотя смутным сознанием того, что рабочие борются за интересы всего народа, будет сменяться все большим и большим сочувствием к их борьбе. А тогда — день победы революционной рабочей партии над полицейским правительством будет приближаться с нежданной-негаданной для нас самих быстротою.

Написано в феврале, позднее 19 (4 марта) 1901 г.

Напечатано в апреле 1901 г. в газете «Искра» № 3

Печатается по тексту газеты

СПИСОК НЕРАЗЫСКАННЫХ РАБОТ В. И. ЛЕНИНА

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА

СПИСОК РАБОТ В. И. ЛЕНИНА, ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ
(1898 — апрель 1901)

1897—1898 гг.

ЗАМЕТКА О КНИГЕ А. А. МИКУЛИНА

Заметка о книге А. А. Микулина (какой, не установлено) была написана, по-видимому, в 1897 году или в начале 1898 года. Ленин упоминает о заметке в письме М. Т. Елизарову от 14 (26) февраля 1898 года, предупреждая, что ее не следует включать в сборник «Экономические этюды и статьи» (см. Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 87).

ДВА ПИСЬМА Н. Е. ФЕДОСЕЕВУ

Письма Н. Е. Федосееву написаны ранее 24 января (5 февраля) 1898 года. Сведения о них имеются в письме В. И. Ленина А. И. Ульяновой-Елизаровой от 24 января (5 февраля) 1898 года, где говорится: «Н. Е. Ф. мне не пишет, не отвечает даже, хотя я писал ему 2 письма» (Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 81).

1898 г.

ПИСЬМО В СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ

Об этом письме Ленин сообщает А. И. Ульяновой-Елизаровой 12 (24) декабря 1898 года (см. Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 140).

1898 — 1899 гг.

ПИСЬМА Л. МАРТОВУ

О переписке В. И. Ленина с Л. Мартовым говорится в письме Ленина к родным (см. Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 180), а также упоминается в воспоминаниях Л. Мартова.

«В. И. писал лишь, что в ряде номеров петербургского органа «Рабочая Мысль» заметна склонность замалчивать задачи политической борьбы и что за границей против Плеханова и всей группы «Освобождение труда» ведется систематический поход молодыми эмигрантами (в числе их К. М. Тахтаревым), который ему кажется подозрительным» (Ю. Мартов. Записки социал-демократа. М., 1924, стр. 400—401).

ПИСЬМА Ф. В. ЛЕНГНИКУ ПО ВОПРОСАМ ФИЛОСОФИИ

О переписке В. И. Ленина с Ф. В. Ленгником по вопросам философии в годы сибирской ссылки сообщают Ф. В. Ленгник и П. Н. Лепешинский. «В своих ответных письмах, — пишет Ленгник, — Владимир Ильич, насколько я помню, очень деликатно, но и вполне определенно выступил решительным противником и юмовского скептицизма, и кантовского идеализма, противопоставляя им жизнерадостную философию Маркса и Энгельса». Ф. В. Ленгник припоминал, что письма эти были изъяты у него во время обыска в 1901 году в Самаре (см. Ленинский сборник I, стр. 194—195). П. Н. Лепешинский в своих воспоминаниях отмечает, что письма Ленина Ленгнику иногда представляли собою целые трактаты по философии (см, П. Н. Лепешинский. На повороте. М., 1955, стр. 114—115).

1899 г.

ДВЕ СТАТЬИ С КРИТИКОЙ ВЗГЛЯДОВ ЛИБЕРАЛЬНОГО НАРОДНИКА Н. В. ЛЕВИТСКОГО

Сведения об этих статьях имеются в письме В. И. Ленина М. А. Ульяновой от 25 августа (6 сентября) 1899 года (см. Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 207). Статьи, очевидно, предназначались для журнала «Начало», закрытого царским правительством в июне 1899 года.

ПИСЬМО Л. МАРТОВУ О «CREDO»

Упоминание об этом письме имеется в воспоминаниях Л. Мартова (см. Ю. Мартов. Записки социал-демократа. М., 1924, стр. 407—408).

ПИСЬМА А. Н. ПОТРЕСОВУ и Л. МАРТОВУ

В этих письмах В. И. Ленин сообщал о плане издания за границей общерусской нелегальной марксистской газеты, о необходимости борьбы с русским и международным ревизионизмом

(см. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, стр. 105—106; Ю. Мартов. Записки социал-демократа. М., 1924, стр. 411; «Каторга и Ссылка», 1927, № 6 (35), стр. 9).

НАЧАЛО И КОНЕЦ РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ С. Н. ПРОКОПОВИЧА «РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЗАПАДЕ»

В Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранятся только 4—16 страницы рукописи.

ЧАСТЬ СТАТЬИ «НАСУЩНЫЙ ВОПРОС»

В Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС не хватает половины 5 листа рукописи.

1900 г.

ДОКЛАД «ИСКРЫ» НЕ СОСТОЯВШЕМУСЯ ВЕСНОЙ 1900 г. ВТОРОМУ СЪЕЗДУ РСДРП

Доклад съезду был подготовлен Лениным в письменном виде, так как группа «Искры» не была уверена в возможности послать делегата на предполагавшийся съезд.

«В этом докладе, — писал В. И. Ленин в работе «Что делать?», — проводится та мысль, что одним выбором Центрального Комитета мы не только не решим вопроса об объединении в такое время полного разброда, как переживаемое нами, но и рискуем компрометировать великую идею создания партии в случае нового быстрого и полного провала, который более чем вероятен при господствующей неконспиративности; что надо начать поэтому, с приглашения всех комитетов и всех других организаций поддерживать возобновленный общий орган, который *реально* свяжет все комитеты *фактической* связью, *реально* подготовит группу руководителей всем движением, — а превратить такую созданную комитетами группу в ЦК комитеты и партия легко уже сумеют, раз такая группа вырастет и окрепнет. Съезд, однако, не осуществляется вследствие ряда провалов, и доклад но конспиративным соображениям уничтожается, будучи прочтен только несколькими товарищами, в том числе уполномоченными одного комитета» (Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 464—465).

Возможно, что с текста доклада в свое время была снята копия.

1898 — апрель 1901 г.

ПЕРЕПИСКА С ГРУППОЙ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

Упоминания о неразысканных письмах В. И. Ленина членам группы «Освобождение труда» — Г. В. Плеханову, П. В. Аксельроду, В. И. Засулич — см. Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 30—31; том 36, стр. 32; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, стр. 58; Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. II. М., 1925, стр. 137; Социал-демократическое движение в России. Материалы под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского. Т. I. М.—Л., 1928, стр. 75—76.

ПЕРЕПИСКА С РОДНЫМИ:

М. А. Ульяновой, М. И. Ульяновой, А. И. Ульяновой-Елизаровой, Д. И. Ульяновым, Н. К. Крупской, М. Т. Елизаровым

О многочисленных не дошедших до нас письмах к родным имеются упоминания в сохранившейся переписке В. И. Ленина с родными, в выписках Московского жандармского управления из писем В. И. Ленина, а также в воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой, М. И. Ульяновой и Н. К. Крупской (см. Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 77, 80, 87, 90, 92, 94, 96, 105, 110, 117, 127, 128, 130, 134, 139, 176, 184, 193, 207, 214, 230, 463—464, 465, 467, 493, 495, 500, 502; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, стр. 51, 102—103, 234; Н. К. Крупская. Ленин — редактор и организатор партийной печати. М., 1956, стр. 20).

ПЕРЕПИСКА

с Е. В. Барамзиным, А. А. Ванеевым, М. Г. Григорьевым, В. А. Ионовым, А. М. Калмыковой, Л. М. и Н. М. Книпович, Г. М. Кржижановским, В. К. Курнатовским, И. Х. Лалаянцем, П. Н. Лепешинским, Я. М. Ляховским, С. И. Мицкевичем, А. Н. Потресовым, М. А. Сильвиным, А. П. Скляренко, В. В. Старковым, П. Б. Струве, М. М. Филипповым, А. С. Шаповаловым, А. А. Якубовой

Об этой обширной переписке сообщается в сохранившихся письмах В. И. Ленина к родным, в воспоминаниях Н. К. Крупской, Г. М. Кржижановского, П. Н. Лепешинского, Л. Мартова и др.

«Два раза в неделю приходила почта. Переписка была обширная, — пишет Н. К. Крупская. — Приходили письма и книги

из России. Писала подробно обо всем Анна Ильинична, писали из Питера... Получали письма из далекой ссылки — из Туруханска от Мартова, из Орлова, Вятской губернии, от Потресова. Но больше всего было писем от товарищей, разбросанных по соседним селам. Из Минусинска (Шушенское было в 50 верстах от него) писали Кржижановские, Старков; в 30 верстах, в Ермаковском, жили Лепешинский, Ванеев, Сильвин, Панин — товарищ Оскара; в 70 верстах, в Теси, жили Ленгник, Шаповал, Барамзин; на сахарном заводе жил Курнатовский. Переписывались обо всем — о русских вестях, о планах на будущее, о книжках, о новых течениях, о философии. Переписывались и по шахматным делам, особенно с Лепешинским...» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 32; см. также: Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 77, 80, 121, 128, 142, 186, 213, 235, 246, 489, 494; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, стр. 181—182, 220—221; Н. Крупская. Из далеких времен. М. — Л., 1930, стр. 40).

СПИСОК РАБОТ, В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН

1898 — начало 1901 г.

[Крупская, Н. К.] Женщина-работница. Изд. «Искры», февраль 1901 (см. Н. К. Крупская. Ленин — редактор и организатор партийной печати. М., 1956, стр. 20).

1899—1900 гг.

Русский перевод с английского книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Т. II. Спб., 1901 (см. Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 188, 210, 211, 214, 490).

1900 — апрель 1901 г.

Статьи и корреспонденции для №№ 1, 2 и 3 газеты «Искра».

Статьи для № 1 журнала «Заря» (см. Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 1—3, 8, 33; Н. К. Крупская. Ленин — редактор и организатор партийной печати. М., 1956, стр. 21).

Конец 1900 г.

[Ерманский, О. А.] Майские дни в Харькове. Изд. «Искры», январь 1901 (см. Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 8).

СПИСОК РАБОТ, ПЕРЕВЕДЕННЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ

1898, 1899 — 1900 гг.

Перевод с английского I тома и значительной части текста II тома книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Лениным был написан ряд подстрочных примечаний к русскому переводу книги (см. С. и Б. Вебб. Теория и практика английского тред-юнионизма. Т. I—П. Перевод с английского Владимира Ильина. Спб., 1900—1901; Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 96, 97, 98, 101, 110, 113, 115, 117, 119, 210, 211, 214, 490).

1899 г.

Перевод с немецкого книги К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика» (см. К. Каутский. Сборник статей. Спб., 1905. На втором издании книги (1906) помечено: «Перевод Ленина»; Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 35; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 1. М., 1956, стр. 101).

1900 г.

Перевод с английского статьи Г. Гайндмана «Социализм, тред-юнионизм и политическая борьба». Рукопись В. И. Ленина хранится в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Статья Гайндмана была получена от автора через члена группы «Рабочее знамя» В. П. Ногина (см. Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 35—36).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья «*К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Новые статистические подвиги проф. Карышева»* была написана Лениным в августе 1898 года и напечатана в сборнике «Экономические этюды и статьи», вышедшем в первой половине октября 1898 года. Материалы и выводы статьи «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике» Ленин широко использовал в книге «Развитие капитализма в России» (глава V: «Первые стадии капитализма в промышленности»; глава VI: «Капиталистическая мануфактура и капиталистическая работа на дому»; и глава VII: «Развитие крупной машинной индустрии», второй раздел — «Наша фабрично-заводская статистика»). — *1.*

[2] *«Русские Ведомости»* — газета; выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции, отстаивая необходимость реформ, которые должны были превратить Россию в конституционную монархию; в 80— 90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря (В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и др.), печатались произведения либеральных народников. С 1905 года газета являлась органом правого крыла партии кадетов. Ленин указывал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали *«правый* кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами. — *5.*

[3] *Топчаковый двигатель* — вид примитивного конного двигателя. — *9.*

[4] *Постав* — каждая пара жерновов на мельнице. — *11.*

[5] *«Юридический Вестник»* — ежемесячный журнал либерально-буржуазного направления; выходил в Москве с 1867 по 1892 год. В журнале сотрудничали публицисты, впоследствии

ставшие кадетами и октябристами (Н. Кареев, В. Гольцев, М. Ковалевский, С. Муромцев и др.).

В 1888 году в № 10 «Юридического Вестника» было напечатано письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных Записок», написанное в связи со статьей Н. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». — *12.*

[6] *«Мир Божий»* — ежемесячный литературный и научно-популярный журнал либерального направления; издавался в Петербурге с 1892 по 1906 год. В 1898 году в журнале была напечатана рецензия Ленина на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» (см. настоящий том, стр. 35—43). С 1906 по 1918 год журнал выходил под названием «Современный Мир». — *16.*

[7] Ленин имеет в виду свою книгу «Развитие капитализма в России» (см. Сочинения, 5 изд., том 3). — *16.*

[8] Подробная характеристика этой книги дана в работе В. И. Ленина «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности» (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 317—424). — *17.*

[9] Данные первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января (9 февраля) 1897 года печатались отдельными выпусками с 1897 по 1905 год; Ленин использовал их во втором издании книги «Развитие капитализма в России», уточнив численность населения ряда населенных пунктов. — *29.*

[10] Ленин имеет в виду либеральных народников во главе с Н. М. Михайловским; критику взглядов этой «школы» Ленин дал в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)». — *38.*

[11] *«Русская Мысль»* — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 год, до 1905 года — либерально-народнического направления (до 1885 г. — редактор В. М. Лавров). В 90-х годах, во время борьбы марксистов с либеральными народниками иногда печатал на своих страницах статьи марксистов. В это время в «Русской Мысли» печатались демократические писатели: Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, А. М. Горький, А. П. Чехов и др. После революции 1905 года — орган контрреволюционного либерализма; выходил под редакцией П. Б. Струве. Выступал с проповедью национализма, «веховства», поповщины, с защитой помещичьей собственности.

Ленин называл «Русскую Мысль» — «Черносотенной Мыслью» (см. Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 445). — *39.*

[12] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 738—739. — *42.*

[13] *Колоны* — арендаторы небольших земельных участков у крупных землевладельцев в древней Римской империи. За пользование земельными участками колоны выплачивали денежную аренду и несли натуральные повинности. Впоследствии в силу задолженности они фактически попали в полную зависимость от землевладельцев. По определению Ф. Энгельса колоны явились «предшественниками средневековых крепостных» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 284). — *42.*

[14] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 795—826. — *42.*

[15] «Заметка к вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)» была напечатана в журнале «Научное Обозрение», 1899, № 1.

«Научное Обозрение» — научный (с 1903 года — общелитературный) журнал; выходил в Петербурге с 1894 по 1903 год. Журнал привлекал публицистов и ученых разных школ и направлений; широко использовался либералами и «легальными марксистами». В журнале были напечатаны работы К. Маркса «Речь о свободе торговли» (1897, № 11), «Заработная плата, цена и прибыль» (1898, № 12) и др. и Ф. Энгельса «Диалектика и метафизика» (Отрывок из введения к «Анти-Дюрингу») (1897, № 5) и др. В объявлении на 1900 год в числе сотрудников значился В. Ильин (Ленин). В «Научном Обозрении» кроме «Заметки к вопросу о теории рынков» были напечатаны также статьи В. И. Ленина «Еще к вопросу о теории реализации» (1899, № 8) (см. настоящий том, стр. 67—87) и «Некритическая критика» (1900, №№ 5, 6) (см. Сочинения, 5 изд., том 3, стр. 611—636). — *44.*

[16] *«Сверхстоимость»* — прибавочная стоимость. До середины 1899 года Ленин пользовался термином «сверхстоимость» наряду с термином «прибавочная стоимость». Позднее он пользуется только термином «прибавочная стоимость».

В журнале «Научное Обозрение», где впервые была напечатана «Заметка к вопросу о теории рынков», редакция заменила термин «стоимость» термином «ценность». Ленин считал термин «ценность» неправильным; в примечании к статье «Еще к вопросу о теории реализации» он указал, что он употребляет всегда термин «стоимость» (см. настоящий том, стр. 68). — *44.*

[17] См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 471. — *46.*

[18] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 316—317. — *47.*

[19] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 254—255. — *47.*

[20] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 316. — *48.*

[21] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 259—260. — *49.*

[22] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 498. — *49.*

[23] См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 314. — *49.*

[24] *«Новое Слово»* — ежемесячный научно-литературный и политический журнал; издавался в Петербурге с 1894 года либеральными народниками. С весны 1897 года издавался при участии А. М. Калмыковой «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским и др.). В «Новом Слове» было напечатано дополнение Ф. Энгельса к III тому «Капитала» под заголовком «Закон ценности и уровень прибыли» (1897, № 12) и др., а также работы Ленина «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» и «По поводу одной газетной заметки» (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 119—262 и 425 — 432). В журнале сотрудничали Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, А. М. Горький и другие. В декабре 1897 года журнал был закрыт правительством. — *49.*

[25] См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 361—389. — *50.*

[26] См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 16. — *54.*

[27] Рецензии В. И. Ленина на книги Р. Гвоздева, Парвуса и справочник «Торгово-промышленная Россия» были напечатаны в журнале «Начало», 1899, № 3.

«Начало» — ежемесячный научный и литературно-политический журнал, орган «легальных марксистов», выходил в Петербурге в первой половине 1899 года под редакцией П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и других. В журнале сотрудничали Г. В. Плеханов, В. И. Засулич и др. В № 4 журнала был напечатан отрывок из путевых записок Ф. Энгельса «Из Парижа в Берн», относящихся к 1848 году; в «Начале» были напечатаны рецензия В. И. Ленина на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос», шесть разделов III главы книги «Развитие капитализма в России» под заголовком «Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим в современном русском земледелии» и рецензия на книгу Гобсона «Эволюция современного капитализма». — *55.*

[28] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 737—739. — *61.*

[29] *Тоня* — рыболовный промысел. — *65.*

[30] *Физиократы* — одно из направлений буржуазной классической политической экономии, представители которого выступали в период идейной подготовки буржуазной революция во Франции (в 50 и 60-х годах XVIII века). Основоположником школы физиократов был Ф. Кенэ. Физиократы отстаивали экономическую политику по формуле «laissez faire, laissez passer» («предоставляйте полную свободу действовать»), направленную на создание наиболее благоприятных условий развивавшимся буржуазным отношениям. Физиократы провозглашали принципы неограниченного господства частной собственности, отвергали протекционизм, боролись против цеховых ограничений, требовали свободной торговли и конкуренции.

Физиократы перенесли исследование источника богатства и прибавочного продукта из сферы обращения в сферу производства, однако ограничили его сельским хозяйством. Они первыми в истории экономической мысли пытались рассмотреть законы воспроизводства и распределения совокупного общественного продукта. «Экономическая таблица» Кенэ была попыткой представить капиталистический процесс воспроизводства в целом. Однако, не понимая природы стоимости, физиократы в прибавочной стоимости видели не воплощение прибавочного труда, а своеобразный дар природы («чистый продукт»). — *68.*

[31] См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 237. Ленин ссылается здесь на главу «Из «Критической истории»» (см. отдел второй, глава X). — *68.*

[32] См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 596. — *68.*

[33] См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 358—359. — *69.*

[34] См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 359—389. — *69.*

[35] См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 389. — *71.*

[36] *Четвертым томом «Капитала»* Ленин, в соответствии с указанием Энгельса, называет труд Маркса «Теории прибавочной стоимости», написанный в 1862—1863 годах. В предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс писал: «Я оставляю за собой опубликование критической части этой рукописи в виде IV книги «Капитала», причем из нее будут

устранены многочисленные места, исчерпанные в книгах II и III» (К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 2). Однако подготовить к печати IV том «Капитала» Энгельс не успел. Впервые «Теории прибавочной стоимости» были опубликованы на немецком языке в обработке К. Каутского в 1905— 1910 годах. В этом издании были нарушены основные требования научной публикации текста и допущены искажения ряда положений марксизма.

«Теории прибавочной стоимости» в трех частях издаются Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС по рукописи 1862—1863 годов (см. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости» (IV том «Капитала»), ч. I, 1955; ч. II, 1957). — *71.*

[37] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 855. — *71.*

[38] См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 595—596. — *71.*

[39] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 854. — *72.*

[40] *Неокантианство* — буржуазное философское течение, возникшее в Германии во второй половине XIX века. Неокантианство воспроизводило наиболее реакционные, идеалистические положения философии Канта и отвергало имеющиеся в ней элементы материализма. Под лозунгом «Назад к Канту» неокантианцы проповедовали возрождение кантовского идеализма, вели борьбу против диалектического и исторического материализма. Ф. Энгельс в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» охарактеризовал неокантианцев как «теоретических реакционеров», жалких эклектиков и крохоборов.

Неокантианцы в рядах германской социал-демократии (Э. Бернштейн, К. Шмидт и др.) подвергли ревизии марксистскую философию, экономическую теорию Маркса и его учение о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. В России представителями неокантианства были «легальные марксисты» П. Б. Струве, С. Н. Булгаков и др.

Ленин выступил против «легальных марксистов», переносивших неокантианство на русскую почву, в ранних своих работах: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)» (1895), «Некритическая критика» (1900) и приветствовал статьи Г. В. Плеханова против неокантианцев в заграничной литературе в конце 90-х годов, в которых Г. В. Плеханов объявил неокантианство Э. Бернштейна и К. Шмидта «реакционной теорией реакционной буржуазии». Всесторонняя критика неокантианской философии была дана Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1909). В своих философских работах Ленин показал враждебность субъективно-идеалистической философии

неокантианцев научному познанию природы и общества, разоблачил ее классовую сущность как буржуазной идеологии.

Неокантианские идеи используются в настоящее время представителями реакционной философии империализма в целях борьбы против марксизма-ленинизма. — *74.*

[41] Ленин имеет в виду книгу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшую легально в Петербурге в 1895 году под псевдонимом Н. Бельтов и изданную на немецком языке его же книгу «Очерки по истории материализма». — *75.*

[42] См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 471. — *79.*

[43] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 844. — *80.*

[44] Ленин имеет в виду свою работу «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПБ. 1894 г.» (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 347—534). — *83.*

[45] *Майораты* — сохранившийся в некоторых капиталистических странах со времен феодализма порядок наследования, при котором крупные помещичьи имения переходят нераздельно или к старшему в роде, или к старшему из сыновей владельца. — *91.*

[46] В журнале «Научное Обозрение» № 8 за 1899 год был напечатан перевод одной главы из книги К. Каутского «Аграрный вопрос», под заголовком «Современное сельское хозяйство». — *94.*

[47] Статья Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)» предназначалась для журнала «Начало», но в связи с его закрытием была напечатана в журнале «Жизнь».

«Жизнь» — литературный, научный и политический журнал, издавался в Петербурге с 1897 по 1901 год. В журнале сотрудничали «легальные марксисты» (М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве и др.), передовые писатели и критики (А. М. Горький, А. П. Чехов, В. В. Вересаев, С. Г. Скиталец, И. А. Бунин, Е. А. Соловьев). На страницах «Жизни» была напечатана работа К. Маркса «Заработная плата, цена и прибыль». В журнале была напечатана также статья В. И. Ленина «Ответ г. П. Нежданову» (декабрь 1899 года) (см. настоящий том, стр. 157—162).

«Жизнь» была закрыта правительством в июне 1901 года; издание было возобновлено за границей в апреле 1902 года

социал-демократической группой «Жизнь» (В. Д. Бонч-Бруевич, В. А. Поссе, В. М. Величкина, Г. А. и М. А. Куклины и др.). За границей было выпущено шесть книг журнала, двенадцать номеров «Листка «Жизни»» и был издан ряд отдельных изданий «Библиотеки «Жизни»». Группа «Жизнь» допускала отклонения от социал-демократических воззрений и тактики в сторону христианского социализма и анархизма. В декабре 1902 года группа была распущена, издательство ликвидировано. — *96.*

[48] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 630—631. — *107.*

[49] *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал, выходивший с 1876 по 1918 год в Петербурге. С начала 90-х годов перешел в руки либеральных народников во главе с И. К. Михайловским; главный народнический орган, открывший в 1893 году поход против российских социал-демократов. Искажая и фальсифицируя марксизм, «Русское Богатство» опиралось на западноевропейских ревизионистов. Вокруг «Русского Богатства» группировались публицисты, впоследствии ставшие видными членами партий эсеров, «народных социалистов» и трудовых групп в государственных думах. В литературном отделе журнала печатались прогрессивные писатели — В. В. Вересаев, В. М. Гаршин, А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский и др. С 1906 года «Русское Богатство» становится органом полукадетской партии энесов («народных социалистов»).

«Русское Богатство» несколько раз меняло название («Современные Записки», «Современность», «Русские Записки»; с апреля 1917 года снова — «Русское Богатство»). — *112.*

[50] *Фритредеры* — представители буржуазной политической экономии, требовавшие свободы торговли и невмешательства государства в частнохозяйственную деятельность. Фритредерство возникло во второй половине XVIII века в Англии в период промышленного переворота; отражало заинтересованность промышленной буржуазии в отмене высоких ввозных пошлин на хлеб и сырье, что создавало возможность снижать заработную плату рабочих, а также в расширении внешней торговли, не стесненной ограничениями, и в использовании свободы торговли для вытеснения более слабых конкурентов с мировых рынков. Оплотом фритредерства в Англии в 30—40-х годах XIX века были промышленники Манчестера, поэтому фритредеров называли также «манчестерцами».

Теоретическое обоснование фритредерство получило в трудах А. Смита и Д. Рикардо.

В России фритредерские взгляды получили распространение главным образом среди той части помещиков, которая

была заинтересована в свободном сбыте хлеба на мировом рынке.

Классовая сущность фритредерства была вскрыта К. Марксом в «Речи о свободе торговли» (1848) и других работах. Не отрицая прогрессивности требования свободы торговли, поскольку она ускоряет развитие капитализма и обостряет классовые противоречия, Маркс показал, что лозунг свободной торговли буржуазия использует в целях социальной демагогии и обмана народных масс, прикрывая им свое стремление к неограниченной эксплуатации пролетариата, экономическому закабалению слаборазвитых стран и колониальной экспансии.

Характеристику фритредерства см. в работе В. И. Ленина «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» (Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 248—262). — *123.*

[51] Речь идет о статье К. Маркса, посвященной критике произведения Э. де Жирардена «Le socialisme et l'impôt» («Социализм и налог»). См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 295—307.

Статья была напечатана в № 4 журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» («Новая Рейнская Газета. Политико-экономическое обозрение»), вышедшем в мае 1850 года. Журнал издавался К. Марксом в 1850 году в Гамбурге и являлся продолжением «Новой Рейнской Газеты». — *129.*

[52] Имеется в виду двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», составленный группой авторов либерально-буржуазного и народнического направления под редакцией проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова (1897). Ленин познакомился с этим изданием в ссылке и подверг его критике в книге «Развитие капитализма в России». — *132.*

[53] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 627—826. — *132.*

[54] *Фидеикомисс* — система наследования в крупном землевладении. При этой системе земельное владение переходит в пользование первого сына наследодателя без права залога, раздробления и отчуждения (продажи) целиком или частью.

Anerbenrecht — крестьянская разновидность фидеикомисса, оставляющая землевладельцу несколько большую свободу в распоряжении наследуемым земельным владением, но точно так же воспрещающая разделы наследства. — *139.*

[55] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 650. — *145.*

[56] Речь идет о статье В. И. Ленина «Заметка к вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)» (см. настоящий том, стр. 44—54). — *157.*

[57] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 255. — *160.*

[58] См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1955, стр. 316. — *161.*

[59] *«Протест российских социал-демократов»* написан В. И. Лениным в ссылке в августе 1899 года, после получения им из Петербурга от А. И. Ульяновой-Елизаровой документа «экономистов», названного ею «Credo «молодых»». Автором «Credo» была Е. Д. Кускова, в то время член заграничного «Союза русских социал-демократов». Манифест группы «экономистов» не предназначался для печати и, как указывал В. И. Ленин, был опубликован «помимо воли и, может быть, даже против воли его авторов», поскольку «экономисты» боялись гласной критики своих оппортунистических воззрений.

Проект «Протеста» против документа российских бернштейнианцев, подготовленный В. И. Лениным, обсуждался на собрании семнадцати ссыльных марксистов Минусинского округа в с. Ермаковском (место ссылки А. А. Ванеева, П. Н. и О. Б. Лепешинских, М. А. Сильвина и др.). «Протест» был принят единогласно и подписан В. И. Лениным, Н. К. Крупской, В. В. Старковым, А. М. Старковой, Г. М. Кржижановским, З. П. Кржижановской-Невзоровой, Ф. В. Ленгником, Е. В. Барамзиным, А. А. Ванеевым, Д. В. Ванеевой, М. А. Сильвиным, В. К. Курнатовским, П. Н. Лепешинским, О. Б. Лепешинской и петербургским« рабочими О. А. Энгбергом, А. С. Шаповаловым и Н. Н. Паниным. К «Протесту» присоединились не присутствовавшие на собрании И. Л. Проминский, М. Д. Ефимов, Чекальский и Ковалевский, а также колония ссыльных в Туруханске (Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум) и др.). Против «Credo» «экономистов» выступила также колония семнадцати ссыльных социал-демократов города Орлова Вятской губ. (В. В. Воровский, Н. Э. Бауман, А. Н. Потресов и др.).

«Протест» был переслан за границу и немедленно по получении Г. В. Плехановым сдан в набор для очередного номера «Рабочего Дела». Однако «молодые» члены заграничного «Союза», входившие в редакцию «Рабочего Дела», в декабре 1899 года без ведома Г. В. Плеханова выпустили «Протест» отдельной листовкой с послесловием, в котором заявляли, что «Credo» выражает мнение отдельных лиц, позиция которых не представляет опасности для российского рабочего движения, и отрицали наличие «экономизма» в заграничном «Союзе русских социал-демократов». В начале 1900 года Г. В. Плеханов переиздал «Протест» в направленном против «экономистов» сборнике «Vademecum (Путеводитель.

Ред.) для редакции «Рабочего Дела»». Г. В. Плеханов приветствовал появление «Протеста», который свидетельствовал о том, что российские социал-демократы видят серьезную опасность в «экономизме» и объявляют ему решительную борьбу. — *163.*

[60] *«Рабочее Дело»* — журнал «экономистов», непериодический орган «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, П. Теплова, В. П. Иваншина, а затем и А. С. Мартынова. Вышло 12 номеров (девять книг). Редакция «Рабочего Дела» являлась заграничным центром «экономистов». «Рабочее Дело» поддерживало бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма, стояло на оппортунистических позициях в вопросах тактики и организационных задач русской социал-демократии, отрицало революционные возможности крестьянства и т. п. «Рабочедельцы» пропагандировали оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, преклонялись перед стихийностью рабочего движения и отрицали руководящую роль партии. Один из редакторов «Рабочего Дела» (В. П. Иваншин) принимал участие в редактировании «Рабочей Мысли» — органа откровенных «экономистов», которому «Рабочее Дело» оказывало поддержку. На II съезде РСДРП «рабочедельцы» представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии. — *163.*

[61] *Группа «Освобождение труда»* — первая русская марксистская группа, основанная Г. В. Плехановым в 1883 году в Женеве. Кроме Плеханова в группу входили П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, В. Н. Игнатов.

Группа «Освобождение труда» проделала большую работу по пропаганде марксизма в России. Она переводила на русский язык, издавала за границей и распространяла в России труды К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке» и другие, а также популяризировала марксизм в своих изданиях. Группа «Освобождение труда» нанесла серьезный удар народничеству, являвшемуся главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и развития социал-демократического движения в России. В работах «Социализм и политическая борьба» (1883), «Наши разногласия» (1885) и др. Г. В. Плеханов подверг марксистской критике реакционные народнические теории (о некапиталистическом пути развития России, отрицание передовой роли пролетариата в революционном движении, субъективно-идеалистический взгляд народников на роль личности в истории и т. д.). Два проекта программы русских социал-демократов (1883 и 1885 гг.), написанные Г. В. Плехановым и изданные группой «Освобождение труда», явились важным шагом в подготовке

и создании социал-демократической партия в России. Особенно большое значение в распространении марксистских взглядов, в защите диалектического и исторического материализма имела книга Плеханова (Н. Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895), на которой «воспиталось целое поколение русских марксистов» (Ленин). Группа издала и распространила в России 4 книги сборника «Социал-Демократ», а также серию популярных брошюр для рабочих.

Ф. Энгельс приветствовал возникновение группы «Освобождение труда», «которая искренне к без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 461). Г. В. Плеханов и В. И. Засулич были связаны с Ф. Энгельсом личной дружбой и в течение многих лет вели с ним переписку. Группа «Освобождение труда» установила связи с международным рабочим движением и, начиная с первого конгресса {I Интернационала в 1889 году (Париж), за все время своего существования представляла российскую социал-демократию на всех его конгрессах. Но у группы «Освобождение труда» были и серьезные ошибки: переоценка роли либеральной буржуазии, недооценка революционности крестьянства, как резерва пролетарской революции. Эти ошибки явились зародышем будущих меньшевистских взглядов Плеханова и других членов группы.

В. И. Ленин указывал, что группа «Освобождение труда» «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» (Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 255).

На втором съезде РСДРП в августе 1903 года группа «Освобождение труда» заявила о прекращении своего существования. — *165.*

[62] Ленин имеет в виду *Международное Товарищество Рабочих* — I Интернационал, первую международную массовую организацию пролетариата, основанную 28 сентября 1864 года на международном рабочем собрании в Лондоне, созванном английскими и французскими рабочими. Создание I Интернационала — результат упорной многолетней борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса за революционную партию рабочего класса. К. Маркс был организатором и руководителем I Интернационала, автором его «Учредительного манифеста», Устава и других программных и тактических документов. Как отмечал В. И. Ленин, I Интернационал «заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал», «заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм» (Сочинения, 4 изд., том 29, стр. 280, 281).

Центральным руководящим органом I Интернационала был Генеральный совет Международного Товарищества

Рабочих, бессменным членом которого являлся К. Маркс. Преодолевая мелкобуржуазные влияния и сектантские тенденции, преобладавшие тогда в рабочем движении (тред-юнионизм в Англии, прудонизм и анархизм в романских странах, лассальянство в Германии), Маркс сплачивал вокруг принципов научного социализма передовых рабочих Европы и Америки. I Интернационал руководил экономической и политической борьбой рабочих различных стран и укреплял их международную солидарность. Огромна роль I Интернационала в деле распространения марксизма, в соединении социализма с рабочим движением.

После поражения Парижской Коммуны перед рабочим классом встала задача создания массовых национальных партий на основе принципов, выдвинутых I Интернационалом. «Принимая во внимание положение дел в Европе, — писал в 1873 году К. Маркс, — я считаю безусловно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 288). В 1876 году на Филадельфийской конференции I Интернационал был официально распущен. — *169.*

63 *«Бернштейниада»* (бернштейнианство) — враждебное марксизму течение в международной социал-демократии, возникшее в конце XIX века в Германии и названное по имени германского социал-демократа Э. Бернштейна. Бернштейн был открытым выразителем правооппортунистических тенденций внутри германской социал-демократии, особенно ясно обнаружившихся после смерти Ф. Энгельса в 1895 году.

В 1896—1898 годах Бернштейн напечатал в теоретическом органе германской социал-демократической партии «Die Neue Zeit» («Новое Время») серию статей под общим заголовком «Проблемы социализма» с открытой ревизией марксизма. Левое крыло германской социал-демократической партии начало борьбу против Бернштейна на страницах своих газет, но Центральный Комитет партии не давал отпора Бернштейну и бернштейнианству. Полемика на страницах журнала «Die Neue Zeit» была открыта в июле 1898 года статьей Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм».

В марте 1899 года статьи Бернштейна вышли отдельной книгой под заглавием «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Книга встретила поддержку правого крыла германской партии и оппортунистических элементов других партий II Интернационала. Бернштейнианский лозунг «свободы критики» был подхвачен также российскими «легальными марксистами» и «экономистами». Русская цензура пропустила книгу Бернштейна в трех изданиях, а Зубатов включил ее в число книг, рекомендованных для чтения рабочим.

На съездах германской социал-демократической партии — Штутгартском (октябрь 1898), Ганноверском (октябрь 1899)

и Любекском (сентябрь 1901) бернштейнианство было осуждено, но, ввиду примиренческой позиции большинства лидеров, партия не отмежевалась от Бернштейна. Бернштейнианцы продолжали открыто пропагандировать ревизионистские идеи в своем теоретическом органе «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») и в партийных организациях.

Только партия большевиков во главе с В. И. Лениным вела решительную борьбу против бернштейнианства, его сторонников и последователей.

Наряду с произведениями, вошедшими в настоящий том, Ленин выступил с критикой и разоблачением бернштейнианцев также в работе «Что делать?» (см. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 325—328), в статьях «Марксизм и ревизионизм» (том 15, стр. 15—25), «Разногласия в европейском рабочем движении» (том 16, стр. 317—322) и др. — *170.*

[64] См. К. Маркс. «Нищета философии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 178—185). — *170.*

[65] Ленин критикует здесь известный тезис лассальянцев о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу. Этот тезис был включен в программу германских социал-демократов, принятую в 1875 году на съезде в Готе, при объединении двух существовавших до того отдельно германских социалистических партий — эйзенахцев и лассальянцев.

К. Маркс разоблачил антиреволюционный характер этого тезиса в «Критике Готской программы» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 16—17). — *172.*

[66] *«Северный союз русских рабочих»* — одна из первых революционно-политических организаций рабочего класса, возникшая в связи с усилением рабочего движения в России. «Союз» был организован в Петербурге в конце 1878 года. Основателями «Союза» были петербургские рабочие: слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин. На собраниях рабочих 23 и 30 декабря 1878 года была принята программа «Союза», в которой указывалось, что «Союз» по своим задачам тесно примыкает к социал-демократическим партиям Запада. Программа, определяя историческую роль рабочего класса, признавая его передовым классом общества, требовала для рабочих политических прав и свобод как необходимого условия освобождения от эксплуатации, призывала рабочих России к классовой борьбе совместно с пролетариатом других стран. Конечной целью «Союз» ставил «ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого». Однако

программа «Союза» носила на себе некоторые следы народнического влияния.

В начале 1879 года в «Союзе» насчитывалось около 200 членов и столько же сочувствующих. Руководство «Союза» ставило задачу превращения его в общероссийскую рабочую организацию. «Союз» принимал активное участие в стачечной борьбе пролетариата. Одним из руководителей крупнейшей стачки 1879 года в Петербурге на фабрике Новая бумаго-прядильня был член «Союза» П. А. Моисеенко. «Союз» выпустил ряд прокламаций, обращенных к рабочим, оказывал финансовую поддержку стачечникам. В 1879 — начале 1880 года «Союз» был разгромлен царским правительством. Члены «Союза» успели выпустить 15 февраля 1880 года один номер первой в России рабочей газеты «Рабочая Заря», которая почти полностью была конфискована. — *172.*

[67] *«Южнороссийский союз рабочих»* — первая рабочая революционно-политическая организация в России, основанная в Одессе в апреле — мае 1875 года революционером-интеллигентом Е. О. Заславским. «Союз» образовался из рабочих кружков, создавших ссудосберегательную кассу. В уставе «Союза» впервые в истории русского рабочего движения говорилось о борьбе рабочих против гнета капитала, указывалось, что рабочие могут добиться признания своих прав «только посредством насильственного переворота».

«Союз» насчитывал до 60 активных членов и около 150— 200 рабочих, сочувствовавших его деятельности. Члены «Союза» собирались на сходки, читали и распространяли революционно-демократическую литературу, принимали активное участие в организации стачек. «Союз» пытался распространить свое влияние на рабочих промышленных городов юга России: Ростова-на-Дону, Харькова, Таганрога и др. В Ростове-на-Дону ученикам Заславского удалось организовать отделение «Союза». В декабре 1875 года, просуществовав 8—9 месяцев, «Союз» был разгромлен царским правительством. Оставшиеся на свободе члены «Союза» продолжали революционную деятельность. — *172.*

[68] *«Рабочая Мысль»* — газета, орган «экономистов»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Первые два номера печатались на мимеографе в Петербурге, №№ 3—11 вышли за границей, в Берлине; печатание №№ 12, 13, 14 и 15 было перенесено в Варшаву; последний, № 16 вышел за границей. Газета редактировалась К. М. Тахтаревым и др.

Критику взглядов «Рабочей Мысли» Ленин дал в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (см. настоящий том, стр. 240—273), в статьях, опубликованных в газете «Искра» и в книге «Что делать?». — *174.*

[69] *«С.-Петербургский Рабочий Листок»* — нелегальная газета, орган петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло два номера: № 1 — в феврале (помечен январем) 1897 года, напечатан в России на мимеографе в количестве 300—400 экземпляров, и № 2 — в сентябре 1897 года в Женеве, отпечатан типографским способом.

Газета выдвигала задачу соединения экономической борьбы рабочего класса с широкими политическими требованиями, подчеркивала необходимость создания рабочей партии. —*174.*

[70] *«Рабочая Газета»* — нелегальный орган киевской группы социал-демократов. Вышло два номера: № 1 — в августе 1897 года и № 2 — в декабре (помечен ноябрем) того же года. Член редакции газеты П. Л. Тучапский при поездке за границу по поручению редакции ознакомил Г. В. Плеханова и других членов группы «Освобождение труда» с № 1 «Рабочей Газеты» и получил их согласие на сотрудничество в газете. Г. В. Плеханов в письме к членам редакции «Рабочей Газеты» дал положительную оценку газеты как общерусского социал-демократического органа и указал на необходимость уделять больше внимания вопросам политической борьбы пролетариата. Второй номер «Рабочей Газеты» в результате связи с представителями группы «Освобождение труда» носил более определенный политический характер. I съезд РСДРП, в марте 1898 года, признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. Вследствие полицейского разгрома типографии и ареста членов Центрального Комитета, выбранного съездом, третий номер газеты, подготовленный к сдаче в набор, не увидел света. О попытке возобновить издание газеты в 1899 году см. настоящий том, стр. 179—181, а также работу «Что делать?» (Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 463—464). — *174.*

[71] *Первый съезд РСДРП* происходил нелегально в Минске 1—3 (13—15) марта 1898 года. Вопрос о необходимости созыва съезда был поставлен Лениным в 1896 году во время пребывания его в петербургской тюрьме. Аресты и ссылка в Сибирь руководителей петербургского «Союза борьбы» во главе с Лениным, усиление после этого оппортунистического крыла внутри «Союза» не дали возможности практически осуществить созыв съезда.

Подготовку съезда вела уцелевшая от полицейского разгрома, имевшая хороший конспиративный аппарат киевская социал-демократическая организация (особая группа, выделенная на предсъездовской конференции в марте 1897 года). Съезд был созван в условиях борьбы против усиливавшегося среди социал-демократии оппортунистического направления — «экономизма».

В работе съезда участвовало 9 делегатов от 6 организаций (по одному делегату от петербургского, московского,

киевского и екатеринославского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», два делегата от группы киевской «Рабочей Газеты» и три от Бунда).

Съезд принял решение о слиянии местных «Союзов борьбы» и Бунда в единую «Российскую социал-демократическую рабочую партию». В области национального вопроса съезд признал за каждой нацией право на самоопределение. В Центральный Комитет были избраны представитель петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (С. И. Радченко), киевской «Рабочей Газеты» (Б. Л. Эйдельман) и Бунда (А. А. Кремер). Официальным органом партии была признана «Рабочая Газета». Участники съезда послали приветствие Г. В. Плеханову.

«Манифест РСДРП», выпущенный ЦК от имени съезда вскоре после его окончания, во главу угла ставил борьбу за политическую свободу, подчеркивал задачу борьбы с абсолютизмом и связывал ее с дальнейшей борьбой против капитализма и буржуазии. «Союз русских социал-демократов за границей» был объявлен заграничным представителем партии.

Съезд провозгласил основание Российской социал-демократической рабочей партии, но не создал партии как единого целого. ЦК вскоре после съезда был арестован. Съезд не выработал программы, политическая линия его не была достаточно марксистски выдержана в определении исторических задач российского пролетариата. Однако I съезд РСДРП знаменовал собой шаг вперед в деле сплочения вокруг революционной социал-демократии пробудившегося к политической жизни пролетариата. — *174*.

[72] *«Народная воля»* — тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 года в результате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, М. Ф. Фроленко, Н. А. Морозов, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская, А. А. Квятковский и др. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. Их программа предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу и разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. «Народовольцы, — писал В. И. Ленин, — сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось» (Сочинения, 4 изд., том 8, стр. 54).

Народовольцы повели героическую борьбу против царского самодержавия. Но, исходя из ошибочной теории об

активных «героях» и пассивной «толпе», они рассчитывали добиться переустройства общества без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора, устрашения и дезорганизации правительства. После 1 марта 1881 года (убийство Александра II) правительство жестокими преследованиями, казнями и провокацией разгромило организацию «Народная воля». Неоднократные попытки возродить «Народную волю», предпринимавшиеся на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла группа, возглавленная А. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым, разделявшая традиции «Народной воли». После неудачной попытки организовать покушение на Александра III в 1887 году группа была раскрыта и активные участники ее казнены.

Критикуя ошибочную, утопическую программу народовольцев, В. И. Ленин с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов «Народной воли» с царизмом, высоко оценивал их конспиративную технику и строго централизованную организацию. — *176.*

73 *«Союз русских социал-демократов за границей»* был основан в 1894 году в Женеве по инициативе группы «Освобождение труда» на условиях признания всеми его членами программы группы. На группу было возложено редактирование изданий «Союза», и в марте 1895 года она передала в пользование «Союза» свою типографию. Летом 1895 года, во время пребывания за границей В. И. Ленина, было принято решение об издании «Союзом» сборников «Работник», причем российские социал-демократы, по предложению которых предпринималось это издание, поставили условием редактирование сборников группой «Освобождение труда». «Союз» выпустил 6 номеров «Работника», 10 номеров «Листка «Работника»», издал работу В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах» (1897), работу Г. В. Плеханова «Новый поход против русской социал-демократии» (1897) и др.

I съезд РСДРП в марте 1898 года признал «Союз» заграничным представителем партии. В дальнейшем в «Союзе» взяли перевес оппортунистические элементы — «экономисты», или так называемые «молодые». Они отказались выразить солидарность с «Манифестом» съезда, поскольку он провозгласил завоевание политической свободы ближайшей целью социал-демократии.

В ноябре 1898 года на первом съезде «Союза» в Цюрихе группа «Освобождение труда» заявила об отказе редактировать издания «Союза», кроме № 5—6 «Работника» и брошюр В. И. Ленина «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон», выпуск которых группа оставила за собой. С апреля 1899 года «Союз» приступил к изданию журнала «Рабочее Дело», в редакцию которого вошли «экономисты» Б. Н. Кричевский, В. П. Иваншин и другие. «Союз» выступал

с сочувственными заявлениями по адресу Э. Бернштейна, мильеранистов и т. п.

Борьба внутри «Союза» продолжалась до его второго съезда (апрель 1900 года, Женева) и на съезде. В результате этой борьбы группа «Освобождение труда» и ее единомышленники ушли со съезда и образовали самостоятельную организацию «Социал-демократ».

На II съезде РСДРП в 1903 году представители «Союза» («рабочедельцы») занимали крайне оппортунистические позиции и покинули его после признания съездом «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» единственной организацией партии за границей. Второй съезд партии объявил о роспуске «Союза» (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I, 1954, стр. 56). — *176.*

[74] Статьи *«Наша программа», «Наша ближайшая задача»* и *«Насущный вопрос)* были написаны Лениным в ссылке. Они предназначались для «Рабочей Газеты», признанной на I съезде РСДРП официальным органом партии. В 1899 году ЦК Бунда была сделана попытка возобновить издание газеты, и редакторская группа обратилась к Ленину с предложением о редактировании газеты, а позже о сотрудничестве. Статьи были посланы Лениным вместе с письмом редакторской группе. Возобновить издание газеты не удалось, и статьи остались ненапечатанными. На конверте, в котором они хранились, Лениным сделана пометка: «Статейки для возобновленной Р. Г. (1899). Получены от Бунда в янв. 1901». — *177.*

[75] Заявление Э. Бернштейна о согласии с его взглядами большинства русских социал-демократов (примечания на стр. 170, 173 первого немецкого издания книги «Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie») было ответом на статью Г. В. Плеханова в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время»), которой открывалась дискуссия о статьях Бернштейна, собранных затем в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Э. Бернштейн этим заявлением хотел подчеркнуть, что Г. В. Плеханов, находясь в эмиграции, не отражает взглядов «работающих в России русских с.-д.». — *180.*

[76] Речь идет о расколе на первом съезде заграничного «Союза русских социал-демократов» в ноябре 1898 года в Цюрихе. — *180.*

[77] Сборник *«Пролетарская борьба»* № 1, изданный уральской социал-демократической группой, был напечатан зимой 1898—1899 года в типографии группы. Авторы сборника стояли на позициях «экономизма», отрицали необходимость

создания самостоятельной политической партии рабочего класса, считали, что политическую революцию можно осуществить путем всеобщей стачки. Характеристику и оценку взглядов авторов сборника см. в IV главе работы Ленина «Что делать?» (Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 415). — *180.*

[78] Речь идет о «Проекте программы нашей партии» (см. настоящий том, стр. 211—239). — *180.*

[79] Речь идет о созыве II съезда РСДРП, который должен был принять программу партии, организационный устав и сформировать партийные центры (ЦК и редакцию ЦО). Подготовка съезда, происходившего в июле — августе 1903 года, была проведена в 1900—1903 годах редакцией «Искры» и искровскими организациями в России и за границей. Попытка созвать II съезд в 1900 году была сделана по инициативе Екатеринославского комитета, при поддержке Бунда и заграничного «Союза русских социал-демократов», руководство которым захватили «экономисты». Съезд должен был состояться в Смоленске весной 1900 года. Представитель Екатеринославского комитета И. X. Лалаянц, принимавший участие в организации съезда, в феврале 1900 года приезжал в Москву и вел переговоры с Лениным о воссоздании съездом «Рабочей Газеты» и утверждении редакции в составе В. И. Ленина, А. П. Потресова и Л. Мартова (Ю. О. Цедербаума). В. И. Ленин и члены группы «Освобождение труда» считали созыв съезда преждевременным (см. настоящий том, стр. 325—326, 357); однако группа «Освобождение труда» не могла отказаться от участия в съезде и поручила представительство на съезде В. И. Ленину, переслав ему мандат из-за границы. Съезд не состоялся вследствие многочисленных арестов в ряде социал-демократических организаций в апреле — мае 1900 года (см. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 464—465). — *181.*

[80] Передаточной инстанцией могла быть Л. М. Книпович (Астрахань) или Л. Мартов (Туруханск), через которого Ленину было передано предложение ЦК Бунда сотрудничать в «Рабочей Газете». — *181.*

[81] Имеется в виду статья Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм», напечатанная в июле 1898 года в № 44 органа германской социал-демократии «Die Neue Zeit» («Новое Время») со следующим примечанием редакции: «Настоящим мы открываем дискуссию о выдвинутых Бернштейном «Проблемах социализма». Дальнейшие статьи против Бернштейна нам обещаны». В конце октября — начале ноября 1898 года Г. В. Плеханов выступил в №№ 253—255 «Sächsische Arbeiter-Zeitung» («Саксонская Рабочая Газета») со статьей «За что нам его благодарить? Открытое письмо Карлу

Каутскому», в которой писал, что в момент, когда речь идет о том, «кому кем быть похороненным: *социал-демократии Бернштейном, или Бернштейну социал-демократией?»,* Каутский проявил примиренчество к врагу социализма. «Вы заранее расположены в пользу Бернштейна, и поэтому Вы очень неправы», — писал Г. В. Плеханов К. Каутскому. Ленин знал об этом выступлении Г. В. Плеханова и запрашивал его статьи 1 сентября 1899 года (см. Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 209—210). Статьи Г. В. Плеханова см. Плеханов. Сочинения, т. XI, 1928, стр. 13—39. — *183.*

[82] *Ганноверский съезд германской социал-демократии* происходил 9—14 октября (н. ст.) 1899 года. По главному вопросу порядка дня — «Нападения на основные взгляды и тактику партии» — доклад был сделан А. Бебелем. Ленин писал, что его речь надолго останется «образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно-социалистический характер рабочей партии» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 268). Однако съезд, высказавшийся против ревизионистских взглядов Бернштейна, развернутой критики бернштейнианства не дал. — *183.*

[83] Ленин имеет в виду стачки петербургских рабочих, преимущественно текстильщиков, в 1895 и особенно в 1896 году. Стачка 1896 года началась 23 мая на Калинкинской мануфактуре, поводом к ней послужил отказ фабрикантов полностью выплатить рабочим заработную плату за нерабочие дни по случаю коронации Николая II. Стачка быстро охватила все основные бумагопрядильные и ткацкие предприятия Петербурга, а затем перекинулась на крупные машиностроительные заводы, резиновую мануфактуру, писчебумажную фабрику и сахарный завод. Петербургский пролетариат впервые выступил широким фронтом на борьбу с эксплуататорами. Бастовало свыше 30 тысяч рабочих. Стачка проходила под руководством петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который выпускал листовки и прокламации, призывавшие рабочих дружно и стойко отстаивать свои права. «Союзом борьбы» были напечатаны и распространены основные требования стачечников: сокращение рабочего дня до 10% часов, повышение расценок, своевременная выплата заработной платы и т. д.

Сообщения о стачке произвели огромное впечатление за границей. Корреспонденции о стачке печатались в «Vorwärts» («Вперед») (Берлин) и «Arbeiter Zeitung» («Рабочая Газета») (Вена). Адрес английских рабочих, подписанный вождями всех социалистических и профессиональных организаций, был переведен на русский язык, распространен «Союзом борьбы» среди петербургских рабочих. На митинге тред-юнионов Лондона сообщение о стачке В. И. Засулич и выступление дочери К. Маркса Элеоноры Маркс-Эве-

линг были встречены с воодушевлением, присутствовавшие провели сбор в помощь стачечникам, и такие же сборы были объявлены по тред-юнионам. Сборы проводились также в Германии, Австрии и Польше. Лондонский конгресс II Интернационала, собравшийся в июле 1896 года, восторженно встретил сообщение Г. В. Плеханова о стачке 1896 года и принял специальную резолюцию — приветствие русским рабочим, ведущим борьбу против «одной из последних опор европейской реакции».

Петербургские стачки способствовали развитию рабочего движения в Москве и других городах России, заставили правительство ускорить пересмотр фабричных законов и издать закон 2(14) июня 1897 года о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах до 11 ½ часов. Они, как писал впоследствии В. И. Ленин, «открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения, — этого самого могучего фактора всей нашей революции» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 78). — *186.*

[84] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии» (Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 433). — *188.*

[85] *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать; конфисковывалась социалистическая литература; социал-демократы подвергались преследованиям, высылке. Однако репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался центральный орган партии газета «Социал-Демократ» и регулярно (в 1880, 1883 и 1887 гг.) собирались партийные съезды; в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Одновременно партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами. Ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза.

Огромную помощь немецким социал-демократам оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен. — *196.*

[86] *«Vorwärts»* («Вперед») — ежедневная газета, центральный орган Германской социал-демократической партии; выхо-

дила в Берлине с 1891 года по постановлению Галльского съезда партии как продолжение издававшейся с 1884 года газеты «Berliner Volksblatt» («Берлинская Народная Газета») под названием «Vorwärts. Berliner Volksblatt». На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, редакция «Vorwärts» оказалась в руках правого крыла партии и систематически печатала статьи оппортунистов. Тенденциозно освещая борьбу против оппортунизма и ревизионизма в РСДРП, «Vorwärts» поддерживал «экономистов», а затем, после раскола партии, — меньшевиков. В годы реакции «Vorwärts» печатал клеветнические статьи Троцкого, не давая Ленину, большевикам выступать с опровержениями и объективной оценкой положения дел в партии. В период первой мировой войны «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма; после Великой Октябрьской социалистической революции вел антисоветскую пропаганду. Выходил в Берлине до 1933 года. — *107.*

[87] *«Zur Kritik»* — сокращенное название книги К. Маркса «Zur Kritik der politischen Ökonomie» — «К критике политической экономии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 13, стр. 1—167). Ленин ссылается здесь на русское издание книги 1896 года. — *201.*

[88] *«Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности»* («Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe») — ежедневная газета; выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые левые гегельянцы. С апреля 1842 года К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать более определенный революционно-демократический характер. Направление «Rheinische Zeitung», приобретавшей все большую популярность в Германии, вызвало тревогу и недовольство в правительственных кругах и злобную травлю газеты со стороны реакционной прессы. 19 января 1843 года прусское правительство приняло постановление закрыть «Rheinische Zeitung» с 1 апреля 1843 года, а на оставшееся время ввести для нее особенно строгую, двойную цензуру. В связи с намерением акционеров «Rheinische Zeitung» придать ей более умеренный тон и таким путем добиться отмены правительственного постано-

вления, Маркс 17 марта 1843 года заявил о своем выходе из ее редакции. — *201.*

89 Ленин имеет в виду «Манифест Коммунистической партии», написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом и изданный в 1848 году (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 419—459). — *202.*

90 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 13, стр. 8—9. — *202.*

91 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 13, стр. 9. — *202.*

92 Перевод книги Karl Kautsky. «Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik» (Карл Каутский. «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика») был сделан В. И. Лениным при участии Н. К. Крупской, которая писала позднее: «Как-то прислал Потресов на две недели книжку Каутского против Бернштейна, мы побросали все дела и перевели ее в срок — в две недели) (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 30). Издание перевода тогда не осуществилось.

В 1900 году представитель группы «Рабочее знамя» М. В. Смирнов обращался в России к одному из членов группы «Искры» с предложением издать этот перевод. 3 января 1901 года В. И. Ленин в письме В. П. Ногину сообщал, что группа «Искры» хотела бы издать Каутского «под своей фирмой», и запрашивал, не согласится ли группа «Рабочее знамя» финансировать это издание, хотя бы частично. Однако и на этот раз книга не была издана.

В 1905 году в изд. Львовича перевод был издан не полностью под заголовком: «К. Каутский. Сборник статей» (главы: Материалистическое понимание истории. — Диалектика. — Стоимость. — Крупное и мелкое производство. — Увеличение числа имущих. — Акционерные общества. — Употребление прибавочной стоимости. — Новое среднее сословие. — Теория кризисов). В первом издании имя переводчика не указано; во втором издании (1906) указано: «Перевод Ленина». — *210.*

93 «*Проект программы нашей партии*» написан Лениным в ссылке. Об этом свидетельствует пометка «(1899)», сделанная Лениным на рукописи, а также письмо к редакторской группе «Рабочей Газеты» (см. настоящий том, стр. 180). Упоминание в тексте рукописи 1900 года, по-видимому, объясняется тем, что номер «Рабочей Газеты», для которого «Проект» предназначался, должен был выйти в 1900 году. «Проект программы нашей партии» представляет собой

продолжение работ В. И. Ленина по программным вопросам, начатых в тюрьме в 1895—1896 годах (см. «Проект и объяснение программы социал-демократической партии». Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 81—110). — *211.*

[94] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 7. — *213.*

[95] См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 766. — *218.*

[96] *«Эрфуртская программа»* германской социал-демократии была принята в октябре 1891 года на съезде в Эрфурте. Эрфуртская программа была шагом вперед по сравнению с Готской программой (1875 г.); в основу программы было положено учение марксизма о неизбежности гибели капиталистического способа производства и замены его социалистическим; в ней подчеркивалась необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, указывалось на роль партии как организатора этой борьбы и т. п., но и Эрфуртская программа имела ряд ошибок. Ф. Энгельс дал развернутую критику проекта Эрфуртской программы, предостерегая от попыток оппортунистических искажений марксизма в программных вопросах, внес ряд исправлений к отдельным пунктам программы («К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» — См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 101—116); это была, по существу, критика оппортунизма всего II Интернационала. Однако руководство германской социал-демократии скрыло от партийных масс критику Энгельса, а его важнейшие замечания не были учтены при выработке окончательного текста программы. В. И. Ленин считал, что главным недостатком Эрфуртской программы, трусливой уступкой оппортунизму, является умолчание о диктатуре пролетариата. — *218.*

[97] Ленин упоминает о листовках, распространенных правительством во время стачек 1896—1897 годов. В листовке 15 июня 1896 года министр финансов С. Ю. Витте обращался к рабочим с призывом не слушать «подстрекателей» (социалистов), ждать улучшения быта и облегчения работы от правительства, которому «одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих». Витте угрожал наказаниями за самовольное прекращение работы как за «беззаконные действия».

«Союз борьбы за освобождение рабочего класса» на попытку правительства обмануть рабочих с помощью «подметных» листков ответил 27 июня 1896 года выпуском трех листовок: «К рабочим ткацких и прядильных фабрик», «К петербургским рабочим» и «К рабочим Балтийского завода». «Союз борьбы» изобличал Витте в лицемерии, призывал рабочих бороться до тех пор, пока они не добьются своей великой

цели — освобождения рабочего класса, и выдвигал ряд требований, угрожая правительству в случае неудовлетворения их стачкой. Ссылаясь на опыт петербургских ткачей, «Союз борьбы» писал: «Стачка наше лучшее и вернейшее средство... чем чаще будут стачки, тем более будет напугано начальство и тем скорей пойдет оно на уступки». — *221.*

[98] Ленин имеет в виду «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков», утвержденные 29 июля (10 августа) 1899 года, в которых было сказано: «Ст. 1. Воспитанники высших учебных заведений за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных, за возбуждение к таким беспорядкам, за упорное по уговору уклонение от учебных занятий и за подстрекательство к таковому уклонению подлежат, на основании изложенных ниже правил, удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности, хотя бы они имели льготу по семейному положению, либо по образованию, или не достигли призывного возраста, или же вынули по жребию номер, освобождающий от службы в войсках. Примечание: мера сия не освобождает виновных в совершении преступных деяний, подлежащих преследованию на основании существующих узаконений, от ответственности в установленном порядке... Ст. 8. Подлежащий зачислению в войска.., оказавшийся при медицинском освидетельствовании не способным к службе в строю, определяется на должности нестроевые...» Зачисление в армию предусматривалось на срок от года до трех лет.

С требованием отмены «Временных правил» выступили студенты всех высших учебных заведений России (см. статью Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов», настоящий том, стр. 391—396). — *221.*

[99] *Сервитут* — право пользования чужой собственностью. В данном случае Ленин имеет в виду остатки крепостнических отношений в Западном крае. После реформы 1861 года крестьяне были вынуждены нести дополнительные повинности в пользу помещиков за право пользования общими дорогами, сенокосами, пастбищами, водоемами и т. п. — *230.*

[100] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 208—209. — *232.*

[101] *«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»,* организованный Лениным осенью 1895 года, объединял около двадцати марксистских рабочих кружков Петербурга. Вся работа «Союза борьбы» была построена на принципах централизма и строгой дисциплины. Во главе «Союза борьбы» стояла Центральная группа, в которую входили В. И. Ленин,

А. А. Ванеев,. П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), М. А. Сильвин, В. В. Старков и др. Непосредственное руководство было сосредоточено в руках пяти членов группы во главе с Лениным. Организация была разделена на районные группы. Передовые, сознательные рабочие (И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и др.) связывали эти группы с фабриками и заводами. На заводах имелись организаторы по сбору информации и распространению литературы; на крупных предприятиях были созданы рабочие кружки.

«Союз борьбы» впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением, переход от пропаганды марксизма среди небольшого круга передовых рабочих в кружках к политической агитации среди широких масс пролетариата. «Союз» руководил рабочим движением, соединяя борьбу рабочих за экономические требования с политической борьбой против царизма. В ноябре 1895 года «Союз борьбы» организовал стачку на суконной фабрике Торнтона. Летом 1896 года под руководством «Союза» проходила знаменитая стачка петербургских текстильщиков, в которой приняло участие более 30 тысяч рабочих. «Союз борьбы» выпускал листовки и брошюры для рабочих. Редактором изданий «Союза борьбы» был В. И. Ленин, под руководством которого подготовлялось издание политической рабочей газеты «Рабочее Дело». «Союз борьбы» распространил свое влияние за пределы Петербурга. По его почину произошло объединение рабочих кружков в «Союзы борьбы» в Москве, Киеве, Екатеринославе и других городах и областях России.

В декабре 1895 года царское правительство нанесло «Союзу борьбы» серьезный удар: в ночь с 8 на 9 (с 20 на 21) декабря 1895 года была арестована значительная часть деятелей «Союза» во главе с В. И. Лениным; захвачен был и подготовленный к набору первый номер газеты «Рабочее Дело».

Через несколько дней на первом после арестов собрании группы было принято решение назвать организацию петербургских социал-демократов «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». В ответ на арест Ленина и других членов «Союза борьбы» оставшиеся на воле члены «Союза» выпустили листок на политическую тему, написанный рабочими.

В. И. Ленин, находясь в тюрьме, руководил «Союзом», помогал ему своими советами, пересылал на волю зашифрованные письма и листовки, написал брошюру «О стачках» (до сих пор не разыскана), «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 81—110).

Значение созданного Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» заключалось в том, что он, по выражению Ленина, представлял собою

зачаток революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата. В феврале 1897 года, перед отправкой в ссылку, вышедшие из тюрьмы старые руководители «Союза» организовали совместное собрание «стариков» и «молодых», на котором обнаружились разногласия по основному вопросу — о задачах социал-демократии в России. «Старики» настаивали на упрочении «Союза борьбы» как политической руководящей организации рабочего класса, «молодые» стояли на позициях тред-юнионистских, отстаивали создание рабочих стачечных касс и т. п. Длительное отсутствие основателей «Союза борьбы», отбывавших ссылку в Сибири, и в первую очередь В. И. Ленина, облегчило «молодым» проведение их политики. Со второй половины 1898 года «Союз борьбы» оказался в руках «экономистов», насаждавших через газету «Рабочая Мысль» идеи тред-юнионизма, бернштейнианства на русской почве. Однако уцелевшие от ареста старые члены «Союза» в 1898 году приняли участие в подготовке и проведении I съезда РСДРП, в выработке изданного после съезда «Манифеста», продолжая традиции ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», — *243.*

[102] Киевский *«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»* был организован в марте 1897 года под влиянием петербургского «Союза борьбы», по решению Киевской конференции, предложившей всем русским социал-демократическим организациям, по примеру петербургской, называться «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». «Союз» объединил русскую, польскую социал-демократические группы и группу ППС, всего более 30 членов. Киевский «Союз борьбы» был связан с петербургским «Союзом борьбы» (личные контакты, знакомство с прокламациями петербургского «Союза», с программными работами Ленина. Работа Ленина «Задачи русских социал-демократов», посланная в Киев петербургским «Союзом» в рукописи, была известна руководителям киевской социал-демократической организации). Деятельность киевского «Союза» началась изданием майской прокламации 1897 года, получившей широкое распространение в южных городах России. За 1897 год «Союз» распространил 6500 экз. прокламаций более чем на 25 фабриках и заводах Киева. Особая группа «Союза» выпустила в том же году два номера «Рабочей Газеты» в качестве общерусского социал-демократического органа. I съезд РСДРП в марте 1898 года признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. Нелегальная литература «Союза» распространялась преимущественно в южных городах России. Наряду с агитацией «Союз» вел пропагандистскую работу в рабочих кружках, на рабочих собраниях. Киевский «Союз борьбы» проделал большую работу по подготовке и созыву I съезда РСДРП. Вскоре после съезда «Союз» был разгромлен полицией (были захвачены

перенесенная из Киева в Екатеринослав типография «Рабочей Газеты» и большое количество нелегальной литературы). Аресты захватили Киев и многие крупные города России.

Деятельность киевского «Союза борьбы» сыграла положительную роль в деле развития и организации рабочего класса России на пути создания революционной марксистской партии. Оставшиеся на свободе члены социал-демократических групп вскоре восстановили подпольную организацию, получившую название «Киевский комитет РСДРП». — *243.*

[103] *«Всеобщий еврейский рабочий Союз в Литве, Польше и России» («Бунд»)* был организован в 1897 году на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП (1898) Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 7 изд., ч. I, 1954, стр. 14).

Бунд являлся носителем национализма и сепаратизма в рабочем движении России. После того, как II съезд РСДРП отверг требование Бунда признать его единственным представителем еврейского пролетариата, Бунд вышел из партии. В 1906 году, на основании решения IV («Объединительного») съезда, Бунд вновь вошел в состав РСДРП.

Внутри РСДРП бундовцы постоянно поддерживали оппортунистическое крыло партии («экономистов», меньшевиков, ликвидаторов), вели борьбу против большевиков и большевизма. Программному требованию большевиков о праве наций на самоопределение Бунд противопоставлял требование культурно-национальной автономии. В годы столыпинской реакции Бунд занимал ликвидаторскую позицию, активно участвовал в создании Августовского антипартийного блока. Во время первой мировой войны 1914— 1918 гг. бундовцы стояли на позициях социал-шовинизма. В 1917 году Бунд поддерживал контрреволюционное Временное правительство, боролся на стороне врагов Великой Октябрьской социалистической революции. В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны бундовское руководство сомкнулось с силами контрреволюции. Одновременно с этим среди рядовых членов Бунда наметился перелом в пользу сотрудничества с Советской властью. В 1921 году Бунд самоликвидировался, часть его членов вошла в РКП(б) на общих основаниях. — *243.*

[104] Ленин имеет в виду заключительную часть брошюры Л. Мартова «Красное знамя в России» под заголовком «Слияние

рабочего движения с социализмом. Ближайшие задачи рабочей социал-демократической партии». Брошюра была издана за границей в октябре 1900 года. — *245.*

[105] «*Социал-Демократ»* — сборники (литературно-политическое обозрение); издавались в 1890—1892 годах за границей (Лондон — Женева) группой «Освобождение труда»; вышло четыре книги. Сборники сыграли большую роль в распространении идей марксизма в России.

Упоминаемые Лениным статьи Плеханова под общим заголовком «Н. Г. Чернышевский» напечатаны в сборниках: №№ 1—3 за 1890 год и № 4 за 1892 год. Ленин анализировал работу Г. В. Плеханова повторно, после выхода ее отдельной книгой на русском языке в 1910 году (издательство «Шиповник»); на книге имеются многочисленные пометки Ленина (см. Сочинения, 4 изд., том 38, стр. 503—559). — *259.*

[106] *Балалайкин* — персонаж из произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия»; либеральный пустозвон, авантюрист и лжец. — *267.*

[107] Статья *«О стачках»* была написана Лениным в ссылке для «Рабочей Газеты». В. И. Ленин предполагал написать ее в трех частях: I — их значение; II — законы о стачках; III — обзор некоторых стачек последних годов (см. настоящий том, стр. 181). В Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится лишь первая часть статьи. Были ли написаны две остальные части — не установлено. — *288.*

[108] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 2, стр. 449. — *294.*

[109] Стачка на Ярославской Большой мануфактуре произошла в апреле — мае 1895 года. Причиной стачки явилось введение администрацией новых расценок, понизивших заработную плату рабочих. Всего бастовало свыше 4000 человек. Стачка была подавлена вызванными в Ярославль войсками (10 ротами Фанагорийского полка). В результате вооруженной расправы один рабочий был убит, 14 — ранено; 11 человек отдано под суд. На докладе, представленном царю о событиях на Ярославской ткацко-прядильной фабрике, Николай II написал: «Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков». — *295.*

[110] Ленин цитирует изречение прусского министра внутренних дел фон Путткамера. — *295.*

[111] Рецензия на книгу С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования. Том I. Германия. Бельгия» (Спб., 1899) была написана Лениным в конце 1899 года. Первые три страницы и конец рукописи не сохранились; рукопись, по-видимому, подготовлялась к набору, т. к. в ней имеются небольшие поправки, сделанные Мартовым. В настоящем издании текст Ленина дается без этих поправок. Ввиду того, что книга С. Прокоповича 22 мая 1899 года была задержана Петербургским цензурным комитетом и вышла в свет в конце января 1900 года, рецензия Ленина своевременно не была напечатана, — *299.*

[112] *«Новое Время»* — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление, Вначале умеренно либеральная, с 1876 года, после того как издателем газеты стал А. С. Суворин, она превратилась в орган реакционно-дворянских и чиновно-бюрократических кругов, пропагандировала великодержавный шовинизм, антисемитизм и своим угодничеством перед правительством заслужила прозвище «Чего изволите?» С 1905 года — орган черносотенцев. После февральской буржуазно-демократической революции газета заняла контрреволюционную позицию, вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. — *308.*

[113] Статья написана в конце 1899 или начале 1900 года, о чем свидетельствует упоминание о «Послесловии» редакции «Рабочего Дела» к «Протесту российских социал-демократов». Ленин мог познакомиться с содержанием его или по отдельному оттиску из № 4—5 «Рабочего Дела» (вышел в декабре 1899 года) или по сборнику Г. В. Плеханова «Vademecum для редакции «Рабочего Дела»» (вышел в начале 1900 года). Упоминая о «Послесловии» в своей статье, Ленин писал, что этим документом «паки и паки иллюстрируется глубокое заблуждение редакции «Рабочего Дела», упорно желающей прикрывать взгляды «молодых экономистов» и видеть в них только уклонение отдельных личностей» (настоящий том, стр. 318).

В связи с нареканиями, вызванными опубликованием «Credo» в «Протесте российских социал-демократов» и ряда документов «экономистов» в сборнике «Vademecum для редакции «Рабочего Дела»» без ведома их авторов, Ленин запросил согласие Киевского комитета на опубликование «Profession de foi» вместе с написанным против него опровержением. Киевский комитет согласия не дал. Статья Ленина была распространена в списках вместе с «Profession de foi», о чем свидетельствуют цитаты из нее в книге В. Акимова (Махновца) «Очерк развития социал-демократии в России», Спб.,

1906, стр. 111 и 112. В. Акимов писал о том, что «Profession de foi» было опубликовано противниками «экономистов» через полтора года после появления, т. е. в конце 1900 года, не для распространения, а для критики. — *310.*

[114] *«Московские Ведомости»* — старейшая русская газета, издававшаяся Московским университетом первоначально (с 1756 года) в виде небольшого листка. С 1863 года газета перешла в руки М. Н. Каткова, стала монархо-националистическим органом, проводившим взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства. С 1905 года — один из главных органов черносотенцев. Выходила до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. — *314.*

[115] *«Гражданин»* — реакционный журнал; выходил в Петербурге с 1872 по 1914 год. С 80-х годов XIX века — орган крайних монархистов; редактировался князем Мещерским, финансировался правительством. Имел незначительное распространение, но оказывал влияние на чиновно-бюрократические круги. — *314.*

[116] *«Искра»* — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России.

Ввиду невозможности издавать революционную газету в России из-за полицейских преследований, Ленин еще в сибирской ссылке обдумал во всех подробностях план издания ее за границей. По окончании ссылки (январь 1900 года) Ленин немедленно приступил к осуществлению своего плана. В феврале 1900 года в Петербурге Ленин вел переговоры с В. И. Засулич, нелегально приехавшей из-за границы, об участии в издании газеты группы «Освобождение труда». В конце марта — начале апреля 1900 года происходило так называемое «Псковское совещание» В. И. Ленина, Л. Мартова (Ю. О. Цедербаума), А. Н. Потресова, С. И. Радченко с «легальными марксистами» — П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановским, на котором обсуждался ленинский проект заявления редакции общерусской газеты («Искра») и научно-политического журнала («Заря») о программе и задачах этих изданий. В течение первой половины 1900 года Ленин объехал ряд городов России (Москву, Петербург, Ригу, Смоленск, Нижний Новгород, Уфу, Самару, Сызрань), установил связи с социал-демократическими группами и отдельными социал-демократами и договорился с ними о поддержке будущей «Искры». В августе 1900 года, по приезде Ленина в Швейцарию, состоялось совещание В. И. Ленина и А. Н. Потресова с членами группы «Освобождение труда» о программе и задачах газеты и журнала, возможных сотрудниках, составе редакции и ее местопребывании; эти

переговоры едва не кончились разрывом (см. настоящий том, стр. 334—352), однако к концу переговоров удалось достичь соглашения по всем спорным вопросам.

Первый номер ленинской «Искры» вышел в декабре 1900 года в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 года — в Лондоне и с весны 1903 года — в Женеве. Большую помощь в постановке газеты (организации тайной типографии, приобретении русского шрифта и т. п.) оказали германские социал-демократы К. Цеткин, А. Браун и др., живший в те годы в Мюнхене польский революционер Ю. Мархлевский и Г. Квелч — один из руководителей английской социал-демократической федерации.

В редакцию «Искры» входили: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов и В. И. Засулич. Секретарем редакции сначала была И. Г. Смидович-Леман, затем, с весны 1901 года, — Н. К. Крупская, ведавшая также всей перепиской «Искры» с русскими социал-демократическими организациями. Ленин был фактически главным редактором и руководителем «Искры». Он выступал в «Искре» со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы пролетариата России, откликался на важнейшие события международной жизни.

«Искра» стала центром объединения партийных сил, собирания и воспитания партийных кадров. В ряде городов России (Петербург, Москва, Самара и др.) были созданы группы и комитеты РСДРП ленинско-искровского направления, а в январе 1902 года на съезде искровцев в Самаре была основана русская организация «Искры». Искровские организации возникали и работали под непосредственным руководством учеников и соратников В. И. Ленина — Н. Э. Баумана, И. В. Бабушкина, С. И. Гусева, М. И. Калинина, П. А. Красикова, Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника, П. Н. Лепешинского, И. И. Радченко и др.

По инициативе Ленина и при его непосредственном участии редакция «Искры» разработала проект программы партии (опубликован в № 21 «Искры») и подготовила II съезд РСДРП, состоявшийся в июле — августе 1903 года. Ко времени созыва съезда большинство местных социал-демократических организаций России присоединилось к «Искре», одобрило ее тактику, программу и организационный план, признало ее своим руководящим органом. В специальном постановлении съезд отметил исключительную роль «Искры» в борьбе за партию и объявил ее Центральным Органом РСДРП. На II съезде была утверждена редакция в составе Ленина, Плеханова и Мартова. Мартов, вопреки решению съезда партии, отказался войти в редакцию, и №№ 46—51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. В дальнейшем Плеханов перешел на позиции меньшевизма и потребовал включения в состав редакции «Искры» всех старых

редакторов-меньшевиков, отвергнутых съездом. Ленин не мог согласиться с этим и 19 октября (1 ноября) 1903 года вышел из редакции «Искры», был кооптирован в ЦК и оттуда повел борьбу с оппортунистами-меньшевиками. № 52 вышел под редакцией одного Плеханова. 13(26) ноября 1903 года Плеханов единолично, нарушая волю съезда, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов — меньшевиков. С № 52 меньшевики превратили «Искру» в свой орган. — *322.*

[117] *«Заря»* — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 — в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта нового стиля), № 2—3 — в декабре 1901 года, № 4 — в августе 1902 года.

Задачи журнала были определены в проекте заявления «Искры» и «Зари», написанном В. И. Лениным в России. Затем, поскольку при обсуждении вопроса об издании этих органов за границей, совместно с группой «Освобождение труда», было решено «Зарю» издавать легально, а «Искру» нелегально, в заявлении редакции «Искры» о «Заре» уже не упоминалось. Заявление редакции «Зари» для номера первого было поручено написать П. Б. Аксельроду. Однако оно было отвергнуто издательством Дитца, поскольку в нем были ссылки на нелегальную «Искру». № 1 «Зари» открывался кратким обращением «К читателям»; в целях сохранения легальности на обложке «Зари» было указано, что журнал выходит при участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода; имя Ленина не упоминалось, так же как и не упоминалось, что редактирование «Зари» осуществляется редакцией «Искры». В 1902 году во время возникших разногласий и конфликтов внутри редакции «Искры» и «Зари» Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование «Зари»), но это предложение не было принято, и редакция этих органов оставалась все время общей.

Журнал «Заря» выступил с критикой международного и русского ревизионизма («легального марксизма» и «экономизма»), в защиту теоретических основ марксизма. Этому вопросу были посвящены напечатанные в «Заре» работы Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Гг. «критики» в аграрном вопросе» (первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»), «Аграрная программа русской социал-демократии», а также работы Г. В. Плеханова: «Критика наших критиков. Ч. 1. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории социального развития», «Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» и др. — *322.*

[118] Ленин имеет в виду *«Объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда»»,* опубликованное в начале 1900 года в Женеве в сборнике Г. В. Плеханова «Vademecum для редакции «Рабочего Дела»». Оно было написано П. Б. Аксельродом, отредактировано Г. В. Плехановым после получения ими в двадцатых числах октября 1899 года «Протеста российских социал-демократов», написанного Лениным.

В «Объявлении» группа «Освобождение труда» заявила о полной солидарности с выдвинутым в «Протесте» призывом к решительной борьбе против оппортунизма в рядах российской и международной социал-демократии. — *325.*

[119] Ленин имеет в виду социал-демократов, группировавшихся вокруг газеты «Южный Рабочий», Бунд и «Союз русских социал-демократов за границей», руководство в котором к этому времени перешло от группы «Освобождение труда» к «молодым» — сторонникам «экономизма». Эти организации намечали созыв II съезда партии весной 1900 года в Смоленске. Об обстоятельствах подготовки съезда Ленин пишет в V главе книги «Что делать?» (см. Сочинения, 4 изд., том 5, стр. 464—465). — *325.*

[120] Ленин имеет в виду *«Проект программы нашей партии»,* написанный им в конце 1899 года для не вышедшего в свет номера «Рабочей Газеты» (см. настоящий том, стр. 211—239). Проект программы партии ко II съезду РСДРП по предложению Ленина был выработан редакцией «Искры» и «Зари» и напечатан в № 21 «Искры» 1 июня 1902 года, а затем принят II съездом РСДРП в августе 1903 года. — *327.*

[121] Ленин приводит основное положение «Общего устава Международного Товарищества Рабочих» (I Интернационала), написанного К. Марксом (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 344). —*330.*

[122] Имеется в виду раскол в «Союзе русских социал-демократов за границей», происшедший на II съезде «Союза» в апреле 1900 года (Женева) между группой «Освобождение труда», являвшейся ядром «Союза», и примкнувшими к «Союзу» сторонниками «экономизма», так называемыми «молодыми». — *334.*

[123] Г. В. Плеханов, заявляя о том, что ему в 1895 году якобы «приказано» было «не стрелять» в П. Б. Струве (в данном случае он намекал на А. Н. Потресова), пытался этим оправдать свое примиренческое отношение к ревизионистским выступлениям «легальных марксистов». На деле же именно в 1895 году, во время пребывания В. И. Ленина в Женеве и Цюрихе, выявились разногласия по вопросу об отношении к либералам между В. И. Лениным и группой «Освобожде-

ние труда». Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод стояли на позициях поддержки российских либералов социал-демократами и осуждали Ленина за резкую критику либералов. «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом», — говорил В. И. Ленину Г. В. Плеханов. Ленин считал неправильным поведение Плеханова, который не только не критиковал либерально-буржуазные взгляды Струве, но взял его под свою защиту. — *337.*

[124] Ленин, по-видимому, имеет в виду статью П. Б. Струве «Еще о свободе и необходимости», напечатанную в 1897 году в № 8 журнала «Новое Слово». В. И. Ленин писал А. Н. Потресову 27 июня (9 июля) 1899 года: «Не понимаю только одного, как *мог* Каменский (Плеханов. *Ред.)* оставить без ответа статьи Струве и Булгакова в «Новом Слове» против Энгельса! Не объясните ли Вы мне этого?» (Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 21). — *337.*

[125] Речь идет о сборнике материалов и документов «Vademecum для редакции «Рабочего Дела»» (1900), в котором Г. В. Плеханов опубликовал вместе с другими документами три частных письма — бундовца Ц. М. Копельзона и одного из руководителей «экономистов» Е. Д. Кусковой. Ленин высоко оценивал политическое значение сборника «Vademecum», в котором Г. В. Плеханов объявлял беспощадную войну «экономизму». Ленин писал, что «Vademecum — это — вопль, прямо-таки вопль против пошлого экономизма, против «стыда и позора» социал-демократии... *вся суть* его брошюры — именно объявление войны «позорным» принципам «кредизма» и «кусковщины», именно принципиальный раскол» (Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 26, 27). — *337.*

[126] *«Наш третий»* — Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), который во время переговоров В. И. Ленина и А. Н. Потресова с группой «Освобождение труда» находился на юге России и приехал за границу в марте 1901 года. — *338.*

[127] По-видимому, имеется в виду Л. И. Аксельрод (Ортодокс), позднее меньшевичка, автор работ по вопросам философии. В «Заре» были напечатаны две ее статьи против ревизионистов (Н. А. Бердяева и П. Б. Струве). — *340.*

[128] *«Die Neue Zeit»* («Новое Время») — теоретический журнал германской социал-демократии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем — Г. Куновым. В журнале «Die Neue Zeit» был опубликован ряд статей К. Маркса и Ф. Энгельса. Энгельс постоянно помогал своими советами редакции журнала и резко критиковал ее за отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса,

журнал стал проводником оппортунистических взглядов, систематически печатал статьи ревизионистов. В годы первой мировой войны (1914—1918) занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов. — *340.*

[129] Имеются в виду бывшие члены «Союза русских социал-демократов за границей», которые после раскола на II съезде «Союза» в апреле 1900 года порвали с его оппортунистическим большинством и вошли в созданную вместе с группой «Освобождение труда» организацию «Социал-демократ». — *342.*

[130] *«Соблюсти аппарансы»* — соблюсти видимость приличия. — *351.*

[131] *N* — город Нюрнберг, где Ленин был проездом из Женевы в Мюнхен после совещания группы «Искра» с группой «Освобождение труда». — 552.

[132] *«Особое соглашение»,* очевидно, было написано позднее. В Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится следующий документ, вложенный в конверт с надписью Н. К. Крупской — «Документы, относящиеся к самому первому периоду. Договор об издании «Зари» и «Искры»»:

«1. Сборник «Заря» и газета «Искра» издаются и редактируются группой русских социал-демократов, при редакционном участии группы «Освобождение труда».

2. Все принципиальные и имеющие особенно серьезное значение статьи редакция сообщает, если это не невозможно по редакционно-техническим условиям, всем членам группы «Освобождение труда».

3. Члены группы «Освобождение труда» голосуют по всем редакционным вопросам, лично — при присутствии их в месте жительства редакции, письменно — при сообщении им статей.

4. В случае разногласия с группой «Освобождение труда» редакция обязуется напечатать целиком особое мнение группы или каждого ее члена в отдельности.

5. Опубликованию подлежит только первый пункт этого соглашения.

6 октября 1900 года».

Документ напечатан на машинке, заголовка и подписи не имеет. — *353.*

[133] *«Группа самоосвобождения рабочего класса»* — небольшая группа «экономистов», возникла в Петербурге осенью 1898 года и просуществовала несколько месяцев. Группа выпустила воззвание с изложением своих целей (датировано мартом 1899 года, напечатано в лондонском народ-

ническом журнале «Накануне» в июле 1899 года), устав и несколько прокламаций к рабочим. Критику воззрений этой группы Ленин дал во II главе книги «Что делать?». — *356.*

[134] Ленин приводит основное положение «Общего устава Международного Товарищества Рабочих» (I Интернационала), написанного К. Марксом (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Набранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 344). — *373.*

[135] *Речь Петра Алексеева* впервые была напечатана в 1877 году в Лондоне в журнале «Вперед!» (непериодическое обозрение). С тех пор она неоднократно переиздавалась нелегально и пользовалась широкой популярностью у рабочих России. — *377.*

[136] Речь идет о восстании в Индии, начавшемся в 1857 году. Восстание носило национально-освободительный характер; было подавлено английскими войсками в 1859 году. — *380.*

[137] *Англо-бурская война* (октябрь 1899 года — май 1902 года), колониальная, захватническая война Англии против двух южноафриканских республик — Трансвааля и Оранжевой, в результате которой последние потеряли самостоятельность, стали колониями Великобритании. — *380.*

[138] Ознакомившись со статьей В. И. Ленина «Раскол в Заграничном союзе русских социал-демократов», Г. В. Плеханов в письме к мюнхенской части редакции «Искры» просил внести в нее некоторые поправки, в частности, не касаться вопроса о заслугах «Рабочего Дела». Ленин 11 декабря 1900 года, отвечая женевской части редакции «Искры» (Аксельроду), писал: «Я внес желаемые Вами исправления, но не мог только выкинуть вовсе слова о заслугах «Рабочего Дела», — мне кажется, это было бы несправедливо по отношению к противнику, имеющему не только проступки перед социал-демократией» (Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 30). — *384.*

[139] *Пятый международный конгресс II Интернационала* происходил в Париже 23—27 сентября (н. ст.) 1900 года. Русская делегация была представлена 24 делегатами (в том числе 13 социал-демократами). Из шести мандатов на конгресс, имевшихся у группы «Освобождение труда», четыре мандата были получены через В. И. Ленина (три мандата от уральской группы «Социал-демократ», один мандат от уфимской организации). На конгрессе делегация социал-демократов разделилась на две части: большинство, во главе с Б. Н. Кричевским, и меньшинство, во главе с Г. В. Плехановым. По основному вопросу «Завоевание политической власти

и союзы с буржуазными партиями», связанному с вхождением А. Мильерана в контрреволюционное правительство Вальдека-Руссо, большинство голосовало за каучуковую резолюцию К. Каутского, меньшинство — Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Д. Кольцов — за резолюцию Ж. Геда, осуждавшую мильеранизм.

На Парижском конгрессе было принято решение о создании Международного социалистического бюро (МСБ) из представителей социалистических партий всех стран с местопребыванием секретариата в Брюсселе. По решению конгресса представители в МСБ, избранные делегациями, должны были утверждаться партийными организациями каждой страны; до такого утверждения они считались временными. — *385.*

140 *«Товарищ и друг»* П. Б. Струве — М. И. Туган-Барановский. — *387.*

141 Проект соглашения с П. Б. Струве был выработан в результате переговоров В. И. Ленина, В. И. Засулич и А. Н. Потресова с П. Б. Струве, начатых по инициативе А. Н. Потресова 29 декабря 1900 года (см. настоящий том, стр. 386— 388). Представители «легального марксизма» (в документе упоминаются как группа «демократической оппозиции» «Свобода») П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский были заинтересованы в создании за границей нелегального органа (предполагалось назвать его «Современное Обозрение»), выходящего параллельно с «Искрой» и «Зарей», но открыто не связанного с социал-демократией. Редакция «Искры» и «Зари» соглашалась участвовать в этом издании, рассчитывая на получение через П. Б. Струве политического материала и корреспонденций для «Искры», но ставила условием, чтобы новый орган выходил не чаще «Зари» как приложение к ней. В состав редакции «Современного Обозрения» должны были войти на основах равноправия редакция «Искры» и представители «демократической оппозиции» — Струве и Туган-Барановский.

В процессе переговоров выяснилось, что П. Б. Струве намеревается использовать редакцию «Искры» и «Зари» для обслуживания «Современного Обозрения», пытается превратить его в орган, конкурирующий с «Искрой» по объему, содержанию и периодичности. При выработке проекта соглашения Струве отверг пункт 7, предложенный группой «Искры» и «Зари», о полной свободе использования редакцией «Искры» всего политического материала, поступающего в «Современное Обозрение». Содержание переговоров с П. Б. Струве В. И. Ленин изложил в письме Г. В. Плеханову от 30 января 1901 года, решительно высказываясь за разрыв переговоров (см. Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 34— 36). По настоянию Г. В. Плеханова соглашение вступило

в силу; были подготовлены заявления о выходе «Современного Обозрения», написанные от «Искры» и «Зари» Г. В. Плехановым, от группы «демократической оппозиции» — П. Б. Струве. Однако это издание не осуществилось. Поводом послужил отказ издательства Дитца напечатать заявления, как не отвечающие требованиям цензуры (см. Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 43). Дальнейшие переговоры представителей «Искры» со Струве закончились полным разрывом. — *389.*

[142] Ленин цитирует слова полковника Скалозуба — персонажа комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (см. А. С. Грибоедов. Сочинения, 1956, стр. 114). — *392.*

[143] *Пытки «зеленой улицы»* — телесные наказания солдат, применявшиеся в армии крепостной России. Осужденного, привязанного к ружью, проводили «сквозь строй» солдат, которые избивали его палками или зелеными прутьями (шпицрутенами). Наказание особенно широко применялось при Николае I (1825—1855 годы). — *393.*

[144] *«Аннибалова клятва»* — образное выражение, означающее непреклонную решимость бороться до конца. Происходит от имени карфагенского полководца Аннибала, поклявшегося не прекращать борьбы с Римом до конца своей жизни. — *394.*

[145] Статьи: *«Бей, но не до смерти», «Зачем ускорять превратность времен?», «Объективная статистика»,* объединенные общим заголовком *«Случайные заметки»* написаны на основе газетных сообщений. Сведения об убийстве городовыми крестьянина Воздухова в полицейском участке, послужившие материалом для статьи «Бей, но не до смерти», были напечатаны в газете «Русские Ведомости», 1901 г., №№ 24 и 26 от 24 и 26 января. Заметки о двух судебных делах, упоминаемых В. И. Лениным в примечаниях (см. настоящий том, стр. 403, 413), были опубликованы в газетах «Московские Ведомости», 1901 г., № 31 от 31 января; «Русские Ведомости», 1901 г., № 32 от 1 февраля. Для статьи «Зачем ускорять превратность времен?» В. И. Ленин использовал материалы, опубликованные в «Санкт-Петербургских Ведомостях», 1900 г., № 285 от 17 октября и «Орловском Вестнике», г., № 273 от 11 октября. Для статьи «Объективная статистика» упоминаемые Лениным узаконения и распоряжения правительства взяты из газеты «Московские Ведомости», г., №№ 20—28 от 20—28 января. — *397.*

[146] Ленин цитирует статью Глеба Успенского «Федор Михайлович Решетников. (Биографический очерк)» (см. Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах, т. 9, 1957, стр. 59). — *415.*

[147] *«Вестник Финансов, Промышленности и Торговли»* — еженедельный журнал министерства финансов; выходил в Петербурге с ноября 1883 по 1917 год (до января 1885 года под названием «Указатель правительственных распоряжений по министерству финансов»). В журнале печатались правительственные распоряжения, экономические статьи и обзоры. — *422.*

[148] Статья *«Рабочая партия и крестьянство»* посвящена разработке аграрной программы РСДРП, которая от имени редакции «Искры» и «Зари» была опубликована летом 1902 года и принята II съездом РСДРП в 1903 году. — *429.*

[149] *Четвертной, или нищенский, надел* — одна четвертая часть так называемого «высшего» или «указного», т. е. установленного законом, крестьянского земельного надела данной местности во время проведения реформы 1861 года. Часть бывших крепостных крестьян получала от помещиков эти нищенские наделы даром (без выкупа). Поэтому четвертные наделы назывались также «дарственными» наделами, а получившие их крестьяне — «дарственниками». — *429.*

[150] *Временнообязанными крестьянами* назывались бывшие помещичьи крестьяне, которые и после отмены крепостного права в 1861 году были обязаны за пользование поземельным наделом нести повинности (оброк или барщину) до начала выкупа своего надела у помещика.

С момента заключения выкупной сделки крестьяне переставали быть «временнообязанными» и переходили в разряд «крестьян-собственников». — *430.*

[151] *Уставные грамоты* — акты, определявшие поземельные отношения временнообязанных крестьян с помещиками, в связи с отменой крепостного права в 1861 году. В уставной грамоте указывалось количество земли, которым пользовались крестьяне до реформы, и обозначались те земли и угодья, которые оставались у крестьян при «освобождении»; в грамоте перечислялись также повинности крестьян в пользу помещика. На основе уставных грамот определялся размер выкупных платежей с крестьян. — *430.*

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, ЦИТИРУЕМЫХ И УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ

[*] Звездочкой отмечены книги, на которых имеются пометки В. И. Ленина. Эти книги хранятся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

[1] Впервые опубликовано в Ленинском сборнике VII, стр. 16—18.

Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов. С примеч. Бентама и др. Пер. И. А. Бибиков. Т. 1—3. Спб., 1866. 3 т. — *50, 51, 68—69, 71.*

«Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате», Спб. — *423.*

— 1897, № 62, 13 июня, ст. 778, стр. 2135—2139. — *186, 221, 248, 285.*

— 1900, № 140, 29 декабря, ст. 2905—2926, стр. 6943—6946. — *423—428.*

— 1900, № 141, 31 декабря, ст. 2927—2929, стр. 6947—6960. — *423—428.*

— 1901, № 1, 2 января, ст. 1—5, стр. 3—8. — *423—428.*

— 1901, № 2, 5 января, ст. 6—13, стр. 5—36. — *423—428.*

— 1901, № 3, 9 января, ст. 14—60, стр. 37—44. — *423—428.*

— 1901, № 4, 12 января, ст. 61—66, стр. 45—46. — *423—428.*

«*Социал-Демократ»,* Лондон, 1890, кн. 1, февраль, стр. 88—175.— *259.*

— Женева, 1890, кн. 2, август, стр. 62—142. — *259.*

— Женева, 1890, кн. 3, декабрь, стр. 71—110. — *259.*

— Женева, 1892, кн. 4, стр. 144—194. — *259.*

Статистика Российской империи. I. Сборник сведений по России за 1884—1885 гг. Спб., изд. Центр. стат. ком. м-ва внутр. дел, 1887. XVIII, 313 стр.; 2 л. картогр. — *15.*

Статистический временник Российской империи. Серия II. Вып. VI. Материалы для статистики заводско-фабричной промышленности в Европейской России за 1868 год. Обр. И. Боком. Спб., изд. Центр, стат. ком. м-ва внутренних дел, 1872. LXXVIII, 427 стр. — *6, 11.*

[Струве, П. В.] Внутреннее обозрение. — «Начало», Спб., 1899, № 1—2, стр. 292—316. — *132.*

— *Еще о свободе и необходимости.* (Ответ на предыдущую статью С. Н. Булгакова). — «Новое Слово», Спб., 1897, № 8, май, стр. 200—208. — 5,37.

— *К вопросу о рынках при капиталистическом производстве.* (По поводу книги Булгакова и статьи Ильина). — «Научное Обозрение», Спб., 1899, № 1, стр. 46—64.— 67—57, *157.*

[Шкловский, И. В.] Дионео. Из Англии. — «Русское Богатство», Спб., 1899, № 2, стр. 118—140. — *112.*

Штейнберг, С. Новая книга об историческом материализме. — «Жизнь», Спб., 1899, № 3, стр. 358—371. — *206.*

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Начало 1886 г. — *74—75.*

— *Положение рабочего класса в Англии.* По собственным наблюдениям и достоверным источникам. Сентябрь 1844 г. — март 1845 г. — *293—294.*

— *Предисловие к немецкому изданию 1890 года* [«Манифеста Коммунистической партии»]. 1 мая 1890 г. — *330, 373.*

«Южный Край», Харьков. — *396.*

«Юридический Вестник», М., 1889, № 9, стр. 38—67. — *12, 15.*

Bernstein, E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, Dietz, 1899. X, 188 S. — *180, 199—210, 263, 303, 304, 324.*

Buch, L, Über die Elemente der politischen Ökonomie. T. 1. Intensität der Arbeit, Wert und Preis der Waren. Leipzig, Duncker u. Humblot, 1896. 240 S. — *203.*

Compte-Rendu des Séances du congrès national ouvrier tenu a Bruxelles les 5 et 6 avril 1885. Bruxelles, Maheu, 1885. [2], 59 p. — *306.*

Dühring, E. Kursus der National- und Sozialökonomie einschließlich der Hauptpunkte der Finanzpolitik. 2-te, teilweise umgearb. Aufl. Leipzig, Fues (R. Reisland), 1876. XII, 557 S. — *143.*

— *Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus.* 3-te Aufl. Leipzig, Fues (R. Reisland), 1879. XIV, 574 S. — *201.*

Engels, F. Die Differentialrente II. — Dritter Fall: Steigender Produktionspreis. — In: Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Bd. III, T. 2, Buch III: Der Gesamtprozeß der kapitalistischen Produktion. Kapitel XXIX bis LII. Hamburg, Meißner, 1894, S. 246—271. — *61.*

— *Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft.* 3-te durchges. und verra. Aufl. Stuttgart, Dietz, 1894. XX, 354 S. — *68.*

— *Vorwort* [zum 2-ten Band des «Kapitals» von K. Marx]. — In: Marx, K. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Bd. II. Buch II: Der Zirkulationsprozeß des Kapitals. Hrsg. von F. Engels. Hamburg, Meißner, 1885, S. III—XXIII. — *54.*

Final report of her majesty's commissioners appointed to inquire into the subject of agricultural depression. London, 1897. V, 370 p. (Royal commission on agriculture). — *121—122.*

The International working men's assotiation. Resolutions of the Congress of Geneva, 1866, and the Congress of Brussels, 1868. London, 1869. 15 p. — *170—171.*

Kärger, K. Die Sachsengängerei,. Auf Grund persönlicher Ermittelungen und statistischer Erhebungen. Berlin, Parcy, 1890. VIII, 284 S. — *137.*

**Kautsky, K. Die Agrarfrage.* Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie. Stuttgart, Dietz, 1899. VIII, 451 S. — *74, 88—94, 99—100, 101, 102—152, 236.*

— *Bernstein und das sozialdemokratische Programm.* Eine Antikritik. Stuttgart, Dietz, 1899. VIII, 195 S. — *199—210, 270—271, 304, 306.*

— *Finis Poloniae?* — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1895—1896, Jg. XIV, Bd. II, N 42, S. 484—491; N 43, S. 513—525. — *233—234.*

— *Karl Marx's Ökonomische Lehren.* Stuttgart, Dietz, 1887. X, 259 S. — *39—40.*

— *Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Sozial-demokratie.* Stuttgart, Dietz, 1893. VIII, 139 S. — *223—224.*

Kolb, G. Handbuch der vergleichenden Statistik der Völkerzuslands- und Staatenbunde. 7-te Aufl. Leipzig, Felix, 1875. XXIV, 886 S. — *207.*

Koenig, F. Die Lage der englischen Landwirtschaf i unter dem Drucke der internationalen Konkurrenz der Gegenwart und Mittel und Wege zur Besserung derselben. Jena, Fischer, 1896. XI, 445 S. — *147.*

Labriola, A. A propos du livre de Bernstein. [Une lettre à Lagardelle 15 avril 1899]. — «Le Mouvement Socialiste», Paris, 1899, N 8, 1 mai, p. 453—458. — *199.*

Lehmann, C. u. Parvus. Das hungernde Rußland. Reiseeindrücke, Beobachtungen und Untersuchungen. Stuttgart, Dietz, 1900. V, 536 S. — *421.*

Luxemburg, R. Neue Strömungen in der polnischen sozialistischen Bewegung in Deutschland und Österreich. — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1895—1896, Jg. XIV, Bd. II, N 32, S. 176— 181; N 33, S. 206—216. — *233—234.*

— *Der S ozialpatriotismus in Polen.* — In: «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1895—1896, Jg. XIV, Bd. II, N 41, S. 459—470. — *233—234.*

Marx, K. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 3-te Aufl. Hamburg, Meißner, 1885. VI, 108 S. — *231—232.*

— *Aus der «kritischen Geschichte».* [Kapitel X aus der Arbeit F. Engels': Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft]. — In: Engels, F. Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. 3-te durchges. und verm. Aufl. Stuttgart, Dietz, 1894, S. 243—273. — *68.*

— *Das Kapital.* Kritik der politischen Ökonomie. Bd. I. Buch I: Der Produktionsprozeß des Kapitals. Hamburg, Meißner, 1867. XII, 784 S. — *201, 202.*

— *Das Kapital.* Kritik der politischen Ökonomie. Bd. I. Buch I: Der Produktionsprozeß des Kapitals. 2-te Aufl. Hamburg, Meißner, 1872. 830 S. — *68—69, 71.*

*— *Das Kapital.* Kritik der politischen Ökonomie. Bd. II. Buch II: Der Zirkulationsprozeß des Kapitals. Hrsg. von F. Engels. Hamburg, Meißner, 1885. XXVII, 526 S. — *46—47, 48, 49, 60, 51, 64, 68—69, 71, 79.*

— *Das Kapital.* Kritik der politischen Ökonomie. Bd. III. T. 1. Buch III: Der Gesamtprozeß der kapitalistischen Produktion. Kapitel I bis XXVIII. Hrsg. von F. Engels. Hamburg, Meißner, 1894. XXVIII, 448 S. — *46—47, 48, 49, 53—54, 160—161.*

*— *Das Kapital.* Kritik der politischen Ökonomie. Bd. III. T. 2. Buch III: Der Gesamtprozeß der kapitalistischen Produktion. Kapitel XXIX bis LII. Hrsg. von F. Engels. Hamburg, Meißner, 1894. IV, 422 S. — *42, 49, 53—54, 61, 71—72, 80, 107, 145.*

— *Die Rezension des Buches:* Le Socialisme et l'impôt. Par Emile de Girardin. Paris, 1850. — In: «Neue Rheinische Zeitung», London, 1850, Hft. 4, April, S. 48—61. — *129.*

Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. Berlin, verl, der Exped. des «Vorwärts»..., 1891. 368 S. — *218, 279, 220, 223, 224, 234.*

Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokralischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Hannover vom 9. bis 14. Oktober 1899. Berlin, verl.: Expedition der Buchhandlung Vorwärts, 1899. 304 S. — *183, 265.*

Ramsay, G. An essay on the distribution of wealth. Edinburgh— London, Black, 1836. XIII, 506 p. — *71.*

Resolutions of First Congress assembled at Geneva. September, 1866. — In: The International working men's association. Resolutions of the Congress of Geneva, 1866, and the Congress of Brussels, 1868. London, 1869, p. 3—9. — *170—171.*

«Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe», Köln. — 207.

Quesnay, F. Tableau économique. First print, in 1758 and now reprod. in facs. for the Britich economic association. London, 1894. VIII, XII, 6 p. — *68.*

Sering, M. Die innere Kolonisation im östlichen Deutschland. Leipzig, Duncker u. Humblot, 1893. IX, 330 S. (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. LVI). — *125, 129.*

Sombart, W. Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahrhundert. Bern, Steiger, 1897. 86 S. (Ethisch-sozialwissenschaftliche Vortragskurse, veranstaltet von den ethischen Gesellschaften in Deutschland, Österreich und der Schweiz, hrsg. von der Schweizerischen Gesellschaft für ethische Kultur. (Züricher Reden). Bd. IV). — *156.*

«Vorwärts», Leipzig — Berlin. — *197.*

Wolf, J. Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung. Kritische Würdigung beider als Grundlegung einer Sozialpolitik. Stuttgart, Gotta, 1892. XIX, 620 S. — *201.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

позицию. Поддерживал Парижскую Коммуну, с парламентской трибуны разоблачал колониальную политику кайзеровской Германии. Талантливый публицист и прекрасный оратор Бебель оказал значительное влияние на развитие германского и европейского рабочего движения. В 90-х годах выступил против реформизма и ревизионизма, в защиту марксистской теории от искажения и опошления ее Э. Бернштейном и его сторонниками. Ленин считал речи Бебеля против бернштейнианцев «образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно-социалистический характер рабочей партии» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 268).

В последний период своей деятельности Бебель допустил ряд ошибок центристского характера (недостаточная борьба с оппортунистами, переоценка значения парламентских форм борьбы и др.). — *265, 268.*

Бельтов, Н. — см. Плеханов, Г. В.

Бём-Баверк (Böhm-Bawerk), *Евгений* (1851—1914) — буржуазный экономист, один из представителей так называемой «австрийской школы» в политэкономии. При обосновании своей концепции исходил из субъективно-психологической теории предельной полезности, утверждал, будто прибыль вытекает из разницы «субъективных оценок» настоящих и будущих: благ, а не является результатом эксплуатации рабочего класса. Прикрывая противоречия капитализма, угнетение труда капиталом, Бём-Баверк стремился отвлечь внимание рабочего класса от необходимости революционной борьбы. Его реакционные воззрения используются буржуазией для защиты капитализма. — *203, 204.*

Бернштейн (Bernstein), *Эдуард* (1850—1932) — лидер крайнего оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик ревизионизма и реформизма. С 1881 по 1890 год — редактор нелегального центрального органа германской социал-демократии «Der Sozial-Demokrat» («Социал-Демократ»). В 1896—1898 годах опубликовал в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время») серию статей под общим заголовком «Проблемы социализма», собранных затем в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899), где открыто выступил с ревизией философских, экономических и политических основ революционного марксизма. Бернштейн отрицал марксистскую теорию классовой борьбы, учение о неизбежности краха капитализма, о социалистической революции и диктатуре пролетариата. «О революции пролетариата оппортунист разучился и думать», — говорил В. И. Ленин, имея в виду Бернштейна (Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 400).

Единственной задачей рабочего движения Бернштейн объявлял борьбу за реформы, направленные на «улучшение» экономи-

В

с помощью государственного законодательства. Активно сотрудничал с Бисмарком, был одним из главарей христианско-социалистической партии. Реакционные экономические воззрения Вагнера были использованы гитлеровцами в их «социалистической» демагогии и восхвалении фашистского государства.

Основные работы Вагнера: «Общее или теоретическое учение о народном хозяйстве» (1879), «Основы политической экономии» (1892—1894). — *39.*

Вальян (Вайян), (Vaillant), *Эдуард Мари* (1840—1915) — французский социалист, последователь Бланки, один из вождей левого крыла II Интернационала, член Исполнительной комиссии Парижской Коммуны и Генерального совета I Интернационала. Являлся одним из инициаторов образования Социалистической партии Франции (1901). В 1905 году после объединения Социалистической партии с реформистской французской партией Жореса, Вальян по важнейшим вопросам занимал оппортунистическую позицию. В годы империалистической войны — социал-шовинист. — *268.*

Вебб (Webb), *Беатриса* (1858—1943) и *Сидней* (1859—1947) — известные английские общественные деятели. Вместе написали ряд работ по истории и теории английского рабочего движения. Главная из них «Industrial Democracy» (в России издана под заглавием «Теория и практика английского тред-юнионизма»). Первый том этой работы был переведен, а перевод второго тома отредактирован В. И. Лениным. Книга вышла в России в 1900— 1901 годах. В своих трудах Веббы доказывали возможность разрешить рабочий вопрос путем реформ в условиях буржуазного строя.

Сидней Вебб (впоследствии лорд Пасфилд) — один из основателей реформистского «Фабианского общества», член парламента (1922—1929), министр торговли в 1924 году и министр доминионов и колоний (1929—1931). В период первой мировой войны Веббы стояли на социал-шовинистических позициях. В 1932 году совершили поездку по СССР, относились к Советской стране с большой симпатией. Их работы «Советский коммунизм: новая цивилизация?» (1935) и «Правда о Советской России» (1942) освещают исторические успехи и героизм советского народа. — *153.*

Вейтлинг (Weitling), *Вильгельм* (1808—1871) — видный деятель рабочего движения Германии в период его зарождения, один из теоретиков утопического «уравнительного» коммунизма; по профессии портной. Активный деятель «Союза справедливых», автор книги «Гарантии гармонии и свободы» и др. Взгляды Вейтлинга, по словам Энгельса, сыграли положительную роль «в качестве первого самостоятельного теоретического движения германского пролетариата», однако со времени возникновения научного коммунизма они стали тормозить развитие классового

Г

вместе с П. П. Масловым, А. А. Саниным, В. И. Португаловым и др. был руководителем ежедневной газеты «Самарский Вестник». Наиболее известная работа Гвоздева — «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение». — *55, 56, 59.*

Гегель (Hegel), *Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — крупнейший немецкий философ — объективный идеалист, идеолог немецкой буржуазии. Философия Гегеля являлась вершиной немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX в. Исторической заслугой Гегеля является глубокая и всесторонняя разработка идеалистической диалектики, которая послужила одним из теоретических источников диалектического материализма. Согласно Гегелю, весь естественный, исторический и духовный мир находится в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии; однако объективный мир, действительность рассматривается им как порождение абсолютного духа, абсолютной идеи. В. И. Ленин назвал абсолютную идею теологической выдумкой идеалиста Гегеля. Для философии Гегеля характерно глубокое противоречие между диалектическим методом и консервативной, метафизической системой, которая по существу требовала прекращения развития. По социально-политическим воззрениям Гегель был реакционером.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, критически переработав диалектический метод Гегеля, создали материалистическую диалектику, которая отражает наиболее общие законы развития объективного мира и человеческого мышления.

Главные произведения Гегеля: «Феноменология духа» (1806), «Наука логики» (1812—1816), «Энциклопедия философских наук» (1817), «Философия права» (1821). Посмертные издания: «Лекции по истории философии» (1833—1836) и «Лекции по эстетике, или философия искусства» (1836—1838). — *201.*

Геркнер (Herhner), *Генрих* (1863—1932) — буржуазный немецкий экономист, профессор, вице-президент «Союза социальной политики». — *307.*

Герценштейн, М. Я. (1859—1906) — экономист, профессор Московского сельскохозяйственного института, член I Государственной думы, один из лидеров кадетов — главной партии русской буржуазии и ее теоретик по аграрному вопросу. Убит черносотенцами в Финляндии после роспуска I Государственной думы. — *53,*

Гладстон (Gladstone), *Уильям Юарт* (1809—1898) — английский политический и государственный деятель, прошедший в течение своей карьеры путь от крайнего торизма к либерализму. Будучи канцлером казначейства (министром финансов) (1852— 1855, 1859—1866) и премьер-министром (1868—1874, 1880—1885, 1886, 1892—1894), Гладстон провел некоторые реформы, которые

Д

Е

Ж

З

И

К

чивости» мелкого крестьянского хозяйства, идеализируя земельную общину как форму, способную якобы предотвратить дифференциацию крестьянства. Выступал против марксизма также по вопросу о роли и значении классовой борьбы, проповедуя классовый мир. В. И. Ленин в ряде своих работ, особенно в «Развитии капитализма в России», дал резкую критику взглядов Каблукова. В 1917 году Каблуков участвовал в работе Главного земельного комитета при буржуазном Временном правительстве. После Великой Октябрьской социалистической революции работал в Центральном статистическом управлении (ЦСУ), вел преподавательскую и литературную работу. — *105, 112, 129—130.*

Кант (Kant), *Иммануил* (1724—1804) — немецкий философ, профессор Кёнигсбергского университета. Главная работа — «Критика чистого разума» появилась в 1781 году. «Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений» (В. И. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм»). Стремление вернуться к Канту или примирить Маркса с Кантом всегда было характерно для ревизионистов. — *74, 75.*

Карышев, Н. А. (1855—1905) — экономист и статистик, земский деятель. С 1891 года профессор Юрьевского (Тартуского) университета, затем Московского сельскохозяйственного института. Сотрудничал в газете «Русские Ведомости», в журналах «Земство», «Русское Богатство» и др.; автор многих книг и журнальных статей по вопросам экономики крестьянского хозяйства России, в которых защищал взгляды либеральных народников. В. И. Ленин в ряде своих трудов и выступлений резко критиковал реакционные воззрения Карышева. — *1—2, 5, 7, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22—24, 25—27, 28—29, 32.*

Каутский (Kautsky), *Карл* (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, вначале марксист, позднее ренегат марксизма, идеолог одного из оппортунистских течений в рабочем движении — центризма (каутскианства). В социалистическом движении Каутский начал участвовать с 1874 года. В то время его политические воззрения представляли смесь лассальянства, неомальтузианства и анархизма. В 1881 году он знакомится с К. Марксом и Ф. Энгельсом и под их влиянием переходит к марксизму, однако уже в этот период Каутский проявлял колебания и шатания в сторону оппортунизма, за что его резко критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 80—90-е годы Каутский написал ряд работ по отдельным вопросам марксистской теории: «Экономическое учение Карла Маркса» (1887), «Аграрный вопрос» (1899) и др., которые, несмотря на ошибки, допущенные в них, сыграли положительную роль в пропаганде марксизма.

был депутатом рейхстага от буржуазной «прогрессистской» партии; автор ряда работ в области права и философии. — *50.*

Кобеляцкий, А. И. (1862—1907) — составитель справочников по фабричному законодательству, товарищ министра путей сообщения. Ему принадлежит «Справочная книга для чинов фабричной инспекции, фабрикантов и заводчиков» (1897). — *7,13.*

Кольб (Kolb), *Георг Фридрих* (1800—1884) — немецкий статистик, публицист. В 1848 году — член германского парламента, с 1863 года — член баварской палаты депутатов; автор книги «Руководство по сравнительной статистике положения народа и изучения государства» (1875). — *207.*

Корсак, А. К. (1832—1874) — русский экономист и публицист, автор книги «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России» (1861). — *41.*

Кричевский, Б. Н. (1866—1919) — русский социал-демократ, публицист, один из лидеров «экономизма». С конца 80-х годов участвовал в работе социал-демократических кружков в России; в начале 90-х годов эмигрировал; за границей примкнул к группе «Освобождение труда», принимал участие в ее изданиях. Вскоре отошел от группы «Освобождение труда». В конце 90-х годов становится одним из руководителей «Союза русских социал-демократов за границей», редактором органа Союза «Рабочее Дело». После II съезда РСДРП никакой роли в социал-демократическом движении не играл. — *385.*

Л

Лабриола (Labriola), *Антонио* (1843—1904) — итальянский литератор и философ; в конце 80-х годов отошел от буржуазной идеологии и стал марксистом. В 1895 году Лабриола издал книгу «Памяти «Манифеста Коммунистической партии»». Эта книга и вышедшая в 1896 году книга «Об историческом материализме» составили первые две части «Очерков материалистического понимания истории». Анализ «Очерков» дал Г. В. Плеханов в статье «О материалистическом понимании истории» (см. Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в пяти томах, т. II, 1956, стр. 236—266).

В своих работах Лабриола изложил основы материалистического понимания истории, подверг резкой критике реакционную философию Гартмана, Ницше, Кроче, выступал против буржуазных критиков марксизма и ревизионистов. — *199.*

Лассаль (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей

М

Н

О

П

ликвидаторов, возглавил группу «меньшевиков-партийцев». Во время первой мировой войны 1914—1918 годов стоял на позициях социал-шовинизма. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года Плеханов вернулся в Россию, поддерживал буржуазное Временное правительство; к Великой Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно. — *75, 183, 245, 251, 253—254, 259, 311—312, 334, 337—340, 341—344, 345, 346—347, 348—349, 350—351, 352, 360, 365,384,385.*

Победоносцев, К. П. (1827—1907) — реакционный государственный деятель царской России, обер-прокурор синода, фактический глава правительства и главный вдохновитель разнузданной крепостнической реакции в царствование Александра III, продолжавший играть крупную роль и при Николае II. В течение всей жизни вел упорную борьбу с революционным движением. Был решительным противником буржуазных реформ 60-х годов, сторонником неограниченного самодержавия, врагом науки и просвещения. Во время подъема буржуазно-демократической революции в октябре 1905 года был вынужден подать в отставку и отошел от политической деятельности. — *229—230.*

Постников, В. Е. (1844—1908) — экономист-статистик, служил в министерстве земледелия и государственных имуществ по устройству казенных земель, член Вольного экономического общества. Автор книги «Южнорусское крестьянское хозяйство» (1891). В. И. Ленин анализирует книгу Постникова в своих работах «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «По поводу так называемого вопроса о рынках» (см. Сочинения, 5 изд., том 1, стр. 1—122), «Развитие капитализма в России» (см. Сочинения, 5 изд., том 3). Высоко оценивая книгу Постникова, В. И. Ленин подчеркивал, что в объяснении хозяйственных процессов у автора имелись противоречия и методологические ошибки. — *118.*

Потресов, А. Н. (Арсеньев) (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. В 90-е годы примкнул к марксистам. За участие в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» был сослан в Вятскую губернию. В 1900 году уехал за границу, принимал участие в создании «Искры» и «Зари». После II съезда РСДРП — меньшевик. В годы реакции — идеолог ликвидаторства, играл руководящую роль в меньшевистских органах «Возрождение», «Наша Заря» и др. Во время первой мировой войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал; за границей выступал в печати с нападками на Советскую власть. — *334, 338, 339— 346, 347—350, 386—387, 388.*

Прокопович, С. Н. (1871—1955) — буржуазный экономист и публицист, видный представитель «экономизма», один из первых проповедников бернштейнианства в России. Активный член ли-

Р

Решетников, Ф. М. (1841 —1871) — русский писатель-демократ; особенную известность приобрела напечатанная в «Современнике» его повесть «Подлиповцы», отражающая страшную жизнь уральских крестьян и камских бурлаков. В других произведениях Решетникова «Горнорабочие», «Глумовы» и др. впервые в русской литературе изображена жизнь рабочих Урала, их изнурительный труд, высокие моральные качества, первые стихийные попытки протеста против эксплуататоров. — *415, 416.*

Рид (Read), *Клэр Сюал* (1826—1905) — английский экономист, специалист в области сельского хозяйства. Член парламента в 1865—1880, 1884, 1885 годах. — *121.*

Рикардо (Ricardo), *Давид* (1772—1823) — выдающийся английский экономист, автор работ «Начало политической экономии и налогового обложения» (1817), «О покровительстве земледелию» (1822) и др. трудов, в которых нашла завершение классическая буржуазная политическая экономия.

Выступая в защиту интересов буржуазии в ее борьбе с остатками феодализма, Рикардо отстаивал принцип свободной конкуренции, требовал устранения всех ограничений, тормозивших развитие капиталистического производства. Историческое значение Рикардо для экономической науки заключается прежде всего в его теории трудовой стоимости, которую он стремился положить в основу всей политической экономии. Развивая теорию стоимости А. Смита, Рикардо доказал, что стоимость определяется трудом, затраченным на производство товара, и из этого источника возникают как заработная плата рабочего, так и нетрудовые доходы — прибыль и рента. Он открыл противоположность между заработной платой рабочего и прибылью капиталиста, т. е. обнаружил столкновение интересов пролетариата и буржуазии в сфере обращения.

Однако классовая ограниченность Рикардо помешала ему дать подлинно научный анализ капитализма, раскрыть тайну капиталистической эксплуатации. Рикардо считал товарное производство вечной и естественной формой общественного производства. Он не вскрыл социальной природы стоимости, не видел разницы между стоимостью и ценой производства и не мог понять происхождения и сущности денег.

Критика теоретических взглядов Рикардо дана К. Марксом в «Капитале», «Теориях прибавочной стоимости» и др. произведениях. — *41, 51, 52, 71—72, 76.*

Родбертус-Ягецов (Rodbertus-Jagetzow), *Иоганн Карл* (1805— 1875) — немецкий вульгарный экономист, крупный прусский землевладелец, один из теоретиков «государственного социализма». Родбертус считал, что противоречия между трудом и капиталом могут быть разрешены с помощью ряда реформ, проведенных прусским юнкерским государством; рассчитывал

С

Т

причины и влияние на народную жизнь» (1894), «Русская фабрика в прошлом и настоящем», т. I (1898) и др. — *16, 22, 44—45, 46, 47, 48, 49—61, 52, 67—68, 83, 132, 160, 339.*

У

Успенский, Г. И. (1843—1902) — выдающийся русский писатель и публицист, революционный демократ. Сотрудничал в журналах «Современник» и «Отечественные Записки». В своих произведениях с большим мастерством изобразил угнетение и бесправие городской бедноты и крестьянства, горе и нужду народа, эксплуатируемого помещиками и буржуазными хищниками. Вопреки своим народническим взглядам, реалистически показал развитие капиталистических отношений в деревне, разрушение общины. В. И. Ленин высоко ценил Успенского, считал его одним «из лучших писателей, описывавших крестьянскую жизнь», в своих работах часто ссылался на его произведения. — *113, 415.*

Ф

Ф. П. — см. Ленин, В. И.

Ч

Чернышевский, Н. Г. (1828—1889) — великий русский революционный демократ, ученый, писатель, литературный критик; один из выдающихся предшественников русской социал-демократии. Чернышевский был идейным вдохновителем и вождем революционно-демократического движения 60-х годов в России. Будучи социалистом-утопистом, он считал возможным переход к социализму через крестьянскую общину, но в то же время, как революционный демократ, «умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 97). Редактируемый им журнал «Современник» был голосом революционных сил России. Чернышевский выступал с гневным разоблачением крепостнического характера «крестьянской» реформы 1861 года, призывал крестьян к восстанию. В 1862 году он был арестован царским правительством и заключен в Петропавловскую крепость, где пробыл около двух лет, а затем был приговорен к семи годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибирь. Только на склоне лет Чернышевский был освобожден из ссылки. До конца своих дней он оставался страстным борцом против социального неравенства, против всех проявлений политическою и экономического гнета.

Огромны заслуги Чернышевского в области развития русской материалистической философии. Его философские взгляды были вершиной всей домарксовской материалистической философии. Материализм Чернышевского носил революционный, действенный характер. Чернышевский резко критиковал различные идеалистические теории и стремился переработать диалектику Гегеля в материалистическом духе.

В области политической экономии, эстетики, истории Чернышевский показал образцы диалектического подхода к изучению действительности. К. Маркс, изучавший произведения Чернышевского, очень высоко целил их и называл Чернышевского великим русским ученым. Ленин писал о Чернышевском, что он «единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма... Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, — отмечал Ленин, — в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (Сочинения, 4 изд., том 14, стр. 346).

Перу Чернышевского принадлежит целый ряд блестящих произведений в области философии, политической экономии, истории, этики, эстетики. Его литературно-критические произведения оказали огромное влияние на развитие русской литературы и искусства. На романе Чернышевского «Что делать?» (1863) воспитывалось не одно поколение революционеров в России и за границей. — *254, 258, 259, 264—265.*

Э

Энгельгардт, А. Н. (1832—1893) — публицист, народник, известен своей общественно-агрономической деятельностью и опытом организации рационального хозяйства в своем имении Батищево, Смоленской губернии. В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» дал характеристику хозяйства Энгельгардта, показывая на его примере всю утопичность народнических теорий. Энгельгардт — автор печатавшихся в журнале «Отечественные Записки» писем «Из деревни» (вышли отдельным изданием в 1882 году) и ряда других работ по вопросам сельского хозяйства; был редактором первого русского «Химического Журнала» (1859—1860). — *113.*

Энгельс (Engels), *Фридрих* (1820—1895) — один из основоположников научного коммунизма, вождь и учитель международного пролетариата, друг и соратник К. Маркса (см. статью В. И. Ленина «Фридрих Энгельс». Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 1 — 14). — *42, 54, 61, 68, 74—75, 143, 170, 182, 183, 201, 202, 204, 208, 209, 244—245, 247, 259, 293—294, 329—330, 358.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА

(1898 — апрель 1901 года)

1898

Январь, 4 (16).	Ленин, находясь в ссылке в Сибири, в селе Шушенском, сообщает матери, Марии Александровне Ульяновой, о предполагаемом приезде в Шушенское Надежды Константиновны Крупской. В этом же письме Ленин запрашивает М. Т. Елизарова, передано ли В. А. Ионову о том, чтобы он известил Г. Брауна (редактора и издателя журнала «Архив Социального Законодательства и Статистики») о согласии Ленина на перевод одной из своих работ (какой, не установлено).
Январь, 8 (20).	Ленин в телеграмме директору департамента полиции просит разрешить Н. К. Крупской отбывать ссылку в селе Шушенском.
Ранее 24 января (5 февраля).	Ленин пишет два письма Н. Е. Федосееву, организатору и руководителю первых марксистских кружков в Казани, отбывавшему ссылку в Верхоленске (Сибирь).
Январь, 24 (февраль, 5).	Ленин запрашивает Анну Ильиничну Ульянову-Елизарову о возможности издания сборника его статей отдельной книгой. В дальнейшем сборник получил название «Экономические этюды и статьи».
Между 7 и 14 (19 и 26) февраля,	Ленин пишет рецензию на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки».
Февраль, 18 (март, 2).	Ленин посылает М. Т. Елизарову свою статью «К характеристике экономического романтизма.

Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» с внесенными в нее некоторыми исправлениями для напечатания в сборнике.

Конец февраля — 16 (28) августа. Ленин переводит том I книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма», делает ряд подстрочных примечаний к русскому переводу.

Май, 7 (19). Приезд к В. И. Ленину в с. Шушенское Надежды Константиновны Крупской и ее матери Елизаветы Васильевны Крупской.

Май, 10 (22). Ленин подает прошение минусинскому окружному исправнику о высылке ему необходимых документов для вступления в брак с Н. К. Крупской.

Конец мая. Поездка В. И. Ленина и Н. К. Крупской из Шушенского в Минусинск. Ленин и Крупская участвуют в совещании ссыльных народовольцев и социал-демократов, состоявшемся в связи с побегом политического ссыльного социал-демократа С. Г. Райчина.

Весна — лето. Ленин ведет переписку с матерью М. А. Ульяновой по поводу ее приезда в с. Шушенское. Поездка не состоялась ввиду ареста Дмитрия Ильича Ульянова.

Июнь, 30 (июль, 12). Ленин пишет прошение енисейскому губернатору об ускорении выдачи свидетельства, необходимого для вступления в брак с Н. К. Крупской.

Июль, 10 (22). Брак В. И. Ленина с Н. К. Крупской.
Ленин переезжает с квартиры крестьянина А. Д. Зырянова на квартиру крестьянки П. А. Петровой.

Июль, 14 (26). Ленин получает письмо от Я. М. Ляховского с извещением о смерти Н. Е. Федосеева.

Август, 9 (21). Ленин вчерне заканчивает работу над книгой «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности».

Август, 10—12 (22—24). Ленин находится в Минусинске, куда он приехал для лечения.

Август, 12 (24).	Ленин из Минусинска пишет прошение енисейскому губернатору о разрешении ему поездки на одну неделю в Красноярск для лечения.
Август, ранее 26 (7 сентября).	Ленин пишет статью «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике. Новые статистические подвиги проф. Карышева».
Сентябрь, 2 (14).	Ленин, получив известие о выступлении Г. В. Плеханова в заграничной печати против Э. Бернштейна и К. Шмидта, в письме А. Н. Потресову высказывается за настоятельную необходимость выступления Г. В. Плеханова против неокантианства в русской печати.
Сентябрь, 9—25 (сентябрь, 21 — октябрь, 7).	Поездка Ленина в Красноярск. Ленин живет у ссыльного социал-демократа П. А. Красикова, работает в библиотеке Г. В. Юдина, встречается с красноярскими социал-демократами.
Между 9 и 15 (21 и 27) октября.	В России выходит первый сборник произведений Ленина «Экономические этюды и статьи» за подписью: Владимир Ильин.
Октябрь, 11 (23).	Поездка В. И. Ленина и Н. К. Крупской в деревню Ивановка Минусинского уезда на сахарный завод к ссыльному социал-демократу В. К. Курнатовскому, который работал там инженером-химиком.
Ноябрь, 1 (13).	К Ленину приехал на три дня Г. М. Кржижановский, отбывавший ссылку в Минусинске. Ленин в письме к М. А. Ульяновой просит А. И. Ульянову-Елизарову при ее поездке в Петербург договориться об издании книги «Развитие капитализма в России».
Ноябрь, 11 (23).	В письме М. И. Ульяновой в Брюссель Ленин просит посылать ему номера газет со стенографическими отчетами о прениях в парламентах, а также книжные каталоги букинистов и книжных магазинов на всех языках.
Ноябрь, 15 (27).	Ленин в письме к родным сообщает о том, что он читал отчет о Штутгартском съезде германской социал-демократии, опубликованный в

	«Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская Газета»). Ленин интересуется работой М. Т. Елизарова в вечерне-воскресных школах для рабочих.
Ноябрь, 22 (декабрь, 4).	Ленин в письме А. И. Ульяновой-Елизаровой просит выписать для нею на 1899 год журналы: «Русское Богатство», «Мир Божий», «Нива», «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik» («Архив Социального Законодательства и Статистики») и газеты: «Русские Ведомости», «Frankfurter Zeitung».
Осень.	В Женеве выходит брошюра Ленина «Задачи русских социал-демократов».
Декабрь, 6 (18).	Ленин в письме А. И. и М. Т. Елизаровым просит присылать ему печатные отзывы о сборнике «Экономические этюды и статьи».
Декабрь, 24—январь, 2 (январь, 5—14) 1899 г.	Поездка В. И. Ленина и Н. К. Крупской в Минусинск. Ленин принимает участие в собрании ссыльных марксистов, съехавшихся из разных пунктов Минусинского округа.
Вторая половина года.	Ленин переписывается с Я. М. Ляховским по поводу сбора средств среди социал-демократов для установки памятника на могиле Н. Е. Федосеева.
Зима 1898—1899 года.	Ленин в письме Л. Мартову (Ю. О. Цедербауму) сообщает о том, что петербургская газета «Рабочая Мысль» замалчивает задачи политической борьбы, а также, что «молодые» члены «Союза русских социал-демократов за границей» — «экономисты» ведут систематический поход против группы «Освобождение труда».
1898—1899 годы.	Ленин переписывается с находившимся в ссылке социал-демократом Ф. В. Ленгником по вопросам философии, решительно выступая против субъективного идеализма в защиту философских взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса. Ленин оказывает помощь юридическими консультациями крестьянам села Шушенского и прилегающей округи.

1899

Январь, 26 (февраль, 7),	Ленин в письме А. Н. Потресову отмечает, что в своей статье «От какого наследства мы отказываемся?», говоря об идейном «наследстве» 60-х годов XIX века, он ссылался на представителя буржуазного либерализма Скалдина лишь по цензурным соображениям. В действительности же главным представителем указанного «наследства» считает Н. Г. Чернышевского.
Январь, 30 (февраль, 11).	Ленин закончил подготовку к печати книги «Развитие капитализма в России». Книга была написана в результате исследования и использования большого количества различных литературных работ и источников: книг, статистических справочников, обзоров, статей на русском и иностранных языках.
Между 30 января и 3 февраля (11 и 15 февраля).	Ленин пишет рецензию на книгу Р. Гвоздева «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение».
Январь.	В журнале «Научное Обозрение» № 1 напечатана статья Ленина «Заметка к вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова)».
Между 3 и 7 (15 и 19) февраля.	Ленин пишет рецензию на книгу Парвуса «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис» (перевод с немецкого).
Между 15 и 18 февраля (27 февраля и 2 марта).	Ленин в письме ссыльному социал-демократу В. В. Старкову сообщает о своем намерении написать рецензию на книгу Розы Люксембург (по-видимому, на кн. «Социальная реформа или революция?»).
Февраль, ранее 21 (5 марта).	Ленин пишет рецензию на книгу «Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов».
Февраль, 24 (март, 8).	К Ленину приезжают Г. М. и З. П. Кржижановские, В. В. Старков и др.
Февраль — начало марта.	Ленин пишет конспект книги: K. Kautsky. «Die Agrarfrage». Stuttgart, Dietz, 1899 (К. Каутский. «Аграрный вопрос». Штутгарт, Дитц, 1899).

Первая половина марта.	Ленин пишет статью «Еще к вопросу о теории реализации», направленную против попытки П. Б. Струве ревизовать теорию реализации Маркса.
Март, ранее 21 (2 апреля).	Ленин пишет рецензию на книгу: K. Kautsky. «Die Agrarfrage».
Между 24 и 31 марта (5 и 12 апреля).	Выходит из печати книга Ленина «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» за подписью: Владимир Ильин.
Март.	В № 3 журнала «Начало» публикуются первые шесть параграфов III главы «Развития капитализма в России» под заголовком «Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим в современном русском земледелии».
Ранее апреля.	В Женеве выходит брошюра Ленина «Новый фабричный закон».
Между 4 (16) апреля и 9 (21) мая.	Ленин пишет две статьи под общим заголовком «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)».
Апрель, 27 (май, 9).	Ленин в письме А. Н. Потресову дает резко отрицательную оценку статьям «легального марксиста» С. Н. Булгакова, выступившего под видом критики книги К. Каутского «Аграрный вопрос» (см. «Начало», 1899, № 1—2, № 3) с ревизией марксизма.
Апрель.	Ленин пишет рецензию на книгу Гобсона «Эволюция современного капитализма».
Май, 1 (13).	Ленин и Н. К. Крупская вместе с ссыльными рабочими — О. А. Энгбергом, И. Л. Проминским и его семьей отмечают 1 Мая.
Май, 2 (14).	Обыск и допрос Ленина в с. Шушенском в связи с тем, что полиция установила факт переписки Ленина с ссыльными социал-демократами (в частности, с Я. М. Ляховским по вопросу о памятнике на могиле Н. Е. Федосеева).
Май, ранее 29 (10 июня).	Ленин пишет статью «Ответ г. П. Нежданову», направленную против ревизионизма.

Весна — лето.	Ленин вновь ведет переписку с М. А. Ульяновой по поводу ее приезда в с. Шушенское вместе с А. И. Ульяновой-Елизаровой. Поездка не состоялась в связи с болезнью М. А. Ульяновой.
Июнь, 18 (30).	Ленин получает известие от А. Н. Потресова о ревизионистских выступлениях среди петербургских социал-демократов.
Ранее 20 июня (2 июля).	К Ленину приезжают А. А. и Д. В. Ванеевы и П. Н. и О. Б. Лепешинские.
Июнь, 20 (июль, 2).	Ленин в письме Д. И. Ульянову одобряет выступление Г. В. Плеханова против Бернштейна.
Июнь, 27 (июль, 9).	Ленин в письме А. И. Потресову пишет о необходимости создания за границей ортодоксальных марксистских органов («3-го рода литературы») для борьбы с «экономизмом» и ревизионизмом.
Июль.	Ленин через сестру А. И. Ульянову-Елизарову получает в письме, написанном химическим способом, манифест «экономистов» («Credo»).
Август, 1 (13).	К Ленину приезжают М. А. и О. А. Сильвины.
Между 7 и 22 августа (19 августа и 3 сентября).	Ленин организует в с. Ермаковском совещание политических ссыльных — марксистов Минусинского округа для обсуждения манифеста «экономистов». Предварительное совещание, посвященное обсуждению «Credo», происходило на квартире П. Н. и О. Б. Лепешинских. Окончательное заседание, на котором 17 политических ссыльных марксистов приняли написанный Лениным «Протест российских социал-демократов», состоялось на квартире А. А. Ванеева.
Август, 22 (сентябрь, 3).	В письме М. И. Ульяновой Ленин просит прислать газеты с отчетами о Ганноверском съезде германской социал-демократии, в повестке дня которого стоял вопрос: «Нападения на основные взгляды и тактику партии», в связи с ревизионистскими выступлениями Э. Бернштейна.

Позднее 22 августа (3 сентября).	Ленин посылает Л. Мартову (Ю. О. Цедербауму) копии «Credo» «экономистов» и «Протеста», принятого на совещании ссыльных социал-демократов Минусинского округа.
Лето.	Ленин усиленно занимается вопросами философии: перечитывает произведения Плеханова, изучает французских материалистов, а также философов идеалистов, неокантианцев. Ленин и Н. К. Крупская приезжают в с. Тесинское, посещают ссыльного социал-демократа, рабочего А. С. Шаповалова; Ленин в беседе с Ф. В. Ленгником по философским вопросам решительно высказывается против неокантианства.
Сентябрь, 1 (13).	Ленин в письмо М. А. Ульяновой подвергает резкой критике книгу Э. Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», просит М. И. Ульянову прислать номера «Sächsische Arbeiter-Zeitung» («Саксонская Рабочая Газета»), в которых была напечатана статья Г. В. Плеханова «За что нам его благодарить? Открытое письмо Карлу Каутскому», направленная против Э. Бернштейна и против примиренческого отношения к нему Каутского.
Сентябрь, 9—15 (21—27).	В переводе Ленина выходит из печати том I книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма».
Сентябрь, 10 (22).	Ленин в с. Ермаковском присутствует на похоронах погибшего в ссылке члена петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» А. А. Ванеева и произносит речь над его могилой.
Начало сентября — январь, 19 (февраль, 1) 1900 г.	Ленин вместе с Н. К. Крупской работает над присланным из Петербурга русским переводом II тома книги С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма», редактирует перевод (значительную часть текста переводит заново), пишет ряд подстрочных примечаний.
Октябрь, 13 (25).	«Протест российских социал-демократов», написанный В. И. Лениным, получен в Женеве Г. В. Плехановым и сдан в набор для № 4—5 «Рабочего Дела».

Октябрь, ранее 17 (29).	К Ленину в Шушенское приезжает В. К. Курнатовский.
Октябрь, 17(29).	Ленин в письме М. А. Ульяновой сообщает о получении нового французского журнала «Le Mouvement Socialiste» («Социалистическое Движение»), который вышел под редакцией Ж. Лонге.
Октябрь, 27 (ноябрь, 8).	Ленин пишет прошение енисейскому губернатору о принятии мер для своевременной выдачи пособия, полагающегося ему по закону, как политическому ссыльному.
Октябрь, 31 (ноябрь, 12).	Ленин пишет письмо доктору С. М. Арканову с просьбой посетить заболевшего товарища по ссылке О. А. Энгберга.
Не ранее октября.	Ленин принимает предложение ЦК Бунда сначала о редактировании «Рабочей Газеты», признанной I съездом РСДРП официальным органом партии, а затем о сотрудничестве в ней. Ленин пишет три статьи для «Рабочей Газеты»: «Наша программа», «Наша ближайшая задача», «Насущный вопрос», а также «Письмо к редакторской группе» об условиях сотрудничества в газете и тематике статей.
Декабрь (н. ст.).	Написанный Лениным «Протест российских социал-демократов» выходит в Женеве отдельным оттиском из № 4—5 «Рабочего Дела». Редакция «Рабочего Дела» издала «Протест» без ведома Г. В. Плеханова и снабдила его послесловием, в котором заявляла, что взгляды «экономистов» являются уклонением отдельных личностей и опасности для социал-демократии не представляют.
Конец года.	Ленин пишет рецензию на книгу: K. Kautsky. «Bernstein und sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik» (К. Каутский. «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика»); вместе с Н. К. Крупской переводит книгу на русский язык. Ленин пишет статьи: «Проект программы нашей партии», «Попятное направление в русской социал-демократии», «О промышленных судах», «О стачках».

	Ленин пишет рецензию на книгу С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования».
1899 год.	Ленин подробно разрабатывает план издания за границей общерусской нелегальной марксистской газеты, сообщает об этом плане Л. Мартову (Ю. О. Цедербауму) и А. Н. Потресову.
Конец 1899 или начало 1900 года.	Ленин пишет статью «По поводу «Profession de foi»».

1900

Январь — март.	Ленин пишет статью «Некритическая критика (По поводу статьи г-на П. Скворцова «Товарный фетишизм» в № 12 «Научного Обозрения» за 1899 г.)».
Январь, 29 (февраль, 11).	Конец срока ссылки Ленина.
	Ленин и Н. К. Крупская выезжают из села Шушенского в Европейскую Россию. В связи с запрещением проживать в столичных, университетских городах и крупных рабочих центрах Ленин выбирает местом жительства Псков — город, наиболее удобный для сношений с Петербургом.
Первая половина февраля.	Проездом из Сибири Ленин останавливается в Уфе, где Н. К. Крупская остается до окончания срока своей ссылки. Ленин встречается с ссыльными уфимскими социал-демократами (А. Д. Цюрупой, А. И. Свидерским и др.).
Середина февраля.	Ленин нелегально приезжает в Москву и останавливается у своих родных.
Февраль, 17 (март, 1).	Ленин встречается с социал-демократом инженером Г. Б. Красиным.
Февраль, 19 (март, 3).	Ленин узнает от представителя Екатеринославского комитета И. Х. Лалаянца о подготовке к созыву II съезда РСДРП, получает предложение принять участие в нем, а также в редактировании «Рабочей Газеты».
Февраль, ранее 26 (10 марта).	Ленин вместе с И. Х. Лалаянцем посещает Художественный театр, смотрит пьесу Г. Гауптмана «Возчик Геншель».

	Ленин нелегально останавливается в Петербурге, встречается с приехавшей в Россию В. И. Засулич и ведет с ней переговоры об участии группы «Освобождение труда» в издании за границей общерусской марксистской газеты и научно-политического журнала.
Февраль, 26 (март, 10).	Ленин приезжает в Псков, где за ним учреждается негласный надзор полиции.
Март, 10 (23).	Ленин пишет прошение директору департамента полиции о разрешении Н. К. Крупской отбывать срок гласного надзора в Пскове вместо Уфимской губернии. Просьба была отклонена.
Весна — лето.	Ленин устанавливает связь с социал-демократическими группами и отдельными социал-демократами в разных городах России, ведет переговоры и переписку о содействии с их стороны будущей «Искре».
Весна.	Ленин берет работу в губернском статистическом управлении; посещает городскую библиотеку, где встречается с местными социал-демократами. Ленин принимает участие в собраниях местной революционной и оппозиционной интеллигенции, выступает с критикой ревизионизма. Ленин договаривается с социал-демократами (А. М. Стопани, И. И. Радченко, Н. Н. Лоховым и др.) об организации группы содействия газете «Искра». Ленин категорически отказывается от предложения редакции газеты «экономистов» «Рабочая Мысль» сотрудничать в ней ввиду принципиального несогласия с ее направлением. Ленин пишет доклад от группы «Искра» предполагавшемуся II съезду РСДРП и получает мандат на съезд от группы «Освобождение труда».
Конец марта — апрель, ранее 4 (17).	Ленин вырабатывает проект заявления редакции о программе и задачах общерусской политической газеты («Искры») и научно-политического журнала («Зари»).

	Ленин проводит совещание революционных марксистов с «легальными марксистами» (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский) по вопросу о их содействии изданию «Искры» и «Зари» («Псковское совещание»). На совещании обсуждался предложенный Лениным «Проект заявления редакции «Искры» и « Зари»».
Конец марта или апрель, ранее 4 (17).	Ленин выезжает нелегально в Ригу для установления связей с местными социал-демократами.
Не позднее 6 (19) апреля.	Ленин посылает в редакцию журнала «Научное Обозрение» примечание к статье «Некритическая критика», направленное против статей П. Б. Струве в журнале «Жизнь» (№ 10 за 1899 г. и № 2 за 1900 г.) и Туган-Барановского в журнале «Научное Обозрение» (№ 5 за 1899 г. и № 3 за 1900 г.). Статья Ленина с примечанием напечатана в «Научном Обозрении» за май — июнь 1900 г.
Апрель, 6 (19).	Ленин в письме М. А. Ульяновой сообщает о своей работе над указателем к книге С. и Б. Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма».
Позднее 6 (19) апреля.	Ленин делает пометки и критические замечания на книге И. Давыдова «Что же такое экономический материализм? Критико-методологический очерк» в связи с искажением автором философского материализма Маркса.
Апрель, 20 (май, 3).	Ленин пишет прошение директору департамента полиции о разрешении прожить полтора месяца в Уфе в связи с болезнью Н. К. Крупской. В просьбе В. И. Ленину было отказано; позднее разрешение было получено по ходатайству М. А. Ульяновой.
Май, 5 (18).	Ленин получает заграничный паспорт для поездки в Германию.
Май, 20 (июнь, 2).	Ленин приезжает нелегально в Петербург для встречи с местными социал-демократами и установления способов сношений после отъезда за границу.

Май, 21 (июнь, 3).	Арест Ленина в Петербурге.
Май, 23 (июнь, 5).	Допрос Ленина в петербургском охранном отделении.
Май, 31 (июнь, 13).	Ленин освобожден из-под ареста и в сопровождении полицейского чиновника отправлен в Подольск.
Июнь, 1—7 (14—20).	Ленин живет у своих родных в Подольске (под Москвой). В Подольск по приглашению Ленина приезжают социал-демократы (П. Н. Лепешинский, С. П. и С. П. Шестернины и др.), с которыми Ленин договаривается о содействии газете «Искра».
Июнь, 7 (20).	Отъезд Ленина в Уфу к Н. К. Крупской через Нижний Новгород (ныне Горький) вместе с М. А. Ульяновой и А. И. Ульяновой-Елизаровой.
Июнь, 8 или 9 (21 или 22).	Ленин договаривается с нижегородскими социал-демократами о поддержке ими «Искры» и о способах связи.
Июнь, 15 (28).	Ленин приезжает в Уфу.
Июнь, вторая половина.	Ленин в Уфе договаривается с местными ссыльными социал-демократами о содействии «Искре».
Июль, позднее 2 (15).	Ленин выезжает из Уфы в Подольск.
Между 2 и 10 (15 и 23) июля,	Ленин останавливается в Самаре (ныне Куйбышев), где договаривается с местными социал-демократами о содействии «Искре». Ленин останавливается в Сызрани с целью привлечения местных социал-демократов к поддержке издания «Искры».
Июль, 10 (23).	Ленин возвращается в Подольск.
Июль, 13 или 14 (26 или 27).	В. И. Ленин в Смоленске встречается с И. В. Бабушкиным и В. Н. Розановым. Ленин договаривается с И. В. Бабушкиным о шифре для конспиративных сношений.

Июль, 16 (29).	Ленин выезжает за границу.
Начало августа.	Двухдневное пребывание Ленина в Цюрихе и беседы с П. Б. Аксельродом об издании «Искры» и «Зари». Переговоры Ленина с Г. В. Плехановым в Женеве об издании «Искры» и «Зари»; разногласия с Плехановым в связи с обсуждением ленинского проекта заявления «От редакции», а также по вопросам организации работы редакции. В Бельриве (близ Женевы) Ленин участвует в совещании с Г. В. Плехановым, А. Н. Потресовым, В. И. Засулич, Н. Э. Бауманом и Ю. М. Стекловым по вопросу о программе «Искры» и «Зари».
Август, 11—15 (24—28).	Ленин участвует в совещании с группой «Освобождение труда» в Корсье (близ Женевы) по вопросу об издании и совместном редактировании «Искры» и «Зари».
Август, 15 (28).	Ленин выезжает из Женевы в Мюнхен.
Август, 20 (сентябрь, 2) и позднее.	Ленин записывает обстоятельства, сопровождавшие переговоры с Плехановым об издании «Искры» («Как чуть не потухла «Искра»?»).
Август, 22—24 (сентябрь, 4—6).	Ленин, находясь в Нюрнберге проездом в Мюнхен, ведет переговоры с германским социал-демократом А. Брауном об организационно-технической помощи изданию «Искры».
Август, 23 (сентябрь, 5) и ранее 2 (15) сентября,	Ленин в письмах неизвестному русскому социал-демократу категорически отклоняет соглашение с «Союзом русских социал-демократов за границей», организацией «экономистов».
Август, позднее 23 (5 сентября).	Ленин пишет заявление редакции «Искры».
Август, 24 (сентябрь, 6).	Ленин выезжает из Нюрнберга в Мюнхен.
Вторая половина августа.	Ленин пишет письмо Ю. М. Стеклову с критическими замечаниями на статью Д. Б. Рязанова «Замечания на программу «Рабочего Дела»».

Конец августа.	Ленин составляет проект договора группы «Искры» с группой «Освобождение труда» по вопросу об издании «Искры» и «Зари» и о взаимоотношениях групп в редакции этих органов. Ленин посылает в Женеву группе «Освобождение труда» четыре мандата на Международный социалистический конгресс в Париже: три от уральской группы «Социал-демократ» и один от социал-демократической организации Уфы, руководящую роль в которой играли Н. К. Крупская, А. Д. Цюрупа и др.
Август.	Ленин изучает материалы и документы «Союза русских социал-демократов за границей» в связи с расколом в «Союзе». Ленин отказывается от сотрудничества в «Рабочей Мысли» (издание которой было перенесено за границу), предложенного ему и Г. В. Плеханову К. М. Тахтаревым с целью побудить их отказаться от намерения издавать «Искру».
Между августом и декабрем.	Ленин встречается с жившим в Мюнхене польским революционером Юлианом Мархлевским, который оказывает помощь в организации издания «Искры».
Сентябрь, 23 (октябрь, 6).	Ленин принимает участие в выработке особого соглашения о взаимоотношениях внутри редакции «Искры» и «Зари», обеспечивающего права группы «Освобождение труда» при решении редакционных вопросов.
Сентябрь.	Ленин в письме Н. К. Крупской сообщает об обстоятельствах раскола внутри «Союза русских социал-демократов за границей». Ленин поступает в Мюнхене на курсы английского языка.
Между 27 сентября и 5 октября (10 и 18 октября),	Выходит из печати отдельным листком написанное Лениным «Заявление редакции «Искры»». Заявление пересылается в Россию для распространения среди социал-демократических организаций и рабочих.

Между 27 сентября (10 октября) и 11 (24) декабря,	Ленин ведет переписку с членом редакции «Искры» П. Б. Аксельродом по вопросу подготовки к печати первого номера газеты «Искра» и журнала «Заря».
Сентябрь — октябрь.	Ленин работает над статьей «Китайская война», используя из газет материалы, отражающие внутреннее положение страны.
Сентябрь — февраль 1901 г.	Ленин переписывается с социал-демократической группой «Борьба» (Д. Б. Рязанов, Ю. М. Стеклов и В. Даневич) по вопросу о формах литературного сотрудничества членов этой группы с «Искрой» и «Зарей».
Между 5 (18) октября и 3 (16) ноября.	Ленин редактирует брошюру «Майские дни в Харькове» и пишет к ней предисловие.
Октябрь, 13 (26).	Ленин в письме А. А. Якубовой от имени группы «Искры» решительно отказывается от приглашения сотрудничать в органе «экономистов» «Рабочая Мысль».
Октябрь, 20 (ноябрь, 2).	Ленин в письме в Лондон В. П. Ногину сообщает о возможности организовать его нелегальный переход через границу с целью распространения «Искры» и установления связей с отдельными комитетами и группами в России. «Мы возлагаем на Ваше сотрудничество большие надежды, — писал В. И. Ленин, — особенно в деле непосредственных связей с рабочими в разных местах».
Октябрь, 24 (ноябрь, 6).	Ленин в письме М. И. Ульяновой из Мюнхена сообщает, что занимается изучением немецкого языка, посещает библиотеку.
Октябрь, 27 (ноябрь, 9).	Ленин в письме Г. В. Плеханову сообщает о посылке ему статен Потресова и др. для № 1 журнала «Заря».
Октябрь — начало ноября.	Ленин пишет статью «Насущные задачи нашего движения» (передовая статья в № 1 «Искры»).
Ноябрь, не позднее 25 (8 декабря).	Ленин пишет статью «Раскол в заграничном Союзе русских социал-демократов».

Ноябрь.	Ленин ведет переписку с корреспондентами с мест, редактирует заметки и статьи, подготовляет к набору первый номер «Искры».
Конец ноября.	Ленин организует подготовку и выпуск первого номера журнала «Заря» в Штутгарте.
Между 1 и 10 (14 и 23) декабря.	Поездка Ленина из Мюнхена в Лейпциг для окончательного редактирования первого номера «Искры».
Декабрь, 10 (23).	Ленин возвращается из Лейпцига в Мюнхен.
Декабрь, 11(24).	Ленин в письме П. Б. Аксельроду сообщает о том, что первый номер «Искры» набран и должен выйти в свет.
Первая половина декабря 1900 года.	Ленин в письме Н. К. Крупской просит прислать перевод книги К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа», сделанный им в ссылке, предполагая издать его за границей. Перевод в это время находился в Астрахани, по-видимому, у Л. М. Книпович.
Между 16 (29) декабря 1900 и серединой февраля 1901 года.	Ленин принимает участие в переговорах редакции «Искры» и «Зари» с приехавшим в Мюнхен П. Б. Струве (представитель группы «демократической оппозиции» «Свобода») по вопросу о формах совместной издательской деятельности за границей. Ленин пишет проект соглашения группы «Искры» и «Зари» с группой «Свобода», определяющий взаимоотношения этих групп при издании общеполитического приложения к «Заре» под названием «Современное Обозрение». Поскольку в процессе переговоров П. Б. Струве пытается использовать марку социал-демократического издательства в интересах либеральной буржуазии, Ленин настаивает на разрыве переговоров.
Декабрь, 16 (29).	Ленин, вернувшись с совещания представителей редакции «Искры» и «Зари» с П. Б. Струве, записывает ход переговоров.
Ранее 21 декабря 1900 (3 января 1901).	Ленин переводит статью Г.-М. Гайндмана «Социализм, тред-юнионизм и политическая борьба», полученную от автора через члена петербургской группы «Рабочее знамя» В. П. Ногина.

Декабрь, 21 (3 января 1901 г.). Ленин в письме В. П. Ногину сообщает о том, что не может принять предложение М. В. Смирнова (члена группы «Рабочее знамя») об издании своего перевода книги К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа», так как намеревается напечатать его в издании «Искры»; запрашивает В. П. Ногина, не согласится ли группа «Рабочее знамя» финансировать это издание хотя бы частично.

Конец декабря. Выходит первый номер общерусской нелегальной марксистской газеты «Искра» со статьями Ленина: «Насущные задачи нашего движения» (передовая), «Китайская война» и «Раскол в заграничном Союзе русских социал-демократов».

Конец 1900— начало 1901 года. Ленин просматривает и готовит для напечатания в «Искре» ряд корреспонденции, в том числе о положении рабочих и рабочем движении (в Петербурге, Москве, Риге, на Урале, в Красноярске, Екатеринославе, Одессе, Киеве), о студенческом движении (в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове), а также ряд обличительных документов (в том числе секретный документ о запрещении синодом панихид в случае смерти Л. Н. Толстого).

1901

Январь — март. Под руководством Ленина развертывают работу группы содействия «Искре» и ее агенты в России (Петербурге, Москве, Пскове, Полтаве, Самаре, юге России и др.).

Январь, 11 (24). Ленин в письме В. П. Ногину сообщает о посылке ему первого номера «Искры», просит прислать отзыв о нем, запрашивает о согласии взять на себя постоянную функцию по перевозке литературы в Россию.

Январь, 17 (30). Ленин в письме к Г. В. Плеханову подробно излагает содержание переговоров с П. Б. Струве о совместном издании нелегального органа, решительно высказываясь за разрыв переговоров.

Январь. Ленин пишет статью «Отдача в солдаты 183-х студентов».

Конец января — начало февраля.	Ленин пишет три статьи: «Бей, но не до смерти», «Зачем ускорять превратность времен?» и «Объективная статистика» под общим заголовком «Случайные заметки».
Первая половина февраля.	Выходит второй номер «Искры», в котором напечатана статья Ленина «Отдача в солдаты 183-х студентов».
Февраль, 15—20 (февраль, 28— март, 5).	Поездка Ленина в Прагу и Вену для организации приезда Н. К. Крупской за границу. В Праге Ленин знакомится с чешским социал-демократом Ф. Модрачеком, через которого пересылалась корреспонденция из России и в Россию.
Февраль, позднее 19 (4 марта).	Ленин пишет статью «Рабочая партия и крестьянство».
Конец февраля — первая половина марта.	Ленин ведет переговоры с вызванным из Полтавы социал-демократом Л. И. Гольдманом о создании в Кишиневе нелегальной типографии «Искры».
Март, 7 (20).	Ленин в письме П. Б. Аксельроду сообщает, что написанное им заявление редакции для номера первого журнала «Заря» отвергнуто издательством Дитца, ввиду ссылок в нем на выходившую нелегально «Искру».
Март, 10 (23).	Выходит первый номер журнала «Заря» с тремя статьями Ленина, объединенными заголовком «Случайные заметки».
Март, 24 (апрель, 6).	Ленин в письме В. П. Ногину благодарит его за обстоятельный отзыв о первом номере «Зари».
Март.	Департамент полиции устанавливает, что во главе «Искры» стоит В. И. Ленин, и 26 марта (8 апреля) предлагает минскому генерал-губернатору «установить наблюдение за распространением газеты, проникающей через пограничные пункты».
Апрель, 2 (15).	Ленин в письме Г. В. Плеханову предлагает выступить с критикой сборника «На славном мосту», посвященного 40-летию Н. К. Михай-

ловского; Ленин предполагает выступить против статьи В. Чернова, Плеханову советует подвергнуть критике статьи С. Н. Южакова и М. Рафаилова.

Апрель, 6 (19). Ленин в письме К.-Я. Брантингу (редактору органа шведской с.-д. партии — «Sociai-Demokraten») просит от имени редакции «Зари» помочь установить связи со шведскими и финскими социал-демократами с целью получения от них литературного материала в «Зарю» и «Искру» о политическом положении в Финляндии, о борьбе финнов против деспотизма царского самодержавия.

Апрель, 8 (21). Ленин пишет письмо Г. В. Плеханову о необходимости проведения в ближайшее время совещания редакции «Искры» и «Зари».

Апрель, 12 (25). Ленин выдвигает перед группой «Освобождение труда» план объединения русских революционных социал-демократических организаций в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии».

Апрель, 14 (27). Ленин в письме агенту «Искры» Л. Н. Радченко сообщает о работе заграничной группы «Искры», направленной к тому, «чтобы русская организация «Искры» охватывала как можно больше людей и мест», а также о нежелательности в данный момент созыва II съезда РСДРП, который пыталось предпринять «Рабочее Дело» помимо организации «Искры».

Середина апреля. Приезд в Мюнхен Н. К. Крупской.

Ленин в письме С. И. Радченко сообщает о выходе в свет двух первомайских листков: листка «Искры» и листка «Первое мая», изданного редакцией «Искры» от имени нескольких южных комитетов, а также от имени организации «Южного рабочего» и «Искры». Ленин в письме М. Г. Вечеслову в Берлин дает указание направить чемодан с первомайскими листками в Петербург (через Псков).

Апрель, 19 (май, 2). Выходит третий номер «Искры», в котором напечатана статья Ленина «Рабочая партия и крестьянство».

Между 24 и 29 апреля (7 и 12 мая).

Ленин участвует в совещании редакции «Искры» и «Зари», на котором обсуждается содержание № 2—3 журнала «Заря», выдвинутый Лениным план организации «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» и ее примерный устав, а также предложение группы «Борьба» об объединении всех русских социал-демократических организаций за границей.

Апрель, 29 (май, 12),

В письме группе «Борьба» Ленин от имени редакции «Искры» дает согласие на возобновление переговоров об объединении заграничных организаций российской социал-демократии и на созыв предварительной конференции представителей от всех социал-демократических организаций.

СОДЕРЖАНИЕ

* Звездочкой отмечены заголовки, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. *Ред.*

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати
Н. И. Крутиковой и С. Ф. Буточниковой
при участии *И. М. Бутуловой*

Редакторы *К. А. Остроухова* и *В. Я. Зевин*

Указатель имен подготовлен
Т. М. Зеленовым

Указатель литературы подготовлен
Н. Д. Шахновской

*

Оформление художника *Н. Н. Симагина*

Технический редактор *Н. Н. Лебедева*

Корректоры *Н. А. Жигальцова* и *М. М. Шустерман*

*

Подписано к печати с матриц 21 декабря 1966 г.
Формат 84 X *108 $^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 18 $^{1}/_{4}$ + 4 вклейки*
$^{7}/_{8}$ печ. листа. Условн. печ. л. 30,66. Учетно-
изд. л. 29, 7. Тираж 120 тыс. экз. (245001—365000).
Зак. № 494. Бумага № 1. Цена 65 коп.

*

Издательство политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская площадь, 7.

*

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская
типография № 1 «Печатный Двор» имени
А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров СССР,
г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

*

Цветные вклейки отпечатаны на Ленинградской
фабрике офсетной печати № 1, Кронверкская, 7.